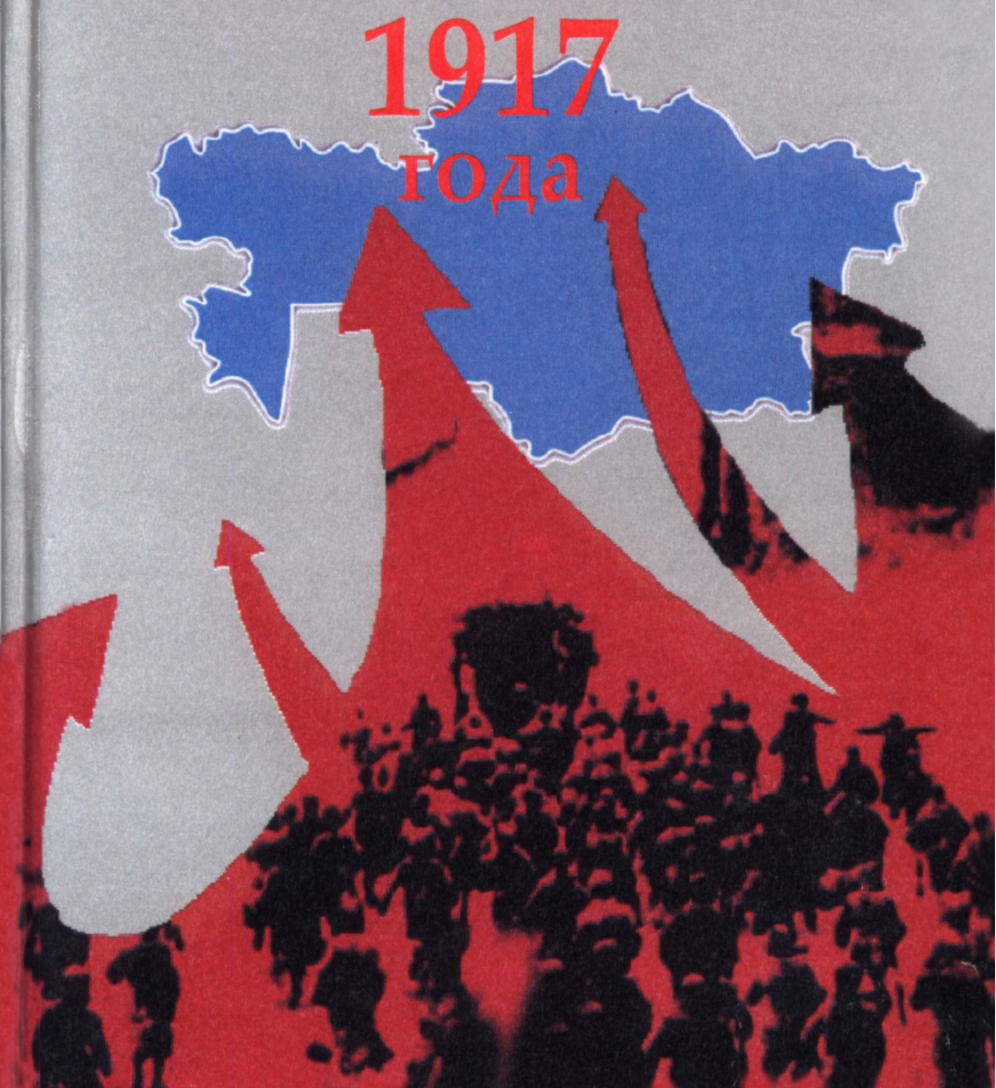
М.К. Койгелдиев
Б.О.Жангуттин
Б.А. Есеркемисова

КАЗАХСТАН В РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЯХ 1917 года

М.К. Койгелдиев, Б.О. Жангуттин,
Б.А. Есеркемисова

КАЗАХСТАН В РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЯХ 1917 ГОДА

Алматы
«Алаш» баспасы»
2011

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Каз)
К 59

Министерство связи и информации
Республики Казахстан
Комитет информации и архивов
Выпущено по программе
«Издание социально-важных видов литературы»

Койгелдиев М.К. и др.
К 59 **Казахстан в российских революциях 1917 года** / Койгелдиев М.К., Жангуттин Б.О., Есеркемисова Б.А. – Алматы: «Алаш» баспасы», 2011. – 384 с.

ISBN 9965-669-98-8

Российские революции 1917 г. оказали влияние на социально-экономическое и историческое развитие Казахстана. Был нарушен установившийся уклад жизни миллионов людей. Бывшая окраина Российской империи, Казахстан претерпел тектонические сдвиги в своем развитии.

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Каз)

ISBN 9965-669-98-8

ПРЕДИСЛОВИЕ

Достижение государственной независимости республики в значительной степени способствовало возрождению национального самосознания людей, усилению роли социально-прогнозируемой функции исторической науки. Указанное предполагает необходимость научно-аналитического освоения и своеобразной экспертизы, прежде всего, созидательного исторического опыта казахского народа /1/. Это не удивительно, поскольку по характеру перемен и остроте ситуации революционные месяцы 1917 г. близки нашему времени. Именно тогда впервые в истории Казахстана сложилось народовластие, и начался интенсивный поиск адекватной системы управления. Спрессованный временем отрезок Февральской революции включил в себя уникальный опыт введения местного самоуправления, поиска новых форм взаимодействия органов власти, политического плюрализма.

Академик М.К. Козыбаев в своих работах указывает на необходимость преодоления мифологии в изучении отечественной истории, в том числе мифа об отрицании реальностей Февральской революции 1917 г., сокрытие ее благих деяний и противопоставление Октябрьской революции /2/, и замечание его более чем справедливо. Чрезмерная идеологизация общественной и научной жизни в период монокоммунистического диктата наложила свой отпечаток на проблемы изучения истории Февральской революции, обусловив однобокий подход к различным ее проблемам, привела к замалчиванию многих сторон общественной жизни в этот период. Многие ученые, пытавшиеся объективно исследовать важнейшие аспекты рассматриваемой проблемы, вынуждены были отречься от своих убеждений в условиях преобладания догматического подхода в исторических исследованиях. Признанный авторитетный ученый, академик П.В. Волобуев, характеризуя историографическую ситуацию, вынужден был

признать, что «Февральской революции в отечественной, да и зарубежной историографии не повезло, несмотря на наличие фундаментальных монографий... Сегодня мы со всей откровенностью можем сказать, что в осмыслении феномена Февральской революции еще многое предстоит сделать» /3/. В период Февральской революции Временное правительство в осуществлении своей программы впервые столкнулось с разными глубокими, противоречивыми тенденциями. Можно с уверенностью утверждать, что главная особенность внутренней политики Временного правительства состояла именно в дихотомии, в столкновении абсолютно полярных процессов и тенденций, часто взаимоисключающих друг друга.

Проблема получила свое освещение в трудах Ф. Маликова, М.К. Козыбаева, К.Н. Нурпеисова, М. Койгельдиева, Ж.К. Касымбаева. Исследование Ф. Маликова /4/ посвящено Февральской революции 1917 г. Несомненным достоинством работы является вовлечение в научный оборот архивного материала, ценной постановкой проблем. Автор в своем исследовании дает картину социально-экономического положения Казахстана накануне Февральской революции, приводит анализ ситуации в период борьбы за власть в Казахстане, аграрной политики Временного правительства. Вместе с тем, исследование, написанное в условиях господства методологии, в основу которой был положен классово-социальный подход ко всем явлениям жизни общества, разрабатывалось по запрограммированной идеологической схеме и не может быть признано объективным. Исследования М.К. Козыбаева представляют исключительный интерес, как с точки зрения методологии исследования, постановки научных проблем, так и с точки зрения новейших подходов к исследованиям истории Февральской революции /5/. Монографические исследования К.Н. Нурпеисова ценны для тем, что автор впервые в исторической литературе не только восстановил подлинную историю казахской национальной интеллигенции, ввел в научный оборот объективные данные о Советах. Его исследования имеют важное значение для разработки ранее запрещенных тем, в том числе проблематики алашского движения /6/. Близкой по тематике является монография М. Койгельдиева [7]. Наибольший интерес для нас представляют идеи, богатый фактологический материал авто-

ра, посвященные деятельности комиссаров Временного правительства, казахских комитетов. Монография Ж.К. Касымбаева /8/ показывает широкую картину (социально-экономическую, политическую) развития одного из крупных интеллектуальных центров Казахстана – Семипалатинска. В исследовании приведены уникальные документы, посвященные деятельности лидеров казахской интеллигенции М. Дулатова, А. Байтурсынова, А. Букейханова. Автор достаточно объективно раскрывает историю образования областного исполнительного комитета, объединенных общественных организаций, приводит их партийный состав.

В монографии П.М. Пахмурного, В.К. Григорьева /9/ проблеме Февральской революции посвящена первая глава. Авторы особое внимание обратили на анализ социального облика Казахстана в феврале 1917г., обосновали роль тыловиков в революции. В целом, приходят к выводу о том, что ход Февральской революции в областных центрах свидетельствует о том, что в той или иной форме там утверждается двоевластие /10/.

В дальнейшем В.К. Григорьев отходит от своих взглядов. Это наиболее четко проявилось в его цикле политических портретов (А. Букейханов, А. Каратаев и др.). Так, в статье, посвященной А. Букейханову, автор вполне справедливо отмечает, что новая интеллигенция находилась под сильным влиянием либеральных и социалистических идей запада. По его мнению, образование, полученное лидерами казахской интеллигенции в России, давало ключ к пониманию сложности и противоречивости социально-политического развития России, позволяло уяснить многие проблемы казахского края /11/.

Отдельные аспекты рассматриваемой проблемы получали свое отражение в исследованиях Г.З. Кожахметова, А.В. Панфилова, К. Сагадиева /12/.

К.А. Жиренчин в своей монографии сделал попытку показать широкую панораму событий Февральской революции 1917 г. в Казахстане. Ему удалось достаточно объективно воссоздать картину политического развития Казахстана. Несомненным достоинством работы является попытка показать деятельность комиссаров Временного правительства и комитетов общественной безопасности /13/.

Статья А.А. Жоламановой посвящена деятельности ко-

миссаров Временного правительства. Автор приходит к выводу о том, что «в результате введения института комиссаров в Казахстане сложилась определенная государственно-политическая система, в состав которой входили комитеты общественных организаций, создаваемые, прежде всего, казахским национальным движением, русской буржуазией и интеллигенцией, советами крестьянских, казачьих и солдатских депутатов...» /14/. Вывод, на наш взгляд, спорный. Во-первых, в Казахстане не было создано четкой государственно-политической системы, поскольку борьбу за власть вели самые различные организации и учреждения. Во-вторых, общественные исполнительные комитеты не создавались казахским национальным движением, хотя казахская интеллигенция в них и участвовала. Наконец, если казахская интеллигенция создавала общественные исполнительные комитеты, выражавшие интересы казахского населения, что следует из логики автора, то тогда чем объяснить необходимость создания собственно киргизских (казахских) комитетов. Другое дело, если автор имел в виду то, что эти общественно-исполнительные комитеты были самым представительным институтом, в состав которого входили представители от крайне левых до правых. В целом, вывод не понятный. Автор сам себе противоречит, когда на одной странице уверяет, что «комитеты общественных организаций представляли интересы русскоязычного населения», а в выводах – об особой роли казахской интеллигенции в их создании /14/.

Отдельные аспекты рассматриваемой проблемы получили свое освещение в трудах обществоведов постсоветского пространства, особенно России. Высказанные идеи, фактологический материал, введенный авторами, важен с точки зрения общих методологических проблем, способствовавших раскрытию столь сложной и многоаспектной проблемы. Так, в монографии Д.Б. Сеидзаде /15/ рассматриваются национально-либеральные течения среди мусульманских народов, показана деятельность азербайджанских либеральных деятелей в I – IV государственных думах, их контакты с казахскими депутатами. В исследовании Р.Р. Фахрутдинова была предпринята первая попытка комплексно показать историю татарского либерально-демократического движения конца XIX – начала XX в. В работе приводилась мысль, что джадидизм явился идеологической основой и этапом в эволюции

татарского либерально-демократического движения, освещаются предпосылки его возникновения, рассматриваются политические требования татарских либералов, деятельность партии «Союза мусульман» /16/.

Интересно исследование Д. Аманжоловой, в котором содержится большой фактический материал. Автор верно пишет, что Февральская революция была поддержана казахским народом, так как она дала ему надежду на будущее, многие представители казахской элиты вошли в состав местных органов Временного правительства и всемерно отстаивали завоевания февраля, поддерживая демократические реформы /17/. С.М. Исхаков, оценивая историографическую ситуацию в своем исследовании, весьма тонко отметит, что в исторической литературе в целом в 90-е годы «стало формироваться представление о важном значении февраля для мусульман, с одной стороны, и мусульман для России – с другой. Но позиция мусульман по отношению к Временному правительству, его внутренней и внешней политике остается не проясненной, а порой запутывается еще больше...». И далее «отечественные востоковеды и исламоведы, переориентировавшиеся с проблем зарубежья на внутренние, не проясняют ситуации. К сожалению, их публикации носят весьма политизированный характер, а в источниковедческом отношении не дают почти ничего нового, кроме ссылок на зарубежных исследователей и мемуары эмигрантов...» /18/.

В Западной историографии отдельные аспекты рассматриваемой проблемы освещались в исследованиях профессора Джефри Хоскинга, преподающего в Лондонском университете /19/. В шестом параграфе четвертой части своей работы он полагает, что ситуация в Туркестане изменилась к 1917 г., и на это повлиял 1916 г., «когда власти покончили с освобождением мусульман от военной службы: теперь те подлежали призыву для работы в тыловых частях. Как только составили списки призывников, среди местного населения поползли всевозможные слухи – многие считали физический труд недостойным...» /20/.

Более объективным является исследование руководителя семинара по истории Восточной Европы, Кельнского университета – Андреаса Каппелера /21/. Его труд по проблемам национального самосознания и национальных движений народов, входивших в состав Российской империи, носит

принципиальный характер, поскольку формирует концептуальные основы интерпретации отечественной истории. В девятой главе «Национальный вопрос и Революция» автор оценивает ситуацию в Туркестане, подчеркивая, что особую роль в ее оценке в феврале 1917 г. сыграли «Всероссийский конгресс мусульман, общеказахские съезды». Автор обращает внимание, что для ситуации в Туркестане, Казахстане сыграли свою роль «конфликты с восточнославянскими переселенцами, занявшими их земли... Столкновения с применением насилия достигли своего нового апогея летом 1917 г., когда многие киргизы и казахи, бежавшие в 1916 г. в Китай, вернулись на Родину и предъявили претензии на свои старые пастбища...». Вывод автора «1917 г. почти для всех нерусских народов Российской империи ознаменовался взрывом и подъемом национальных движений. Формы и программные установки этих движений отражали разную степень политической и социальной мобилизации разных народов, их характер в том или ином регионе...» /22/.

У.Г. Розенберг, профессор Мичиганского университета, в своих исследованиях /23/ очень верно отмечает два важных момента. Во-первых, мысль о том, что в Февральской революции новое государство и его представители преследовали определенные цели, разрушение самодержавного аппарата создавало возможность демократизации управления, на низовом уровне развернулось вытеснение социально укоренившихся и культурно закрепленных форм противодействия этому.... Во-вторых, постановка вопроса о том, «куда смещался центр государственно-властного начала, и какова становилась его природа. Как нам кажется, приведенные положения носят для нас принципиальный характер.

Отдельные вопросы рассматриваемой проблемы получили свое отражение в трудах Р. Пайпса, Н. Верта, Э. Карра, М.Б. Олкот /24/. В некоторых исследованиях содержатся противоречивые выводы /25/.

Работа основана на документах и материалах, выявленных в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК).

В ГА РФ проанализированы материалы фонда канцелярии министра – Председателя Временного правительства (Ф. 1778), где были изучены документы, позволяющие уяснить,

как население Казахстана встретило февральскую революцию 1917 г. В основном это телеграммы, направленные в адрес Временного правительства, подписанные как представителями общества, так и видными деятелями казахской интеллигенции. География выявленных документов обширна, охватывает все регионы, представляющие интересы, ожидания различных слоев общества: духовенство и казаки, казахи, русские и туземные евреи; выявлены резолюции многотысячного собрания туземцев Перовского уезда и Сырдарьинского мусульманского съезда, граждан и гражданок поселка Владыкинского Кустанайского уезда и Приходского собрания православной церкви Иргиза и т.д. Данный материал позволил выявить общее и особенное в восприятии революции. Нами были изучены материалы фонда главного управления по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан Министерства Внутренних дел Временного правительства (Ф. 1791). Данный фонд содержит обрывочные сведения, пояснительные записки, типографские формы с мест, в которых показываются основные общественные организации на местах (уездные, областные), исходя из которых можно проследить динамику становления местных органов власти, фамилии, должности лиц местной администрации в разрезе областей. Характер документов (фонд микрофильмирован) очень сложный, многие формы заполнены карандашом и трудно читаются, что вызвало определенные сложности. Более интересным оказался фонд Главного земельного комитета Министерства земледелия Временного правительства (Ф. 1796). Здесь были обнаружены сведения о динамике создания земельных комитетов. И хотя сами справки с мест носили нерегулярный характер, к примеру, в фонде имеются документы Акмолинской области за июнь, август 1917 г., а по Тургайской области – за март, апрель, май 1917 г., тем не менее это очень ценный материал. Фонд содержит отдельные справки с мест, позволяющие дать характеристику или уяснить основные направления деятельности земельных комитетов Тургайской, Акмолинской, Уральской областей. Но наиболее интересным было обнаружение копии доклада начальника Туркестанского управления земледелия и государственных имуществ 1 мая 1917 г., Туркестанскому комитету Временного правительства, журнала совещания, состоявшегося при туркестанском управлении зем-

леделия по вопросу о введении земельных комитетов. Изучены материалы фонда департамента общих дел Министерства Внутренних дел Временного правительства (Ф. 1800). В основном были отобраны материалы, характеризующие структуру управления в крае, материалы об истории Степного края, состояния власти в крае, справки по VI отделению департамента общих дел МВД, телеграммы с мест за подписью областных комиссаров.

В Фонде министерства Внутренних дел Временного правительства (Ф. 1788) выявлены материалы совещания областных комиссаров и представителей губернских объединенных комитетов общественных организаций, создаваемых МВД, заполненные типографские формы с мест по 10 пунктам, дающие представления о власти на местах (состав уездных областных комитетов, личный состав президиума, их численность, перечень общественных организаций с указанием их функций), списки сельских поселений, обращаемых в города в связи с ведением в них городового положения. Очень интересной была находка документа под общим названием «местное управление по постановлениям и проектам Временного правительства», телеграммы с мест за подписью областных комиссаров, практически полные подшивки информационных листков отдела по делам местного управления, другие документы. Изучены материалы Министерства продовольствия Временного правительства (Ф. 1783). Здесь нами обнаружены обязательные постановления Акмолинской областной продовольственной управы, статистические формы с мест на заказ, направляемый заводом, (Симскому заводу Уфимской губернии, главное управление Северных заводов Вятской губернии и т.д.). В целом, выявленные в ГА РФ материалы и изученные фонды не равноценны, но многие из них ранее были недоступны исследователям.

В ЦГА РК нами были проанализированы фонды Центрального земельного комитета Внутренней Киргизской орды (Ф. 1420), в котором изучены журналы, протоколы и копии протоколов заседаний центрального земельного комитета, переписки по выборам земства, постановления Временного правительства об учреждении губернских, уездных земельных комитетов, другие материалы.

1. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В КАЗАХСТАНЕ

1.1 Структура власти в период Февральской революции в Казахстане

В ходе февральской революции в России установилось двоевластие. В столице на общегосударственном уровне обстановка была предельно ясна: с одной стороны, Временное правительство – правительство буржуазии и помещиков, с другой – Петроградский Совет. Временное правительство и Петроградский совет выступали одновременно центрами притяжения и отталкивания различных слоев населения, поскольку выражали интересы прямо противоположных частей общества. Между ними и развернулась борьба за власть /27/. Обе стороны пришли к соглашению о принятии программы, которая должна была служить основой, которой надлежало руководствоваться правительству в ближайший краткий период – до созыва Учредительного собрания. Она предусматривала:

– полную и немедленную амнистию по всем делам политическим и религиозным; в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям, аграрным преступлениям и т.д.;

– свободу слова, печати, союзов, собраний и стачек, с распространением политических свобод на военнослужащих в пределах, допустимых военно-техническими условиями;

– отмену всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений;

– немедленную подготовку к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и Конституцию страны;

– замену полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления;

– выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования;

– неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении;

– при сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении военной службы – устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам /28/.

Однако принятие программы не означало ее автоматического исполнения, это понятно, следовательно, вполне логично выглядят попытки двух противоборствующих сторон (Временное правительство и Советы) создать необходимый фундамент власти. Если Советы занимались преимущественно низовой системой управления, организацией рабочих и солдат, обеспечением безопасности и порядка в столице, решением жизненно важных проблем /27/, то Временное правительство действовало иначе. Основную ставку сделало на институт комиссаров Временного правительства и земство. В то же время, в условиях революции ситуация в Казахстане имела свои особенности. Здесь борьбу за власть вели как общественные исполнительные комитеты, советы, так и киргизские (казахские) комитеты и, конечно же, комиссары Временного правительства. Революция всколыхнула казахское общество, способствовала его консолидации. Практически все слои общества посылали приветственные телеграммы Временному правительству, принимавшиеся на собраниях, прокатившихся по всему Казахстану. Полное доверие Временному правительству выразило общее собрание Павлодарского союза женщин, Семипалатинский комитет партии народной свободы, Павлодарский комитет союза служащих правительственных учреждений, духовенство, миряне Усть-Каменогорского края, казачье общество Семипалатинской области, Кустанайская городская управа, Актюбинский городской гражданский комитет, Приходское собрание православной церкви Иргиза /29/. Общим для них было выражение доверия Временному правительству и пожелание, «чтобы война с Германией была доведена до победного конца». Этот лейтмотив – война до победного конца, был характерен для этой группы телеграмм. Кроме того, звучала идея, довести страну до выборов в Учредительное собрание. Тексты таких телеграмм неоднократно анализировались и приводились в

исторических исследованиях /30/, поэтому мы приведем лишь некоторые из них. Младыкинский комитет Тургайской области сообщил, что «граждане и гражданки поселка Владыкинского Кустанайского уезда, выслушав благодарственный мобелен о даровании победы над внешним и внутренним врагом, выражают новому правительству свои верноподданнические чувства с обещанием помогать во всех благих его начинаниях на благо Родины» /31/.

«Областной съезд аульных, сельских, волостных, уездных гражданских комитетов Тургайской области провозгласил принцип братства, единения населяющих область народностей и, положив этот принцип в основании при разрешении земельного вопроса, приветствует Временное правительство» /32/. Сразу после Февраля Временное правительство приветствовали депутации от всех крупных национальных движений, получившие заверение в отмене национально-конфессиональных ограничений и содействии всем их начинаниям в области культуры и самоуправления.

Если переселенческое население выражало готовность поддержать войну до победного конца, то в телеграммах казахов тематика была иной. Так, в телеграмме из Сырдарьинской области, направленной казахами двадцати волостей Чуйского участка Аулиеатинского уезда, «получив благо свободы завоеванной от старого преступного правительства стараниями и жертвами лучших людей России», выражалась благодарность за «охрану этой благословенной свободы» и твердая решимость «всемерно поддерживать Вас и ваши назначения на благо всех народов дорогой нашей Родины, в которой мы чувствуем себя равноправными со всеми гражданами, клятвенно обещаем охранять полный порядок и спокойствие, живя в братском единении с гражданами других национальностей ...» /33/. Из Аулие-Аты сообщали, что и могучая волна движения народа русского докатилась до наших широких степей несколько позже ... «Мы, киргизы волостей Утемишской, Карабакирской, в лице своих представителей с чувством живой радости узнали о том, что русский народ завоевал для себя и для всех народов населяющих Россию счастье и благо свободы, и от каждого киргиза заявляем о полной готовности нашей всем, что может служить Временному правительству...» /34/. В другой телеграмме представители киргизского населения волостей второго участка Иргизского

уезда приветствовали «новое правительство – защитника прав и свободы всех народностей обширной России» /35/. Таким образом, нетрудно отметить особенность этой группы телеграмм – вера в провозглашенное Временным правительством равноправие всех граждан, в то, что теперь «русский и мусульманин равны». Известный исследователь С.М.Исхаков замечает, что главной особенностью потока мусульманских петиций является то, что наряду с документами, направляемыми представителями интеллигенции, встречается много приветственных телеграмм, составленных крестьянами и мусульманскими организациями вполне «русских» городов. Выясняется, во-первых, весьма высокий уровень правосознания крестьянского мусульманского населения, во-вторых, способность дисперсного мусульманского населения к консолидации, в-третьих, поразительное единство в осознании своих особых нужд /36/.

Вышеизложенное подразумевает то, что общим для переселенческого населения Казахстана и казахов явилась надежда на российскую власть, которую приветствовали представители всех слоев и национальностей.

В борьбе за власть на местах столкнулись различные силы, отражающие интересы вышеуказанных групп населения, но в целом по ходу революции им приходилось сотрудничать, поскольку ни одна из них не имела перевеса в организационном, да и в кадровом смысле. Согласно документам, ситуация в различных городах, районах, регионах Казахстана была неодинаковой. В Семипалатинской области во главе области был областной, а в уездах – уездные исполнительные комитеты. Их председателями были избраны самые различные люди, исповедующие разные политические взгляды, пользующиеся авторитетом у населения. В Павлодарском уезде – врач Попов, Усть-Каменогорском – податный инспектор Тер-Погосянц, Каркаралинском – судья Лысенко, Зайсанского – врач Владимирский, Катон-Карагае – врач Айтбакин, Кокпектах – золотопромышленник Проскуряков, Баян-ауле – судья Зефиров /37/.

Такая ситуация сохранялась до июня 1917 г. 16 июня 1917 г. было принято постановление совета делегатов киргизского комитета, крестьянских, казахских, рабочих солдатских депутатов, согласно которому вместо сложившего полномочия исполнительного комитета решено организовать

для управления областью комиссариат из девяти членов /38/. В него вошли представители от совета крестьянских казачьих депутатов – Толяшев, Ляшкевич, Троицкий; Киргизского комитета – Габбасов, Ермеков, Сарсенев; Совета рабочих, солдатских депутатов – Воробьев, Попов, Салов. Обязанности председателя комиссариата были возложены на Константина Павловича Ляшкевича «белобилетника, сорока трех лет, со средним образованием, председателя Семипалатинского союза кооперативов, известного общественной деятельностью в области кооперации, статистики /39/. Тогда же было разработано положение о комиссариате по управлению Семипалатинской областью. В нем оговаривалось, что для управления областью делегатское собрание из числа членов выделяет девять человек, которые избирались закрытым голосованием на основании равного представительства от каждой организации. Комиссариат по документу являлся исполнительным органом Делегатского собрания, которому принадлежала общая руководящая роль наблюдения и контроля над всеми правительственными и общественными учреждениями в области, проведение в жизни всех мероприятий, утвержденных делегатских собранием, а также мероприятий Временного правительства. Два раза в месяц комиссариат отчитывается в своей деятельности перед делегатским собранием /40/.

В Уральской области в различных уездах ситуация была неровной и зависела от степени активности населения. В Гурьевском уезде власть сосредотачивалась в руках «исполнительного комитета киргизской территории». Его состав включал по два делегата от каждой киргизской волости, от каждого русского поселка на киргизской территории. Исполнительным органом уездного комитета был президиум в составе председателя, товарища его, казначея, секретаря, его помощника и девяти членов. Согласно сохранившимся документам, можно установить персональный состав этого органа. В него входили Г.И. Бердяев (председатель), К. Алдияров (товарищ его), Д. Бекмухамбедов (казначей), И. Альжанов (секретарь), Д. Бурабаев, А. Кенжалиев (товарищи его), членами – С. Мухамедов, К. Бунанкулов, М. Богуш /41/. Кроме того, в городе активно действовали Гурьевский городской исполнительный комитет в составе 15 человек, отвечающий за безопасность, Станичный исполнительный комитет – 16

человек, Станичный продовольственный комитет – 8 человек, Совет рабочих, солдатских депутатов – 15 человек. Кроме того, действовали – Профессиональные союзы приказчиков и конторщиков – 10 человек и чиновников Гурьевской почтово-телеграфной конторы – 15 чел; мусульманский комитет – 15 чел; объединение мусульман города /42/. Из документов следует, что Гурьевский уезд «представляет из себя две территориально обособленные единицы». Из сообщений в Петроград следует, что «трения из-за власти происходят лишь между городским исполнительным комитетом, преследующим интересы всего населения, и станичным исполнительным комитетом, организацией чисто войсковой, узко сословной». В уезде действовал уездный комиссар – Губайдулла Искалиевич Бердеев, ветеринарный врач /41/.

В Темирском уезде Уральской области была аналогичная ситуация. Во главе уезда был избран уездный комиссар Гумар Кужа-Ахметович Исенкулов, врач, назначенный 5 июня 1917 г. Работал Темирский уездный исполнительный комитет в составе представителей «торгового класса, чиновников и по 2 делегата от каждой волости, общим числом 67». Исполнительный орган – уездный комитет из 7 человек «четыре киргиза (казаха), трое русских». Действовали уездный земельный комитет, включавший в себя 26 представителей от каждой волости, гражданский комитет – 36 чел., уездная киргизская управа – 6 чел. /43/.

Григорий Константинович Бизянов, старший советник Уральского областного управления, назначенный 8 марта 1917 г. областным комиссаром, одновременно исполнял обязанности военного губернатора Уральской области. В Уральский областной исполнительный комитет входили служащие конторского труда, извозчики, корейская община, фармацевт, представители военно-промышленного комитета, общества потребителей, чернорабочие, портновский цех, кровельный цех, оружейная мастерская, кузницы, склады войскового имущества, «общества вспомодействия учащимся», торгово-промышленного общества, третей сотни десятого Уральского казачьего полка. Общее число представителей Уральского областного исполнительного комитета 188. Исполнительный орган – Совет Уральского Временного исполнительного комитета /44/.

В уездах Тургайской области (Актюбинский, Иргизский,

Тургайский) активно действовали городские уездные гражданские комитеты /45/. В своем составе они имели отделы «административный, милиционный, ссудный, школьный». Практически во всех решениях этих органов власти особо оговаривалось, что уездные управы являются самостоятельными по отношению к уездным комиссарам, « в части, касающейся распоряжений правительства» /46/. Состав уездной, городской гражданской управы был аналогичен, состоял из председателя, товарища председателя, трех членов управы и двух кандидатов, которые при необходимости могут считаться членами. Во главе области был управляющий областью – Эверсман и областной гражданский комиссар – Букейханов /47/. Состав областного гражданского комитета состоял из представителей уездных гражданских комитетов, которые избирались на соответствующих заседаниях. Так, 1 июня 1917 г. на заседании Актюбинского уездного гражданского комитета в члены областного гражданского комитета были избраны Абильгазы Исалин, Бахит Киикин, Хасен Тюрежанов, Н. Шихирев, И. Шпак, Н.Л. Калиберда, Е.А. Пивень и другие, общим числом 17 человек (8 киргизов, 9 русских) /48/.

«Для установления прочного порядка и устроения Туркестанского края, на основаниях всенародно объявленных Временным правительством 6 марта 1917 г., для разрешения всех возникающих вопросов управления краем», постановлением Временного правительства 7 апреля 1917 г. был назначен Туркестанский комитет в составе членов государственной Думы различных созывов – Н.Н. Щепкина, А. Букейханова, М. Тынышпаева, С.Н. Максутова, В.С. Елпатьевского, А.Л. Липовского, П.И. Преображенского, О.А. Шкапского, А. Давлетшина. Полномочия председателя комитета были возложены на члена государственной Думы Н.Н. Щепкина /49/. После роспуска первого состава Туркестанский комитет видоизменялся /50/. В Верном первоначально были сильны позиции Верненского исполнительного комитета, распущенного Советом рабочих солдатских депутатов г. Верного, Семиреченской области. Официально было сообщено, что Совет решил прекратить действия Верненского Временного комитета в виду того, что он «состоял преимущественно из чиновников, в течение двухмесячного (апрель, май 1917 г.) функционирования заявил себя бездеятельным, неспособным к проведению в жизнь на новых началах, не жизнеспособным

в сложном деле продовольствия. Совет рабочих и солдатских депутатов г. Верного сообщал в МВД, что экстренные меры по отношению к комитету вызваны исключительно недоверием к комитету и опасным обострением хлебного вопроса, грозивших эксцессами /51/.

Приведенный материал иллюстрирует ситуацию, сложившуюся в Казахстане в дни февральской революции 1917 г. Именно между различными организациями шла борьба за власть. Наиболее типичной была ситуация, при которой они пытались договориться о разделах сферы влияния. Так, 17 мая 1917 г. состоялось совместное заседание Семипалатинского областного исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов и киргизского комитета о разделении власти между ними. Председательствующий огласил выписку из протокола киргизского областного съезда и телеграмму о выходе киргизских (казахских) представителей в виду постановления областного исполнительного киргизского комитета; телеграмму из Баян-аула о приветствии казахами киргизского (казахского) комитета, как «единственную власть киргиз (казахов)». Р. Марсеков, председатель Киргизского комитета, разъясняя ситуацию, указал, что при организации областного исполнительного комитета «не было обещано представительство в комитет от киргизского (казахского) населения и дано такового не было, и председательство ими было представлено только от Кредитного товарищества». В силу этих причин «киргизы вынуждены были организовать свой областной исполнительный киргизский комитет...». Им была высказана мысль, что «в настоящее время... киргизские вопросы должны решаться самими киргизами через посредство их аксакалов...». Председатель Совета солдатских и рабочих депутатов Юдин указал, что образовалось двоецентрие... Более того, Юдин считал, что до образования киргизского комитета, конфликты среди населения носили случайный характер, но «после организации комитета, явления эти вошли в систему», и это характерно для Семипалатинской, Семиреченской, Тургайской областей. В понимании Юдина, киргизские (казахские) комитеты есть организация культурно-политическая, но не место этой организации брать на себя административную власть» /52/. Р. Марсеков настаивал на реорганизации областного исполнительного комитета «путем созыва областного съезда». Он заявил, «если предос-

тавите известные правополномочия киргизскому комитету, то он справится с киргизским населением, ибо там нет никакой власти и таких властей, как были раньше не надо, и они ничего не сделают... Киргизские вопросы могут улаживать только сами киргизы...». Возражая, Тарасевич заявил, что «киргизский комитет немедленно должен отказаться от власти самовольно захваченной им...». Балкашин внес предложение, чтобы киргизский комитет вошел в целом в областной исполнительный комитет. Х.Габбасов, подытоживая дискуссию, вносит компромиссное предложение. Он заявил, что «киргизский комитет находит, что в ближайшее время должен быть созван областной съезд», и до созыва такового киргизский (казахский) комитет входит в областной исполнительный комитет с правом представительства в президиум и сохраняя за собой политическую автономию. Предложение было принято единогласно /53/.

Из выше изложенного следует, что для Казахстана была характерна слабость местной власти. Результаты борьбы за нее давали неожиданные результаты. По меткому замечанию Г.А. Герасименко, эта борьба привела к тому, что в одних областях «было полное безвластие, в других – власть оказывалась в ведении какого-либо одного органа, в-третьих, – двоевластие, в-четвертых, – троевластие, а в-пятых, – претендентов на власть было столько, сколько более или менее активно действовало организации и учреждений» /54/. Временное правительство встало перед необходимостью находить компромисс между претендентами на власть, при этом сделав основную ставку на комиссаров Временного правительства. Временное положение о губернских (областных) и уездных комиссарах было принято с большим запозданием 19 сентября 1917 г. Согласно положению, губернский комиссар «есть представитель Временного правительства в губернии (области)», призванный осуществить надзор за точным и повсеместным соблюдением законов, постановлений и распоряжений правительства местными органами управления и самоуправления. Особый раздел был посвящен правам и обязанностям областных комиссаров. Ему предписывалось принимать меры к ознакомлению населения с законами, осуществить надзор за состоянием и деятельностью всех губернских и уездных правительственных установлений гражданского ведомства. Исключение составляли судебные инстанции,

учреждения государственного контроля, банки, высшие учебные заведения. По документу на должности областных комиссаров назначались лица, получившие высшее, по преимуществу юридическое образование. Назначение на должность и увольнение происходило, по документу, Временным правительством по представлению министра Внутренних дел /55/. Законом предусматривалась должность помощника областных комиссаров, который назначался «по представлению губернского комиссара, действовал под его руководством и являлся его заместителем».

Отметим, что не всегда удавалось найти кандидатуру на эту должность. Сложность заключалась в необходимости согласовывать ее (кандидатуру) с местными общественными организациями, де-факто захватившими власть на местах. Характерным примером здесь может быть поиск комиссара для Семипалатинской области. Имеющиеся в нашем распоряжении документы показывают, что на эту должность выдвигались кандидатуры члена окружного суда А.А. Лебедева, Черноцкого, помощника прокурора военно-окружного суда, подполковника Кузнецова, присяжного поверенного Каргалова /56/. Законов, комиссар по степному генерал-губернаторству, докладывал в Петроград 22 июня 1917 г., что им были по соглашению с исполнительным комитетом общественных организаций, намечены на должность комиссара несколько кандидатов..., но на предложенных мною лиц комитет не согласился. Обязанность комиссара последнего времени, фактически с моего согласия, исполнял председатель исполнительного комитета Константин Павлович Ляшкевич, человек спокойный, уравновешенный...». Далее областной комиссар сообщал, что вместо сложившего полномочия исполнительного комитета образовался совет делегатов киргизских (казахских), крестьянских, казачьих, солдатских депутатов. Этим советом был организован для управления областью комиссариат из девяти членов, при этом обязанности областного комиссара временно возложены на председателя комиссариата Ляшкевича /57/. В ответ на настойчивые запросы Законова МВД было вынуждено одобрить распоряжение о назначении Ляшкевича временно исполняющим обязанность Семипалатинского областного комиссариата /58/. Областные комиссары, как правило, были людьми авторитетными, известными в степи. Их имена на сегодня полностью

не известны. Удалось установить лишь некоторых из них. Так, согласно архивным данным, в разное время ими были: в Тургайской области – А. Букейханов, Алмасов, в Акмолинской области – Н. Лепко, Уральской – Д.П. Малышев, Г. Бизянов, Семипалатинской – член государственной Думы – И.П. Лаптев, К.П. Ляшкевич, комиссар по степному генерал-губернаторству – И.П. Законов /59/.

Согласно временному положению о губернских (областных) и уездных комиссарах, обязанности последнего практически повторялись. Особо оговаривалось, что уездный комиссар, действуя в качестве ближайшего помощника губернского комиссара в уезде, осуществляет надзор за точным соблюдением законов, постановлений и распоряжений правительства местными органами управления и подлежащими органами самоуправления. Он назначается, по документу, и увольняется министром Внутренних дел по представлению областного комиссара. Фиксировалось в постановлении, что на эту должность «назначаются лица, получившие образование не ниже среднего» /55/. Но на практике уездные комиссары назначались общественными организациями, а затем фактически областные комиссары были вынуждены представлять их на утверждение. Только в Семиреченской, Сырдарьинской областях таким образом были назначены уездные комиссары: солдат Митрофан Макарович Дудукалов – избранный Капальским уездным исполнительным комитетом, Василий Васильевич Балабанов и его товарищи О.А. Алджанов, С.И. Соколов, – избранные Лепсинским исполнительным комитетом и Советом солдатских депутатов в согласии с Лепсинским уездным советом; Кузьма Озмитель, избранный советом солдатских депутатов и др. /60/. Аналогичным образом утверждались волостные, участковые комиссары. 27 июля 1917 г. граждане Голубинской волости Канальского уезда Семиреченской области на общем общественном собрании в числе 124 человек, под председательством председателя волостного схода В. Зезина, «посоветовавшись между собой, баллотировкой 124 голосов согласных» избрали на должность волостного комиссара гражданина нашей волости Стефана Титовича Белобаба, 38 лет...». Он был утвержден 24 августа 1917 г. на должность областным комиссаром Шебалиным /61/. 30 мая 1917 г. М. Тынышпаев утвердил должность районного комиссара Уджарского переселенческого

подрай-она (Сергиополь, Урджар, Бахты) В.Е. Трусова, избранный Лепсинским исполнительным комитетом и советом солдатских депутатов в согласии с Лепсинским съездом /62/. Население такой порядок устраивал, более того они сами обращались в общественные организации с просьбой о назначении на должность комиссаров той или иной кандидатуры. Так, 5 апреля 1917 г. в Тургайский областной гражданский комитет от Тургайского мусульманского общества поступило прошение о назначении уездным комиссаром Р.А. Гарфа, который «в бытность свою был помощником уездного начальника, а также уездным начальником, всего около пятнадцати лет и зарекомендовал себя перед нами – жителями города Тургая, как человек безукоризненно вполне честный и трудолюбивый...» /63/. Такое положение устраивало и комиссаров. В то же время не способствовало укреплению власти. Это приводило к тому, что общественные организации увольняли комиссаров. Так, граждане Токмака, несколько лиц других селений уволили комиссара Смирнова и избрали комиссаром прапорщика Павлова /64/. И как следствие, такая практика приводила к частой смене комиссаров, что не могло не беспокоить Петроград. Указанное следует из телеграммы Леонтьева на имя комиссара степного генерал-губернаторства И.П. Законова. В ней говорилось, что «МВД считает необходимым обратить Ваше внимание на нежелательность наблюдающихся на местах частой смены комиссаров, особенно уездных, имея в виду, что частая смена представителей власти Временного правительства неизбежно колеблет авторитет комиссаров и самой власти, к поддержанию и укреплению которого переживаемое переходное время надлежит принять все меры». Министерство просило представлять назначение на должности комиссаров лиц, пользующихся авторитетом широких кругов населения, «могущих вследствие этого, так же по личным качествам, прежней деятельности взять в руки ответственную роль, представителей власти Временного правительства, внося успокоение, порядок населения содействия организации последнего». Оговаривалось в телеграмме, что при представлениях надлежит сообщить имя, отчество, фамилию, род занятий, данные прежней, настоящей служебной общественной деятельности представляемого лица. Без этих данных представления о назначениях не могут быть утверждаемы /65/. Общественные

организации обращались в Министерство по той или иной кандидатуре. Так, в мае 1917 г. в МВД поступило телеграфное ходатайство от киргизского (казахского) областного комитета о назначении для заведывания делами киргизской (казахской) части населения особого помощника областного комиссара. В телеграмме указывалось, что «для безболезненного и успешного проведения в жизнь киргизского (казахского) народа начал свободы, для ее закрепления, поддержания общественного порядка, тишины и спокойствия, для успешного проведения всех мероприятий центральной власти среди киргиз (казахов)... комитет находит необходимым, назначить помощника, облеченного доверием народа...» /66/. С аналогичным предложением обратился в Министерство Акмолинский областной комиссар, который «в виду преобладающего киргизского (казахского) населения в Атбасарском, Акмолинском уездах возбудил вопрос о назначении помощником уездного комиссара киргиз (казахов). В первом случае, отдел по делам местного управления предложил областному комиссару высказать свои соображения и представить в МВД кандидата на должность помощника областного комиссара /67/. Во втором случае, отделом сообщено комиссару, что с его стороны «не встречается препятствий к назначению киргиз (казахов) помощниками уездного комиссара» /68/.

Временное правительство пыталось разработать единые подходы к решению злободневных вопросов, возникающих в работе, выяснения положения на местах. Для этой цели практиковалось проведение совещаний областных комиссаров. Так, во второй половине апреля 1917 г. в Петрограде, состоялось совещание губернских комиссаров, на котором были разработаны общие положения о правах и обязанностях комиссаров. Некоторые губернские комиссары считали, что во главе областного управления в качестве представителя Временного правительства должен стоять коллегиальный орган, избираемый возникшими на местах исполнительными комитетами или другими общественными организациями. Однако большинство с таким мнением не согласилось, полагая, что во главе управления должен стоять единоличный представитель правительственной власти в лице комиссара, опирающийся в своей деятельности на доверие населения и действующий в единении с местными общественными орга-

низациями /69/. Тогда же в апреле, был созван еще один съезд комиссаров прифронтовых губерний, на котором обсуждались эти же вопросы /70/. Наконец, в августе вновь созвано совещание, отличие которого состояло в том, что, во-первых, круг обсуждаемых здесь вопросов был шире и касался не только прав и обязанностей комиссаров, во-вторых, в нем приняли участие представители губернских (областных) объединенных комитетов, общественных организаций.

Кроме уже названных проблем обсуждался вопрос о местном суде. В его обсуждении принимал участие министр юстиции, который дал разъяснение по вопросам, касающихся деятельности Министерства /71/. В ходе развернувшейся дискуссии выступил Елпатьевский, представитель Туркестанского края, который защищал принцип независимости суда. Как следует из протокола заседания, в своем выступлении он не отрицал «некоторых дефектов суда», считая, что они связаны «с переживаемым моментом и являются временными». Он заявил, что, хотя в судах и был искусственный подбор лиц, но их, по его мнению, нельзя было упрекнуть во взяточничестве. Не отрицая идею выборности судей, «всеми признанный идеал замещения должностей», выступающий заметил, что на окраинах это неосуществимо, поскольку «ощущается недостаток технических сил, а для занятия высших должностей, где особенно необходимы технические знания судебной практики, этот недостаток будет непреодолим...» /72/. В выступлениях других ораторов также высказывались сомнения различного рода. Данный вопрос вызвал оживленные споры по нескольким причинам, и главной, безусловно, было то, что после февральской революции продолжала сохраняться ранее существовавшая система местных судов: судебные палаты, окружные суды, мировые судьи и их съезды. Был упразднен суд с сословными представителями, в окружных судах более широко стал применяться суд с присяжными заседателями, юрисдикция окружных судов значительно расширилась. Постановлением Временного правительства в мае 1917 г., закон 15 июня 1912 г. о преобразовании местного суда был распространен на 33 губернии (области). Для выборов в мировые судьи требовались образовательный и служебные цензы (среднее образование, три года службы чиновником), закон повышал гражданскую (до 1 000 руб. иска) и уголовную юрисдикцию мировых судов. Закон

30 мая вводил суд по административным делам. По этому закону в каждый уезд назначался административный судья, имевший свое делопроизводство. В областных городах, при окружных судах были созданы особые административные отделения, а в сенате высшей инстанцией для административных судей стал первый департамент /73/. Нововведения шли с трудом и поэтому вызывали много вопросов. Отвечая на них, министр юстиции отметил, что его Министерство ясно осознает указанные отрицательные стороны. Министерство учредило комиссию, которая должна восстановить в строй и деятельности судов начало уставов 1864 г., и сейчас необходимо согласование с существующим демократическим строем /74/. Среди других острых проблем, обсуждавшихся на августовском совещании, были проблемы реорганизации милиции (две точки зрения: будет милиция выборной или нет, поскольку является органом исполнительной власти), организация органов областного управления, собственно реформа местного самоуправления /75/. Были предложения по предоставлению комиссарам исключительных полномочий в целях охраны государственного порядка. Им предлагалось дать право задерживать любое лицо в течение 24 часов, во всякое время проводить обыски и брать подписки о невыезде /76/.

Борьба за власть на местах между общественными организациями и комиссарами принимала порой острые формы. Так, 17 мая 1917 г. в Лепсинске состоялся сход под председательством урядника Г. Погорельского, где обсуждали вопрос о выступлении населения станицы и города Лепсинска, по аресту Лепсинского уездного комиссара Балабанова и товарища его О. Альджанова. Согласно документу, выступления в Лепсинске произошли после решения полного схода 14 мая 1917 г., когда союзный казачий комитет принял постановление № 13 об удалении от исполнения обязанностей Альджанова, аресте его и производстве следствия. Председатель Лепсинского уездного исполнительного комитета Ясаревский, получивший постановление, не только непотрудился таковое обнародовать и привести в исполнение, а дал обвиняемому Альджанову прочитать его. В документе подчеркивается, что, разъясняя обществу, Ясаревский заявил, что для ареста Альджанова улик нет и постановлению союзного казачьего комитета он не придает никакого значения. Сход 17 мая

1917 г. заявил, что «казаки, давшие клятву верно служить Временному правительству, никогда ее не нарушат, а лишь просят одно об удалении Альджанова от исполнения обязанностей и выслать его из Лепсинского уезда, как вредного агитатора» /77/.

Аналогичной была ситуация в Каркаралинске. 31 марта 1917 г. Каркаралинский уездный киргизский комитет в своем заседании слушал постановление комиссаров Семипалатинского комитета по Каркаралинскому уезду от 29 марта 1917 г., согласно которому Ж. Акпаев подлежал «высылке из Каркаралов и пределов уезда в течение шести часов». В постановлении комиссаров, Ж. Акпаев, как и О. Альджанов обвинялся в том, что он «сеял рознь между киргизским населением и русским, внушая киргизам неправильные понятия дарованных свобод; именно в результате его агитации стал «отказ торговцев продавать русскому населению муку и другие продукты, отказ возчиков доставлять муку в Каркаралы по подрядам с городом и местной командой; отказ в степи давать лошадей стражникам при их поездках, что опубликовал в Омском вестнике статьи, в которых опорочил честь и доброе имя некоторых чиновников». Каркаралинский уездный комитет постановил: решение «о высылке и аресте Акпаева, от кого бы оно не исходило, считать несправедливым, противным взошедшей свободе, пережитком павшего строя, а потому киргизский уездный комитет категорически протестует против этой меры чиновников старого уклада; о своем протесте сообщить по телеграфу министрам Внутренних дел, юстиции, военному, степному комиссару И.П. Лаптеву, Семипалатинским областным, исполнительному и киргизскому комитетам». Протокол подписан представителями киргизского населения всех волостей Каркаралинского уезда 567 лицами /78/.

7 августа 1917 г. Семиреченский областной киргизский комитет направил письмо комиссару Временного правительства О. Шкапскому, в котором выражалось «полное недоверие киргизского (казахского) населения Нарынского участка комиссару Зимину». В нем указывалось, что «к исполнению обязанностей он был допущен временно, до назначения на эту должность соответствующего и заслуживающего доверие населения лица». В письме разъяснялось, что население Нарынского участка «состоит почти исключительно из киргиз (казахов). Внимание О. Шкапского обращалось на тот факт,

что «в виду дальности участка от центра области и уездного города, благодаря попустительству и даже участию бывших начальников участка», здесь издавна процветает обирание населения манапами и должностными лицами. Начиная с высших, кончая стражниками, объездчиками и джигитами. С приходом И.П. Зимина «обирательство развилось больше даже прежнего». И.П. Зимин, принявший бразды правления в участке, «вскоре после переворота, вместо того, чтобы взять манапов и другого рода обирал в твердые руки с самого начала ... их распустил и дал волю больше прежнего» /79/.

Областной киргизский (казахский) комитет просил «сделать все возможное в скорейшем распоряжении об освобождении И.П. Зимина от обязанностей Нарынского участкового комиссара, возложив таковые, временно до назначения постоянного на кого-либо по Вашему усмотрению». Областной комитет предложил свою кандидатуру «Монограда Мухина, недавно киргизами Тонского района намеченного в участковые комиссары Тонского района». Комитет полагал, что постоянного комиссара в Нарыне необходимо назначить властью правительства, в виду того, что при настоящих, введенных И.П. Зиминым в участке порядках, нельзя рассчитывать, чтобы киргизы на более правильных началах могли принимать там участие в выборах.

Высказывалась надежда, что областной комиссар назначит на должность человека со стороны – Нарынские киргизы едва ли кого знают вне пределов своего участка /80/.

Таким образом, власть в Казахстане оказалась в руках комиссаров Временного правительства, общественных организаций. В ходе введения института комиссаров основная ставка была сделана на земство, председатели которых автоматически становились комиссарами. Но в Казахстане, в отсутствии земства, власть балансировала между общественными комитетами и комиссарами. В руках первых оказалась власть де-факто, вокруг них объединялись различные общественные организации, представлявшие интересы различных слоев населения, прежде всего русского и казахского, казачества. В руках комиссаров были также реальные рычаги власти, прежде всего финансовые, связанные с приведением в жизнь программы Временного правительства. И этот баланс сил сохранялся достаточно долго, находя разумные компромиссы для сторон.

1.2 Консолидация казахской интеллигенции: съезды, решения

Февраль 1917 г. был переломным в жизни казахов. О его роли для национальных окраин необъятной Российской империи написано много. Наиболее характерным свидетельством, раскрывающим ее значение для казахов, считается мысль А. Байтурсунова, высказанная им в статье «Революция и киргизы». В ней он говорит: «Насколько понятна была киргизам февральская революция, настолько же непонятной показалась им октябрьская (социальная революция)». Объясняя причину такого явления в жизни общества, А. Байтурсунов разъясняет: «Первая революция была правильно понята и с радостью встречена киргизами потому, что, во-первых, она освободила их от гнета и насилия царского правительства и, во-вторых, подкрепила у них надежду осуществить свою заветную мечту – управляться самостоятельно...» /81/. Свидетельство одного из лидеров национальной интеллигенции, отстаивавшего идеи национальной независимости, развивавшего идеи просвещения народа в виде культурно-национальной автономии, является крайне важной. А. Байтурсунов считал, что главным для казахов в Феврале 1917 г. «было осуществление заветной мечты управляться самостоятельно», при этом подчеркивал, что у казахов существовал «своеобразный социализм и коммунизм, основанный (обусловленный) жизненными условиями и благодаря отсутствию у них классовой дифференциации и строгой разграниченности в предметах собственности, киргизский народ еще не ощущал особой нужды в социалистическом строе» /82/.

Высказанные точки зрения становятся еще более понятными, если принять во внимание два момента. Первый, это состояние власти в феврале 1917 г. В условиях февральской революции власть на местах находилась в подвижном, переходном состоянии. В борьбе за местную власть, наряду с другими, включалась и казахская интеллигенция, организовавшая киргизские (казахские) комитеты, которые проводили областные съезды для определения позиций (стратегических, тактических) в борьбе за власть. Если учесть и тот факт, что казахи, как свидетельствует А. Байтурсунов, «фактически не удостоились еще и тех гражданских прав, которыми даже при царском правительстве пользовались рабочие и трудовое

крестьянство русского происхождения» /83/, то задача «управляться самостоятельно» становится наиболее злободневной в повестке дня.

Призыв о необходимости «киргизам организоваться для поддержания нового строя» /84/ находит свое воплощение в создании областных, уездных казахских комитетов.

По мере развития революции происходила консолидация сил, в том числе и на национальной почве. Это нашло отражение в проведении в апреле-мае 1917 г. областных казахских съездов, где одними из главных вопросов были вопрос о власти, структуре управления и др.

Согласно документам, 1 Тургайский областной киргизский (казахский) съезд работал в Оренбурге (2-8 апреля 1917 г.), где собрались 300 делегатов, в том числе от Акмолинской, Семипалатинской, Сыр-Дарвинской областей, Букеевской Орды. Кроме того, в работе съезда принимали участие представители от Казанского, Уфимского, Оренбургского мусульманских комитетов и бюро /85/. Главный лейтмотив съезда ясен из выступления при его открытии, А. Байтурсунов, который призвал к необходимости «объединения в настоящий момент, поддержания нового правительства и сохранения порядка и спокойствия на местах, в целях упрочения нового строя и завоеванных свобод» /86/. Требование «сохранения спокойствия» и наведения порядка было характерным для национальных лидеров не только Степного края. Практически все мусульманские народы России с надеждой на лучшую жизнь встали в ряды сторонников нового строя. В материалах рассматриваемого съезда ясно видно стремление, в известной мере, к укреплению власти. Но власти какой? Временного правительства? В документах вроде бы четко оговаривается о сохранении «спокойствия и порядка» в целях содействия Временному правительству... Вместе с тем, Временное правительство фактически разрушило систему управления и опоры власти, а казахская интеллигенция спешила уверить в своей преданности новой России. Отсюда прописанные в документах съезда структуры власти в лице гражданских комитетов всех уровней (областных, уездных, волостных) представляют особый интерес. Этот вопрос, «организация гражданских комитетов общественной безопасности на местах» был первым в повестке дня, что по-своему интересно, поскольку обозначало четко претензию, стремление казахских

комитетов принять участие в борьбе за место в освободившейся нише, обозначив свои претензии за власть. На второй план отошли вопросы об общекиргизском и общемусульманском съездах, форме государственного управления и даже учредительном собрании и аграрный вопрос. Указанное не означало, что названные вопросы были менее важными (всего в повестке значилось 14 вопросов), возможно, здесь обозначились приоритеты.

Как бы то ни было, ясно одно, борьба за власть в апреле 1917 г. была определяющей в политике казахских комитетов, что нашло отражение в резолюциях Тургайского областного киргизского (казахского) съезда. Цели гражданских комитетов были обозначены в преамбуле резолюции: укрепление нового строя, сохранение спокойствия и порядка, обеспечение населения, армии продовольствием, подготовка к выборам в Учредительное собрание. Согласно резолюции, на местах организовывались гражданские комитеты общественной безопасности (аульные, волостные, уездные, областные).

Аульные гражданские комитеты предполагали широкое представительство населения, вне зависимости от национальных особенностей, вероисповедания (из лиц, избираемых общим собранием всех проживающих в данном ауле лиц обоего пола, достигших полного гражданского совершеннолетия (21 год), ценза оседлости (независимо от того, имеют ли они на месте своего проживания какое-либо имущество). Обозначена была и численность комитетов (по одному от каждых десяти избирателей). Кроме того, в низовые гражданские комитеты должны были войти представители потребительских и кредитных кооперативов, других общественных организаций, работающих в ауле, которые делегировались правлениями или общими собраниями, по одному от каждого. Аульные гражданские комитеты избирают из своей среды исполнительный комитет, в состав которого входит председатель, товарищ председателя (заместитель), помощник, казначей, два кандидата к ним. Допускалось, в случае надобности, возможность образования милиции. Вопросы, которые касались «всего аульного общества» обсуждались и решались на общем собрании членов аульных комитетов. Собрание считалось правомочным, если присутствовало не менее 2/3 всех членов комитета. По замыслу разработчиков положения (резолюции) с образованием аульных комитетов все права и

обязанности существующих аульных старшин переходят в исполнительные комитеты /87/.

Аульные гражданские комитеты из своей среды избирали представителей в волостной гражданский комитет. Они создавались на тех же принципах, что и аульные, и к ним переходили права и обязанности существующих волостных управителей. В свою очередь, из уполномоченных от волостного уровня составлялся уездный комитет. В отличие от аульного и волостного, в уездный входили представители уездных советов солдатских и рабочих депутатов по одному от каждого, представители ведомств. Из уполномоченных городского гражданского комитета, избираемых с расчета по одному из каждых тысячи лиц, выбирался представитель в уездный комитет. Особо было подчеркнуто, что «в уездах со смешанным населением уездные комитеты должны быть общие».

Наконец, областные гражданские комитеты. Было зафиксировано, что последние «являются уполномоченным лицом и исполнительным органом Временного правительства». Хотя полномочия между областным комитетом и комиссаром Временного правительства обозначены не были, все же декларировалось, «что разногласия между областным комитетом и комиссаром разрешаются окончательно Временным правительством» /88/. Права и обязанности комиссаров не были определены и в постановлении Временного правительства от 4 марта 1917 года, согласно которому был введен этот институт /89/. Областной комитет объединял деятельность всех поселковых, аульных, волостных, городских и уездных комитетов. В его функции входило практическое осуществление задач, поставленных Временным правительством перед органами власти, включая надзор за деятельностью должностных лиц, служащих в области.

Инициатива организации комитетов представлялась населению. В то же время, предусматривалось, в целях наблюдения «за правильностью выборов и организаций комитетов учредить специальные комиссии».

Не менее важным в документах Тургайского областного съезда занимал вопрос о принципах представительства в учредительном собрании. Наряду с декларацией необходимости представительства «от киргизского народа» подчеркивалось, что сама процедура выборов в этот законодательный орган «как по местным и бытовым условиям в киргизской степи»

не представляет «особенных трудностей». Особо оговаривалось, что выборы должны осуществляться «на основе прямого, тайного, равного и всеобщего голосования с гарантией прав меньшинства» /90/.

Получило отражение в резолюциях съезда отношение интеллигенции к институту крестьянских начальников. Поскольку указом Временного правительства этот институт повсеместно упразднен, а в степных областях «до сих пор функционирует», то в резолюции провозглашалась необходимость «возобновить ходатайство перед Временным правительством о немедленном упразднении этого института, как отжившего свой век и совершенно бесполезного и вредного для киргизов». Подразумевалось, что их функции должны перейти к уездным комиссарам Временного правительства. Что же касается вопроса о форме правления в Российском государстве, то съезд «высказался за демократическую, парламентскую и децентралистическую республику» /91/. Позднее на втором Тургайском областном съезде (20-25 августа 1917 г.), в котором участвовали делегаты от Актюбинского, Кустанайского, Иргизского и Тургайского уездов Тургайской области, была зафиксирована уже необходимость введения «национально-территориальной общекиргизской автономии» /92/.

В отличие от Тургайского, Семиреченский областной киргизский съезд, состоявшийся в Верном (12-23 апреля 1917 г.) /93/, по иному рассматривал структуру власти в России в целом, в Казахстане, в частности. В его работе приняли участие представители Верненского – 54 делегата, Лепсинского – 4, Копальского – 3, Джаркентского – 3, Пишнекского – 12 уездов. Всего же было делегировано от различных регионов Семиречья 81 делегат. Заявив о своей полной поддержке Временного правительства, «в деле проведения в жизнь объявленных им основ нового строя и победоносного завершения войны» /94/, съезд не пошел дальше принятия полной модели системы управления (власти) национальных окраин Российской империи, разрабатываемой Временным правительством. В резолюции съезда было заявлено, что «гражданские управы области нельзя отделять от военной, и во главе ее поставить двух комиссаров, одного русского, другого – мусульманина», назначенных Временным правительством.

Во главе уездов и участков должны стать комиссары, ко-

торые назначаются областным комиссаром Временного правительства, по соглашению с местными общественными организациями. Предусматривалось, что комиссары должны входить в местные исполнительные комитеты «в полной солидарности с ними». В то же время, съезд счел необходимым, «во избежание партийной вражды», сохранить должности волостных управителей и аульных старшин, которые в своих действиях «должны быть солидарны с волостным комиссаром» /95/. Структура власти, предложенная делегатами Семиреченского съезда, в полной мере отражала все противоречия эпохи, делегаты в своих поисках наиболее оптимальных форм организации власти пытались реализовать практические все возможные (часто прямо противоположные варианты) решения проблемы. Это отразилось в резолюциях съезда. Делегаты, с одной стороны, допускали создание института комиссаров Временного правительства всех уровней, с другой, сохраняли должности волостных управителей и аульных старшин, наконец, с третьей – заявляли о необходимости введения земского самоуправления на широких демократических началах. Последнему (земству) отводилась роль института, способного примирить враждующие партии при выборах. «Съезд надеется, говорится в документах, что земство на широких демократических началах, введенное в волостях, положит в некоторой степени конец партийным старостам» /96/... В ведение волостных земств, по замыслу делегатов, должны перейти функции охраны безопасности, сбора податей, ведения делопроизводства, которые должны осуществляться через особых представителей (выборных) по одному от каждого аула. Были предусмотрены меры по улучшению организации животноводческих хозяйств. Исходя из факта сокращения размера пастбищ, «постепенно расстраивающих установившиеся издавна системы ведения киргизского скотоводческого хозяйства», областной киргизский съезд просил «вернуть в пользование киргиз на прежних основах лесные и другие пространства, изъятые в исключительное пользование казны в государственный фонд, улучшить породу киргизского рогатого скота, для чего за счет казны или земства отпустить... населению породистых производителей; наконец, учредить в области должности агрономов...» В целях решения наиболее наболевшего аграрного вопроса, съезд также просил «закрыть совершенно область для пере-

селения извне, прекратить прирезки существующим крестьянским, казачьим поселениям, вернуть незаселенные запасные участки, оброчные статьи и другие земли /97/.

В волостях предполагалось учредить особый народный суд биев по одному от каждого аула. Из этого состава, чередуясь периодически, пять биев должны составить постоянный волостной суд биев. Вышестоящими инстанциями должны были быть уездные съезды биев, которые избирались по одному представителю от каждой волости. Предполагалось разработать особый кодекс на основе шариата, обычаев и основных законов /98/.

Особо были показаны планы «по организации духовно-религиозного дела». Они сводились к организации в Петрограде высшего мусульманского духовного управления, в центре степных киргизских областей Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиречье учредить особое Духовное собрание и области эти наименовать «Казакстан».

Планировалось в областях, уездах построить по одной киргизской соборной мечети, при условии открытия при ней «медресе с более обширной программой». Места под них должны быть отведены из городских участков. При мечетях (волостной, аульной) предусматривались вакуфные земли, размером для аульной мечети в сто десятин, волостной – триста десятин /99/. В документах съезда подчеркивался демократический характер Временного правительства, правда, под «демократией» казахи понимали, прежде всего, возможность свободного развития образования, просвещения, культуры в целом. Отсюда появление обязательного блока, посвященного образованию. Высказывалась необходимость всеобщего, бесплатного и обязательного обучения, открытия в городах и «крупных поселках медресе за казенный счет» /100/, при чем речь по преимуществу шла о новометодных мектебе и медресе, что означало допущение светских дисциплин в учебные заведения. В документе фиксировалось пожелание, что «программы городских медресе должны быть равнозначны программам средних учебных заведений, волостные медресе с программами городских училищ, аульные мектебе с программами низших школ». Предусматривалось, что преподавание в мектебе и медресе должно производиться на родном языке. В то же время «должно быть уделено больше внимания к прохождению русского языка». Русско-туземные шко-

лы, в виду их негодности, предполагалось преобразовать в сельскохозяйственные школы с более обширной программой. Содержалось требование открыть при гимназиях и училищах интернаты для киргизских (казахских) детей. В целом организаторы Семиреченского областного Киргизского съезда полагали, что все требования, даже не требования, а пожелания могут быть осуществлены в рамках программ Временного правительства и вполне совмещались с государственными интересами России. Указанное наиболее рельефно проявилось в вопросе отношения к войне.

«Киргизы без сомнения принадлежат к одной из самых угнетенных и обиженных порядками старого режима народам России» – говорилось в резолюции. Поэтому они совершившимся переворотом и дарованными свободами дорожат «не менее граждан других национальностей». В то же время казахи, понимая, «что эта, только что полученная великая свобода, не может быть прочной без победы внешнего врага, в случае успеха, могущего вернуть нашу страну к прежнему строю», съезд высказался в силу вышеизложенных причин «войну довести до победного конца». Для этой цели предусматривалось оказание всемерной помощи армии «разного рода пожертвованиями» /101/.

Несколько шире, но по сути аналогичными, было отношение к этой проблеме делегатов Уральского областного съезда (Уральск, 19-22 апреля 1917 г.). Здесь было зафиксировано, что казахский народ «терпит от войны одинаковые лишения с другими народностями». «Его сыновья также мобилизованы для обороны отечества. Отсюда съезд признает, что война должна быть доведена до уничтожения германского милитаризма, угрожающего миру всего мира. Мир должен быть заключен на возвещенных советом рабочих и солдатских депутатов, высоконравственных принципах, т.е. без аннексии и контрибуции. Однако должна быть восстановлена независимость разоренных стран, предоставлено мелким народам право на самоопределение с последующим разоружением всех держав» /102/.

Съезд признал необходимость поддерживать Временное правительство до тех пор, «пока деятельность его направлена к осуществлению уже оповещенной программы и к охране интересов демократии».

Что понимала национальная интеллигенция под демокра-

тией, мы уже выяснили (возможность свободного развития культуры).

Было признано, что постановка дела начального, среднего, высшего образования «среди киргизов Уральской области до сего времени была совершенно неудовлетворительна». В целях изменения существующего положения был намечен ряд мероприятий, которые сводились к необходимости созыва киргизского учредительного съезда, открытию в Уральске среднего учебного заведения с программой мужской гимназии, увеличение количества стипендий для детей киргиз Уральской области во все высшие и средние учебные заведения /103/. Не остался без внимания вопрос о форме государственного управления, по которому была принята короткая резолюция. Ее содержание было созвучно аналогичным, принятым на ранее проведенных областных (Тургайском, Семиреченском) съездах. Здесь фиксировалось, что «монархизм – это символ рабства, демократии, источник натравливаний одних народностей на других должен исчезнуть навсегда. Киргизский народ приветствует идею демократической Республики, оставляя вопрос о национально-территориальной федерации пока открытым, в особую федеративной демократическую республику с учредительного собрания» /104/.

Вопрос о структуре власти не получил в документах съезда развернутого освещения. Было продекламировано о необходимости замены «прежнего бюрократического управления Зауральской области народным управлением в виде комитетов аульных, волостных, уездных. Что же касается аульных старшин, поселковых старост, волостных управителей и старшин, участковых крестьянских начальников, они были признаны «совершенно не отвечающими условиям местной жизни». Земельный вопрос должен быть решен в законодательном порядке – таким был вердикт съезда. Предусматривались съездом и временные меры, вплоть до его решения. Они включали в себя 12 пунктов. Характерным для них был высокий уровень правовой культуры и веры в цивилизованные начала учредительного собрания. В законодательном предполагалось решить вопросы о землях, отданных переселенцам по арендным договорам, вопрос о спорных озерах Чалкаре и Индере, «равно как и все существующие земельные споры, о рыболовстве на реке Зоне».

Все монастырские, архиерейские, церковные, дворянские земли, «до настоящего времени незаселенные и необорудованные в хозяйственном отношении, передать во временное пользование киргиз». Также в пользование киргиз предоставлялись и те переселенческие участки, которые освободятся вследствие обратного переселения в Европейскую Россию теперешних обитателей или освободятся вследствие каких-либо иных причин. Съезд также посчитал, что поскольку выше означенные земельные угодья расположены преимущественно в тех районах области, где возможно земледельческое хозяйство, и местное население издавна занимается здесь земледелием, приступить к использованию этих участков немедленно, «доведя об этом до сведения, как центральной власти, так и местных учреждений, ведающих землеотводной и землеустроительной работами» /105/. Таким образом, мы имеем здесь два интересных момента: первый – это факт того, что выдвигаемые требования, способы их решения были способны удовлетворить амбиции участников съезда, но в то же время они влекли за собой угрозу существованию других социумов; второй момент, это тот, что в рассматриваемый период никакая государственная власть не в состоянии была регулировать. Попытка делегатов совершить «равнение» земли, пусть даже в пределах волости, уезда проблемы не решала. И в сознание населения постепенно вводился образ учредительного собрания, которое они (делегаты съезда не были исключением) рассматривали в качестве панацеи от всех бед.

Анализ материалов Семипалатинского областного киргизского съезда (Семипалатинск, 27 апреля – 7 мая 1917 г.), замкнувший череду съездов, наиболее ярко показывает представления казахской интеллигенции о принципах организации власти. В работе съезда участвовало 200 представителей пяти уездов области, 15 человек организационного киргизского комитета, по инициативе которого был созван съезд /106/. Среди 15 вопросов, поставленных в повестку дня, первые пять были центральными, и насколько позволяют нам судить материалы, вызвавшие наибольшие споры: учредительное собрание, форма государственного правления, автономия и местное самоуправление, организация временных комитетов на местах, общекиргизский съезд /107/. В материалах съезда сквозит недовольство политикой Временно-

го правительства, наступающее разочарование. Очевидно, это было обусловлено тем, что по трем основным вопросам – земельная реформа, Учредительное собрание, мир – правительство действовало, по оценке Ричарда Пайпса, в весьма медлительной манере /108/. Между тем, от решения этих проблем зависела судьба постфевральского режима. Правительство было за Учредительное собрание, но не хотело созывать его в ходе революции, которая вызвала повеление масс. Поэтому они откладывали выборы на более спокойное время. Либералы выступали за проведение аграрной реформы, но тоже откладывали ее на послевоенный период, так как считали, что если осуществить ее без должной подготовки, то это вызвало бы дезорганизацию всего общества, которая в военных условиях была особенно опасна для государства /109/. Такая общая ориентация Временного правительства была воспринята с пониманием, но, тем не менее, делегаты Семипалатинского областного съезда заявляли: «Учредительное собрание должно быть созвано не позднее осени, в виду трудности производства выборов в зимнее время». Они считали, что только Учредительное собрание может окончательно внести «умиротворение и успокоение среди населения», поскольку только оно правомочно разрешить основные вопросы. Каким виделось это собрание делегатам? Они считали, что в нем должны быть представлены, по возможности, все народы России, на каждые сто тысяч должно приходиться по одному депутату. Избирательное право должно быть действительно всеобщим и равным. Не должно быть установлено никаких цензов: образовательного, имущественного, ценза пола и оседлости. Сами же выборы должны быть прямые, тайные, пропорциональные /110/. Таким образом, и здесь налицо была надежда на учредительное собрание, выборы которого (а это проходит и в других съездах) должны состояться как можно быстрее. Хотя, как считал Усман Токумбетов, такие вопросы (немедленная национализация школы, армии, проведение в жизнь культурно-национальной автономии и т.д.) решаются помимо любой конституанты /111/. Некоторые делегаты являлись сторонниками идеи федерализации страны, этим объясняется и резолюция по государственному управлению, в которой говорилось, что «в виду обширности территории, разнообразия населения, различия культурных условий в Российском государстве, съезд выска-

зывается за Федеративную демократическую республику» /112/. Другие, напротив, продолжали отстаивать идею культурно-национальной автономии, гарантированной Конституцией России. Отсюда появление отдельной резолюции «автономия для киргизского народа». Исходя из того, что признание «за отдельными национальностями права на культурно-национальное самоопределение возможно при осуществлении политической самостоятельности, говорилось в резолюции, что единство государства прочно сознанием всех слоев населения, общности политических интересов и справедливым удостоверением их, съезд находит необходимым отметить, что в первом Российском Учредительном собрании должны быть закреплены свобода, равенство и братство всех народностей, населяющих великую Россию, и должна быть им предоставлена возможность устраивать свою политическую жизнь соответственно национальным, бытовым, культурным, экономическим, историко-географическим особенностям». В то же время в резолюции отмечалось, «ввиду особого уклада жизни киргизского рода, требующего издания особых местных законов, съезд высказывается за автономию, предоставив окончательное разрешение этого вопроса киргизскому съезду... /113/.

Много внимания в резолюциях Семипалатинского областного казахского съезда уделялось власти, специальным институциям, предназначенным для ее реализации, при этом большое внимание было уделено как вопросам местного самоуправления, так и временным комитетам. Последние, по замыслу оргкомитета съезда, должны были сосредоточить в своих руках административное и хозяйственное управление, вплоть до момента опубликования центральным правительством общего положения по введению в областях местных самоуправлений. Они вводились в целях привлечения населения к участию в управлении областью /114/. Комитеты же всех уровней (областных, уездных, волостных, аульных) виделись как представительные органы. Им представлялось право «раскладки земских повинностей, расходования их и контроль». Интересно и то, что депутаты единодушно высказались за «необходимость сильной организованной власти», что, по их мнению, требовало «переживаемое революционное время». Делегаты поднялись до понимания необходимости создания органов власти независимо «от сословных, нaци-

ональных, вероисповедных и других различий», и выступали за необходимость создания «общих комитетов с пропорциональным в них представительством, с защитой прав меньшинства». Здесь ясно прослеживалась тенденция казахской интеллигенции к консолидации, стремление же к сильной власти, вероятно, вызвано опасением анархии, несовместимой с их мировоззрением. В целом же, подавляющая часть делегатов, отражая настроение масс, допускала в случае существования в силу каких-нибудь условий двух самостоятельных параллельных комитетов для русского и киргизского населения /115/, иными словами, допускалось двоевластие. Областной киргизский (казахский) комитет виделся как высший орган в области в отношении киргизского населения, сохранял свои полномочия до созыва Учредительного собрания. Предполагалось, что подчиняться он будет «центральному правительству» и выполнять функции административного и хозяйственного управления в области касательно киргизского населения. Допускалась необходимость согласованных действий и исполнительным комитетом общественных организаций и армий, на что ему были даны соответствующие полномочия. Более того, именно на областной киргизский комитет возлагалось право определения полномочий этих органов (в тексте – правоурегулирования)/116/. Конечно, теоретически при таком двоевластии комитеты должны функционировать как совмещенный законодательный и исполнительный орган. Но в этом случае создаваемая система власти вступала в противоречие с существующим государственным устройством и институтами власти Временного правительства. Насколько понимали это делегаты съезда? Можно ли допустить, что в этот период (апрель-май 1917г.) налицо была тенденция к дистанцированию от проблем России, – чем объяснить цели создания этих комитетов? В документах четко обозначено, что последние создаются «в целях укрепления и поддержки нового строя, сохранения спокойствия на местах, обеспечения населения и армии продовольствием и подготовки населения к сознательному участию в выборах Учредительного собрания /117/.

Очевидно, что казахская интеллигенция на съезде пыталась по-своему решить проблему власти. Ведь роспуск административной власти на местах, произведенный Временным правительством, привел отчасти к тому, что на местах власть

захватывали новые администраторы. Но, по меткому замечанию Р. Пайпса, они, не «имея того опыта работы, которым обладали те, кого они сменили, новые администраторы просто тупо подражали своим предшественникам». Управление страной, ведущей войну и охваченной революционной эйфорией, – сделалось невозможным из-за грубейших приемов, продиктованных доктринерскими представлениями о демократии, верой в мудрость народа и презрением к профессиональному чиновничеству и полиции. Россия весной 1917 г. явила миру уникальный пример Правительства, порожденного революцией, устранившей прежний аппарат управления прежде, чем оно (правительство) смогло бы заменить его структурами собственного производства /118/.

Отсюда, делегаты не стремились к сепаратизму, а пытались восполнить административный вакуум, образованный деятельностью центральной власти. Что же касается роспуска институтов и структур, реализовавших на практике волю российской власти, то он б ыл встречен весьма сочувственно интеллигенцией.

Разрабатывая систему власти, а по нашему мнению, комитеты именно ее и представляли, делегаты определили порядок их образования. В выборах аульные распорядительные комитеты принимали участие все проживающие в старшинстве (ауле), без различия пола, сословия, национальности, вероисповедания, лицами, достигшими 20-летнего возраста, по одному от каждых десяти избирателей /119/. Предусматривался ценз оседлости, лица из других обществ могут пользоваться избирательным правом, если прожили в пределах данного старшинства не менее 6 месяцев. В противном случае они лишаются избирательного права в своем обществе. Избранное лицо, десятник, должен был иметь полномочия от своих учредителей.

В дальнейшем «для исполнения и заведования всеми текущими делами» созданные комитеты должны были создать (избрать) исполнительный комитет. Штат планировался в составе председателя, его зама (товарища), секретаря и двух кандидатов. Обязанность казначея возлагалась на одного из членов исполнительного комитета, на него возлагался сбор податей и других земских, частных повинностей. Высказывалось пожелание, что руководящие органы власти «должны быть по возможности грамотными». В целом на этот орган

возлагались «все дела старшинства», за исключением религиозных и судебных. Распорядительный комитет должен был собираться исполнительным комитетом, «либо при наличии чрезвычайных обстоятельств», а также по требованию 1/5 числа распорядительного комитета. Собрание считалось законным, когда в нем принимало участие не менее 2/3 членов комитета /120/.

Предусматривалось создание волостных комитетов. Он состоял из уполномоченных аульных распорядительных комитетов, по одному от каждых 10-ти членов. По прибытию уполномоченный так же, как и в предыдущем случае, должен был предъявить свои полномочия. Структура волостного комитета была аналогичной аульной. Высказывалось пожелание, «чтобы секретарь мог вести делопроизводство и на русском языке». В случае, если секретарь не владел русским, то предусматривалась возможность (право) нанять писаря. При решении вопросов в документе, были заложены принципы голосования. «Голос председателя не дает перевеса, но он участвует в голосовании наряду с другими членами. В случае равенства голосов, «вопрос оставался открытым». Особое внимание было уделено дисциплине среди избранных депутатов. «Член, не явившийся подряд три раза без особых уважительных причин на собрание исполнительного комитета», терял свои полномочия. В этом случае его место оставалось вакантным и занималось одним из кандидатов. Право отпуска предоставлялось «в особо уважительных случаях» исполнительным комитетом. Функции волостного комитета были аналогичные аульным, как впрочем, и требования к созыву собрания и процедуры его работы /121/. В отличие от аульных, волостной распорядительный комитет избирал из числа депутатов ревизионную комиссию в составе трех лиц, для ревизии действий и отчетности волостных и аульных комитетов. Его результаты должны были быть доложены общему собранию волостных распорядительных комитетов. Принцип создания уездных комитетов был аналогичен вышеизложенному, за исключением одного момента. Согласно ему в распорядительные комитеты могли быть избраны посторонние лица, независимо от национальности, вероисповедания, места жительства и прописки. Единственное ограничение состояло в том, чтобы эти лица имели 20-летний возраст и не были «опорочены по суду» /122/.

Как уже указывалось выше, роспуск старой администрации встречен сочувственно интеллигенцией. Поэтому отдельной резолюцией выражалось отношение к институтам, не соответствующим новому строю: упразднены институты крестьянских начальников, переселенческого управления, институту становых приставов, урядников, с заменой их выборной уездной и волостной милицией. Функции ликвидированных учреждений передавались, временно, уездным комитетам, до введения в области земского самоуправления. Областное и уездное правление также временно оставались как канцелярия исполнительных комитетов. Особо подчеркивалось, что «всех вредных чиновников, издевающихся над народом, использовавших ради личных интересов свою должность, выживающих сок из народа – съезд постановил собрать все разоблачающие факты и предоставить областному киргизскому комитету для устранения их занимаемой должности и привлечения к судебной ответственности» /123/.

Большое внимание на съезде было уделено вопросам религии. Указанное объяснялось важностью вопроса для казахской интеллигенции, с одной стороны, с другой, часть казахской интеллигенции готова была поддержать любую государственную власть до тех пор, пока она не вторгалась в сакральную сферу шариата /124/, наконец, очевидно, что столь пристальное внимание духовно религиозным вопросам было попыткой примирить западников и тюркофилов /125/. В резолюции декларировалась необходимость отделения церкви от государства, необходимость утверждения (учреждения) для киргиз (казахов) особого муфтията. Кроме того, было отмечено, что «киргизские имамы и муэдзины как городские, так и волостные, избираются прямым голосованием всех горожан на три года.

Планировалось учреждение в каждой области коллегии из пяти мулл, избираемых муллами (городскими и волостными) на пять лет. Вводился для священнослужителей образовательный ценз. Дела наследства должны были решаться, согласно шариату, мусульманским духовенством. Но из ведения священнослужителей изымались «зекеты» (сборы на благотворительные дела) – [так в документе], которые временно должны находиться в распоряжении местных комитетов /126/.

Таким образом, на областных съездах были сделаны пер-

вые серьезные практические шаги на пути консолидации казахского общества, организационного оформления политического объединения, национальной государственности. Практически на всех областных съездах обсуждался вопрос о созыве общеказахского съезда. Как говорилось в наиболее типичной резолюции Семипалатинского областного съезда: «В целях объединения всего киргизского народа, выяснения и обсуждения его нужд, выработки политической платформы необходим созыв общекиргизского (казахского) съезда» /127/. Вопрос этот ставился и ранее. В июле 1913 г. начальник Оренбургского жандармского управления докладывал, что «среди киргиз всех областей... идет пропаганда о необходимости общекиргизского съезда». Его инициатором был присяжный поверенный Д. Сейдалин /128/. Вопрос этот активно обсуждался в прессе, в ходе его выявилось две позиции: Д. Сейдалин, Р. Марсеков, Б. Каратаев и другие настаивали на проведении съезда, с целью обсуждения насущных вопросов казахской жизни. На страницах «Айкапа» развернулась дискуссия. Группа казахской интеллигенции, тесно сотрудничавшая с газетой «Казах» (М. Дулатов, А. Букейханов, А. Байтурсунов и др.), напротив, считали, что главным на текущий момент является не вопрос созыва съезда, а просвещение казахского народа /129/. После выхода из партии кадетов в июле 1917 г. А. Букейханов приступил к организации самостоятельной политической партии /130/. Первым шагом на этом пути и стал общекиргизский (казахский) съезд, проведенный в Оренбурге (21-28 июля 1917 г.). В нем приняли участие делегаты Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской, Уральской, Семиреченской, Ферганской областей и Букеевской Орды. 12 пунктом программы был вопрос «Киргизская политическая партия» /131/. Найдя необходимость в отдельной киргизской политической партии, говорилось в резолюции по данному вопросу, съезд выработку инструкции (программы) поручил киргизским делегатам, избранным на Шура-Ислам. Было определено, что «партия должны основываться на демократической федеративно-парламентской республике». После выработки программы партии, делегаты посылают ее в киргизский областной комитет на рассмотрение /132/. Съезд также высказался о будущем России (должна быть демократическая федеративная парламентская республика), об автономии киргизских областей (об-

ластная автономия, смотря по национальным различиям и бытовым условиям), наметил список депутатов и кандидатов для выборов в Учредительное собрание /133/.

Приход к власти большевиков усиливает размежевание в обществе. В середине ноября 1917 г. в Омске создается партия «Уш Жуз», выступавшая за федерацию и объединение тюрко-татарских народов /134/, а 21 ноября 1917 г. в газете «Казах» публикуется проект программы партии Алаш, составленный А. Букейхановым, А. Байтурсуновым, М. Дулатовым, Э. Омаровым, Т. Жаждибаевым, А. Бирмекановым /135/.

В данном документе четко оговаривалось, что Россия должна стать демократической федеративной республикой, а каждое государство в ней «автономно и управляется само собой на одинаковых правах и интересах». Описанное государственное управление, власть отраженные в данном документе представляют собой квинтэссенцию всех решений областных съездов, но в некоторых моментах авторы пошли дальше. По-прежнему, как и в других документах, особая роль отводилась учредительному собранию, которое стоит во главе правительства, на которое возлагали большие надежды. В промежутках президент, избранный Учредительным собранием и государственной думой, он управляет через Совет министров и ответственен перед Собранием и думой. Думе отводилась роль законодательной власти, ей же принадлежало право контроля над правительством. Выборы депутатов производились прямыми, равными и тайным голосованием. В проекте программы Алаш четко указывает свою позицию, в этом смысле примечателен второй параграф. «Партия Алаш стремится, чтобы все лица, работающие в волостных и аульных судах, были честные и полезные народу. Партия стремится создать для народа благо и культуру. Бедных партия называет и считает товарищами, мироедов – врагами».

Автономия киргиз слагается из областей и входит в Российскую федерацию наравне с другими народностями /136/. Главными ценностями провозглашались равноправие, неприкосновенность личности и свободы слова, печати и союзов, у казахов должен быть свой муфтият.

По авторитетному мнению М.Б. Тулепбаева А. Букейханов и его соратники прекрасно осознавали, что государ-

ственное устройство Казахстана полностью зависело от государственного устройства Центральной России /137/. В то же время после Октябрьского переворота его отношение к центральной власти резко изменилось. После захвата власти большевиками, А. Букейханов напишет: «С лица большевика спала красная маска революционера и обнажила сущность черносотенца» /138/. В документах все более четко прослеживается стремление к изоляционистским установкам. Этот подход вытекал не из сепаратистских устремлений, а из диалектики собственных и государственных интересов, лежащих в основе поведения казахской интеллигенции /139/. Делегаты съезда, обсудив доклад Х. Габбасова об автономии, принимая во внимание, «что в конце октября пало Временное правительство, Российская республика лишилась власти, пользующейся доверием народа и моральным авторитетом, опасаясь возникновения гражданской войны, единственным выходом из создавшегося трудного положения считала необходимым позицию твердой власти, которую признавало бы все население казак-киргизских областей» /140/.

На съезде было единогласно принято решение образовать территориально-национальную автономию областей..., «представляющих сплошную территорию с господствующим населением казак-киргизского единого происхождения, единой культуры, истории и единого языка», ей было присвоено название «Алаш». На территории автономии все богатства, находящиеся на поверхности земли, водами, их богатствами, недрами земли составляли собственность Алаш. Алаш-Орда должна немедленно взять в свои руки всю исполнительную власть над казак-киргизским населением /141/. Алаш-Орда уполномочивалась съездом заключить займы, вести переговоры, был организован временный народный совет «Алаш-Орда», состоящий из 25 членов, в том числе 10 мест предоставлялось русским и другим народам, живущим среди казахов. При этом мнения разделились. Часть из них, 33 делегата выступили за немедленное объявление автономии (Х. Досмухамедов, Г. Алибеков, Б. Кул-манов и др.), против голосовали 42 делегата (Х. Габбасов, М. Дулатов, А, Байтурсунов, А. Букейханов и др.), мотивируя тем, что прежде необходимо выяснить отношение некиргизского населения степных областей в киргиз-казакской автономии и создании народной милиции /142/. В результате обмена мнениями был найден

компромиссный вариант, который был отражен в резолюции, которая была единогласно принята всеми участниками съезда. В месячный срок общекиргизскому народному совету Алаш-Орды предлагалось выяснить возможность присоединения всех казак-киргиз Туркестанского края к автономии Алаш; в случае отрицательного ответа должна быть объявлена автономия от имени всех остальных киргизских областей. В случае присоединения туркестанских казак-киргиз к автономии Алаш, должна быть объявлена Автономия Алаш при первой возможности /143/.

Таким образом, в материалах областных Всеказахских съездов четко проявилось отношение к власти и будущему государству. В решениях областных съездов были начаты первые шаги к консолидации казахского народа. Алашевцы впервые разработали программу развития Казахстана, в которой нашли отражение общенациональные интересы демократического преобразования страны. Лидеры национальной интеллигенции, по выражению М.Б. Тулепбаева, стремились к созданию идеального общества, в котором не должно быть никаких классовых конфликтов, должны быть установлены идеальные гармоничные социальные отношения. Фактически речь шла о создании правового демократического государства/144/.

1.3 Реформирование системы местного самоуправления

В ходе февральской революции в Казахстане органы самоуправления использовались Временным Правительством для конструирования местной власти. В связи с этим встал вопрос о необходимости проведения первичной демократизации городских дум и земств в качестве меры переходного периода до разработки новых правил формирования институтов политической власти на местах. Переустройство всей системы местного самоуправления на широких демократических началах осуществлялось в течение всего 1917 года.

Либеральные общественные силы саму судьбу революции связывали с осуществлением местной реформы, которая должна была объединить пришедшие в движение общество и государство. В декларации Временного Правительства (3 марта 1917 г.) формирование местного самоуправления на

основе всеобщего избирательного права было поставлено во главу предстоящих государственных преобразовании. Для предотвращения местной самодеятельности в организации органов самоуправления Временное Правительство 23 марта 1917 года образовало Особое совещание. В нем участвовали видные ученые, деятели земского и городского общественного управления /145/. На Особое совещание возлагалась разработка проектов законов и постановлений об изменениях земского и городового положений и приспособление их к новым условиям общественной жизни /146/. Совещание выработало следующие проекты: 1) волостного земства, волостных финансов, наказа по выборам в волостное земство в 43 земских губерниях; 2) реформы земского избирательного права, наказа по земским выборам, изменения земского положения, улучшения земских финансов, учреждений банка, городского и земского кредита; 3) введения земства в Сибири, Архангельской губернии, в Степном крае, Туркестане; 4) реформы городского избирательного права; 5) поселкового управления и наказа по выборам поселковых гласных; 6) Положения о милиции, административных судах и комиссариатах; 7) введения земства в казачьих областях и на Кавказе /147/.

Принятие законов должно было изменить ситуацию на местах, преодолеть общий кризис, проявившийся накануне февральской революции во всех сферах центрального и местного управления. Указанное наиболее рельефно проявилось в потере интереса к муниципальной деятельности, так как думы не имели возможности влиять на решение насущных проблем социально-экономической жизни городов. После февраля 1917 года деятельность городских дум и управ активизировалась. Весть о падении самодержавия они восприняли как сигнал к действиям по усилению влияния местного самоуправления в обществе. По получению известий из Петрограда о взятии Временного Комитета Государственной Думы, городские общественные управления первыми приветствовали его и обещали «все силы долга, совести и разумения отдать делу устроения светлого будущего» /148/. Семипалатинская городская Дума в своем определении от 4 марта 1917 года постановила послать за подписью всех присутствующих гласных телеграмму. В ней особо подчеркивалось «чувство восторга и глубочайшего преклонения перед

высоким подвигом, какой во имя спасения и славы России совершила государственная Дума». Содержалась просьба передать «горячий привет от семипалатинской городской Думы, которая всецело передает себя в распоряжение исполнительного комитета» /149/.

29 марта на места была отправлена телеграмма министра – председателя князя Львова, в которой доводилось до сведения городских Дум, что согласно указаний Временного Правительства «и в исполнение объявленной им декларации МВД начаты в срочном порядке работы по реформированию строя местного самоуправления. Сообщалось, что в «ближайшем времени имеет быть издан временный указ об установлении выборов в органы местного самоуправления на основе прямого равного и тайного голосования». Особо подчеркивалось, что идет разработка указов «о расширении компетенции органов местного самоуправления, реформе административного надзора и создания в крупных городских поселений мелкой городской единицы». Кроме того, изменения коснуться права органов самоуправления образовывать союзы и созывать съезды. В телеграмме оговаривалось, что «в первую очередь, в течение апреля (1917 г.) последует издание указов о выборах в Государственную Думу и положение о милиции» /150/.

Не дожидаясь заявленного в телеграмме нового закона, Семипалатинская городская Дума постановила 12 апреля 1917 года образовать городскую комиссию для составления списков избирателей и производства выборов в составе Г.И. Тарасевича, П.К. Архангельского, Г.И. Виноградова, А.И. Доброхотова, И.Я. Малахова, А.М. Мулодобаева, И.М. Габдулжапарова, Р.М. Марсекова, Р.М. Елькибаева/151/.

15 апреля 1917 года было принято постановление Временного Правительства «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях». Согласно этому документу, вводились Временные правила о производстве выборов гласных городских дум в городах, «в коих действует городовое положение 11 июня 1892 г., а также в городах Петроград и Ташкент». Временные правила предписывали «немедленно по обнародовании сего постановления» приступить к составлению избирательного по городу списка «для производства выборов гласных в городскую думу, не ожидая истечения срока полномочий гласных (городских

уполномоченных), избранных на основании действующих законоположений». Документ определял число гласных в городах, которые «избираются на срок до 1 января 1919 г.» Общее количество гласных, подлежащих избранию в городскую Думу по Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской областям – 410 человек /152/. Наибольшее количество гласных городских дум приходилось на Акмолинскую область – 50,2%, в том числе в Омске – 105, Акмолинске – 28, Кокчетаве – 20, Петропавловске – 53 человека. На Семипалатинскую область приходилось 41,2% мест, определенных постановлением 15 апреля 1917 года. Здесь места распределялись следующим образом: на Семипалатинск – 60, Зайсан, Каркаралинск, Кокбекты – по 20 мест, Павлодар – 22, Усть-Каменогорск – 27. В Актюбинске избирали 35 гласных /152/. На практике тот список постоянно расширялся, поскольку список сельских поселений, обращаемых в города с введением в них городового положения, постоянно обновлялся. Так, в Уральской области статус города приобрел г. Темир, куда подлежали избранию в городскую думу 20 гласных /153/.

Правом участия в выборах гласных пользовались российские граждане обоего пола, всех национальностей и вероисповеданий, достигшие ко времени составления избирательных списков двадцати лет, если они во время составления списков проживали в данном городе, имели «в городе домашнее обзаведение...», состояли на службе, в той или иной мере связанные с городом /Определялось, что в выборах не имели право участвовать «высшие в пределах губернии, области, градоначальства и соответствующего уезда, представители аминистративной власти и их заместители и помощники, лица, состоящие в пределах области или города на службе в милиции, безумные, сумасшедшие и глухонемые. Вполне очевидно, что данный документ был предметом внимательного изучения и обсуждения. 19 июня 1917 года он рассматривался на заседании Семипалатинской городской Думы. Докладчик подчеркивал, что ряд статей Временных правил о производстве гласных городской Думы и статьи 4 Наказа МВД о применении этих правил предусматривают «заблаговременное испрошение управой указаний городской Думы о способе объявления во всеобщее сведение о дне, часе и месте выборов и списков, предложенных к баллотировке кандидатов в гласные списка избранных гласных и кандидатов к ним».

Думе было предложено «для удобства подачи голосов» разделить город на четыре избирательных участка, «соответственно бывшим полицейским частям, ныне милиционным участкам». Участки предлагалось разместить «согласно указания ст. 13 наказа для первого участка – общественное собрание, для второго участка – первое мужское высшее начальное училище, третьего – помещение приказчьего клуба и четвертого участка – помещение бывшего заведующего слободской при пожарном депо».

Списки избирателей «с ровно и кандидатов в гласные» предполагалось для обозрения выставить в тех же помещениях, опубликовав при этом во всех местных газетах» /154/. Сроки выборов в городские думы были различными. Они зависели от состояния власти на местах. Акмолинский областной комиссариат сообщал, что к выборам городских дум «приступлено, согласно правилам, 17 апреля, 9-10 июня выставляются списки. Городские Думы представителями демократических слоев уже пополнены, вновь пополнение не предполагается /155/. В Семипалатинскую городскую думу они прошли в более ранние сроки /156/.

В результате выборов гласных городских дум их состав значительно демократизировался, включая' в себя представителей различных общественных организаций, представляющих широкий спектр идеологических, политических направлений. Но его новый состав практически никак не отразился на структуре вопросов, рассматриваемых в городских Думах. В основном они касались важнейших сторон организационно-хозяйственной деятельности городов. Самостоятельных действий в организации новой власти на местах Думы предпринимали редко, ждали указаний из центра, местной администрации. Политические вопросы обсуждались не часто. К примеру, из всех доступных нам определений Семипалатинской городской Думы, рассматривались не более восьми раз за весь 1917 год.

На процесс демократизации городских Дум в 1917 году влияли различные организации, претендовавшие на власть от общественных комитетов до советов. Единообразия, естественно, не наблюдалось. Степень влияния зависела от силы и степени их влияния в различных районах. Все они, общественные организации, имели представительство в комитетах, делегировали своих представителей в Думы с целью их

демократизации. Вполне естественно и то, что они соперничали за влияние в ней. Это происходило по разным поводам, в том числе и тогда, когда та или иная организация считала свои права ущемленными. Так, согласно ст. 90 Постановления Временного правительства об изменении действующих положений, об общественном управлении городов, создавалась городская управа, состоящая под председательством городского головы и его заместителя и членов управы. 6 августа 1917 г. в Семипалатинске были назначены выборы нового состава Думы. Представители различных организаций не смогли договориться по кандидатуре, в результате воздержались (бойкотировали) выборы, в результате вопрос был отложен /157/. Острый конфликт произошел в ноябре 1917 г. Гласные социалистического блока, списка № 5 Семипалатинской городской Думы (Кузин, Салов, Григорьев, Григорьева, Андреев, Керн и другие – всего 11 человек) выступили с заявлением. В нем высказывалось мнение, что работа в городской Думе окончательно показала, что правые группы гласных, имеющие фактически крайне незначительное большинство, игнорируют права и мнения меньшинства, т.е. почти половины Думы. Блок социалистов-революционеров и социал-демократов заявил, что городская Дума вместо того, чтобы быть представительницей интересов всех слоев населения, «делается послушным орудием более правых классов. Этим создается опасность вовлечения Думы в действия направленные против широких слоев демократии» /158/. В качестве примера был приведен случай созыва частного совещания, без участия левых гласных. Решение о создании дружины, принятое на нем, рассматривалось, как контрреволюционный заговор, «задуманный в виду недоверия к местным демократическим организациям и органам власти». Гласные списки № 5 решительно протестовали против «такого пользования именем городского самоуправления». Оно было расценено, как «полное непризнание правой частью гласных, президиумом Думы, городской управой, прав левых гласных, как равной стороны, при решении текущих вопросов жизни города, и особенно в наиболее серьезные моменты». Меньшинство указало, что большинство показывает «полное непонимание... действительных нужд и настроений демократии, недопустимое незнание тех способов и путей, которыми единственно возможно достичь соблюдения интересов всего

населения...». В силу изложенного, «группа списка № 5 считает невозможным для себя и бесполезным для пославших ее классов населения города – дальнейшую работу..., пока большинство Думы не изменит своей тактики и не признает прав меньшинства» /159/. На заседании было выдвинуто требование, по своей сути ультиматум, о необходимости «замещения президиума и городской управы лицами, против которых не будет заявлен прямой протест и недоверие со стороны левых групп». В случае отказа они «слагали с себя ответственность за все последствия дальнейшей работы». В заявлении содержалось обращение «к своим избирателям и широким слоям городской демократии с призывом к организованному активному воздействию на городскую думу в деле защиты и охраны интересов демократии» /160/.

В свою очередь гласные списка № 4 (П.В. Клепацкий, Н.В. Вайсер); № 6 (И. Матанцев, Р. Ершов, И. Усков, В. Колтыпин), представлявшие большинство, считали, что заявление гласных социалистов не нуждается в опровержении, поскольку представляет собой образец «фраз обычной современной политической полемики, голословно заявленных». В доказательство, они ссылались на протоколы заседаний, которые, по их мнению, как раз и доказывают обратное. Они считали, что гласные социалисты имели право путем обжалования добиться восстановления их нарушенных прав. Более того, они обязаны были это сделать, так как в Думе, по их мнению, «творят не личное дело, а общественное, возложенное на них избирателями» /161/. При обсуждении вопроса было также подано заявление председателем фракции социал-демократов меньшевиков, гласным Думы С. Топинским, в котором указывалось, что группа гласных этой фракции присоединяется к заявлению гласных списка № 5 /162/. Гласный Р.М. Марсеков, выпускник Санкт-Петербургского университета, представитель киргизского (казахского) комитета, также зая вил о присоединении к заявлению гласных списка № 5, делегатов избранных по списку № 1 /163/. Конфликт закончился подачей Президиумом Думы и составом городской управы, заявлений об отставке /164/. Просматривая эти документы, можно ясно увидеть степень накала страстей в работе Думы. Сложно, конечно, судить или осуждать ту или иную сторону конфликта. Ясно видно, что шла подмена тезисов, много было показухи, особенно в полном тексте за-

явлений большинства, которое сослалось в одном из фрагментов своей правоты, на принятие решения о повышении содержания служащим городских управ. Ведь, по сути, речь шла о важном моменте – охране общественного порядка. Эта тема была одной из наиболее острых. За приоритет в этой области управления Дума боролась с советами, общественными комитетами. Вероятно, указанное объяснялось тем, что в муниципальной милиции, городские Думы увидели действенный инструмент для борьбы с революционным хаосом, защиты интересов собственников вообще и хозяйственных структур в частности. Мотивировали Думы свое право направлять деятельность странных мероприятий власти, прежде всего значительной долей расходов на содержание милиции, возложенных на органы самоуправления. Вопросы охраны общественного порядка возникли одновременно с формированием новых властных структур в ходе демократических преобразований. На первых порах их пытались решить все: Советы, Думы, комиссары. Приоритет той или иной структуры в организации милиции первоначально определялся степенью активности каждой из них в конкретной местности, но постепенно, охранные функции были сосредоточены в органах местного самоуправления. Городские Думы и их исполнительные органы – управы занимались конкретной практической работой по организации милиции.

В своей деятельности они опирались на постановление Временного правительства «Об учреждении милиции». В нем четко определялось, что милиция, как исполнительный орган государственной власти на местах, состоит в непосредственном ведении земских и городских общественных управлений. В ведении земских собраний и городских Дум находилось определение состава, числа, окладов, содержания чинов милиции и служащих канцелярий. Для Казахстана было важным оговорка, содержащаяся в положении, о том, что «в не земских губерниях до введения земства весь уезд подлежит ведению начальника милиции, избираемого городской управой уездного города» /165/. Временное положение, принятое 17 апреля 1917 г. определяло, что милицию составляют начальник милиции, его помощники, участковые начальники милиции, канцелярия и помещение для арестуемых. Расходы по содержанию уездной и городской милиции относятся как на средства, ассигнуемые из государственного казначейства

по смете МВД, так и на суммы, отпускаемые городскими Думами и уездными земскими собраниями из местных источников. Город и уезд делились на участки, подведомственные уездным и городским участковым начальникам милиции. Этим занимались городская и земские управы.

В ведении городского управления и уездных земских управ, согласно документу, входило избрание начальника милиции и его увольнение, и его помощников. Оговаривалось, что на должности по милиции не могут быть назначены лица, состоявшие под следствием и судом, по обвинению в преступных деяниях, подвергшиеся по суду лишению или ограничением прав или осужденные за кражу, мошенничество, присвоение вверенного имущества, укрывательство похищенного, покупку и принятие в заклад заведомо краденного, в виде промысла или получение через обман имущества, подлоги, лихоимство и ростовщичество, – если со дня отбытия наказания прошло менее пяти лет, несостоятельные должники и т.д. /165/.

Городской Думе, уездному земскому собранию, начальник милиции представляет ежегодно отчет о своей деятельности. Городская Дума имела право потребовать от начальника милиции личных объяснений. В городскую управу могли обжаловаться жалобы на действия начальника милиции и его помощника. В случае явного несоответствия начальника милиции занимаемой должности, правительственный инспектор в праве был временно устранить его от должности, при этом сообщить о том городской или уездной управам для окончательного увольнения его от должности. Оговаривалось, что если городская Дума или управа не уволит начальника милиции в течение семи дней, правительственный инспектор имеет право предоставить все дело министру Внутренних дел, который выносил окончательное решение.

В случае, если городская Дума не сформирована, то руководство его осуществлял уездный комиссар. Такое положение наблюдалось в Уральской области, где милиция была «сформирована по указу общая, руководит ею начальник уездной милиции» /166/. Следует отметить, что на практике при формировании милиции, городские Думы столкнулись с проблемами, которые требовали консультаций с центром, и были сложны. Именно этим объясняется тот факт, что вопрос этот специально обсуждался в августе 1917 г. на совеща-

нии в Петрограде. Здесь было высказано две точки зрения. Согласно первой, было предложено о выборности членов милиции, согласно второй – этого нельзя было допускать, поскольку «милиция, есть орган исполнительной власти». Предлагалось так же предоставить дело устройства милиции на усмотрение местных Дум, общественных организаций. С этим не согласилось Министерство Внутренних Дел, настаивающее на необходимости «общей инструкции для всех мест об организации милиции». Представители Туркестана, Акмолинской области высказывали мысль не только о необходимости распространить предложение Министерства о единых требованиях на окраины, но и том, что милиция должна быть единообразна. Была поддержана идея Министерства о необходимости введения должности инспектора милиции. Указанное обосновывалось тем, что «он [инспектор] является связующим звеном между местной и главным управлением по делам милиции» /167/.

Городские самоуправления разрабатывали, несмотря на результаты совещания, свои инструкции по формированию милиции с учетом местных условий и возможностей. Рассматривая вопрос о содержании милиции, многие отмечали отсутствие в городской казне необходимой на содержание милиции средств. Выход был разный, в том числе посредством «обложения всего населения области, через областное правление, добровольных пожертвований зажиточного русского и мусульманского населения» /168/. В Верном разработали и утвердили временное положение о милиции, предоставив его для дальнейшего утверждения Турккомитету. Обсудив вопрос содержания начальников милиции и их помощников, решили, что эти должности должны заниматься офицерами и содержаться за счет казны. В виду вышеизложенного «просить члена Туркестанского комитета Временного правительства об ассигновании сумм на содержание указанных лиц» /169/. Используя ситуацию всеобщих преобразований, городские Думы стремились поскорее передать самые хлопотные дела, бывшие раньше в их компетенции, новым комитетам и комиссиям. Так, местные городские Самоуправления поспешили передать в продовольственные комитеты заботы по снабжению населения продуктами питания, возложенными на них в военное время с введением нормированного распределения товаров первой необходимости. Переда-

вая вопросы закупки продовольствия и снабжения им населения, продовольственным комитетам, органы городского самоуправления оставляли за собой право надзора за их деятельностью. Такая ситуация порождала спорные ситуации, за разрешением которых они обращались к областным комиссарам /170/. Сложным вопросом оставался вопрос финансирования местных нужд, являвшихся компетенцией городских органов самоуправления. Практически все избранные городские управы продолжали заниматься своими обязанностями, но все они требовали революционных событий. В целом, говоря о демократизации органов городского самоуправления, отметим догоняющий характер этого процесса. Городские Думы, выступавшие с инициативой образования временных общественных комитетов для организации новой власти, не редко свой состав не торопились пополнять демократическими элементами. Это отодвигало их на задний план не только при формировании местной администрации Временного правительства, но и в конкретной борьбе старых и новых органов самоуправления.

Характерной особенностью местного управления в 1917 г. являлось не только расширение объема полномочий и компетенции городских органов самоуправления. Знаковым было расширение территории введения земств, они были созданы даже в тех районах, где ранее их не было: в Степном крае и Туркестане /171/.

Практически во всех докладах областных комиссаров, особо подчеркивая, что «положение о земских учреждениях ожидается с большим нетерпением». Акмолинский областной комиссар считал, что «длительная задержка его может приостановить некоторые отрасли земской жизни: земские сообщения, почту и др. Старые земские сметы совершенно не удовлетворяют /172/.

17 июня 1917 г. было обнародовано постановление Временного правительства «о введении земских учреждений в областях Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Тургайской и Уральской». Согласно п. 1 документа, утверждение Временным правительством 17 июня 1917 года временное положение о земских учреждениях в губернии Архангельской и в губерниях и областях Сибири было введено в действие в вышеназванных областях. Исключения касались лишь земель Сибирского, Семиреченского и Уральс-

кого казачьих войск. Министру Внутренних дел было предоставлено право определять, согласно с заключением соответствующих областных земских собраний, сроки и порядок образования волостных земских учреждений в местностях, где областными земскими собраниями это будет признано возможным /173/. Отметим определенную преемственность, логическую выдержанность постановления. Так, ст. 3 особо подчеркивала, что в городах Омске, Петропавловске, Семипалатинске, Верном «заведывания делами местного общественного хозяйства и управления до сих городов относящимися, возлагается на общественное управление, причем городские Думы пользуются правами, несут обязанности уездных земских собраний, а городские управы – уездных земских управ». Отмечалось, что уезды Омский, Петропавловский и Верненский «имеют особые от городов Омска, Петропавловска, Семипалатинска и Верного земские собрания и управы» /174/. С образованием земских учреждений упразднялись указанные в соответствующих штатах, расписаниях, особых положениях по врачебной, сельско-врачебной, сельско-ветеринарной частям. Акмолинскому областному земству передавались центральная школа фельдшеров в Омске, Семиреченскому областному земству – Пастеровская прививочная станция в г. Верном /175/. Определялся круг обязанностей, функций, повинности. Так, в Семиреченской области в доход областного уездного земства поступал, согласно постановлению, сбор с патентов на заводы и заведения для выделки напитков, подлежащих оплате акцизом, изделий из спирта или вина, заведений продающих спиртные напитки, в размере 25% с цены, казны в возмещение всего сбора в размере соответствующем среднему поступлению сбора с патентов; в областях Уральской и Тургайской за пятилетие с 1896–1900 гг., Акмолинской, Семипалатинской за пятилетие с 1897–1901 гг. Кроме того, в доход областного и уездного земства поступает половина сбора, за выдаваемые окружными судами на право ходатайствовать по чужим делам в судах свидетельства. Областным земствам, согласно постановления, отпускается ежегодно пособие из средств государственного казначейства на содержание врачебной части в Акмолинской и Семипалатинской – 7 867 руб.; Семиреченскому – 14 160 руб., Тургайскому, Уральскому – 9 440 руб. /176/.

Согласно расписанию, числа гласных уездных и областных земских собраний планировалось избрать в Акмолинской области – от городского населения – 7; от сельских местностей – 337 человек; от Семипалатинской соответственно – 16 и 278; Семиреченской – 19 и 344; Тургайской – 11 и 255; Уральской – 1 и 196 человек /177/.

Для Сырдарьинской, Закаспийской, Ферганской, Самаркандской областей правила о приведении в действие отдела I постановления Временного правительства о введении земских учреждений были разработаны Председателем Туркестанского комитета Временного правительства В. Наливкиным 26 августа 1917 г.

Ахмед-Заки Валидов, известный как историк, тюрколог, глубокий знаток общественной мысли Востока, России и Запада оставил любопытную характеристику автора. Наливкин, по его мнению, хорошо знал тюркский и персидский, он изучал историю народов Туркестана по оригинальным источникам. Его исследование по истории Кокандского ханства было издано не только на русском, но и на французском языках. Кроме того, в 1908 году он написал труд «Туземцы раньше и теперь», полный чувства любви к туркестанцам. Наливкин, пишет Ахмед-Заки Валидов, был солдатом, дорос до губернатора, принадлежал к социал-демократической партии, был депутатом от нее в Государственной Думе /178/. Наливкин видоизменил Туркестанский комитет, сделав его коалицией разных партий и политических организаций. По свидетельству З. В. Тогана, Наливкин был социалистом и хорошим человеком, он верил в право каждого на справедливость. Именно его и назначили комиссаром всего Туркестана /179/. По его проекту во главе организации земских учреждений, должны быть областные комиссары и состоящие при них областные советы. В уездах уездные по введению земства комитеты, в волостях – особые лица. Именно им, по рассматриваемому проекту, предоставлялось право собирать все необходимые сведения через волостные правления, комитеты, податных инспекторов. Указанные должностные лица должны предоставлять информацию не позднее семи дней со дня поступления соответствующих требований. Областные советы дают указания на образование в каждом уезде комитетов по введению земства из 15 человек рекомендованных Советом. Областной комиссар должен был указать списки обществен-

ных организаций, которые должны образовать уездные комитеты по введению земства. Последним присваиваются права и обязанности уездной земской управы. Уездные по введению земства комитеты приступают не позднее трех дней к распорядительным действиям, в случае получения распоряжения областного комиссара /180/. Оговаривалось, что в течение двух недель уездные комитеты должны выполнить свою программу. Она включала в себя определение населенных пунктов, населенных мест, входящих в состав существующих волостей с оседлым населением, причислят к земствам железнодорожные и иные городского типа поселки и волостям не приписанные, определяют по каждой из них число членов волостной избирательной комиссии, сообщают волостным комитетам о положении состава волостных избирательных комиссий, определят и число волостных гласных по каждой земской волости с оседлым населением, распределят общее число гласных между сельскими избирательными округами, разделяют уезд на избирательные округи. Назначает председателей участковых и окружных избирательных комиссий /181/.

Для введения в Семиреченской области земских учреждений правила были разработаны О.А. Шкапским по уполномочию председателя Туркестанского комитета. Они обсуждались в Совете общественных организаций 21 сентября 1917 г. /182/. Статья первая, разработанная О.А. Шкапским гласила, что местные распоряжения по введению земских учреждений в Семиреченской области возлагаются в области на областного комиссара и на объединенный совет областных общественных организаций, в уезде на уездные по введению земства комитеты, в волостях на особых лиц командируемых для этой цели уездными по введению земства комитетами /183/. На собрании этот пункт не вызвал особых возражений, уточнена была лишь его реакция. Вторая статья, говорящая о создании особой комиссии не вызвала возражений. Также без изменений были приняты 6, 7 и 9 статьи, регламентирующие порядок взаимоотношений общественных организаций с объединенным Советом, сроков и порядков открытия действий уездными по введению земства комитетами /184/. В редакции составителя приняты были и остальные статьи. Отметим, что проект О.А. Шкапского почти дословно, с незначительными отступлениями повторял вариант, предложенный В. Наливкиным.

Наконец, 13 октября 1917 г. на имя Семиреченского областного комиссара поступил третий вариант законопроекта о дополнении и изменении для Туркестана временного положения о земских учреждениях в губернии Архангельской и в губерниях и областях Сибири. Туркестанский комитет в сопроводительном письме указывал, что закон о земском самоуправлении в Туркестане настоятельно требует коренной переработки применительно к местным условиям. Турккомитет считал, что необходимо предоставить местным организациям возможность высказаться о желательных формах земского самоуправления. Препровождая означенный законопроект областным комиссарам, Турккомитет просил сделать заключение по нему местными общественными организациями /185/. Вероятно, существуют и другие варианты законопроекта, но пока они не обнаружены.

Процесс создания в Семиречье уездных по введению земства комитетов пришелся на октябрь 1917 г. Выше мы уже указывали, что третий вариант проекта датируется 13 октября 1917 г. Между тем уже 2 октября 1917 г. в г. Верном образован был из представителей разных общественных организаций Верненский уездный по введению земства комитет. 10 октября он опубликовал в газетах свое обращение к населению. В нем подчеркивалось, что вводимое в Семиречье земство «не представляет копию существовавшего в России земского самоуправления, а является настоящим самоуправлением, основанным на широком народном представительстве, которого добивалась вся демократическая передовая земледельческая часть населения России...» /186/.

Верненский комитет в своем обращении заявлял, что земское самоуправление основано на глубоко правильной и разумной идее, что никто лучше населения самого не устроит свою жизнь, не решит вопросов его касающихся, а потому оно и должно свою жизнь устраивать через особых выборных людей земцев, образующих земские собрания. Наше земство, заявлял Верненский комитет, будет свободно от государственной опеки, потому что в обновленной России верят в Вашу, граждане способность, силу и преданность своему отечеству, верят в то, что ничего вредного как для самих себя, так и для нашего отечества вы не учините, а наоборот, везде и всегда будете сеять одно лишь благое и полезное семя /187/. По сведениям председателя Семиреченского об-

ластного по введению земства комитета датируемой 29 марта 1918 г., к моменту написания записки по именующимся сведениям в областном комитете уездные земские собрания состоялись в Верненском, Пржевальском, Капальском уездах. В Пржевальском уезде собрание состоялось только в приозерной части уезда, без Нарынского участка. Уездные земские управы были образованы в Верненском, Пржевальском и Капальском уездах. В Лепсинском и Джаркентском уездах выборы уездных земских гласных состоялись, на 10 марта были назначены уездные земские собрания. Что же касалось Пишпекского уезда, то во многих избирательных округах не были произведены выборы уездных земских гласных. Таким образом, в Семиречье процесс создания земских учреждений был прерван октябрьскими событиями и приходом к власти большевиков.

В степном крае, в отличие от Семиречья, становление земских учреждений проходило на основе постановления 17 июня 1917 г., специальных проектов здесь не разрабатывали. Особенностью региона было то, что введение земства здесь увязывалось с переделом территориальных границ. Так, 6 июня комиссар по Степному генерал-губернаторству И.П. Законов просил Семипалатинского и Акмолинского областных комиссаров сообщить ему, признают ли они необходимость произвести в областях передел границ, поскольку, по его мнению, это «поможет избежать ломки областных земств в будущем...». «В утвердительном случае, какие будут Ваши по сему предмету предложения» – запрашивал И.П. Законов /188/ . 12 июня 1917 г. Акмолинский областной комиссар Лепко в своей телеграмме Законову излагает свою позицию. Он считает, что «вопрос о переделе территориальных границ... пока оставить открытым, так как по уведомлению МВД положение о введении в области земства уже разработано, вскоре будет вынесено на утверждение Временного правительства» /189/.

Но вопрос этот решить до введения земства не удалось. 27 июня в Семипалатинске была получена телеграмма Львова о введении земства, текст которой был крайне искажен [190]. Семипалатинский областной комиссариат сообщал И.П. Законову, что текст телеграммы о введении земских учреждений в степных областях был исправлен 30 июня, в этот же день были оповещены все уезды, общественные организации, разосланы во все местные газеты. Тогда же по телегра-

фу «были запрошены все уездные комитеты о том, принимают ли они организацию уездных и волостных земств на себя или же надлежит образовать особые комитеты». В результате выяснилось, что в Усть-Каменогорском, Зайсанском, Павлодарском, Семипалатинском уездах необходимо организовать комитеты по введению земства. Практически сразу же встал вопрос об их финансировании. Областной комиссариат запросил МВД о выделении 60 000 рублей /191/. И.П. Законов поддержал ходатайство. В своей телеграмме в МВД он обосновал это обширностью края, отсутствием на местах подходящих людей, недостаточной осведомленностью населения. Он доводил до сведения Петрограда, что областные комитеты по введению земства направили на места «спешно подготовленных специально людей», что вызвало дополнительные расходы (проезд, суточные, связь) /192/. Сметы составлялись самими областными комиссарами, статьи расходов были различными. Так в Семипалатинской смете предусматривалось выделить уездным особым комитетам по введению земства по 8 000 руб. с расчета: на телеграфную связь – 900 руб.; типографские расходы – 2 100 руб., канцелярские – 1000, временный наем служащих – 1 000, содержание, командировки особых инструкторов по земству – 3 000 руб. /193/. В Омске была составлена отдельная смета для русских волостей, по которой было запрошено 15 000 руб., отдельно Омским комитетом составлялись сметы «по киргизскому и казачьему населению». На расходы последних двух говорилось, что, «возможно, будут найдены местные средства» /194/.

В Семипалатинске также начали изыскивать финансовые резервы, и было найдено 12 500 рублей продовольственного капитала /195/. Все прекрасно понимали, что этими мерами поставленную задачу не решить, и необходимы координальные изменения. Законов, анализируя ситуацию, прямо укажет, что в силу нехватки средств «государственное дело ставится на шаткое основание, создалось чрезвычайно тяжелое, опасное положение. Необходимо немедленное ассигнование средствами государственного казначейства». Необходимо было оплачивать «труд разъездных комиссаров», организацию курсов волостных секретарей. Особо выделялась оплата типографских расходов, где печаталась земская литература, «которой, в силу совершенно исключительных местных условий, требуется огромное количество» /196/. 12 августа 1917 г., на-

конец, было выделено «около 150 000 рублей на расходы по введению земства» /197/. Акмолинской области было ассигновано ранее 26 июля 1917 г. на эти же цели 158 400 руб. /198/. В целом отметим, что уездные земства в области были созданы не везде, а к своей деятельности приступили лишь в январе 1918 г., когда состоялось первое областное чрезвычайное земское собрание.

В Тургайской области вопрос о введении земства обсуждался на заседании областной управы 28 июня 1917 г. Организация уездного земства была поручена существующим в уездах гражданским комитетам. Им было рекомендовано создать специальные секции путем кооптации в них компетентных лиц, которые могли бы «оказать существенную пользу при организации уездного земства». Президиуму областной управы было поручено пригласить инструкторов для командирования их на места в помощь уездным земским секциям. В областях при управе так же образовывалась секция по введению земства в составе трех человек. Ей предоставлялось право «кооптации в ее состав сведущих лиц». Интересно то, что ей было поручено, также как в Туркестане, выработать «особую инструкцию по организации земства применительно к местному быту и по телеграфу передать ее на места» /199/. В уездах области вопрос обсуждался на заседаниях местных органов власти. Так, согласно протоколу Актюбинского уездного гражданского комитета, был заслушан доклад Ткаченко о введении волостного земства в области и разделении волостей в уезде. После обмена мнениями было постановлено, признать необходимым ввести немедленно волостное земство. За волостную единицу признать существующую волость «отдельно русскую и киргизскую». Под существующими волостями понимались и те волости, которые «выделились в последнее время и уже действуют самостоятельно утверждения», хотя не получили официального утверждения. Допускалось, по соглашению русского и казахского населения соединение нескольких волостей в одну мелкую земскую единицу. Разделение волостей до введения земских учреждений в области признано нецелесообразным. Было заявлено, что выполнить требование Временного правительства о непрерывности территорий волостных земств, невозможно. Организация возлагалась на уездную гражданскую управу, которая имела право приглашать для этой цели сведущих

лиц. Для более успешности организации земства и разработки положения о подоходном налоге признать необходимым избрать особую комиссию. Учитывая особое положение Тургайской области и ее уездов против внутренних губерний, где давно введено земство и что в скором времени не представляется возможность произвести, согласно закону выборы в земство, срочно просить областную управу о возбуждении ходатайства перед Временным правительством, о признании Актюбинского уездного гражданского комитета правомочным для самообложения населения и просить уполномоченных созвать на местах сходы, на которых разъяснить значение земства и налогов, утвердить их протоколами на местах /200/. Налоги по уезду утвердить на уездном съезде. Указывалось, что обложению подлежит все движимые и недвижимые имущества, доходы и капиталы, которые находятся на территории уезда.

Работа по организации земства в областях не заняла много времени. В результате 16 октября 1917 г. в Тургае, 25 октября 1917 г. в Иргизе открылись первые уездные земские собрания /201/.

Реформа местного самоуправления в Казахстане имела большое значение. Введение земского самоуправления являлось важным этапом в становлении структур гражданского общества. Впервые создавалось самоуправление гражданское: земства выбирались гражданами, а не корпоративными объединениями. Земские учреждения включали в себя распорядительный орган (земское собрание) и исполнительный (земская управа).

Отметим подотчетность исполнительного органа распорядительному. Жизнеспособность и дееспособность земств обеспечивалось, прежде всего, их самоуправлением. Несмотря на контроль со стороны государства, земства сами выбирали свои руководящие органы, сами определяли направления своей деятельности, подбирали и обучали кадры.

Большой демократический потенциал состоял и в том, что их деятельность осуществлялась гласно. Земские собрания были доступны для всех желающих. В задачу земства входило решение практически всех задач местного значения: народное образование, здравоохранение, статистика, сельское хозяйство. Сами же выборы строились на самых демократических началах, неизвестных ни одному государству мира.

2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

2.1 Межнациональные отношения как фактор во внутренней политике Временного правительства в Казахстане

В современной историографии в оценке межнациональных отношений подавляющее большинство исследователей анализируют их главным образом по вертикали (имперский центр – зависимые народы) в большей или меньшей степени игнорируя «горизонтальную» межэтническую конфликтогенность. Между тем, позитивное значение империи могло состоять лишь в превращении так называемых контактных зон народов в культуро-генезирующие. Вырождение имперского центра в полицейскую государственность или ослабление его дисциплинирующих начал означали, что преобладание получат межэтнические конфликты, которые придадут всей системе старых связей многовекторное агрессивное качество. Отдельные исследователи справедливо отмечают, что советская историография, обезобразив и без того малопривлекательный характер национальной политики царизма последних десятилетий, тем не менее ухитрялась выводить «традиции интернациональной дружбы народов из добровольного вхождения национальных окраин в состав России. Отсюда идет представление о сознательном натравливании народов друг на друга. На деле политика «разделяй и властвую» в эпоху кризиса империи отражала скорее беспомощность администрации, а растущая этнофобия была побочным ее результатом» /202/. В советской историографии все сводилось к тому, что Февральская революция и, пришедшая к власти, русская буржуазия не давали угнетенным народам России долгожданного права на самоопределение. Отсюда усиление национально-освободительной борьбы народов. Естественно при таком подходе почти полностью игнорировались имев-

шие место межэтнические противоречия и конфликты /203/. При анализе необходимо четко себе представлять, что борьба за землю была главной причиной межэтнических столкновений в Казахстане. Самый острый из них пришелся на Февральскую революцию 1917 г., конфликт казахов и киргизов с казаками, русскими и украинскими переселенцами после возвращения казахов из Китая, куда они бежали после восстания 1916 года. Для уяснения общей ситуации необходимо выяснить два компонента: во-первых, иметь представление о численности переселенцев (русских, украинцев) к 1917 г. и, во-вторых, представлять себе данные о миграции (вынужденной) казахов в Китай в 1916 г.

Один из самых известных демографов России Н. Кобузан считает, что в результате миграционных процессов и повышенного уровня естественного прироста среди переселенцев из Европейской России, доля великороссийского этнического компонента в целом по Казахстану повысилась с 7,6% в 1897 г. до 13,6% в 1917 г. По его же расчетам численность русского населения в Уральской области составляла в 1897 г. – 24,9%, а в 1917 г. – 41,4% всего населения, в Акмолинской области соответственно – 25,5 и 27,2%, в Семипалатинской – 9,5 и 13,7%, в Семиреченской – 7,8 и 19,4%, в Тургайской – 6,7 и 16%. Абсолютно русские преобладали в Уральском уезде Уральской области и на севере Акмолинской области. Наряду с русской миграцией в этот регион больших размеров приобрела украинская миграция. Она шла почти исключительно в Казахстан. В 1897 г. в Казахстане были учтены 93,4 тыс. украинцев, в 1917 г. – 789,5 тыс. Подавляющая часть украинцев разместилась в Акмолинской и Тургайской областях. В 1897 г. из 93,4 тыс. украинцев Казахстана – 55,7 тыс. проживало именно здесь (59,6%), а в 1917 г. из 789,5 тыс. – 643,5 тыс. (81,6%). На первом месте находилась Акмолинская область, где в 1897 г. проживало 51,1 тыс. украинцев, а в 1917 г. – 459 тыс. Если в 1897 г. они составляли 7,5% ее народонаселения, то в 1917 г. – 29,5%. Украинцы численно опережают здесь русских, а в Кокчетавском уезде выходят на первое место (35,2%) /204/.

Численность вынужденной миграции казахов в Китай в 1916 г., по мнению ведущих специалистов М.Х. Асылбекова, Н.Е. Бекмахановой /205/, а также западных демографов (Элен Каррер Д'Анкосс /206/) не установлена. По сообще-

нию Илийского Дао-Иня от 19 мая 6 года Китайской республики Российскому консулу в Кульдже, «эти киргизы (казахи) возвращались [в Казахстан в 1917 г.] двумя партиями в разное время и их насчитывается более 120.000 человек при 20.000 кибитках, со скотом более 64.000 лошадей, коров более 46.000, баранов более 120.000 и верблюдов более 5.400 голов» /207/. Оговоримся, что данные эти не полные, но дающие представление о масштабах бегства, не стоит полностью доверять и сведениям о количестве скота, материальном положении находившихся в Китае казахов, о чем еще мы будем говорить. Наконец, необходимо отметить, что степень, глубина, в некоторых случаях внешняя причина конфликтов, не всегда была одинакова, поскольку затрагивала разные сферы жизнедеятельности общества (экономическую, культурную, политическую), каждая из которых имела свою специфику и свои решения.

В Семипалатинской области уровень столкновений был незначителен, хотя и имел свое место. В июне 1917 г. эту проблему, вернее способ ее решения был рассмотрен на областном крестьянском и казачьем съезде, в котором приняли участие представители Киргизского комитета (Семипалатинск, 1–9 июня 1917 г.). Здесь была принята резолюция «киргизский (казахский) вопрос в области и отношение к нему съезда». Большинством «за» – 333 голоса, «против» – 2, при одном «воздержавшемся» было принято решение, с которым согласились представители областного Киргизского комитета. Было предложено – взаимные отношения русского и киргизского населения Семипалатинской области должны улаживаться примирительными комиссиями на местах, выбранными обеими сторонами – русскими и киргизскими по равному числу членов. Эти комиссии разбирают все спорные вопросы: потравы хлебов и полей, захват земель, порубки лесов, кражи, не исполнение договоров, оценка убытков, возвращение забранной вперед, но не отработанной платы и т.д. Эти же комиссии должны разобраться в уже сделанных беспорядках и убытках. Вопросы, которые не могут быть разрешены местными комиссиями, вносятся на рассмотрение уездных и областной Примирительных комиссий и судов. Те, кто признаны по расследованию комиссии виновными, обязуются возместить убытки, и могут, на основании протоколов примирительных комиссий, подвергаться аресту, для

чего необходимо постановление уездного и областного комитетов. При неповиновении приговорам Примирительных комиссий должны приниматься решительные меры вплоть до применения военной силы. Кроме того, необходимо широко объявить среди киргиз и русских, что воинская сила является на местах совсем не для угнетения народа и его притеснения, воинская сила – есть опора нового порядка, установленного народом, и обращается только против самоуправства, захватов и других насилий с обеих сторон против общего блага и спокойствия населения. Для работы комиссии должен быть избран областным комитетом наказ. Для устроения комиссий должны выехать комиссары областных и уездных комитетов, совместно с киргизскими комиссарами и членами Советов рабочих и солдатских или крестьянских депутатов, которые на местах приглашают членов волостных и сельских комитетов и переводчиков из числа русских, знающих киргизский язык /208/.

На практике при возникновении конфликтов крестьяне обращались к органам власти. Так, помощник председателя исполнительного комитета Баян-аула Тихон Речка, запрашивал у комиссара И. Законова «военную силу для устранения произвола киргиз (казахов), которые крадут лошадей, травят хлеб, покосы крестьян поселка Алексеевского /209/. 3 июня 1917 г. с аналогичной просьбой обратились уполномоченные Хорошевского волостного исполнительного комитета Каркаралинского уезда Семипалатинской области, которые ходатайствовали перед комиссаром И. Законовым «об оказании содействия к ограждению крестьян от притеснений со стороны местных киргиз (казахов). 11 июня 1917 г. И. Законов получает телеграмму от областного киргизского комитета Атбасарова, в которой сообщается, что «угрожающего отношения киргизского (казахского) населения к русским не наблюдается. Имеются случаи потравы той и другой стороны, для расследования направлены члены уездных комитетов. На благополучие со стороны киргизского (казахского) населения надеемся. Комитет не находит надобности в вооруженной силе» /210/.

24 июня 1917 г. на заседании Семипалатинского областного исполнительного комитета рассматривался вопрос «О вознаграждении за кражи лошадей в беспорядки 1916 г». Секретарь комиссариата доложил, что летом 1916 г., объяв-

ленная правительством реквизиция киргиз (казахов), вызвала волнение..., были посланы карательные экспедиции. Многие киргизы (казахи) бежали в Китай, причем произвели опустошительные набеги и захватили у русского населения лошадей. Правительство обложило киргизское население, по преимуществу невиновное в опустошениях и кражах, сборами в пользу потерпевших. Часть прошений была удовлетворена. После Февральской революции эти вознаграждения были приостановлены. Секретарь отметил, что «прошения продолжали и продолжают поступать». Для решения было предложено два варианта: воспользоваться остатками фонда, «который остался от собранной с киргиз (казахов) суммы в тридцать тысяч» или искать другие источники. В любом случае, «поданные уже прошения на небольшую сумму три тысячи рублей следует удовлетворить, дабы не ухудшить отношений русского и киргизского населения» /211/.

Доклад вызвал дискуссию, и сразу выявились две позиции. Первые соглашались с тем, что население, убегая от карательных отрядов, «захватывали лошадей» крестьян и казахов, не уплатили полученные ими ссуды. Другие считали, что бежавшие так же «лишились большей части своего имущества», и, кроме того, пострадали «ни в чем не повинные от карательных экспедиций и правительственных контрибуций». Общий вывод – «истинными виновниками всех опустошений являются агенты старой власти. Киргизское же население нуждается в вознаграждении, может быть, больше русского. Вопрос, таким образом, является крайне сложным» /212/.

В ходе обсуждения было предложено три резолюции:

– оставить вопрос об убытках и вознаграждениях открытым до установления постоянной власти (П. Андреев);

– оставить вопрос открытым до Учредительного собрания (Давиденко);

– собрать сведения о размерах убытков (Полковников).

Большинством тринадцать против четырех принимается предложение II.

Андреева, а предложение докладчика о вознаграждении по поданным уже заявлениям на сумму три тысячи рублей отклоняется большинством, «против» – три голоса. Также принимается решение (16 – «за», 1 – «против») в виду того, что понесенные убытки являются следствием превышения власти и неправильных действий агентов старого правитель-

ства, необходимо до выяснения убытков возбудить вопрос о наложении ареста на капиталы и имущества этих лиц /212/.

Несколько по-другому этот же вопрос решила Тургайская областная управа, в своем заседании 20 мая 1917 г. Здесь было рассмотрено три прошения крестьян поселка Кос-Истека Косистекской волости Актюбинского уезда Д. Колесникова, М. Зубова, А. Макаровой, телеграмма уполномоченных потерпевших горожан города Тургая – Лукина, Гимранова, Якупова, Турчева, ходатайствующих об удовлетворении, понесенных ими убытков от киргиз (казахов), призывавшихся в 1916 году на тыловые работы и «производивших в то время беспорядки, убийства, грабежи». Было постановлено: послать Временному правительству доклад по поводу этих убытков и просить телеграфного ответа о том, что оно намерено делать, чтобы покрыть эти убытки. Просить разрешения Временного правительства «на производство расходов из кредита по § 22 ст. 6 чрезвычайной сметы Главного Интендантского управления, находящийся в распоряжении бывшего Тургайского губернатора (6 024 руб. 02 коп.) и в распоряжении бывшего Оренбургского губернатора (81 294 руб. 50 коп.) на выдачу единовременных пособий пострадавшим от беспорядков, произведенных киргизами (казахами) Тургайского, Иргизского, отчасти Актюбинского уездов в 1916 г. или ассигновать 50 000 руб. на этот предмет /213/. Кроме того, для выяснения убытков организовать на местах уездные комиссии в следующем составе: председатель комиссии – уездный комиссар, члены – мировой судья, 7 членов от уездного и городского гражданских комитетов (4 – от уездного и 3 – от городского), кроме того, комиссии предоставить право кооптировать сведущих людей /213/.

Областной комиссар А. Букейханов, присутствовавший на заседании, и в дальнейшем был также последовательным. Стремясь навести порядок, перевести конфликты в цивилизованное русло, он направляет в гражданские исполнительные комитеты циркуляры с конкретными указаниями. Так, 24 мая 1917 г. гражданский исполнительный комитет Илекской волости получил телеграмму следующего содержания: «Если киргизы (казахи) Илекской волости не согласны жить на условиях и на том месте, кои указаны в протоколе от 13 мая, составленного председателем областной управы Ткаченко и тов. председателя Кадырбаевым, то

они будут силою выдворены». Русским будет проведена борозда, грань, за эту грань киргизы скот пускать не должны, травить луга и посевы не должны» /214/. В телеграмме разъяснялось, что в настоящее переходное время в интересах государства, закрепления завоеванных свобод, необходимо, чтобы все граждане России без различия партий, национальности и вероисповедания жили между собою в ладу, помогая друг другу. Прошу не ссориться с русскими. В противном случае киргизы (казахи) будут наказаны. Не везде и не всегда удавалось уладить конфликты. 7 октября 1917 г. делегат А.К. Нестеров докладывал на заседании областного земельного комитета о ситуации в Актюбинском уезде Тургайской области. Автор считал, что, по отзывам старожилов, взаимоотношения «киргиз (казахов) и русского населения обостряются на земельной почве». До последнего времени, т.е. до октября 1917 г. крестьяне арендовали у киргиз (казахов) землю под посев хлебов в большом количестве и по низкой плате. Теперь среди киргизов (казахов) ведется кем-то агитация, что земля в аренду не должна сдаваться, т.к. вся земля, сданная в аренду, отойдет совсем крестьянам и киргизы во многих местах отказывают в аренде. По мнению докладчика, это с одной стороны, поведет к сокращению площади посева, с другой – вызывает озлобление крестьян и возможность самовольных захватов земли у киргиз отдельными поселками, не имеющими в достаточном количестве пригодной земли, что поведет к самым печальным последствиям. Уездным гражданским управам необходимо принять меры к предупреждению этих беспорядков, путем широкой агитации среди киргизского населения, в противовес ведущейся темной агитации. В заключении А. Нестеров заявил: «Я обращаю на это самое серьезное внимание, так как глубоко убежден, что в случае непринятия мер, весной беспорядков не избежать» /215/.

В Семиреченской области межэтнические противоречия имели несколько уровней. Свидетельств этому достаточно много отложилось в архивах. 3 августа 1917 г. прокурор Верненского окружного суда докладывал Семиреченскому областному комиссару, что в июле [1917 г.] в пределах Пишпекского уезда в урочище Койтайрак 30 вооруженных всадников со стороны селения Новороссийского, преимущественно солдаты, навели «панику на окрестных киргиз, занимались

проверкой документов, хотели угнать 25 лошадей, заставляли колоть для себя баранов. До этого же случая неизвестные другие русские, приехав, собрали 380 рублей подкопытного сбора...». Прокурор считал, «что самовольные и незаконные действия населения могут вызвать нежелательные на почве национальной розни недоразумения» /216/. 5 августа 1917 г. Семиреченский областной киргизский исполнительный комитет так же приводил Семиреченскому областному комиссару факты столкновений. «Ежедневно поступают от киргиз жалобы на то, что по тракту на Пишпек и Токмак проходящие солдаты отбирают лошадей и имущество». В Верном «среди белого дня на базаре два солдата, отвязав от коновязи перед чайханой двух киргизских лошадей, ускакали на них по направлению на Пишпек..». Областной киргизский исполнительный комитет сообщал, что от таких «действий проходящих воинских чинов», население, побросав свои стоянки вблизи дорог, вынуждено откочевать в сторону, лишены возможности делать запасы на зиму /217/.

Таким образом, «очевидно, что приведенные факты, а они далеко не единичны, свидетельствовали о колоссальной дестабилизирующей роли солдат. Они ощущали себя безнаказанными, даже мятежники знали, что их ждет не скорая судебная канитель /218/.

Особенно остро конфликты проявились в связи с возвращением казахов из Китая. Их положение в Китае заслуживает отдельного разговора. Пока же приведем некоторые свидетельства как официальные, так и неофициальные. 2 октября 1917 г. управляющий императорским Российским Консульством в Кашгаре доносил Российскому посланнику в Пекин о том, что «вся бежавшая киргизская (казахская) масса потеряла почти все свое имущество, заключавшееся в скоте, лошадях и мелком домашнем инвентаре. В значительной степени утратой своего благосостояния киргизы (казахи) обязаны китайским властям, которые не захотели упустить случая поживиться за счет обездоленных беженцев. Суровая зима и наступивший голод довершили картину полного разорения бежавших...» /219/. Официальные лица достаточно четко описали ситуацию. Ее может дополнить другое сообщение доверенных от 2 374 кибиток Атекинской и Сарыбагишевской волости Пишпекского уезда Семиреченской области. По данным очевидцев, казахи, «не имея юрт и вещей до-

машнего обихода, разбрелись на зиму по китайским кишлакам, все то богатые и бедные одинаково нанялись в работники к китайским и Кашгарским сартам за бесценок, а неработоспособные, больные, вдовы продавали за хлеб своих детей. По подсчету за зиму продано более 200 детей по цене от 25 до 1 000 рублей» /220/.

Возвращающихся казахов встречали переселенцы. Следуя документу, выясняется, что «крестьяне Пржевальского и Пишпекского уездов всюду встречали свинцом возвращавшихся из Китая киргиз, убивали их десятками, грабили...» /221/. Указанные конфликты казахов и крестьян были известны и не были секретом для дипломатических работников в Кашгаре. 1 июня 1917 г. Российский генеральный консул сообщал дипломатическому чиновнику в Ташкент, что им от Кашгарского Даоиня получено сообщение о русскоподданом киргизе Кененбае. Последний находился в числе 700 человек (100 кибиток) киргиз, возвращавшихся в русские пределы. Все они были встречены около гор Пржевальска русскими людьми, в числе 50–60 человек, вооруженными ружьями, которые напали на киргиз в местности Капач, убили несколько человек и отобрали у них деньги. Когда же русские удалились, то Кененбай, который прятался в яме, увидел убитыми свою мать и брата, раненными оказались киргизы Чапбай и Султан. Султан был тяжело ранен и не мог ходить.../222/. Аналогично свидетельство уже упоминавшегося Российского консульства в Кашгаре 2 октября 1917 г., в котором прямо указывается, что казахам при возвращении пришлось встретиться не с правительственным запрещением, а с нежеланием русского населения пустить их обратно, «питавшего к ним глубокую неприязнь и вражду за учиненные киргизами погромы и убийства их близких, родных». В документе указывается, что особенно печальная участь постигла тех киргиз, которые возвращались через перевал Бедель в направлении на Пржевальск – здесь крестьяне избивали всех, кто не появлялся, отнимая у киргиз последние крохи из уцелевшего имущества. По документу, более спокойно проходил процесс обратного движения киргиз на Нарын, так как здесь они попадали к своим родственникам, знакомым /223/. В целом, по документу, возвращение казахов обратно в Россию, начавшись весной 1917 г., продолжалось все лето, отдельные «партии спешат попасть в Россию до наступления зимы» /223/

, другие же бежали в Китай, обратились к властям с просьбой принять их в свое подданство, предоставить места для жительства. Китайские власти, явно не сочувствовали ходатайству обедневших казахов. Российское консульство предложило Даоиню сделать распоряжение о направлении оставшихся казахов в Нарынский район, оказывать по пути до границы помощь, если китайские власти не считают возможным оставить казахов в пределах Синьцзяна до весны /224/.

Наконец, что пыталась сделать власть для решения конфликтов? Общественное мнение было на стороне казахов, хотя бы внешне. Эти вопросы обсуждались на различных уровнях, в разных общественных организациях. Так, 9 июня 1917 г. состоялось общее собрание Семиреченского областного съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, на котором был обсужден доклад секции по киргизскому (казахскому) вопросу. В резолюции съезда прямо подтверждалось наличие проблемы, («до сего времени продолжаются выступления отдельных лиц русского населения против киргиз (казахов) и киргиз против русских), была дана оценка этим событиям (разбой, грабеж и убийства), наконец, принято решение немедленно прекратить подобного рода выступления, как противоречащие принципам демократии и провозглашенным Временным правительством началом свободы и братства. Областной съезд призвал население «к спокойствию и единению, нарушение чего ведет к анархии и бесправию, недопустимому в правовом государстве». Съезд предупредил всех граждан «без различия национальности, совершающих насилия, что виновные в потравах, грабежах, разбоях и убийствах будут привлекаться подлежащими судебными органами к уголовной ответственности для осуждения всей строгости закона» /225/. Позиция представителей Временного правительства в Казахстане, областных комиссаров была не однозначна, что вызвало разную ее оценку, но больше здесь мифологии. Так, в известной работе Ф. Маликова содержится утверждение, согласно которому комиссары Временного правительства в Семиреченской области в мае июне пытались переселить казахов и киргизов из Пржевальского, Пишпекского, Джаркентского уездов в пустынный Нарынский край по плану, который был составлен в 1916 г. Куропаткиным, т.е. фактически продолжало царскую политику экспроприации казахских земель /226/. В действительности ситуация скла-

дывалась несколько иначе. Уже 12 марта 1917 г. уполномоченные киргиз (казахов) Чокмарев, Сатыбалдин, Тулегабынов и др. посылают телеграмму Министру-председателю князю Львову, в которой указывают, что «по усмирению беспорядков населения Семиреченской области военный губернатор составил проект об образовании нового уезда Нарынского с высылкой туда 15 волостей из Пишпекского уезда. Это выселение является наказанием киргиз за мятеж». В телеграмме разъяснялось, что Пишпекский уездный начальник 12 января 1917 г. получил предписание предоставить проект выселения 80 000 казахов «обоего пола в Нарынский уезд. Местность совершенно бесплодная, не пригодная для земледелия и скотоводства, киргизам грозит там медленное вымирание». Доводилось до сведения Министра-председателя, что в Пишпекском уезде казахи живут с 1860 г. на своих землях, развели сады, имеют «клеверники, сенокос, зимовые стойбища, строенные дома, мечети, мельницы, школы и другие построения, созданные долголетним трудом. Все это у нас хотят отнять и выселить в бесплодные земли».

Податели прошения просили отменить «назначенное нам старой властью выселение» и оставить их в Семиреченском уезде, в котором «мы живем с незапамятных времен» /227/. Ответ последовал 16 марта 1917 г. на имя комиссара Семиреченской области с требованием «немедленно приостановить исполнение распоряжений бывшего военного губернатора о выселении пятнадцати киргизских волостей Пишпекского уезда». В телеграмме князя Львова содержалось указание сообщить подробности дела /228/. Таким образом, Временное правительство отменило приготовления к выселению по плану Куропаткина 12 марта 1917 г., когда поток беженцев из Китая только набирал силу.

Что же касается совещания, то оно действительно имело место и состоялось 4 и 6 мая в г. Пишпеке. На нем рассматривался вопрос урегулирования взаимоотношений русского и казахского населения, а также о дунганах.

В его работе приняли участие комиссары Временного правительства О. Шкапский, М.Т. Тынышпаев, председатель областного казахского комитета Джайнаков, прикомандированный к Туркестанскому комитету Временного правительства С. Щендриков и другие. Совещание наметило осуществить ряд мероприятий. В документе указывается, что в

виду «невозможности в настоящее время ближайшего сожительства крестьян с киргизами (казахами) в Иссык-Кульском, Небенском районах, в виду обостренных отношений, особенно пострадавших от прошлогодних беспорядков, возвратившихся уже и имеющих возвратиться в будущем из пределов Китая киргиз (казахов) Пржевальского и отчасти Пишпекского уездов (Атекинская, Сарыбагишевская волости) до полного успокоения крестьян временно не допускать на жительство в котловину Иссык-Куля и в районы верхнего и малого Кебеня, Ак-Пикета Пишпекского уезда, за исключением случаев обоюдного соглашения сторон и отсутствия опасности, от ближайшего сожительства для той или другой части населения» /229/.

В мероприятиях оговаривалась процедура размещения казахов, опять же временная. Казахи рода Албан и Бугу, Пржевальского уезда обустраивались в Нарынкольском и Кольджатском участках Джаркентского уезда, в районах Кызылбурговской волости Верненского уезда. Казахов возвращающихся из Аксуйского и Учтурфанского района обустраивали в Тонской, Семисбельской, Уланхольской долинах Пржевальского участка, Нарынском участке и загорных волостях Пишпекского уезда.

Конкретные места определялись особыми комиссиями, в состав которых входили представители местных крестьян, казаков, казахов, таранчей Министерства земледелия. При этом казаки, таранчи, крестьяне приглашались в состав комиссии в тех случаях, когда «обсуждались вопросы, связанные с интересами этих групп».

Запасные, казенные участки и оброчные статьи предоставлялись во временное пользование казахам, «не имеющих в данном районе земель, без права устройства на этих участках постоянных зимовок». Наделы разоренных во время «киргизских беспорядков селений Столыпине, Белоцарское» предоставлялись в пользование безземельных, возвращающихся из Китая казахов. Крестьян этих селений обустраивали в Чуйско-Кебенском районе на землях Атекинской и Сарыбагишевской волостей, «киргиз, коих крестьяне считают главными зачинщиками бунта и которые, по имеющимся сведениям, частью не вернутся из Китая», или будут устраиваться в Нарынском районе «среди своих сородичей, о чем есть из них ходатайства» /230/.

Казахи, бежавшие в Кульджинский район, согласно принятым мероприятиям, «в виду их бедственного положения должны быть возвращены из Китая в возможно непродолжительном времени». Возвращение казахов из Аксуйского и Учтурфанского района должно осуществляться постепенно, «согласно желания и способности самих бежавших киргиз, не допуская массового выселения». Совещание определило маршруты, безопасные для казахов. «Направление киргиз отдельными партиями вверх по реке Коктал и переходе их в Нарынский район признается вполне желательным, так как киргизы, попадая прямо в среду своих сородичей, избегают возможных встреч и столкновений с русским населением».

Для предотвращения «столкновений крестьян с киргизами, вполне возможных при настоящем возбужденном настроении крестьян» в Санташе, Рыбачьем, Кольцовке решено разместить «надежные воинские заслоны».

Было принято решение «для спокойствия и мирного сожительства русских с киргизами в Токмакском районе устроить на землях Атекинской и Сарыбагишевской волостей крестьян сел Столыпино и Белоцарское, нарушающих покой в этом районе самовольным захватом земель Тынаевской волости и Оренбургских казаков...». Места и способ устройства этих крестьян и казаков определить в Токмаке совместно с представителями заинтересованных сторон /231/.

Наконец, в виду крайней враждебности крестьян Пржевальского района к Марьинским дунганам, отличившихся «во время бывших беспорядков особенной жестокостью и тем самым настроивших против себя русское население, признать возвращение дунган села Марьинского на старые места, в интересах безопасности и спокойствия в данном районе вообще нежелательным...».

Анализируя природу и динамику революционного насилия в России, В.П. Булдаков верно отмечал, что после обвала самодержавной власти ситуация стала выходить из-под контроля. Началась эскалация агрессивно-параноидального национализма. Обычно все начиналось с недоразумений, вызванных какой-либо случайно усвоенной или запущенной с провокационной целью информацией, затем начинали муссироваться всевозможные слухи, которые при многократном обороте перерастали в твердое убеждение /232/.

Сказанное, как нельзя лучше подтверждается материала-

ми архивов, при этом тревожное настроение передавалось не только крестьянам, солдатам, казакам, но и представителям власти – собственно комиссарам Временного правительства, они становились предметом специальных совещаний, находили отражение в настроениях уездных комиссаров. Так, в мае 1917 г. председатель Туркестанского комитета Щепкин посылает спешную телеграмму Председателю киргизского (казахского) комитета И.Д. Джайнакову. В ней прямо указывалось, что «по слухам киргизы (казахи) 25 мая собираются напасть на русских» /233/. По получении депеши, И. Джайнаков в ответной телеграмме указал, что «слухи неосновательны, среди киргиз (казахов) абсолютная тишина». Тем не менее, вопрос о возможных столкновениях обсуждался 20 мая 1917 г. на совещании «по вопросу отношения киргизского населения области к русскому населению». В нем приняли участие комиссары Туркестанского комитета О. Шкапский, М. Тынышпаев, временно исполняющий обязанности Семиреченского военного губернатора подполковник А. Гусев, председатель Совета солдатских и рабочих депутатов поручик Н. Мелешко, и собственно И. Джайнаков. После обмена мнениями присутствующие выяснили, «что никаких официальных сведений о предполагающемся нападении киргиз на русских не имеется, а есть в исполнительном комитете доносы отдельных лиц, подлежащие в виду сомнительности, как личностей самих доносчиков, так и сделанных ими доносов, тщательной поверки». И. Джайнаков на совещании заявил, что по его глубокому убеждению доносы «не что иное, как провокация, либо же последствие киргизской партийной вражды, при которой киргизы для отмщения своим противникам обыкновенно не брезгают никакими способами». Принятое решение гласило «обязательно проверить поступившие доносы при участии г. Джайнакова. В случае не подтверждения принять надлежащие меры к предотвращению подобных волнующих общество доносов и связанных с ними совершенно вымышленных слухов и кривотолков» /234/.

Настроения в уездах четко отразило личное письмо М. Дудукалова – Капальского уездного комиссара, написанное им 8 сентября 1917 г. Семиреченскому областному комиссару Шебалину. Письмо во многом интересное с точки зрения характеристики умонастроений уездных комиссаров. Даже если предположить, что оно не характерное, хотя в это ве-

рится с трудом, поскольку в нашем распоряжении есть другие письма аналогичного содержания, тем не менее оно показывает степень доверия или недоверия уездных комиссаров Временного правительства к своим вышестоящим коллегам, и главное, отношение к проблеме межэтнических конфликтов, имевших в разной степени и сложности место. Конфиденциальное письмо было посвящено общей ситуации в уезде, но не это здесь, как нам кажется главное. Автор признается, что часто думает «о том явлении, которое теперь волнует нас русских близко стоящих к управлению: взаимоотношение русских и киргиз (казахов)». Недавнее сообщение, пишет он, комиссара из Гавриловки, про разговоры о том, что в волостях прилегающих к реке Или ему кто-то заметил: «Недолго Вам, русским, с нас кровь пить», – меня интригует, и я решил вести негласный надзор через искренне русских людей за степью...». И далее. ... Для охраны себя, оружие выдавать населению пока не нужно, но держать войска по пунктам нужно. Ведь все русское население в поселках беззащитное.

Уездный комиссар, опасаясь повторения событий 1916 г., пишет: «не дай бог, события повторятся...». И в заключении «...Я выдвигаю мысль об усилении гарнизонов, их расквартировании по нужным пунктам и мысль о надзоре за деятельностью отдельных лиц из мусульман...». Таким образом, перед нами любопытный документ, понять который можно лишь тогда, когда четко установить всю сложность межэтнических конфликтов местного уровня. Ответа на вопрос, кто виноват, не будет. Отметим или повторимся, что острота ситуации определялась поведением русского населения края – крестьян и казаков, распускавших слухи об антирусских настроениях возвращенцев из Китая, участниках восстания 1916 г., и на основании слухов население требовало оружие для защиты против них, то переселения назад в Россию... В. Булдаков отмечает: «корыстная подоплека действий переселенцев, развращенных еще колониальной политикой самодержавия, ни для кого не составляла секрета» /235/. В одном из протоколов съезда уездных комиссаров Семиреченской области говорилось, что «анархия находит основание главным образом в поведении русского населения области; туземное же население в массе настроено дружественно к вводимым преобразованиям в крае, относится вполне сочувственно к новому строю...» /236/.

Временное правительство, в лице его комиссаров, предприняло ряд мер для урегулирования проблемы. Члены Туркестанского комитета О. Шканский, М. Тынышпаев 12 мая 1917 г. изложили свою позицию Министру, Президенту земледелия, продовольствия. Они считали, что «примирение русских и казахов не будет достигнуто, пока не будут удовлетворены убытки русских от восстания», и соответственно считали необходимым «немедленный отпуск пятнадцати миллионов, как просил для Пржевальского уезда Туркестанский комитет, прибавив десять для остальных, убытки киргиз, ограбленных при бегстве русскими будут учтены осенью и удовлетворены позже» /237/.

В течение мая – октября 1917 г. комиссары Временного правительства Шканский, Тынышпаев настаивали, убеждали правительство выделить необходимые средства. Ситуация была сложной. Комиссары настаивали на создании «временного суда присяжных из членов сельских комитетов, ускорить суд над русскими бандами» полагая, что «отсутствие скорого суда вредит борьбе с преступностью». Лишь 14 октября 1917 г. по ходатайству Туркестанского комитета Временное правительство «отпустило 11 150 000 руб. на оказание помощи русскому и туземному населению Семиреченской области...». Для распределения этих средств была образована областная комиссия под председательством Семиреченского областного комиссара. Ей было предоставлено право «приглашать сведущих людей с правом совещательного голоса, организовывать отчетность по распределению отпущенных денег», разработать условия выдачи суточных членам комиссии из представителей общественных организаций /238/.

Комиссар по делам Туркестана при Временном правительстве Н. Шнитников уведомил, что «из отпущенных 11 150 000 рублей – 5 млн. предназначены для киргиз (казахов), а остальные 6 150 000 руб. русскому населению» /239/, т.е. 44,8% казахскому и 55,2% русскому населению. Указанная сумма распределялась следующим образом: для русского населения в г. Пржевальске – 4 млн., Пишпека – 1 200 000 руб., Джаркента – 500 000 руб. Уездные комиссары деньги получали несвоевременно, была масса недовольных. Так, уездный комиссар Пишпека в своей телеграмме докладывал «две недели назад мною была получена телеграмма, что мне переводится 1 200 000 рублей для раздачи пострадавшему от мятежа кир-

гиз населению». Информация об этом быстро распространялась среди жителей уезда. Но нетерпение населения было столь велико, что «некоторые поселки явились почти всем составом, просят денег все еще не полученных, я поставлен в безвыходное положение...» /240/.

В ноябре 1917 г. начала заседание Семиреченская областная «комиссия по возмещению убытков туземному населению пострадавшему от мятежа киргиз в 1916 г.». Она имела свой штат служащих, определенный 9 ноября 1917 г. Тогда же было принято решение немедленно образовать уездные и участковые комиссии. На первом же заседании решались конкретные задачи: организация питательных пунктов «для довольствия голодающих киргиз», организация «трудовой помощи беднейшему населению и т.д.» /241/. Места расположения питательных пунктов были определены « в г. Верном – в окрестностях его, для киргиз Верненского уезда – на урочище Байсерке приспособить помещение, занимавшееся прежде сельскохозяйственным обществом на 500 человек, урочище Каргалы на 1 000 человек нанять юрты, на Самсах подальше от тракта во избежание каких-либо насилий со стороны проходящих по тракту на 1 500 чел., для киргиз Зайцевского участка около Кара-Турука на 1000 чел. При пунктах организовать какую-либо кустарную промышленность, изготовленные изделия должны пойти в обмен на питательные продукты /242/.

На уровне уездов также создавались комиссии, обсуждавшие конкретные вопросы помощи. Так, 20 ноября 1917 г. на заседании Верненской уездной комиссии был обсужден вопрос о помощи киргизам-беженцам Пржевальского, Пишпекского, Джаркентского уездов, которые на положении нищих скитаются в миру в снискании себе пропитания и приюта. Принятое решение не было осуществлено «в виду введения в области хлебной монополии и установления карточной системы на все предметы первой необходимости...» /243/. Уже в ходе следующего заседания 24 ноября 1917 г. было также выяснено, что создание питательных пунктов сталкивается с тем, что «в территории киргизских волостей уезда в стороне от города, селений, трактовых дорог ощущается недостаток не только хлеба, но и всех других предметов, необходимых для этих питательных пунктов. Вдруг обнаружилось, что «открыть таковые в волостях невозможно т.к. «в

жизни кочевников есть много своеобразностей и особенностей, которые не применимы самим принципам этих пунктов» /244/.

Семиреченская областная комиссия организовала специальную комиссию, на которую была возложена задача организации помощи казахам «не имевшим возможности вернуться на Родину». В состав ее вошли представитель от областной комиссии прапорщик Абызов, от киргизского (казахского) исполнительного комитета Тюменбаев, представитель от Туркестанского комитета. Они были обеспечены суточными, в размере 25 рублей..., которые могли быть «увеличенными по требованию командируемых в случае надобности». Кроме того, для их охраны прикомандировывался казак, на содержание которого выделено 15 руб. в сутки. В задачи комиссии входило, согласно документам, обследование положения «киргиз – беженцев, оставшихся в Китае, розыск пленных, как русских, так и русскоподданных». При консульствах образовывались комиссии в составе консула, представителей китайской власти, беженцев, «которые проводят в жизнь предначертания командируемой комиссии» /245/. Предусматривалось, что помощь должна оказываться выдачей хлеба, одежды, обуви и прочее, «для чего ассигновалось для Кашгарского консульства 150 тыс. руб. и для Кульджинского – 50 тыс. руб., по израсходованию которых должен был представлен отчет Семиреченской областной комиссии».

Кроме того, учитывая, что некоторые казахи-беженцы не в состоянии будут «вернуться на Родину к посеву 1918 года», комиссии рекомендовалось «войти в соглашение с представителями китайской власти о заарендовании земель» для желающих казахов-беженцев и приобретении необходимого инвентаря и посевного материала. Для тех же, кто желал вернуться, должны были заблаговременно сообщить областной комиссии для принятия мер к устройству возвращающихся. Все вышеуказанное подробно излагалось в наказе, подписанном председателем, комиссаром Балабановым /246/.

6 декабря 1917 г. дополнительно спецмиссии, выезжающей в Китай, было поручено «произвести проверку и сделать руководящие указания по принятию более энергичных мер помощи пострадавшим от восстания и фактического контроля работ в Нарыне, Сартах». В Пишпекский и Пржевальский уезды с той же целью «просить выехать военного комиссара

Иванова, члена комиссии Рафикова и представителя от Крестьянского совета /247/.

7 декабря 1917 г., появляется постановление Туркестанского комитета Временного правительства № 61, в котором было утверждено предложение об образовании особой комиссии для поездки в Уч-Турфан и Аксу, представителем от Турккомитета был назначен Советник Семиреченского областного Правления Г.В. Песков, на которого возлагалось «председательствование в названной комиссии». По возвращению представлялся подробный отчет, как по оказанной ими помощи киргизам, так и возвращение пленных, мерах принятых комиссией по возвращению на Родину киргиз.

Точную дату начала работы особой комиссии по оказанию помощи беженцам-киргизам, оставшимся в китайских пределах, установить не удалось. Известно, что по дороге в Нарын, куда она прибыла 30 декабря 1917 г., было обследовано Карагоу (Столыпино). Там ознакомились с положением казахов-беженцев, которые возвратились и приютились в Карагоу. Согласно документу, «масса беженцев-киргиз, совершенно нагих или прикрытых кое-какой рванью, но не одеждой, была размещена в полуразрушенных лавках на базаре в с. Столыпино. Ни в одной лавке нет дверей, а входы в эти лавки или заложены кирпичами или, в лучшем случае, затянуты чием, обрывками кошем. В одной из лавок были обнаружены четыре трупа киргиз – один мужчина, одна женщина, двое детей». Документ беспристрастно рисует страшную картину «таких беженцев, по приблизительному подсчету, находилось около 350–400 человек. У всех из них нет ни хлеба, ни денег, и они полунагие или совершенно голодные умирают здесь в Карагоу, десятками в день. Были случаи, когда умирали и более. Так, накануне нашего приезда умерло 15 человек. Из-за недоедания среди беженцев развиваются всевозможные болезни, главным образом, тиф. Медицинской помощи они не получают, т.к. в Карагоу нет никаких медицинских сил...».

Были также выявлены случаи насилия со стороны русских крестьян Сырдарьинской области, проживающих в селении Столыпино, которые вооруженные 14 винтовками, пользуясь своей силой, берут с киргиз большие деньги «за пропадающий у них скот (подчас мнимо пропадающий). Так, казахам-беженцам пришлось заплатить к присланным

для раздачи бедному населению 5 тыс. рублей свои 1 025 руб. и уплатить этим крестьянам по их требованию.... При этом свой скот Сырдарьинские крестьяне ценят баснословно дорого и никоим образом не соглашаются получать с киргиз скот за скот, заявляя, что у киргиз, такого скота, как у крестьян, нет. Таким образом, комиссия установила, что у казахов трех волостей Джуван-Арыкской, Ниязбековской, Борукчинской Сырдарьинским крестьянам за пропавший скот уплачено свыше 50 тысяч рублей /248/.

Согласно сохранившейся докладной записке председателя комиссии Г.В. Пескова комиссия, прибыв в Китай, оказалась в сложном положении. «Попав в Аксу и Уч-Турфан она была совершенно отрезана как от Кашгара, так и от г. Верного и не могла дать о себе и своих действиях какие-либо сведения». Указанное «угнетало самою комиссию, беспокоило областные власти». Первая телеграмма, согласно отчета, посланная в г. Верный с сообщением о ходе работы комиссии была отправлена через Пржевальск с гражданином, приезжавшим в Уч-Турфан по торговым делам. Другого способа связи установить было нельзя... Услуги китайских телеграфистов, по мнению членов комиссии, чрезвычайно дороги, поскольку «за каждое отдельное слово при двойной плате за него и передачу в Верный нужно было бы заплатить более семи рублей...».

Как следует из документов, ко времени приезда комиссии в Кашгар «вопрос о выдворении киргиз (казахов) был закончен, и Кашгарский Даотай прислал местному нашему консулу» основные требования, которые должны быть выполнены. Они сводились к пяти пунктам. Согласно первому, «бежавшим из России в Синь-Цзянскую провинцию киргизам (казахам) разрешается пребывание в пределах той провинции до 31 числа третьего месяца 7 года республики [1918 г.], причем до этого срока они должны подчиняться распоряжениям русских властей», до указанного срока им не разрешалось покидать свои места. Комиссия нашла, что этот пункт выполнить невозможно. По ее мнению, этот срок приходится на период, «когда все горные перевалы и долины в пределах России завалены снегом. Переселение киргиз в такое время является гибельным». В результате усилий, предпринятых совместно с консулом комиссии, удалось добиться того, что китайские власти согласились «оставить киргиз на своей тер-

ритории до 31 мая [1918 г.]», но при этом обусловили свое согласие тем, что после этой даты «на китайской территории не должно оставаться ни одного русскоподданного киргиза». Китайские власти настаивали на том, чтобы «русские власти назначили приемную комиссию в одном определенном по взаимному соглашению пункте русско-китайской границы, к которому все подлежащие выдворению киргизы будут собраны китайскими властями без вмешательства русских властей». Комиссия настояла на том, чтобы вопрос этот оставить открытым «впредь до выяснения на местах расположения киргиз – их экономического благосостояния». Было достигнуто соглашение, что окончательное решение его будет принято «по обсуждении его с Аксуйским Даоинем». Четвертый пункт требований властей Китая, согласно которому, казахи «должны возвращаться через караул Ибрагим, под ответственность русских депутатов», которые в случае затруднения могли обращаться за содействием к китайским властям, также не устроил членов делегации. По их мнению, он ставил казахов в трудное положение. Во-первых, в силу того, что движение всех «киргиз (казахов) с их оставшимся скотом только по пути через караул Ибрагим при условии полного отсутствия подножного корма на китайской территории погубило бы их последний скарб; во-вторых, казахи, боясь мести «со стороны русского населения, ни за что не соглашались идти одной дорогой, ожидая, что их будут поджидать русские крестьяне и начнут ловить и избивать их».

Этот пункт условий обсуждался с Аксуйским Даоинем, в результате были достигнуты определенные соглашения. Они сводились к тому, что казахам разрешено возвращаться в «русские пределы любыми дорогами и в любое время, но не позднее 31 мая 1918 г. Все казахи, совершенно беспрепятственно, под охраной китайских властей, увозят с собой в Россию все имущество, скот, хлеб в количестве, нужном для личной потребности. Было договорено, что все казахские дети – девочки и мальчики, а также женщины, «проданные китайцам и китайскоподданным дунганам, сартам и киргизам, должны быть возвращены ко времени оставления китайских владений. Наконец, для оказания помощи беднейшим из казахов, на средства привезенные комиссией разрешалась беспрепятственная свободная покупка хлеба, скота и одежды.

Таким образом, комиссия сделала все возможное для об-

легчения положения казахов, возвращающихся из Китая в пределы России. Добавим, что по возвращении в Верный, 3 мая 1918 г. областному народному комиссару, председатель комиссии предложил: утвердить все положения о «выдворении киргиз, выработанные комиссией совместно с китайскими властями; уполномочить оставшуюся в Китае комиссию в составе Абызова, Тюменбаева продолжить работу по снабжению казахов хлебом; возложить председательствование в ней «на хорошо знакомого с данным вопросом и серьезно относящегося к делу гражданина Абызова; просить Нарынский участковый киргизский комитет немедленно отправить в Уч-Турфан вьючных животных до трехсот голов.

В целом, проанализированный нами материал показывает, что уровень конфликтов на этнической почве был различный в каждом отдельно взятом регионе области, при этом органы Временного правительства пытались уладить эти конфликты. Наконец, отметим, что в наиболее острой форме они проявились, в Семиреченской области. Приведенные нами материалы не подтверждают положение В. Булдакова о том, что просьбы казахов об их обустройстве игнорировались, а Турккомитет ничего делать не смог, принятые меры давали более чем ограниченный эффект» /235/. По нашему твердому убеждению, и Турккомитет и Семиреченский областной комиссар четко владели ситуацией и делали все от них зависящее, лишь общая слабость власти, характерная для этого периода, не дала возможности довести их начинания до логического завершения.

2.2 Земельные комитеты и их роль в аграрной политике Временного правительства в Казахстане

Аграрный вопрос для Казахстана был одной из наиболее острых проблем. Здесь играло значение несколько факторов. Казахстан представлял собой аграрный край, где более 90% населения было занято сельским хозяйством. Для начавшегося в XIX веке переселенческого движения, первоначально носившего стихийный, а с начала XX века организованный и массовый характер /249/ был создан «переселенческий фонд». В него с 1893 по 1905 гг. было отмежевано немногим более 4 млн. десятин земли, в 1906-1912 гг.

уже свыше 17 млн. десятин /250/. К 1917 г. в Семипалатинской, Акмолинской, Уральской областях, Букеевском ханстве было изъято 40 647 765 десятин земли, в том числе казачьими войсками (Уральским, Сибирским, Оренбургским – 18 106 676 десятин, под переселенческие участки 16 237 830 десятин, под лесные дачи, казенно-оброчные статьи, помещичьи именья, монастырские участки и для другого назначения 5 871 562 десятин, для городов и полос отчуждения железных дорог – 421 697 десятин. По данным особой комиссии ВЦИК по землеустройству к октябрю 1917 г. в Семиречье (Джетысуйской губернии) было изъято свыше 4 млн. десятин, в том числе под казачьи земли и города – 700 тыс. десятин, для старожильческих селений – 203 тыс. десятин, под заселенные переселенческие участки 703 тыс. десятин, незаселенные 544 тыс. десятин, казенно-оброчные статьи – 474 тыс. десятин. В казахских районах Сырдарьинской области было изъято около 500 тыс. дес., из них в Чимкентском уезде 181 793 дес., в Аулие-Атинском 104 398 дес. Всего было отчуждено таким образом 45 147 765 дес. лучших пахотных и пастбищных угодий /251/. К выше сказанному добавим, что очевидно и не только в силу приведенных данных, что аграрный вопрос был наиболее сложным в силу того, что он представлял собой многоуровневую конструкцию. Она включала в себя разнородные элементы социально-экономического, политического характера. Здесь переплелись интересы различных общественных слоев, особенно в их ментальности и исторической предрасположенности к действию. Многие в февральские дни 1917 г. понимали, что от того, насколько оперативны будут предпринимаемые тем или иным правительством меры, затрагивающие аграрную сферу, во многом будет зависеть судьба власти.

Свою позицию в аграрном вопросе Временное правительство определило не сразу. Более того, в декларации от 2 марта 1917 г., где были намечены общие политические и экономические задачи правительства, аграрная проблема не была даже упомянута. Лишь 19 марта 1917 г. был подготовлен документ, в котором было заявлено, что «земельный вопрос составляет самую серьезную социально-экономическую задачу переживаемого ныне исторического момента и является первейшим из первейших» /252/.

В данном документе Временное правительство очертило

принципы аграрной политики, указывало, что земельный вопрос не может быть проведен в жизнь путем захвата. Земельный вопрос должен быть решен путем закона, принятого народным представительством. Таким образом, основная идея заключалась в том, что земельный вопрос может быть разрешен в законодательном порядке. Постановлением правительства предполагалось создать при министерстве земледелия земельный комитет /253/. В начале апреля 1917 г. особая комиссия министерства земледелия, возглавляемая А.С. Посниковым, известным в общественных кругах своими либерально-народническими взглядами, составила проект положения об учреждении Главного и местных земельных комитетов, который в середине апреля был одобрен Временным правительством. 21 апреля правительство приняло постановление «об учреждении земельных комитетов» /254/. В нем четко указывалось, что «для подготовки земельной реформы и для разработки неотложных временных мер, впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием, образуются главный и местные (губернские, уездные, волостные) земельные комитеты, состоящие в ведении Министерства земледелия» /255/. На главный земельный комитет, создаваемый в центре, возлагались функции общего руководства «собиранием, разработкой необходимых для земельной реформы сведений и подготовительными к ней действиями», составление общего проекта земельной реформы на основании собранных данных и всех соображений, «какие будут представлены местными земельными комитетами». Главный земельный комитет (ГЗК) имел право представлять Министру земледелия, «а в надлежащих случаях через его посредство Временному правительству» предложения об ограничении и приостановлении действий ранее изданных законов, в случае если они могли затруднить планомерное решение земельного вопроса в Учредительном собрании. Аналогичные действия могли быть предприняты также, если они могли «вызвать недоразумения среди населения своею несогласованностью с новым государственным строем», помешать «правильному течению сельскохозяйственной жизни». Кроме того, ГЗК мог представлять документы для упразднения ранее созданных для заведывания земельными делами должностей и учреждений, в том случае если их деятельность будет признана излишней «в новых условиях, а равно о рас-

пределении между другими органами, находящихся в заведывании этих учреждений и должностных лиц дел, имуществ и технического персонала»; о согласовании действий и распоряжений органов Временной государственной власти в сфере земельных отношений, другие меры в целях урегулирования земельных и связанных с ними хозяйственных отношений /255/. В состав ГЗК входили Министр земледелия и его товарищи, председатель, 25 членов и управляющий делами комитета, по приглашению Временного правительства, представитель губернских земельных комитетов по одному от каждого, шесть представителей Всероссийских крестьянских организаций (Всероссийских Крестьянского Союза и Совета Крестьянских Депутатов). Кроме того, в состав ГЗК вошли по три представителя Временного комитета государственной Думы, Всероссийского Совета рабочих солдатских депутатов, Всероссийского кооперативного союза. В ГЗК были представлены все политические партии по одному делегату (социалисты революционеры, народные социалисты, социал-демократы (меньшевики), социал-демократы (большевики), трудовики, партия народной свободы, прогрессисты, октябристы, группа центра, националисты и независимые правые. Были привлечены пять представителей от крупнейших научных экономических обществ, другие сведущие лица, приглашаемые Председателем с правом совещательного голоса, включая представителей ведомств /255/. ГЗК должен был выбрать из своего состава двух товарищей председателя комитета. Он имел право для «поддержания живой связи с местными земельными комитетами» и координации действий созывать Всероссийские и областные съезды, назначать своих уполномоченных для отдельных местностей, «равно как и по отдельным категориям дел, подлежавшим его ведению».

Учреждались повсеместно губернские (областные), уездные земельные комитеты. В постановлении также оговаривалось, что могут быть созданы, т.е. допускалось создание, по инициативе местного населения или уездных комитетов – волостных организаций. Все комитеты из своей среды «выбирают председателя и его товарищей».

В задачи губернских и уездных земельных комитетов входило собирание необходимых для земельной реформы сведений, «составление соображений и заключений по относя-

щимся к ней вопросам», а также «выполнение необходимых для него подготовительных действий», проведение в жизнь постановлений центральной власти по земельным делам, соглашения с местными правительственными органами по вопросам о заведовании, принадлежащими государству землями и сельскохозяйственными имуществами, представление Главному Земельному комитету в соответствующих случаях об изменении порядка пользования и распоряжениями этими имуществами. Наконец, в задачи губернских (областных), уездных земельных комитетов входило издание обязательных постановлений по вопросам сельскохозяйственных и земельных отношений, но в пределах законов и постановлений Временного правительства. На них возлагалась роль арбитра, при решении вопросов, споров, недоразумений, которые могли возникнуть в аграрном вопросе, но опять же в пределах действующих законов и постановлений Правительства. Для решения конфликтов они имели право учреждать «посреднические и примирительные камеры» в случаях самовольного нарушения чьих либо прав и интересов. Они имели право признавать действия частных лиц, «направленных к обесцениванию земельных и сельскохозяйственных имуществ», за исключением случаев, когда эти действия «не вызываются общественной и государственной необходимостью». Более того, они имели право возбудить перед Главным земельным комитетом вопрос об изъятии «таких имуществ из распоряжений частных лиц». Особо было прописано в законе «исполнение соответствующих постановлений государственной власти и соглашения с местными продовольственными комитетами» другими государственными учреждениями о наиболее целесообразном использовании этих имуществ. Что же касается компетенции волостных земельных комитетов, то они определялись уездными комитетами в пределах закона о земельных комитетах. Обжаловать действия волостных и уездных комитетов можно было в административном порядке в вышестоящие органы (губернские, областные земельные комитеты), а действия последних в Главный земельный комитет. В свою очередь областные земельные комитеты имели право приостанавливать решения нижестоящих подчиненных им организаций (волостных, уездных), но до окончательного решения Главного земельного комитета. Указывалось также, что дальнейшее разграничение круга ве-

дения и переделов компетенции земельных комитетов всех уровней (волостной, уездной, областной), а также контроль за их деятельностью, правила обжалования их распоряжений в административном, судебном порядке будут установлены дополнительно Главным земельным комитетом.

Что же касалось состава губернских (областных) земельных комитетов, то их состав также определялся постановлением: четыре члена, избираемые губернским земским собранием, один городской думой (областного) города. Кроме того, по одному представителю от каждого уездного земельного комитета, представители от экономических отделов (агрономических, статистических и т.п.) областной (губернской) земской управы, по «избранию этих отделов», но не более трех человек, член окружного суда, мировой судья по избранию общего собрания отделений суда и уездного мирового съезда губернского (областного) города, представитель министерства земледелия, назначаемый соответствующим министерством, а также сведущие лица. С правом совещательного голоса по приглашению председателя.

Состав уездных земельных комитетов был аналогичным областному: четыре члена делегированных уездным земским собранием, один городской думой, по одному представителю от каждого волостного земельного комитета, земские агроном и статистик по «избранию их товарищей, если таковых в уезде несколько», мировой судья по избранию мирового съезда, сведущие лица. Волостные земельные комитеты состояли из восьми человек, в том числе пять членов, три заместителя по избранию волостных земских собраний. Определялся в постановлении круг лиц, которые могли быть избраны или приглашены для участия в работе. Главным критерием здесь было то, чтобы они были правоспособными гражданами, не имел значения их пол, имущественное положение, место жительства.

Правительство сочло необходимым особо подчеркнуть, что уполномоченные Главного земельного комитета пользуются в заседаниях правом решающего голоса. Соответственно представители уездных комитетов пользовались правом решающего голоса в заседаниях волостных, а представители губернских (областных) в заседаниях волостных и уездных комитетов.

Председатель или коллегиальные исполнители органы

(земельные управы) заведовали текущими делами, обеспечивали исполнительскую дисциплину, контролируя правильность принятых законов, решений.

В условиях безвластия, или слабой власти на местах важным было определение того, что государственные и общественные учреждения, должностные лица, милиция были обязаны оказывать земельным комитетам и их исполнительным органам свое содействие. Финансирование земельных комитетов предполагалось за счет общегосударственных средств, за счет кредита открываемого с этой целью Временным правительством /255/.

Тогда же, в апреле 1917 г. для разработки теоретических основ земельной реформы была создана лига аграрных реформ, исходившая во все большей степени из идеи ликвидации помещичьего земледелия (за исключением рентабельных или образцовых хозяйств). Власть намеревалась решить земельный вопрос в пользу крестьян, руководствуясь при этом не только соображением целесообразности, но и началами справедливости (в их народническом понимании) /256/.

Но организация комитетов на местах проходила медленно, а главное неравномерно. Вскоре после издания постановления Временного правительства об учреждении земельных комитетов население окраин через комиссаров, исполнительные комитеты выразило сомнение в плодотворном значении учреждаемых земельных комитетов, в силу того, что, как говорилось в документе, законодателем не были приняты во внимание все особенные местные условия окраин России /257/.

Отсюда следует, что в областях неизбежно существовали особенности создания земельных комитетов всех уровней. Исходя из материалов отложившихся в архивах, можно с уверенностью сказать, что первой областью, в которой создание комитетов всех уровней было завершено к 11 июля 1917 г. была Акмолинская. К указанной дате здесь был создан областной и уездные комитеты /258/. 13 мая 1917 г. на объединенном совещании исполнительного комитета Западно-Сибирского Совета крестьянских депутатов, Акмолинского областного киргизского исполнительного комитета и войсковой хозяйственной управы Сибирского казачьего войска было рассмотрено постановление Временного правительства от 21 апреля. Было принято решение, что «за отсутствием в Акмолинской области земства и особенностей

края», населения состав членов областного земельного комитета, «предусмотренный 13 статьей пунктом первым временно до образования земства определить из представителей исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов три члена, Акмолинского областного киргизского комитета три члена, войсковой хозяйственной управы два члена, Омской городской думы один, а остальной состав, согласно закону» /259/.

Собрание просило министерство земледелия «телеграфировать согласие указанного постановления совещания, дабы не задержать создание областного земельного комитета» /260/. Не дожидаясь решения ответа на телеграмму из министерства, на страницах областных газет была развернута дискуссия, в которой каждый из членов комитета высказывал свою позицию не только о структуре и деятельности комитета, но и в целом решения земельного вопроса. Так, 3 июля 1917 г. в известиях омского коалиционного комитета была опубликована статья А.В. Пешехонова «Национализация земли». В ней автор высказывал мысль о том, что для эффективного использования земли необходимо «законом охранять интересы тех, кто работает по найму», установить, что работать меньше восьми часов в день нельзя, причем ни один хозяин не может платить меньше определенной платы. Это, по мнению автора, приведет к тому, что «обрабатывать землю наемным трудом сделается невыгодно». Автор также высказывал мнение о необходимости «ввести уравнение не только по доходу, но и по работе». Нужно, чтобы при одинаковом труде и доход был одинаковый. Как это осуществить? Автор полагает, что «для этого необходимо те земли, которые при малом труде дают большой доход, обложить налогом и собираемые таким путем деньги потратить на улучшение плохих земель и на общественные надобности. Есть еще два момента, на которых стоит остановиться. Статья, написанная в строгом соответствии с правилами риторики, ставит вопросы, вернее, дает ответы на те проблемы, которые беспокоят общество. Автор, отвечая на опасения оппонентов, которое выражалось в формуле «земля общественная, и никто улучшать ее не захочет», дает свой вариант решения. Для того, чтобы избежать этой ситуации, необходимо ввести следующее правило: если кто желает отдать землю, прежде чем окупились его затраты, то государство обязано уплатить ему за сделанные им улучшения. Тогда, пишет А.В. Пешехонов, – «никто не будет

опасаться, что его труды пропадут даром» /261/. Заметим, что подобных статей в прессе было достаточно много.

8 июня 1917 г. Акмолинская областная земская управа открыла свои действия. В присутствии председателя (П. Дербер) и членов (Глебов, А. Турлыбаев, Парунин, Перфильев) был обсужден вопрос об отделах Акмолинской областной земельной управы. После некоторых дискуссий было постановлено создать четыре отдела: экономико-статистический, общий с двумя подотделами (административно-земельный, юридический), землепользования и землевладения с четырьмя подотделами (крестьянский, киргизский, казачий, государственных имуществ), колонизационный с тремя подотделами (водный, мелиорационный, переселенческий). На этом же заседании были распределены отделы между членами управы: П. Дербер – экономико-статистический, А. Турлыбаев – общий, Перфильев – землепользования, Парунин, Глебов – колонизационный. Была составлена смета: на наем помещения с отоплением, освещением – 6 000 рублей в год; определены штаты, жалование: одному члену управы – 450 руб. пяти – 2 250 руб. в месяц, личному секретарю председателя – 300 руб. В обязанности последнего входило прием и распределение по отделам поступивших бумаг, ведение протоколов заседаний комитета и управы, исполнение по ним, заведование делами личного состава /262/. Определены были оклады машинистки (125 руб.), журналиста (150 руб.), бухгалтера (350 руб.) Документ позволяет проследить структуру и штаты отделов. В экономико-статистическом отделе работало 5 сотрудников, не считая заведующих, членов управы, секретаря (400 руб. оклада), два статистика (по 600 руб. каждому), экономиста (600 руб.), машинистка (125 руб.). В общем отделе 4 сотрудника: секретарь (300 руб.), два помощника (по 300 руб. каждому), 1 машинистка (125 руб.). В отделе землепользования и землевладения – 4 сотрудника: секретарь (300 руб.), три помощника (450 руб. каждому), одна машинистка (125 руб.). Наконец в колонизационном отделе насчитывалось 8 сотрудников: секретарь (300 руб.), два помощника (по 300 руб.), четыре чертежника-техника (400 руб.), одна машинистка (125 руб.). Кроме того, в штат входил сторож (75 руб.), два мальчика (по 80 руб.), прислуга (30 руб.). Всего же областной комитет, включая членов управы, имел штат 33 человека /263/.

Было предусмотрено 2 500 рублей на расходы организации уездных и волостных земельных комитетов, 500 рублей на почтово-телеграфные и публикационные расходы, 1 000 рублей – на канцелярские расходы, столько же на издание еженедельных известий земельного комитета. Отдельной строкой были заложены 3 000 рублей на приобретение библиотеки, пяти пишущих машинок (4 500 руб.), 12 письменных (1 440 руб.) и 20 канцелярских (1 000 руб.) столов, четыре дюжины стульев (480 руб.), 12 кресел (540 руб.), 12 чернильных приборов (250 руб.), 12 канцелярских шкафов (1 200 руб.), хоз. инвентарь (500 руб.), три телефона (250 руб.). На непредвиденные расходы – 1 000 руб.

Земельная управа также решила обратиться с воззванием к населению, передать все документы об организовавшемся земельном комитете Министерству. Наконец, следует сказать, что членом земельного комитета от министерства земледелия был назначен П.Ю. Арндт. В заключение заседания было решено просить Главный земельный комитет рекомендовать статистиков, выписать из магазинов и Министерства земледелия литературу для библиотеки, журналы по сельскому хозяйству, подписку на «Вестник Временного правительства» /264/.

На втором заседании Акмолинского областного земельного комитета, состоявшегося 10 июня 1917 года, были рассмотрены конкретные первые шаги земельного комитета. Было принято решение выдать членам переселенческого управления удостоверения на поездки по уездам для распределения покосных угодий между сельскими обществами, признано необходимым использование в текущем, 1917 году всех свободных покосных угодий, как для местных нужд, так и для обеспечения кормовыми средствами армии. Сразу же был поднят вопрос о присоединении к Акмолинской области тяготеющих к Омску Тюкаменского и Татарского районов Каинского уезда. Для решения этой проблемы было решено связаться с губернским комиссаром и исполнительным комитетом Томска, Тобольска и поставить перед ними этот вопрос, затребовать то Западно-Сибирского географического общества план нового административного деления губерний и областей Западной Сибири. Особо был поставлен вопрос об организации уездных комитетов /265/.

Но даже их организация, а к 11 июля они были созданы

во всех уездах /266/, не остановили самозахвата земли. Один из корреспондентов в «Омском вестнике» сообщал, что в степном крае и Западной Сибири не обошлось без аграрных беспорядков. По мнению автора статьи, они «в виду обилия свободных земель, не достигали тех размеров, той остроты, какой они достигали в Европейской России». Далее автор сообщал, что имели место «целые побоища между крестьянами и инородцами. Результат: 18 человек раненных, 1 убитый.» Такие же кровавые столкновения наблюдались в Семипалатинской и южных уездах Акмолинской области. Определяя их причины, автор заметит, что «эти аграрные столкновения в большинстве происходят между крестьянами и киргизами (казахами). Первопричина лежит, в сущности, не в запутанности только аграрных взаимоотношений, а в чем-то еще и другом /267/.

24 августа 1917 года областной комитет ставил в известность министра юстиции и земледелия, что захват чужих земель и порубки казачьих лесов в Акмолинской области продолжаются. В поселке Ольгинском Омского уезда захвачены усадебные места, арендаторы казачьих земель отказываются платить аренду. Проверки распашки не допускаются. В Ишимском уезде Беловской волости в имении Кондратова и других крестьяне рубят лес, жители поселка Булаевского Омского уезда истребляют казачьи села, станица Сандыктаевская Кокчетавского уезда по приговору отобрала триста десятин земли. Селение Скобелевское Акмолинского уезда косит луга киргиз Спасской волости. Все эти вопросы переданы на рассмотрение уездным земельным управам. Сообщалось, что уездным комиссарам было поручено воздействовать на население путем разъяснения, и в нужных случаях передавать дела в примирительные камеры /268/. Для успокоения крестьян в уезды, волости выезжали члены уездной земской управы и комиссары, по всем уездам распространяли воззвания министерства земледелия, указания областного земельного комитета, но действия местных властей оказывались недостаточными и ситуация грозила выйти из под контроля. 26 августа 1917 года из Омска в адрес министерства земледелия и продовольствия была послана телеграмма. В ней говорилось, что среди семенных и племенных хозяйств западной Сибири наиболее культурным, заслуживающим сохранения, является хозяйство агронома Карзи-

на, в котором производятся семена пшеницы, ведется тонкорунное овцеводство. Указывалось, что хозяйство ведется на земле сибирского казачьего войска, которое находится у него (Карзина) в долгосрочной аренде. Более половины площади посева в нем выполняется издольщиками из 2/3 урожая в их пользу с выдачей при посеве семян владельцам. Омская уездная земельная управа 18 августа 1917 г. по настоянию издольщиков расторгла договор Карзина с ними и постановила передать весь урожай на 1 500 десятинах издольщикам с возвращением посевного материала и аренды. Такие действия уездной земельной управы были незаконными и «угрожающими сохранности культурных хозяйств Сибири. Правление Омского отдела московского общества сельского хозяйства постановило обратиться в Министерство земледелия с просьбой принять «немедленные надлежащие меры к сохранению культурных хозяйств края» /269/. Но увещевания Министерства земледелия, областного комитета подождать до учредительного собрания все меньше действовали на крестьян. Имея перед собой постановления уездного земельного комитета, они приступали к переделке земельных отношений. Подобные решения в области не были единичными. В одном из документов Актюбинского областного земельного комитета признавалось, что подобные действия ведут к полному разгрому хозяйственной жизни и объясняются малокультурным личным составом уездных земельных комитетов /270/.

В Тургайской области процесс образования земельных комитетов несколько отличается от Акмолинского. Здесь лишь к 11 июля по сводке Министерства земледелия был образован Актюбинский, Тургайский, а к 19 июля добавился и Кустанайский уездный комитеты. Что же касается областного, то по тем же данным он организован к 16 августа 1917 года /271/. Однако в последнем, возможно, содержалась ошибка, поскольку вопрос об образовании областного земельного комитета и передаче всех земельных дел из управы в земельный комитет обсуждался уже 6 июня 1917 г. /272/. Судя по вышеназванному документу, при обсуждении вопроса было принято решение изменить пункт I статьи XIII, заменив члена от городской Думы губернского города еще одним членом от областной управы, всего же, если верить этому документу, численность его составляла 5 человек. В рас-

сматриваемом протоколе также отмечалось, что в виду отсутствия при управе экономических отделов (агрономического и статистического) заменить их отделами переселенческого управления по согласованию областного агронома с вышеназванным управлением. По этому же документу были приняты следующие решения: избрать в земельную комиссию пять членов от управы, не ограничиваясь только ее членами. В результате избранными оказались единогласно – Матвеев, А. Букейханов, А. Байтурсунов, Ливанов, подпоручик Гребнев. И, наконец, решено было передать все земельные дела в земельную комиссию /273/, очевидно, все же, данные сводок министерства земледелия, составленные по докладам областных комиссаров ближе к истине. Косвенным доказательством здесь служат данные протокола Актюбинского уездного гражданского комитета. 2 июня 1917 г. здесь под председательством И.В. Мыцо, в присутствии 170 членов обсуждалось «заявление о земельных недоразумениях между киргизами (казахами) и русскими». Принято решение вопроса о возникших земельных недоразумений между жителями оставить открытым, так как по закону разрешение этих вопросов предоставляется земельным комитетам. Членам уездного гражданского комитета было поручено для организации земельного комитета, созыв съезда выборных от волостных гражданских управ /274/. В любом случае начало работы областного земельного комитета – есть свершившийся факт, и таковой был создан. Задачи, стоящие перед ним были аналогичны Актюбинскому комитету. Председатель областной земельной управы, выступая перед собравшимися в августе 1917 года был убежден в том, что они (задачи) «громадны и осуществить их возможно лишь при дружной согласованной работе всех земельных комитетов области, объединяющим органом, для которых является областной земельный комитет» /275/. Именно он должен будет сгруппировать, систематизировать все материалы, которые приходят с мест по вопросу касающихся земельного обеспечения населения области. Область наша, говорил докладчик, заселена киргизами (казахами) и переселенцами из России. Здесь же было подчеркнуто, что в соответствии с решениями областного учредительного съезда главенствующим является принцип братства, а все нужды в справедливом разрешении и распределения земельного вопроса должны происходить на спра-

ведливых основах. В отдельную группу выделены при этом киргизы (казахи), ведущие кочевой образ жизни, для которых необходимо будет принять целый ряд особых исследований.

Земельный комитет признал, что переселенческое ведомство «не всегда было на высоте, соблюдая интересы местного населения», когда переселенцы селились на землях, «выделенных из владений киргиз», что вызывает массу недоразумений на почве не удовлетворивших ту или другую сторону наделов и размежеванных угодий. Докладчик считал, что необходимо немедленно приступить к историческому обзору возникновения того или иного участка и охарактеризовать его положение. При этом необходимо учесть интересы всех сторон. Управа считала, что для решения вопроса спорных участков и покосов необходимо четко себе представлять в каком году он заселен, когда образован, не было ли столкновений с киргизами (казахами) в момент его образования, из какой киргизской волости выделен участок, удовлетворены ли киргизы оставшейся площадью, качеством земли, обеспечением водой, наличие севооборота, часто ли бывают неурожайные годы. Автор доклада считал, что собранные сведения дадут полную картину жизни каждого поселка /276/. При областном земельном комитете все поступившие данные обрабатываются и будут обсуждаться в специальных бюро. Для объективного освещения интересов всех сторон, подготовки материала для собрания решать вопросы будет само население, бюро лишь будет контролировать полноту этого решения /277/.

Организованный Тургайский областной и уездные (Кустанайский, Актюбинский, Тургайский) земельные комитеты ощущали острую нехватку специалистов. Это подтверждается материалами заседаний Оренбургско-Тургайского краевого союза землемеров. На своем заседании 18 августа 1917 года союз отмечал, что все «землемерные силы разбросаны по продовольственным и другим учреждениям, заняты не по своей специальности». В то же время земельные комитеты для «удовлетворения своих нужд обращаются к частным не ответственным лицам», что в деле одной из важнейших реформ революционной России едва ли могут быть допустимы. Союз принимает решение – «учитывая профессиональные интересы, войти в Оренбургский губернский земельный комитет» /278/.

Несколько иначе складывалась ситуация в Уральской области. 6 июля 1917 года образовавшийся Уральский област-

ной исполнительный комитет, в который вошли «три группы населения – казаки, киргизы (казахи) и переселенцы крестьяне направили в министерство земледелия телеграмму, в которой просили образовать в Уральской области «во всем, согласно постановлению Временного правительства, земельные комитеты», один для обслуживания территории Уральского казачьего войска земельно обособленный от остальной части области, а другой для зауральской части области, заселенной киргизами и крестьянами переселенцами /279/. В деле имеется аналогичная телеграмма областного комиссара Бизянова, который ставил в известность, что до получения ответа «образование областных, уездных волостных земельных комитетов Уральской области отложено» /280/.

Ответ Министерства был более чем обтекаемый. Сообщалось, что на августовской сессии (1917 г.) Главного земельного комитета предполагается «выработка особого положения о земельных комитетах окраин». Министерство рекомендовало, «не ожидая издания особого положения, необходимо приступить к организации земельных комитетов, применяя действующее положение 27 апреля» /281/. Очевидно, что особого положения (закона) в Уральской области не дождались. Как сообщает в своей монографии В.И. Кострикин, на II сессии Главного земельного комитета по требованию делегатов с мест в принятых постановлениях рекомендовано было правительству издать распоряжение о передаче всех земель в ведение земельных комитетов, расширить их права, но закон об этом так и не появился /282/. В августе в Уральске образовался Уральский войсковой земельный комитет, «объединяющий лишь казачью территорию области» /283/. Войсковое хозяйственное управление Уральского казачьего войска 1 августа 1917 года направило в Главный земельный комитет подробную записку. В ней сообщалось, что войсковое правление находит необходимым сообщить, что Уральская область «принадлежит к числу мест со смешанным населением. В состав ее входят три обособленных группы населения с самостоятельным своеобразным укладом землевладения и землепользования. Группы эти – казаки, киргизы и переселенцы» /284/. Отмечалось, что в административном отношении казачья община делится на 30 станиц, но границы их имеют только административное значение. Передвижения временные для определения частичных пользований

разного рода угодьями (пашнею, сенокосом, рыболовством) или переселение на постоянное жительство из одного места в другое совершаются явочным порядком. Размеры пользования отдельными членами общины ограничены определенными нормами ежегодной пашни, количества скота. Общие средства войскового капитала пополняются не обложением земельных площадей, а обложением ежегодных посевов хозяина, количества его скота, лова применяемых при рыболовстве, акцизом с рыбы вывозимой из войска. Управление всегда обособленно и сосредоточено в войсковом хозяйственном правлении. Областное правление никакого отношения к хозяйственным делам войска не имеет. Станичные сходы самостоятельного значения не имеют. И, наконец, деление территории войска на уезды «или, точнее говоря, отношение частей казачьей территории к уездам никакого хозяйственного значения не имеют, как и самостоятельное деление войска на отделы», все это необходимо для целей войсковой повинности» /285/. Все выше указанное, по мнению казаков, «служит основанием для организации Уральского войскового земельного комитета, в состав которого входят: четыре представителя, избираемые на общевойсковом съезде выборных от станиц, и одного, избираемого городским исполнительным комитетом, семь представителей от районных комитетов, представители от экономических отделов (агрономического, лесного, землемерного) войскового правления общим числом не более трех» /286/.

Параллельно был избран Уральский областной земельный комитет /287/, направивший 3 августа 1917 года в главный земельный комитет, в котором просил, «учитывая различия национальных групп населения области, уклада их жизни, иметь представительство от области в главном земельном комитете в числе трех избранных лиц, а не одного». Но министерство 21 августа 1917 года сообщало, что «допущение трех представителей области вместо одного возможно лишь в законодательном порядке /288/. Образование уездных земельных комитетов в области было также беспорядочным. В обращении в Тургайский областной земельный комитет, уездный указывал, что «в виду отсутствия в Уральской области объединяющих организаций в столь важном для населения земельном вопросе районный Джурунский земельный комитет обращается в Тургайский областной земельный комитет с

просьбой зачислить наш район в круг ведения Тургайского областного комитета, принять во внимание его при организации предстоящей переписи для собирания сведений к Учредительному собранию, чтобы нам, жителям Джурунского района, не оставаться за флангом и быть готовыми к важной земельной реформе» /289/.

Значительные сложности представляла организация земельных комитетов в ряде областей, находящихся в юрисдикции Туркестанского комитета Временного правительства.

Представитель министерства земледелия в Сырдарьинском областном земельном комитете Магия Мухаммед Рахимович Чанышев докладывал в министерство 1 мая 1917 г., что «до настоящего времени образование областных земельных комитетов является неосуществимым» в силу ряда причин. Он считал, что состав земельных комитетов не отвечает условиям края, во-вторых, в виду большой отдаленности от центра и его естественно-историческим условиям нет возможности руководить этим процессом из центра /290/. В документе излагались особенности края, которые могли существенно повлиять на формирование земельных комитетов и их состав. По его мнению, главным здесь является «изыскание средств к обеспечению туземного населения землей». Автор считает, что в силу того, что количество государственного фонда не одинаково и всюду ограничено, то главным на повестке дня встает вопрос о перемещении безземельных и необеспеченных крестьян на свободные участки. Особенности Туркестанского края приводят к мысли о необходимости создания особого органа, объединяющего деятельность всех местных областных земельных комитетов, решающих вопросы, касающихся всего края. Создание Туркестанского отдела главного управления государственных имуществ есть насущная потребность. Он мог бы заниматься агрикультурной деятельностью и распоряжаться казенными, оброчными статьями. Эта организация должна быть передана в краевой земельный комитет или же обязательным присутствием управляющего Туркестанским отделением управления государственных имуществ, которое подчинило свои мероприятия принятым краевым земельным комитетом. Его состав должен состоять из одного члена краевого комитета, восьми представителей из четырех областей, по два из каждой области, председатель управления Ташкентского отделения госу-

дарственным имуществом, по два представителя от мусульманского краевого комитета и русского населения, по одному от армян, евреев, по одному представителю от Ташкентской судебной палаты, мусульман-кази, двух представителей от совета рабочих и солдатских депутатов, по одному уполномоченному Главного земельного комитета и Министерства земледелия. Состав областного земельного комитета организовывается краевым земельным комитетом, при этом он будет изменяться в каждом отдельном случае и проводиться в предусмотренном порядке /291/.

Рассмотренный документ подробно был проанализирован и лег в основу решений совещания по вопросу введения в Туркестанском управлении земледелия 27 мая 1917 г. Собравшихся проинформировали о запросе Туркестанского исполнительного комитета, который запросил – касается ли закон о земельных комитетах Туркестана, на что последовал положительный ответ, указывающий о необходимости их организации /292/. Была определена необходимость «общего по краю Туркестанского краевого земельного комитета. На совещании был рассмотрен проект его организации. В статье первой указывалось, что данный комитет создается в целях «единения деятельности местных (областных, уездных, волостных) земельных комитетов. Согласно ст.2, ему принадлежит общее руководство, собрание и разработка необходимых для выяснения землепользования и связанного с ним водопользования сведений, составляемые на основании собранных местными комитетами сведений, мнений о земельной реформе применительно к местным условиям в соответствии с директивами Временного правительства; предоставление главному земельному комитету предположений о согласованных действиях и распоряжений органов Временной государственной власти в сфере земельных отношений, принятие других мер в целях урегулирования земельных и связанных с ними водно-хозяйственных отношений; общий надзор и руководство деятельностью местных (областных, уездных, волостных) земельных комитетов. Состав краевого земельного комитета несколько отличался от варианта предложенного М. Чанышевым, хотя в нем было учтено представительство управления Ташкентского отделения управления государственного имущества, судебной палаты, Советов рабочих и солдатских депутатов, Министерства земледелия. Состав

был расширен за счет сокращения представителей от областей, вместо восьми – два (Сырдарьинская, Семиреченская). Он был значительно пополнен за счет включения старших чиновников (по ирригации), заведующих сельскохозяйственной частью, чиновника по лесной части, помощника начальника управления по оброчной части из юрисконсультов управления земледелия, представителей Туркестанского общества сельского хозяйства, других научных и экономических обществ, присяжного поверенного и сведущих лиц /293/.

Туркестанский краевой земельный комитет обеспечивал свое представительство в главном земельном комитете, делегировав для этих целей трех человек из своего состава. Был избран председатель и два его заместителя (товарища), три секретаря. Для организации постоянных контактов с местными организациями планировалось созывать краевой и областные земельные съезды. Были разработаны мероприятия, включавшие в себя необходимость собрать сведения о земельных нуждах и подготовить к учредительному собранию новый закон о земельном устройстве /294/. Крестьянство же на местах по своему комментировало тот или иной указ Временного правительства, забрасывая турккомитет запросами. В связи с ними, 1 июля на имя Семиреченского областного комиссара поступило разъяснение Турккомитета, в котором указывалось на недопустимость разрешения самовольным путем на местах земельного вопроса, поскольку таковой может быть решен только в учредительном собрании.

Обращалось внимание областного комиссара, что органы власти неправильно разъясняют политику Временного правительства, объявляя, что все земли принадлежат крестьянству. Вследствие этого население перестало уплачивать арендные платежи за казенно-оброчные статьи, нарушило доступ воды на казенные земли, стало проводить самовольную порубку леса /295/.

В свою очередь в Семиреченской области 17 июня был разработан свой вариант земельных комитетов, создан временный областной (Семиреченский) земельный комитет. 18 июля на своем заседании он заявил, что, принимая во внимание особые условия Семиречья, отличные от коренных областей Туркестана, в вопросах землепользования, земельных отношений, различных групп населения, областной комитет считает, что некоторые мероприятия Туркестанского коми-

тета являются для «Семиречья неприемлемыми и будут тормозить действия Семиреченских земельных комитетов».

Таким образом, из вышесказанного можно заключить, что процесс образования земельных комитетов в Казахстане шел неравномерно. Если общее количество всех созданных областных земельных комитетов (пять) просмотреть в динамике, то окажется, что 80% было создано в период с 19 июля по 16 августа 1917 года, а динамика уездных земельных комитетов выглядит несколько иначе – 70% из них созданы в период с 30 июня по 11 июля 1917 года, 10% – с 11 июля по 19 июля и 20% – в период с 19 июля по 23 августа 1917 года. Пик же создания пришелся на июнь – июль 1917 г. Следует отметить, что уездные земельные комитеты были созданы не повсеместно. Если рассматривать обобщенные показатели, то окажется что в Акмолинской области было 100% уездных комитетов, т.е. созданы во всех уездах, в Тургайской – 75%, Уральской – 25%, Семипалатинской – 20%, Семиреченской – 20%. Существовала прямая зависимость между организацией земельных комитетов и степенью роста самовольного захвата земли, их перераспределения.

При всей неполноте наших данных, очевидно, что крестьянство не хотело ждать учредительного собрания, вернее решения аграрного вопроса на нем. Черный передел, охвативший территорию Казахстана, остановить было сложно. Крестьяне стремились захватить как можно больше земли и угодий. Местная власть не могла сдержать этот процесс, тем более что действия крестьян носили захватнический характер, с одной стороны, с другой, во многих случаях захват земли, разбои стали принимать этническую направленность, что подтверждается последними исследованиями российских историков /296/, о чем следует говорить отдельно, поскольку земельный и национальный вопросы были тесно переплетены. Земельные же комитеты своей функции не выполнили.

2.3 Продовольственные комитеты

В условиях продолжавшейся войны одной из центральных задач власти была организация мероприятий для обеспечения продовольствием армии и населения. Указанное обусловило появление постановления Временного правительства

о передаче хлеба в распоряжение государства и о местных продовольственных органах. Оно вводилось повсеместно с 25 марта 1917 г., т.е. с момента принятия, за исключением областей Туркестанского генерал-губернаторства. Для заведывания продовольственным делом учреждались местные продовольственные комитеты.

Согласно постановлению «о передаче хлеба в распоряжение государства», устанавливалось, что «все количество хлеба, продовольственного и кормового урожая прошлых лет, 1916 года и будущего урожая 1917 года» поступало в распоряжение государства и могло быть «отчуждаемо лишь при посредстве государственных продовольственных органов». Указанное распространялось на рожь, пшеницу, просо, гречиху, чечевицу, фасоль, горох, кукурузу, ячмень, овес. Не стали исключением мука, отруби, крупы, отходы производства. В приложении к отделу 1 рассматриваемого закона оговаривалось, что указанные действия (отчуждение) не распространяется на количество зерна «необходимого для обсеменения полей, для прокормления производителя, его семьи и занятых в хозяйстве лиц, получающих от хозяина хлебное довольствие, а так же хлеб для хозяйственных надобностей (прокормление скота)». Нормы, вернее критерии норм, по которым устанавливалось количество зерна, которое не могло быть изъято и оставалось в руках крестьянина, определялись в законе, вернее в его приложении достаточно ясно. Во-первых, четко все ставилось на места в вопросе органа, который должен этим заниматься – местные губернские (областные) продовольственные комитеты. Во-вторых, заявлялось, что семена оставляются на предназначенное для засева количество десятин. Норма высева принимается средняя по области, уезду, району на основании данных центрального статистического комитета. В зависимости от способа засева менялась и норма: «при севе, разбросанной сеялкой, норма понижается на 20%, при рядовой сеялке на 40%» /297/.

Во втором приложении к отделу I было опубликовано «Временное положение о местных продовольственных органах». Исходя из содержания документа, они создавались на всех уровнях (губерния (область), уезд, волость, городские, районные), а порядок их формирования определялся положением.

В состав губернских (областных) продовольственных ко-

митетов входили представители земского собрания, городской думы областного города – по три человека; местного отделения всероссийских земского союза и союза городов, отдела военно-промышленного комитета – по одному; Совета рабочих депутатов, а при отсутствии таковых – больничных касс и рабочих профессиональных союзов, крестьянского союза – пять представителей; местных кооперативов (по возможности по два от каждого рода кооперации) – всего шесть; два от областных сельскохозяйственных обществ, в областях, где не введено положение о губернских и уездных земских учреждениях – пять; три от биржевых комитетов или заменяющих их торговых организаций; по одному представителю от земской и городской статистических организаций, агрономической, экономической и санитарно-медицинских организаций. С совещательным голосом, помимо выше названных, участвовали представители уездных продовольственных комитетов, военных, финансовых, торговых, промышленных ведомств, а также путей сообщения, государственного контроля, земледелия и внутренних дел. В пределах губернии (области) организовывались уездные, городские, волостные продовольственные комитеты. Их состав в принципе, с незначительными корректировками, был идентичен областному, исключая разве что, количественный состав. Если число членов представителей областного продовольственного комитета составляло 31 человек, то уездного – 19, городского – 21, волостного – 18 человек. Представительство от различных организаций, представленных в комитете, также варьировалось, но в принципе было во многом схожее. Что же касается низовых (волостных) продовольственных комитетов, то здесь имелись свои особенности. Если в областном, уездном, были широко представлены общественные организации и представители власти, то в волостных несколько иначе. По положению в него входили: три представителя от частного землевладения по избранию уездного земского собрания, если таковые еще не избраны – по приглашению уездной земской управы; шесть от крестьян по избранию волостного схода, три от местных кооперативов, два от рабочих профессиональных союзов или больничных касс, где таковые имелись и сельскохозяйственных рабочих, один от местного торгово-промышленного класса, три от местных земских служащих (агрономического, медицинс-

кого, педагогического персонала, страховых агентов и прочих). Порядок выборов представителей в продовольственные комитеты (уездный, городской, районный, волостной уровень) определялся губернским (областным) продовольственным комитетом /297/. К предметам ведения областных продовольственных комитетов принадлежало: общее руководство продовольственным делом в области, исполнение нарядов министра земледелия, как председателя общегосударственного комитета, для нужд армии и населения, предоставление сведений о состоянии дел в области, организация сельскохозяйственного производства, которое определялось особой инструкцией, снабжение населения предметами первой необходимости.

В условиях всеобщего паралича власти, постановление достаточно четко определило права областных продовольственных комитетов. Согласно документу, им предоставлялось право:

– требовать от всех местных правительственных и общественных учреждений и должностных лиц, частных обществ содействия к исполнению возложенных на комитет задач;

– производить статистические и иного рода исследования;

– определять наличное качество продовольственных продуктов, фуража и предметов первой необходимости в области. Для этого устанавливался порядок предоставления информации всеми учреждениями, должностными, частными лицами, устанавливался порядок проверки сведений, фактически проверки наличия продовольствия в частных, общественных продовольственных складах;

– устанавливать порядок и сроки сдачи хлебных продуктов, передаваемых в распоряжение государства;

– производить учет всех предприятий, перерабатывающих зерно (мельниц, крупорушек, зерносушилок и т.д.), устанавливать контроль над их работой;

– устанавливать порядок и условия хранения хлеба и других продовольственных продуктов в элеваторах государственного банка, железных дорог, хранилищах железнодорожных, мельницах, амбарах, холодильниках;

– устанавливать порядок и производство общих и частных реквизиций;

– контролировать порядок, условия заключения договоров по заготовкам;

– регистрировать существующие цены на предметы продовольствия, фуража и первой необходимости;

– наблюдать за соответствием цен на продукты продовольствия и фуража, предметов первой необходимости с установленными твердыми ценами;

– определять, по какой цене отпустить продовольствие, фураж. Здесь ведение ценовой политики допускалось лишь в тех рамках, которые утверждались общегосударственным продовольственным комитетом;

– устанавливать порядок распределения продовольствия, фуража среди населения.

В постановлении определялся круг прав уездных, волостных, городских продовольственных комитетов, который сводился к заготовке, организации сбора, приемки, подвоза продовольствия, фуража и предметов первой необходимости /297/.

Комитеты формировали руководящие органы, посредством избрания председателя и двух его заместителей (товарищей), которые созывали заседание по мере надобности, но не менее двух раз в месяц. Предусматривалась ситуация, при которой председатель обязан был созвать заседание продовольственного комитета, в случае если этого требовали не менее пяти его членов. Заседание считалось состоявшимся в случае присутствия на нем не менее одной трети ее членов.

Председатель областного, уездного продовольственного комитетов могли наложить вето на принятое решение, если, по их мнению, оно противоречило существующей нормативной базе. В этом случае дело передавалось на рассмотрение вышестоящей инстанции (из уездного в областной, из областного на решение Министра земледелия). Соответственно отменить постановление могла лишь вышестоящая организация. Аналогично работала система подачи апелляций.

Текущая работа осуществлялась в продовольственной управе, в которую входили помимо председателя и его заместителей, от двух до шести членов, которые избирались на годичный срок. Рассмотренное постановление было принято 25 марта 1917 г., но при введении его возникло множество нестыковок, особенно в национальных окраинах. Временное правительство, опасаясь, что под влиянием общей разрухи и возможных аграрных движений, землевладельцы будут сильно сокращать размеры посевов, возникновения опасности

резкого падения производства предметов продовольствия, решает гарантировать землевладельцам возмещение убытков от повреждения посевов, принять меры к расширению площади посева и их охраны. С этой целью было принято положение об охране посевов от 11 апреля 1917 г., согласно которому, на губернские (областные), уездные и волостные продовольственные комитеты была возложена охрана посевов, наблюдение за использованием посевной площади отдельными хозяйствами /298/. Особо оговаривалось, что в случае отказа засеять всю площадь, не засеянная ее часть (пахотной земли) поступала в распоряжение продовольственных комитетов, которые имели право передать ее «в аренду по справедливой цене местным землевладельцам и самим организовать обработку» (п. 5). Положение 11 апреля 1917 г. предусматривало возможность председателя общегосударственного комитета издавать дальнейшие правила об организации производства посевов и определении арендной платы. 30 мая 1917 г. была издана инструкция «об охране посевов и организации засева пустующих земель». В ней указывалось, что «главная цель мероприятий заключается в своевременном устранении недоразумений между отдельными группами земледельческого населения» (п. 1), продовольственным комитетам предлагалось выработать единый план охраны посевов от насильственных повреждений (п. 6), особо оговаривалось необходимость не мешать владельцам самим засевать свои земли (п. 1), запрещалось отбирать под посевы выгоны, покосы, паровые земли (п. 3) /299/. Устанавливалось, что нормы арендной платы устанавливаются уездными комитетами, а в пределах их конкретную арендную плату устанавливает волостной комитет (п. 5, 7). Такое положение сохранялось до 18 июля 1917 г.

29 июля 1917 г. отдел по делам местного управления МВД подготовил аналитическую записку «О компетенции продовольственных и земельных комитетов», в которой отмечал, что в документах регулирующих деятельность продовольственных комитетов, «не было установлено объективных правил для определения размера арендной платы, не указанны меры по организации посевов, не указаны каким властям продовольственные комитеты должны обращаться за содействием, не установлено судебных гарантий против незаконных действий комитетов, недостаточно разграничена компе-

тенция областных, уездных, волостных комитетов» /300/. Рассмотренные документы легли в основу организации, деятельности комитетов. В мае 1917 г. на заседании Актюбинского уездного гражданского комитета был заслушан доклад товарища Председателя Словохотова о продовольствии и организации продовольственных комитетов. Собственно здесь и было принято решение об организации уездного и волостных продовольственных комитетов. Тогда же было обсуждено постановление Временного правительства о передаче хлеба в распоряжение государства и о местных продовольственных органах. В целом, закон о хлебной монополии был принят, но через областной комитет (гражданский) Актюбинский уездный гражданский комитет счел необходимым войти с ходатайством перед Временным правительством. Суть предложений сводилась к неотложной необходимости изменения для Актюбинского уезда четвертого пункта закона. Было предложено изменить норму для взрослых рабочих одиночек (2 пуда вместо 1) и присоединиться к постановлению Тургайского областного съезда в отношении цены на хлеб, «платить за пуд 2 р. 80 коп., плюс провоз за расстояние свыше 20 верст. Так же было постановлено войти через областной гражданский комитет перед Временным правительством с ходатайством о неотложной необходимости принять меры к понижению цен на продукты первой необходимости, об уравнении цен на хлеб и скот для Актюбинского уезда со смежными губерниями /301/.

Уральский областной продовольственный комитет приступил к работе (был организован) 28 марта 1917 г. На своем заседании он рассмотрел вопрос по запросу Джамбейтинского продовольственного комитета, об изыскании средств для оказания населению семейной помощи, покупки для него инвентаря и привлечении живой силы». Решения принимались не всегда конкретные. Продовольственному комитету сообщили, что для покупки семян и проса распоряжением Исполняющего обязанности Военного губернатора командирован в Джамбейту крестьянский начальник Логашкин. Что же касалось снабжения инвентарем, то решено оставить этот вопрос на рассмотрение Уральского областного управления /302/. Логашкин впоследствии докладывал на заседании Уральского продовольственного комитета, 6 апреля 1917 г., что проса обнаружено в Джамбейты 18 500 пудов. Но при по-

купке его он встретил протест местного Джамбейтинского продовольственного комитета, который считал его действия неправильными, нарушающими интересы общества. В наличии имелось, для удовлетворения местных потребностей, около 20 000 пудов муки и почти столько же пшеницы, проса. Но при этом, возбудили ходатайство о недопущении исполняющего обязанности крестьянского начальника Логашкина к закупке проса. Председатель Джамбейтинского продовольственного комитета настаивал на запрете продажи, считал, «что просо нужно самим жителям, закупить же его можно в окрестностях Джамбейты, где имеется около 500 000 пудов». Председатель киргизского (казахского) комитета Бахтигереев не согласился, с позицией продовольственного комитета заявив, что «эти сведения ничем не обоснованны, а потребности проса имеющиеся в городе с населением 2 000 душ перекрываются». Отсюда настаивал на том, чтобы «зерно должно быть представлено для покупки». Конфликт рассматривался на заседании Уральского областного продовольственного комитета, который пришел к решению «просить областное правление сделать распоряжение о продаже 2 400 пудов проса». Решались и другие спорные вопросы. Так, было рассмотрено ходатайство переселенцев об оказании им «содействия в осуществлении прав пользования, для производства весенних посевов на киргизских (казахских) землях. Было принято решение «решать эти просьбы в том смысле, чтобы киргизские (казахские), общества предупреждались о том, что государственные интересы данного момента требуют всемирного расширения посевных площадей, поэтому киргизское общество не должно чинить переселенцам препятствий, в случае если заключены соответствующие договора /303/.

В Акмолинской области областной комиссар разъяснял областной продовольственной управе, что учреждения образованные по закону 25 марта 1917 г. для заведывания продовольственными делами и организации сельского, хозяйственного производства не должны выходить за пределы закона /304/. Необходимость такого заявления была обусловлена тем, что Акмолинская продовольственная управа 23 июня 1917 г. запретила фабрикам и складам свободно продавать мануфактуру. Указанное решение, явно выходящее за сферу компетенции областной продовольственной управы,

обосновывалось целями «справедливого и планомерного распределения мануфактуры между нуждающимся населением». 23 июня 1917 г. Акмолинская областная продовольственная управа принимает обязательное постановление, состоящее из 6 пунктов. В первом пункте говорилось о том, что «свободная продажа мануфактуры оптом и в розницу воспрещается». Второй пункт определял порядок распределения. Согласно ему, продажа мануфактуры в розницу в городах Акмолинской области должна производиться по удостоверениям городских продовольственных управ. До распределения и отправки мануфактуры в сельские местности «продажа будет производиться сельскому населению по удостоверениям уездных продовольственных управ». В Омске для розничной продажи определялись два магазина Машаниной и «Товарищества Братья Овсянниковы А. Ганшин с сыновьями». Товар из всех оптовых магазинов поступал в распоряжение Акмолинской областной продовольственной управы «для распределения между населением области и прилегающих к городу Омску уездов Тобольской и Томской губернии. Владельцы и управляющие магазинами, лавок, складов мануфактуры, согласно постановлению, обязаны были сообщить о количестве имеющегося товара. Начальникам станций железной дороги в районах Акмолинской области предписывалось немедленно по получении грузов мануфактуры извещать Акмолинскую областную продовольственную управу. Это же распоряжение касалось и владельцев пароходных пристаней и транспортных средств /305/. Эти действия (постановление) было отмечено решением Акмолинского областного комиссара /306/.

В Семипалатинской области на деятельность областного продовольственного комитета оказывали сильное давление общественные организации. Так, первый свободный областной крестьянский и казачий съезд (1-9 июня 1917 г.) специально рассматривал этот вопрос (о деятельности продовольственного комитета), создав для этого комиссию по ознакомлению с его деятельностью. Ее сообщение было заслушано на утреннем и вечернем заседании съезда 9 июня 1917 г. Председатель областного продовольственного комитета Т.Б. Кузин в заключительном слове предложил съезду осуществление ряда мероприятий. Докладчик сообщил, что их необходимость обуславливается рядом факторов. В их числе

были названы: «три года продолжающаяся война с ее колоссальными расходами», которая внесла разруху в жизнь страны; деятельность старого правительства и его агентов, поддерживавших свободную торговлю, усиливавшую разложение народного хозяйства и приведшей к голоду. Отсюда убеждение Т.Б. Кузина в том, что «задача упорядочения дела продовольствия населения и армии не может быть полностью разрешена в ближайшее время». Среди неотложных мер преложенных съезду значилось:

– немедленное установление и проведение в жизнь общеимперского продовольственного плана;

– обязательное подчинение всех продовольственных органов на местах распоряжениям центрального продовольственного Министерства, действующего по плану;

– энергичное участие всех организаций революционной демократии и Совета крестьянских депутатов в упорядочении продовольственного дела и сплочения населения для проведения общегосударственного плана продовольственных мероприятий, строго сообразуя свою местную работу с общегосударственной;

– осуществить организацию производства предметов первой необходимости, усилить запашку и обработку земли в сельском хозяйстве, прекратить производство предметов роскоши в обрабатывающей промышленности;

– привлечение на русский рынок товаров иностранного производства, посредством отмены таможенных пошлин;

– извлечь с денежного рынка, путем внутреннего государственного займа и налогов на капиталы, лишние денежные знаки;

– ввести предел предпринимательской прибыли, ввести самый строгий государственный контроль над производством, распределением предметов первой необходимости. Продовольственные органы для его проведения должны были привлекать кооперативы, городские, частные органы распределения;

– упорядочить привоз предметов необходимости, подчинив движения определенному плану и возможно сокращая пассажирское следование, устраняя злоупотребления при отправке грузов.

Заслушав доклад комиссии по ознакомлению с деятельностью областного продовольственного комитета, съезд при-

нял его к сведению, высказал уверенность, что продовольственный комитет, подкрепленный представителями Совета крестьянских и казачьих депутатов, исправит недостатки в своей деятельности, выявленные на съезде. Было заявлено, что продовольственный комитет будет неуклонно стремиться к получению сельскохозяйственных продуктов прямо от населения, без частных посредников /307/. Совету крестьянских и казачьих депутатов было поручено при составлении областного продовольственного комитета строго следовать закону о правильном представительстве, установить тесную связь с комитетом, с тем «чтобы нужды населения и армии обслуживались, возможно, лучше, полнее и без излишних расходов». Съезд заявил о приверженности к общим положениям, о постановке продовольственного дела в государстве /308/. Из материалов съезда следует круг приоритетных проблем, который был призван решать областной продовольственный комитет в Семипалатинской области. Поскольку, как показывают материалы, они не были чем-то особенным, а, скорее всего, были характерны для всего Степного края, то их простой перечень представляет большой интерес. Съезд по продовольственным вопросам счел необходимым обратить внимание областного продовольственного комитета:

– на заявленную нужду в хлебе для Зайсанского уезда и некоторых других местностей области;

– на тяжелое положение в Павлодарском уезде, вызванное задержкой в уплате за взятый у местных крестьян семенной хлеб. Теперь хозяева отказывают продовольственным комитетам в выдаче нужного продовольственного хлеба, опасаясь и здесь неуплаты денег;

– на необходимость безотлагательно устроить продовольственные комитеты там, где их еще нет и соединить их всех общим планом работы, чтобы они не действовали в разброс и чтобы не повторялись такие случаи, когда хлеб откуда-либо вывозится, а потом его туда приходится привозить.

К настоящей уборке урожаев хлопотать о возвращении из армии известных населению местных кузнецов и специалистов по сельскохозяйственным машинам, так как посылаемые неизвестные кузнецы и мастера часто оказываются плохими и нерадивыми работниками, добыть сколько возможно уборочных машин и частей к ним, проверить их наличность в

складах, взять их на учет и распределить их на места согласно требованиям.

Обратиться через Казахские комитеты к населению области для организации трудовых дружин, которые помогли бы русскому населению убрать урожай и покосы. Для координации действий устанавливаются тесные связи с сельскими и волостными русскими комитетами, которые указывают хозяйства нуждающихся в помощи, прежде всего семьям, находящихся на войне солдат и казаков, а также другим хозяйствам. Оплата за труд устанавливается соглашением между русскими и казахскими комитетами и дружинами.

Съезд обратил внимание продовольственного комитета на необходимость возбудить перед Временным правительством ходатайство о том, чтобы нормировочные цены на хлеб – 2 руб. 55 коп. исчислялись для Семипалатинской области не только на пристанях и железнодорожных станциях, но и в пунктах приемки, устраненных в разных местах области. Хлеб к ним «должен подвозиться бесплатно при расстоянии не больше 25 верст, за каждую версту свыше указанного должна быть добавлена на провоз по 1 коп. с пудоверсты» /309/.

Особенностью Семипалатинской области стало учреждение приказом Министра продовольствия от 10 августа 1917 г. № 31 Особой Соляной комиссии при Семипалатинском областном продовольственном комитете, согласно которому устанавливались предельные твердые цены на соль, и определялся порядок ее закупки. Этим же приказом упразднялась должность Уполномоченного по распределению Семипалатинской соли. Все права и обязанности назначенного Уполномоченного, определенные ранее постановлением Министра земледелия 8 марта 1917 г., передавались Особой Соляной комиссии /310/. Заметим, что аналогичный приказ одновременно появившийся упразднял такую же должность Уполномоченного по распределению Астраханской соли /311/, что указывало на определенную тенденцию.

Постановление Временного правительства «о передаче хлеба в распоряжение государства и о местных продовольственных органах» (25 марта 1917 г.) вводилось в действие за исключением Закавказья и области Туркестанского генерал-губернаторства /293/. 23 июня 1917 г. комиссары Временного

правительства – Шкапский, М. Тынышпаев утвердили три документа во многом определивших политику в Турккрае: Проект организации продовольственных комитетов в уездных городах и поселениях городского типа, Проект реорганизации Семиреченского областного продовольственного комитета, Проект реорганизации уездных продовольственных комитетов. Общим для них было то, что в них не содержались определение функций, прав, обязанностей, речь в этих документах шла лишь о составе, порядке формирования этих органов. Вероятно, это было связано с тем, что в Туркестане сложилась сложная ситуация с продовольствием, накладывавшаяся на сложные межэтнические конфликты, о которых мы уже говорили. Безусловно, появление данных документов связано также с состоянием власти в областях Турккрая. Документ предусматривал состав продовольственных комитетов в уездных городах и поселениях городского типа в составе: трех членов по избранию местной городской Думы, трех от местного совета солдатских и рабочих депутатов; по одному от крестьянского союза, местных кооперативов, уездного продовольственного комитета, медицинской организации /312/. Всего 10 человек. Реорганизация состава Семиреченского областного продовольственного комитета, напротив, увеличила его состав, доведя до 26 человек. В новом варианте (от 23 июня 1917 г.) в него включались равное представительство («по одному от русского и одному от туземского (казахского) населения») от каждого уездного продовольственного комитета; три по избранию городской Думы, по одному от местного отделения Всероссийского союза городов, Военно-промышленного комитета и т.д. /313/. Иными словами ее состав практически был приведен в соответствии с постановлением Временного правительства от 25 марта 1917 г. Новым элементом в работе областного продовольственного комитета стала практика проведения областных съездов.

Их периодичность нам установить не удалось. Материалы показывают, что работы съездов проходили по секциям, созданным исходя из нужд Семиреченской области. Так, на заседании делегатов областного продовольственного съезда и членов комитетов уездного и областного (Верный, 20 июля 1917 г. 61 делегат) было постановлено «образовать семь секций: 1) По выяснению и возмещению убытков, причиненным

восстанием туземцев в 1916 г., 2) сельскохозяйственную, которая займется вопросами снабжения населения земледельческими машинами, обсеменением и уборкой полей, 3) организационную, 4) мясную, транспортную и фуражную, 5) хлебную, 6) трудовую, 7) предметы первой необходимости /314/. Вероятно, материалы как ЦТА РК, так и ГАРФ по данному вопросу разрознены, численность секций варьировалась. Каждый делегат имел возможность записаться в ту или иную секцию по своему выбору. В некоторых случаях несколько человек записывалось в разные секции при этом, лишь в одной из них он имел право решающего голоса, в других же право совещательного голоса. Каждой из секций предоставлялось отдельное помещение. Из протоколов 20 июля 1917 г. с большой вероятностью можно констатировать: организационная секция должна выработать, согласно законам, общую инструкцию ведения отчетности, делопроизводства, принципах взаимоотношениях продовольственных комитетов различных уровней (сельских, районных, уездных, областного и краевого), проверить мандаты, сметы /315/. Деятельность сельскохозяйственной секции заключается в обследовании нужд сельского хозяйства: ремонт и снабжение населения сельскохозяйственными орудиями, ссуды на обсеменение, уборку полей. Хлебная – регулирует хлебные вопросы: реквизиции и снабжение хлебом населения Семиречья и другой части Туркестана. Мясная, фуражная, транспортная: снабжение армии и населения мясом, заготовка фуража, урегулирование транспорта (перевозные средства, ремонтировка дорог и т.д.). Численность делегатов в той или иной секции варьировалось. Так в секцию по возмещению убытков записалось 10 человек; сельскохозяйственную –11; организационную – 6 человек; секция мясная, транспортная, фуражная – 15 чел; хлебная – 17 чел; трудовая – 12 чел; секция предметов первой необходимости – 16 чел. /316/.

Подготовленные на секционных заседаниях вопросы выносились на обсуждение общего собрания. Порядок их рассмотрения определялся там же. Содержание их, ход дискуссий, решения поднятых проблем просматриваются не полностью, в силу скудности отложившегося материала в архивах. Тем не менее, мы имеем возможность рассмотреть ход дискуссий представленных на обсуждение отдельными секциями. Так, на заседании делегатов 20 июля 1917 г. обсуждался

доклад трудовой секции о дневной норме пропитания рабочего. Ряд выступающих, освещая вопрос с экономической точки зрения, указали «на непомерное поднятие цен, как со стороны рабочих, так и крестьян. По их мнению, «нормировка цен на предметы первой необходимости фабрично-заводской промышленности и продукты первого потребления, должна урегулировать продовольственную неразбериху». Отмечалось, что первые шаги уже приняты, на хлеб установлена твердая цена и учитываются его запасы. Снабжение области мануфактурой взял на себя областной продовольственный комитет. Предложенная трудовой секцией «поденная плата 3 руб., в зависимости от которой, будут расцениваться сдельные работы, считается приемлемой». Большинством сорока голосов против пяти воздержавшихся, принята /317/. 26 июля 1917 года был также обсужден доклад трудовой секции о продолжительности рабочего дня. После оживленного обмена мнений было принято во внимание, что «армия и страна нуждаются в хлебных продуктах, необходимо везде напряжение всех сил для успешного сбора урожая, а потому 8 часовой рабочий день на сельскохозяйственных работах принят быть не может». Ряд делегатов предлагали установить 10-ти поступил запрос, в котором просили разъяснить, «подчиняется ли городская продовольственная управа Думе или функционирует самостоятельно» /323/.

Областной продовольственный комитет пытался контролировать ситуацию. Еще весной 1917 г. он обратился к лицам, командированным из г. Верного, для организации сельских продовольственных комитетов в области, с просьбой, собрать на местах сведения о размерах площади засеянной хлебами. По результатам сообщений, была выявлена следующая картина. Посевная площадь в Семиреченской области по сравнению с 1916 г. уменьшилась, в общем объеме на 24%, по Верненскому уезду на 22%, Пишпекскому – 34%, Джаркентскому – 55%, Пржевальскому – 84%. Лишь в Лепсинском и Копальском уезде площади не уменьшились /324/.

В целях распределения мясного скота между населением области, «прекращения прогрессивно растущей спекуляции» предпринимают ряд мер, пытаясь директивным путем решить проблему. Было предписано всем уездным продовольственным управам строго контролировать скупку и продажу скота

на всех рынках области. Весь перегоняемый из уезда в уезд «гурт скота должен быть снабжен надлежащим пропуском», который выдавался местной продовольственной управой. Особо указывалось, что скот, закупаемый по удостоверениям, должен браться на учет местной продовольственной управой. В случае если скот перегоняется тайно, то он подлежал реквизиции. В обязанность правительственных учреждений вменялось проверка сопроводительных документов, в случае их отсутствия информировать местный продовольственный комитет /325/.

Семиреченский областной продовольственный комитет разработал правила по обмену товаров на хлеб. В нем отмечалось, что вся мануфактура находится в ведении областной продовольственной управы, на местах уездных и городских управ. Товары, предназначенные для городского населения, передавались в распоряжение городских продовольственных управ, которые сдавали товары для продажи по карточкам лицам указанным торгово-промышленным союзом. В документе определялись пункты, в которых «будет приниматься хлеб и выделяться товары». В Верненском уезде таким пунктом является г. Верный. Уездная и городская продовольственные управы должны войти в соглашение с торгово-промышленным союзом и выбрать совместно лиц, которые возьмут на себя выдачу товаров сельскому населению. Порядок предусматривал, что уездная продовольственная управа передает городской списки селений и станиц с указанием количества товара отпускаемого им, определить» сколько пудов хлеба взамен товара должно доставить каждое селение или станица» /326/. Предполагалось, что сельское население будет привозить и сдавать хлеб на мельницы, где приемщики от городской продовольственной управы, должны принять его с выдачей квитанции о количестве принятого хлеба. Уполномоченные от обществ, сдавших хлеб, являются в назначенные магазины, склады и по предъявлении квитанции о сдаче хлеба получают причитающиеся им количества товаров и денег.

На местах сельские и станичные продовольственные комитеты объявляли на сходах населению условия получения товаров и их количество, проводят раскладку между всем обществом. В Копальском уезде, «местами сбора зерна, должны быть Кугалы и с. Гавриловское, куда должны быть немед-

ленно командированы из г. Верного опытные агенты для производства обмена товара на хлеб и немедленной его отправки в г. Верный» /327/.

На практике постановление если и действовало, то не достаточно эффективно. Крестьяне, сдавшие хлеб не могли получить на складах нужные им товары. В результате предпочитали сами продавать хлеб, зачастую по спекулятивным ценам. Интересно, что данная ситуация была характерна для многих регионов Казахстана. Стремясь переломить ситуацию, Министерство решает профинансировать (авансировать) крестьянский труд, выдавая авансы «в счет вознаграждения за подлежащий сдаче в казну хлеб». Он выдавался владельцам посевов перед уборкой урожая за счет кредитов продовольственных комитетов на закупку продовольственных продуктов, в случае если они не могли найти других источников финансирования. Речь шла о частных кредитах или кредитах выдаваемых под гарантию (по документу – удостоверение) продовольственных учреждений. Оговаривалось, что авансы на уборку урожая не могли превышать 30% стоимости сдаваемого хлеба по твердым ценам. Для получения аванса необходимо было хозяйствам представить гарантии их возврата хлебом. Допускалось, что ими могут быть «процентные бумаги, векселя, договора поручительства, залоги, сельские, хуторские, станичные, аульные приговора кругового ручательства». В целом, гарантии (в данном случае их форма) определялись областными продовольственными комитетами. Кредитуемый (получатель аванса) обязан был подчиняться общим постановлениям закона и выполнять все условия договора, соблюдать сроки технологического цикла (сбор, молотьба), соблюдать порядок расходования аванса. В случае невыполнения условия договора на авансирование, получатель обязан был оплатить сумму и процент (по документу – пени за не исполнение обязательств), которые не могли превышать размеров аванса. Получающим авансы назначались «ранние сроки сдачи, наиболее удобное место приемки, перевозки». Аванс выдавался под проценты (7%) в пользу казны. Они удерживались при выдаче аванса /328/. В случае возмещения издержек на посев из сумм, «причитающихся посевщикам, удерживаются выданные авансы на уборку урожая. При не исполнении обязательств с получившего аванс, взыскивается помимо пени аванс с процен-

тами со дня просрочки. При частичном не исполнении – взыскивается полностью аванс, уменьшается пеня соразмерно исполнению» /329/.

Для успешной уборки урожая областные продовольственные комитеты пытались обеспечить хозяйства железом, для изготовления сельхоз. инвентаря. Заказы размещались через Министерство на различных заводах. Так, на Симском заводе Уфимской губернии был размещен заказ Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семиреченской, Сырдарьинской продовольственных комитетов (управ), по номенклатуре «железо шинное 2х3,16» всего 1600 пудов; в главном управлении Северных заводов Вятской губернии по номенклатуре «железо подковное 7/8 х 3/8» всего 200 пудов для Тургайской управы; на Ревдинском заводе заказ на «железо круглое 3/8» 200 пудов для Акмолинской, 300 для Сырдарьинской продовольственных управ /330/.

Таким образом, создание продовольственных комитетов было главным звеном, на которое Временное правительство возлагало задачу борьбы за обеспечение фронта всем необходимым, обеспечение населения продовольствием. В различных областях Казахстана становление продовольственных комитетов проходило по-разному. Их компетенция и практическая деятельность зависели от соотношения, состояния власти на местах. Автор согласен с выводом К.А. Жиренчина о том, что продовольственные комитеты не смогли сжать эффективным механизмом по преодолению кризиса, охватившего различные регионы края /331/. Несмотря на попытки органов власти навести порядок, этого не удалось. Напротив, именно здесь проявились все противоречия, свойственные для власти, вернее ее слабости, в рассматриваемый период.

3. ВЛАСТЬ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ[1]

Развитие страны после Февраля пошло по линии нарастания напряженности, усиления противостояния. Конфронтация между рабочими и предпринимателями, крестьянами и помещиками, солдатами и офицерами разрасталась. Политическая и психологическая вражда, нарастание поляризации. Усиление противостояния были характерной чертой времени. Массы не были удовлетворены достигнутым, их радикализация происходила с огромной быстротой и приобретала под влиянием политической агитации целенаправленный, классово-отчетливый характер, вылившийся в конечном счете в Октябрьскую революцию. Казалось, общество может примерить идея Учредительного собрания. Но на выборах 12 ноября 1917 кадеты получили 4,8% голосов, меньшевики и правые 4,2 %, правые группы и казаки 3,6%.Тогда же определились лидеры-социалисты – революционеры с 40,9 % голосов. Соответственно мусульманские и закавказские партии 20,1%, а большевики набрали 23,6%.В условиях наметившегося противостояния большевики не стали церемониться и разогнали «Учредиловку» .

Разгон Учредительного собрания окончательно оттолкнул от большевиков меньшевиков и особенно эсеров с их значительной социальной базой в деревне.

В Казахстане также четко прослеживается борьба двух различных политических группировок или коалиций: коалиции правых, т.е. либералов и социалистов, и коалиции левых, при этом имелась и своя специфика. Наиболее четко указанное прослеживается в истории казахского земства.

Состав гласных, представленных земскими учреждениями, был различным по политическим взглядам и убеждениям. Указанное обуславливалось тем, что почти все полити-

---

[1] В разделе использованы материалы Р. Камалдинова.

ческие партии рассматривали выборы в земства, как генеральную репетицию перед выборами в Учредительное собрание. В последнем все прогрессивные партии и движения видели «альфу и омегу демократической революции» [332].

К моменту появления Закона Временного правительства о земской реформе 1917 года, каждая из политических сил определила как своих союзников, так и противников. Основы избирательной тактики обкатывались на выборах 1917 года в земские учреждения. Каждая из партий решала вопрос о возможных избирательных соглашений по-своему. Большевики, имевшие в различных регионах Казахстана, определенную поддержку у населения высказывались за компромисс с партиями эсеров и меньшевиков. Меньшевики, имевшие слабые позиции в Казахстане, пытались блокироваться то с эсерами, то с большевиками, а в конечном итоге начали вести избирательную компанию совершенно самостоятельно. В их листовках «За кого голосовать» критиковались программы их политических оппонентов. Слабым местом в предвыборной программе эсеров, как считали меньшевики, являлся аграрный вопрос. Их программа, доказывали они, ведет к усилению тех партий, которые не смогут последовательно справиться с трудными вопросами.

Позиции «Алаш» были более привлекательны. Их лидеры последовательно стремились к двум целям: создание казахской автономной государственности и сохранение межнационального согласия. Они выступали за приостановление переселения русских крестьян, но никогда не требовали выселения уже прибывших. Они стремились создать автономию вместе с русским населением . В условиях обострения политической обстановки к осени 1917 года, а также роста влияния «Алаш» и борьбы за электорат, решающую роль сыграла газета «Казах». На её страницах печатались статьи, направленные на разъяснение политики и платформы партии. Не вызывает сомнения, что агитационная работа, совпавшая по времени с земскими выборами, оказала огромное влияние на результаты выборов гласных в органы земского самоуправления. Что же касается непримиримых идеологических оппонентов «Алаш», группы К. Тогусова и партии «Уш жуз», то ни те, ни другие не стеснялись в выражениях и естественно принимали активное участие в борьбе за электорат. В одной из статей, подписанной членами Семипалатинского уез-

дного земства Темирши Юсуповым, Ахметжаном Андамасовым, Райымжаном Марсековым, члены партии «Уш жуз» назывались грязными людьми, хищниками. Партия «Уш жуз» – председательская партия. Она несёт болезнь народу, затуманивает его сознание, отравляет его своим ядом. «Не слушайте их, остерегайтесь! Это наказ вам». Немало несправедливости, унижений, произвола вынесли казахи на своих плечах. Поэтому (мы) говорим партии «Уш жуз»: не надо теперь вносить смуту в народные ряды... Мы пойдем за партией «Алаш»... [333].

М.Я. Дулатов в одной из статей, посвященных проблеме выборов, задается вопросом, кого нужно избирать, отвечая, скажет, «чтобы собрание принимало полезные для народа решения, там должны быть очень умные, принципиальные люди, озабоченные будущим своего народа». Каким должен быть депутат, гласный, для того, чтобы быть полезным для общества. И тут же отвечает: «Желательно честным, чтобы не обманули и не продали свой народ, чтобы не покладая рук, работали на его благо, чтобы могли проявить мужество и стойкость в трудной ситуации». Немаловажное значение имеет и «образованность, понимание политической ситуации, ораторское мастерство, умение увлечь за собой»[334].

На результаты выборов влияло множество факторов, в том числе политическая ситуация, известный абсентеизм населения, поразивший многие регионы, порою приобретающий хронический характер. Как справедливо отметил К.А. Жиренчин, анализируя итоги выборов в земские учреждения, «в аулах и волостях с преимущественно казахским населением, где выборы в органы земского управления закончились к концу 1917 года, абсолютную победу одержали представители партии «Алаш» [335].

Каждая из политических партий, имевшая в земских органах власти своих гласных, училась работать коллегиально, в то же время позиции сторон были порою непримиримы. Создавшиеся внутри собраний блоки, порой распадались, их руководители выплескивали свои эмоции на страницы газет. Так, отвечая своим оппонентам Р. Марсеков, напишет о конфликте между гласными списка № 1 (киргизский комитет) и 5 (социалистический блок). По процедурным вопросам в Семипалатинской городской Думе произошел конфликт, в котором гласные социалистического блока, оказавшиеся в

меньшинстве, обвинили своих союзников. «За весь инцидент, который произошел 2 октября почтенный автор (Юдин) обрушивается на гласных списка №1. Последнему он ставит в вину, что им совершена измена по отношению к списку №5, которому так недавно клялись в верности правоверные мусульмане». Отвечая оппоненту, Р. Марсеков скажет: «Гласные списка № 1 не так наивны, чтобы слепо идти за списком № 5, этот последний в данном случае в своих действиях руководился мотивами, граничащими с капризом». Разъясняя позицию гласных, Р. Марсеков заявил «мусульмане не могут и не должны поддерживать, ничего, что вызывается ее мелким самолюбием». Мы во всеуслышанье скажем, что требования, предъявленные к председателю городской думы, о том, чтобы он извинился после того, как было выслушано заявление фракции социал-демократов и социал-революционеров относительно неправильных его действий, после того как было решено, что этот вопрос будет обсуждаться в следующем заседании думы – это то, что носит наименование политической близорукости и политического недомыслия.Объясняя причины конфликта и свою позицию Р. Марсеков считает, что конфликт мог бы и не состояться, если бы социалистический блок согласился с мнением большинства Думы о том, что заявления (внеочередные) могут делаться, и это их право. «Гласные слева этим должны были удовлетвориться». Но, пишет автор, они зашли очень далеко и потребовали, чтобы им дано было такое удовлетворение, которого они желают. С этим большинство Думы не согласилось. Обращаясь к гласным, Марсеков заявил: «Мы желаем работать, ибо от нас ждут серьезных и плодородных результатов, а не крикливых инцидентов и моря бесценных слов. Мы призываем гласных списка №5 к совместной дружной и деятельной работе на пользу общества...» [336].

Политическая ситуация стремительно менялась. Октябрь стал логическим развитием событий и явлений лета-осени 1917 г. Сначала Советское правительство решило установить свой контроль над органами земского и городского самоуправления, которые еще не были распущены в ходе революции за явно контрреволюционную деятельность. Для этого декретом Совнаркома в декабре 1917 г. по настоянию левых эсеров в составе двухпартийного правительства был учрежден Наркомат по местному самоуправлению. Но по мере пе-

рехода власти в местных Советах к большевикам и их укрепления земства становились все более ненужными для новой власти, и III Всероссийский съезд Советов в январе 1918 г. объявил Россию «Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» и вынес решение о повсеместной ликвидации земств.

Часть гласных, после известных событий 25 октября 1917 года, стала больше склоняться к партии большевиков, и её союзников в лице левых эсеров и меньшевиков интернационалистов склонила к признанию Советов в качестве органов государственной власти, стремилась раскрыть их сеть и убедить население в преимуществе Советов над земствами. Другая часть гласных, представлявшая в Думе меньшевиков и эсеров, отрицала право советов на власть. Всеми делами, по их мнению, должны ведать земские учреждения. В этом убеждении их энергично поддерживали состоятельные слои сельского населения. Национальная интеллигенция считала неприемлемой для себя большевистскую перспективу [337].

27 октября 1917 года на экстренно созванном в Ташкенте мусульманском съезде была принята резолюция, в которой говорилось, что местным органам, в том числе и земству, следует принять действенные меры к обеспечению незыблемости законов Российской республики и власти временного правительства как гарантий порядка и спокойствия в Туркестане.

Вспоминая этот период, М. Чокаев в 1926 году напишет: «Между тем из Петербурга пришло «Воззвание Советов народных комиссаров ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Создалось странное положение: с одной стороны, власть над туркестанскими народами отдана наихудшим элементам из среды, употребляя официальный советский термин «хищников и поработителей» С другой – вот призыв к совершению этой самой власти. Где же выход? Как свергать власть, опиравшуюся на вооруженные до зубов массы прошлого элемента? В то же время как заставить себя признать «типично колонизаторскую власть» «уголовных элементов» [338].

Описанные М. Чокаевым события относятся к концу ноября 1917 года, а с 28 октября 1917 – апрель 1918 на всей территории Казахстана и Туркестана установилась советская власть. Именно этот период был отмечен нарастанием конф-

ронтации в отношении местных национальных организаций с большевиками и советами.

В этой обстановке гласные социалистического блока шли на откровенную конфронтацию. В Семипалатинской городской Думе 24 ноября 1917 года гласные списка №5 социалистов – революционеров и социал-демократов (Кузин, П. Салов, Григорьев, Григорьева, Андреев, Керн, Варин, Новокшенов, Тимофеев, Троицкий, Соловьев) сделали заявление. Они довели до сведения земских гласных, что, по их мнению, работа в городской думе за последнее время окончательно показала, что правые группы гласных, имеющие фактически крайне незначительное большинство, игнорируют права и мнения меньшинства, т.е. почти половина Думы. Они заявили, что городская Дума, вместо того, чтобы быть представительницей интересов всех слоев населения, делается послушным оружием более правых классов граждан. Этим создается опасность вовлечения Думы в действие, направленных против широких слоев демократии.

Причиной, послужившей к появлению данного заявления, послужил факт создания в городе Семипалатинске дружины для защиты порядка и безопасности граждан, Городской глава созвал частное совещание, без участия левых гласных. В этом факте, по мнению земских деятелей, проявилось «полное непризнание правой частью гласных, президиумом Думы, городской управы прав левых гласных, как равной стороны при решении текущих вопросов жизни города». Левые считали, что большинство не понимает, «действительных нужд и настроений демократии», видели в этом «незнание тех способов и путей, которыми единственно возможно достичь соблюдения интересов всего населения» и нежелание вести совместную работу с демократическими организациями.

Они считали себя той реальной силой, при помощи которой в «настоящее тяжелое и тревожное время только и возможно создать сносные условия для общественной работы городского самоуправления». В виду этого левые заявили, что считают невозможным для себя и бесполезным для пославшим её классам населения города дальнейшую работу. По сути, был предъявлен ультиматум, в котором меньшинство потребовало гарантий соблюдения своих прав. Был выдвинут ряд требований к городской Думе, которые сводились

к замещению Президиума и городской управы только лицами, против которых не будет заявлен протест и недоверие со стороны левых групп. Дума медленно, но верно погружалась в пучину глубокого и непреодолимого кризиса. По мере того, как обострялась борьба за власть и усиливались позиции леворадикальности лагеря, группы гласных выверяли свои позиции к происходящим событиям. 1 декабря 1917 года гласные городской Думы П.В. Клепацкий, А.И. Никольский, Ф.И. Васильев, Н.В. Вайсер потребовали срочным порядком вынести вопрос на заседание Думы об отношении к предложению большевиков вступить в переговоры с Германией по заключению сепаратного мира. В выступлении гласных все сходилось на том, что Дума должна выразить протест против действий большевиков и призвать другие города России поддержать их. Г. Кржимусский, гласный думы, предложил вынести протест вообще без упоминания в нем большевиков, поскольку власть большевиков, по его мнению, не была легитимной и вопрос этот находился в компетенции Учредительного собрания «мир может быть заключен только волею самого народа – хозяина земли русской в лице Учредительного собрания» [339] – заявил он. Городская дума при голосовании по этому вопросу, подавляющим большинством голосов /26 против 1/ решила, что ей подавляющим принадлежит право высказаться по данному вопросу, «возвысить свой голос о попытках заключения сепаратного мира, помимо учредительного собрания». Дальнейшие события показали, что стремление влиятельных гласных использовать городскую Думу в разрешении вопроса о власти в партийных интересах, даже за счет отказа от парламентаризма в думских формах, набирало силу. Кризис, который имел место в Думе, четко показал растерянность гласных, полагавших, что земские органы, связанные с народными интересами, сами по себе могут внести стабильность и порядок. Между тем никто из представителей фракций (гласных) в Думе не оказался готов к тому, чтобы указать, как демократия участия сможет изнутри институтов и институционных процессов самого государства по новому поставить вопрос о том, как следует теперь управлять краем. Поиски ответа на данный вопрос ещё более углубили положение. 29 декабря 1917 года, в Президиум Думы было подано заявление председателя фракции социал демократов меньшевиком Стопинским, в котором ука-

зывалось, что группа делегатов этой фракции присоединяется к заявлению гласных списка №5. Киргизские комитеты (представители Алаш) так же заявили, что гласные списка №1 присоединяются к заявлению левых и выражают свое недоверие к члену управы Гусеву.

В ответ президиум Думы и весь состав городской управы подал заявление об отставке, которое было оставлено без рассмотрения по существу.

В поисках выхода из кризиса думское большинство сделало на этом же заседании свое заявление. В нем гласные Семипалатинской городской Думы от списка №4 П. Клепатский, Н. Вайсер, от списка №6 И. Матанцев, Р. Ершов, М. Усков, В. Колтынин по своему оценили заявление меньшинства, квалифицировав его как «обширный документ, состоящий главным образом из общих фраз обычной современной политической полемики и поэтому не подлежащих опровержению...».

Пытаясь ответить по существу претензий меньшинства, они заявили, что если бы права были нарушены, то вполне можно было бы обратиться к установленной процедуре «обжалования и добиться восстановления их нарушенных прав и обязаны это были сделать, поскольку в городской Думе творят не личное свое дело, а общественное, возложенное на них избирателями...» Протоколы думских заседаний содержат в материалах факты, доказывающие неправоту меньшинства. Большинство доказывало, что имеются данные по голосованию, которые, по их мнению, доказывают, что права левых ущемлены не были. Вопросы, поставленные социалистическим блоком, как то об увеличении содержания служащих в городских учреждениях, городской милиции, об улучшении быта бедных солдатских семей, получили поддержку и проходили «громадным большинством голосов». Правые пытались уличить своих оппонентов в том, что те производительно толкуют ситуацию, в нужных для себя моментах ссылаются на закон, «хотя ещё недавно на заседании городской думы Кузин доказывал, что теперь законов нет, и исполнять нечего, и все теперь во власти полномочной демократии и только её воля должна твориться...» [340].

Уровень аргументов, приводимых большинством Думы, сводился не только к правым депутатам, но и процедурным моментам. Они настаивали на том, что конфликта в принци-

пе не могло быть, если бы левые грамотно отстаивали свои позиции, а не диктовали свои условия. «Если гласные социалисты действительно убеждены, что члены управы и думы нарушили законы», приняли решение, имевшее «особую для них важность», то они могли бы цивилизованным путем добиваться отмены этого постановления». Отсюда вывод, либо нарушения закона в данном случае не было, в чем они были убеждены, либо «гласные социалисты» видят свою демократическую задачу, не в том, что бы добиваться правильного решения того или иного вопроса, а лишь в том, чтобы только заявлять протесты. Анализируя предложенный левыми выход их кризиса, правые посчитали, что их ультиматум сводился к «незаконному требованию переизбирать тех лиц, которые были уже избраны и полномочий своих не сложили, что по закону не допустимо, во-вторых, считали, что подобное требование гарантий, есть не что иное, как повторение требований прежнего режима, когда органы самоуправления могли видеть за своей работой только своих избранников, против которых администрация не протестовала, не выражала недоверия, утверждала в должности». И, наконец, общий вывод: гласные социалисты желают гарантировать себе те же права, которые так ревниво оберегала администрация прежнего режима... «Мы угроз не боимся, – заявляли они, и будем вести дело сообразно велениям нашей совести, а не указаниям гласных социалистов...». Заслушав заявления большинства, Дума не вынесла никакого решения, оставив без рассмотрения по существу.

Конфликт оказался не решенным, а противоречия накапливались, политическая обстановка накалялась.

Ситуация настолько политизировала земские учреждения, что Министерство внутренних дел было вынуждено принять циркуляр, запрещающий земским и городским вступать в политическую борьбу с правительством. В нем указывалось: «В связи с тяжелыми испытаниями, общество подвергается тревожным настроениям, которые вызвали как у отдельных политических деятелей, так и у общественных организаций, широко привлеченных к участию в вопросах государственного управления, с одной стороны, естественное стремление к посильному разрешению, стоявших перед государством задач, а с другой, резкую критику власти». Указанные настроения, как подчеркивалось в циркулярах, проник-

ли на места и отразились в постановлении земских собраний и городских дум, которые заняли оппозиционное положение по отношению к правительству. МВД считало, что такая позиция «не соответствует значению органов местного хозяйственного управления». По мнению министерства, такая ситуация (уклонение органов местного самоуправления об поставленных перед ним задач) «грозит обратиться в явление постоянное», при чем и само содержание постановлений в некоторых случаях начинает приобретать характер совершенно нетерпимый, граничащий с преступным возбуждением населения и противодействию законам власти».

В связи с вышеизложенным, МВД указало, что земство и города, как органы, ведающие делами местного хозяйства «не могут заниматься вопросами политики и «потому выносимые ими постановления по этим вопросам подлежат отмене». Более того, министерство посчитало такие действия недостаточными. Обосновывалось это тем, что уже сами постановления представляют опасность, так как они делаются достоянием гласности. Отсюда требование «предупредить саму постановку обсуждаемых политических вопросов» [341].

Но фактически циркуляр не достиг своей цели, поскольку ситуация стремительно менялась.

В октябре 1917 года Советская власть была установлена в Ташкенте и Перовске, в ноябре – в Аулие-Ате, Чимкенте, Оренбурге, Петропавловске, Омске. 2-10 декабря 1917 года состоялся III Западно-Сибирский съезд Советов в Омске, в работе которого участвовали делегаты от Атбасарского, Петропавловского, Павлодарского, Семипалатинского, Усть-Каменогорского, Кокчетавского Советов, провозгласили Советскую власть в Западной Сибири и Степном крае (Акмолинская и Семипалатинская области).

5-13 декабря 1917 года, в Оренбурге II Всеказахский съезд единогласно постановил образовать территориально-национальную автономию областей, населенных преимущественно казахами, с целью защитить их в условиях анархии и разворачивавшейся гражданской войны. На съезде был избран Всеказахский временный народный совет Алаш-Орда, под председательством А. Букейханова (10 из 25 мест в нем было оставлено представителям других народов, населяющих Казахстан), который должен был расположиться временно в

городе Семипалатинске и подготовить созыв национального учредительного собрания и провозглашения автономии Алаш с последующим утверждением ее конституции Всероссийским учредительным собранием. В нем делегатами участвовали Г. Мукашев, А. Кенжин, М. Жумабаев, А. Ермеков, Х. Габассов и другие представители казахских комитетов, активно работавшие в земских учреждениях.

31 декабря 1917 года состоялось внеочередное заседание Семипалатинской городской Думы. На повестку дня были вынесены вопросы о заявлении граждан второй части города Семипалатинска о принятии городским самоуправлением мер к установлению общественного спокойствия и безопасности в городе, об организации центральным бюро профессионального союза красной гвардии, городской дружины. Гласный Кузин от имени Центрального бюро союзов и гласных списка № 5 сообщил, что Бюро на последнем своем совещании не признало возможным организовать красную гвардию, но имея в виду отпуск солдат, эшелоны которых следуют через Семипалатинск и может создаться опасность для города. Центральное бюро постановило усилить существующий штат милиции, с тем, что самым подбор милиционеров, контроль и гарантия за порядком будет лежать на Центральном бюро профсоюзов. В своем выступлении гласный Козбагаров заявил, что вследствие избиения киргиз, партия Алаш организовала на средства киргизского населения 20 конных киргиз – милиционеров, которые переданы в распоряжение начальника городской милиции. Эти силы были распределены в новом выселке и на базаре. Гласный Колтырин предложил соединить красную гвардию с городской дружиной и выделить средства для вознаграждения казаков. Гласный Марсеков предложил осветить всюду улицы, усилить состав милиции, расставить в разных местах города посты, снабженные телефонами и принимать меры к пожарной безопасности.

В январе 1918 года, на фоне обвального падения оставшихся органов временного правительства и установления Советской власти, в Семипалатинске начал свою работу первый чрезвычайный съезд Семипалатинского областного земского собрания. На повестку дня были вынесены около 90 вопросов, в т.ч. обсуждение текущей ситуации. На одном из заседаний 31 января 1918 года, был поставлен вопрос об

организации власти. Тер-Погосян, председательствовавший на этом заседании, заявил собравшимся, что, «вопрос об организации твердой власти и в области стоит на очереди с первых дней революции». Учитывая всеобщую государственную, политическую и экономическую разруху перед надвигающимся напором большевиков, вопрос является одним из самых злободневных. Докладчик, посчитал нужным напомнить гласным, что начавшаяся повсеместно гражданская война грозит проникнуть и в Семипалатинскую область, угрожая серьезными и тяжелыми последствиями. Представители киргизского комитета согласились с докладчиком в том, что необходимо выйти из сферы чисто земской деятельности и заняться вопросами о создании государственной власти на местах.

6 февраля 1918 г. председатель Семиреченского областного по введению земства комитета сообщал Семиреченскому областному комиссару, что выборы уездных гласных, а так же их созыв запоздал, а созвать областное земское собрание невозможно.

В существовавшей неразберихе на местах он 9 марта 1918 г. запрашивает Военно-Революционный комитет указаний «должны ли уездные по ведению земства комитеты продолжать свою работу». «Если земство, вводимое по закону от 18 июня 1917г., ВРК признает, соответствующим идеям Советской народной Российской республики, говорилось в документе, и применимым к местным условиям Семиреченской области, а скорейшее введение земства в области желательным, тогда продолжение работ уездных и областного по введению земства комитетов необходимо. В противном же случае необходимо комитеты по введению земства закрыть, чтобы напрасно не расходовать народных денег».

Большевики, еще не до конца определившиеся свое отношение к местным органам власти, 20 марта 1918 г. телеграфировали в Верный из Ташкента: «Сформировавшиеся уже земские управы обязательно должны продолжать работу. Совнарком. Чегодаев» [342].

Получив телеграмму, председатель Семиреченского областного по ведению земства комитета, 29 марта 1918г., сообщил областному комиссару, что «по имеющимся в комитете сведениям уездные земские собрания состоялись в уездах Верненском, Пржевальском, Копальском. В Пишкекском уезде еще

не во многих избирательных округах произведены выборы уездных земских гласных». Очевидно, говорится в документе, что в Ташкенте предполагают, что управы сформированы во всех уездах.

Большевики, быстро разобравшись в ситуации, определили свое отношение к земствам. 14 мая 1918 г. в Верном была получена телеграмма, в которой говорилось, что, согласно постановления Совнаркома от 13 мая 1918 г. за № 9 все земства, комитеты по введению земства и комитеты по выборам в учредительное собрание упраздняются. Все суммы, имущество и дела передаются в ведение местных совдепов.

Большевистская пропаганда, очевидно, сыграла не последнюю роль в принятии данного документа. К тому же, в некоторых регионах, в частности в Омске, съезд крестьянских депутатов, поверив революционной риторике большевистской организации, высказался против земства, которое уже было организовано во всех уездах области. Но борьба за массы продолжалась, выносились постановления, осуждавшие переворот, проведенный большевиками. Так, Семипалатинское земство заявило, что местные советы рабочих и солдатских депутатов не могут защитить интересы народа, поскольку состоят «в значительной части из людей пришлых, чуждых интересам степи и деревни, связанных в лучшем случае, только с городом Семипалатинском, но никак не с миллионным населением области. Исходя из этого, областные собрания, как единственное собрание представителей населения всей области», решило создать свой легитимный на их взгляд власти высший областной совет.

В его состав вошли три представителя, избираемые областным земским собранием; одного представителя от крестьянского совета, одного представителя от киргизского комитета, двух представителей Совета рабочих и солдатских депутатов (от труда и воинского отдела), одного представителя от казачества.

Областной совет объявляется временным носителем высшей государственной власти в области, которой подчиняются все «правительственные места и учреждения как гражданские, так и военные». К нему переходят права и обязанности областного комиссара. На территории области все декреты правительства народных комиссаров приводятся в жизнь об-

ластным советом и лишь в том случае, если они соответствуют бытовым условиям района и не противоречат интересам «народности, населяющих области». Обязательными для населения были только распоряжения областного Совета «никто, кроме органов самоуправления, в пределах своей компетенции не может давать распоряжения, обязательных для граждан или учреждений...».

Областное земское собрание призывало граждан области подчиниться, беспрекословно Областному Совету. «Было предложено всем правительственным учреждениям признать власть Советов. Местное самоуправление, общественные организации и союзы, приглашаются поддержать высший областной Совет, деятельным содействием в его работе...» Земство считало, что спокойствие, согласие «даст возможность без тяжелых гибельных потрясений пережить переход к новому строю и дойти благополучно до создания устойчивой народной местной власти.

В заключение декларации говорилось: Пусть послужат уроком потоки крови, излитой в гражданской войне, охватившей страну... Пусть не исчезают из памяти те дикие расправы и самосуды, которые производят повсюду озверевшие и темные предатели народа...

На этом же заседании были намечены члены совета от земства. В результате голосования ими стали Тер-Погосян, А. Ермеков, Бочгаев. 3 февраля 1918 года на одиннадцатый день заседания гласных первого чрезвычайного Семипалатинского Областного земского собрания, к трем часам, когда гласные собрались к дому свободы, их встретила стража в лице вооруженных солдат, которые заявили, что в здание будут пропущены гласные. Явившись к председателю, гласные узнали, что ночью местным советом рабочих и солдатских депутатов были захвачены Дом Свободы, типография земства с газетой «Дело». Частное совещание, состоявшееся в городе Алаш, приняло решение открыть заседание в Доме Свободы и добиваться беспрепятственной работы земства. У здания Дома Свободы состоялся стихийный митинг, на котором выступили представители различных фракций земства Троицкий, Марсеков и Ермеков. Позиция земских деятелей четко отразилась в резолюции, которую тут же предложили собравшиеся. В ней заявлялась готовность, не останавливаясь ни перед чем, продолжить работу при открытых дверях, в

случае, если силой штыков будут сделаны попытки изолировать собрание, то «земство перенесет свое заседание на улицу и будет приглашать избирателей к защите своих прав. Бурными аплодисментами и криками «Долой насильников» земское собрание встретило оратора, – говорится в документе. В дальнейшем на повестку дня был поставлен вопрос о захвате власти советом рабочих и солдатских депутатов. От имени киргизского комитета Р. Марсеков заявит, что комитет из принципа не может признать власть Совета, своих представителей туда не пошлет и горячо протестует, против лжи, допущенной Советом в своем воззвании, где сказано, что в образуемый Советом комиссаров вошли два представителя от киргиз... От имени советов крестьянских депутатов, выступил Самарин, который так же заявил, что Крестьянский Совет не может признать власти Совета рабочих и солдатских депутатов, т.к. нарушены принципы народовластия, и признает «конструкцию власти, предложенную областным земским собранием».

Гласными других фракций было предложено пересмотреть вопрос о захвате власти, положив в его основу принцип народовластия. В итоговой резолюции было заявлено, что единственно легитимной властью, выразителем воли степи и деревни является областное земское собрание.

8 февраля 1918 года в собрании был вновь поставлен вопрос об отношении к высшей областной власти. Суть вопроса состояла в том, что земство по сути инициировавшая институциональный процесс, бывшей равным партнером при создании областной власти, делегировавшей туда трех своих представителей, оказалась вне политического института.

Архивные материалы не позволяют пока точно ответить на вопрос, как это произошло и почему. Известно, что имел место факт соглашения Временного совета, киргизского комитета Совета рабочих и солдатских депутатов без представительства от земств. Можно лишь предположить, что, возможно, это было вызвано тем, что делегирование от земства одновременно являлись представителями своих партий, движений в земстве. Как бы то ни было, но только этим можно объяснить спокойное течение хода обсуждения данного вопроса и результаты голосования 22 за, при 4 воздержавшихся. Областное земское собрание признало в своем постановлении возможность изменения состава Временного Высшего

Совета Семипалатинской области, отозвало своих представителей и определило состав Совета из семи человек: 2 от крестьянского совета, 2 от киргизского комитета, 2 от совета рабочих и солдатских депутатов и один от казачества. Земство в своей деятельности совершенно независимо от областного Совета.

Сфера деятельности земства определяется как действующими законами, так и постановлениями самого земского собрания. Было заявлено, что в случае вмешательства со стороны Совета в отрасли управления и земские дела, по которым состоялись постановления земских собраний, областной управе было поручено оказать самое энергичное противодействие и призвать к сопротивлению всё население области. Постановление земского собрания впредь до укрепления в Сибири государственной выборной власти считать вошедшими в законную силу немедленно, без предоставления какому-либо областному правительственному органу. В случае издания областным советом распоряжений, вредящих интересам населения области, областной земской управе поручалось приостанавливать их исполнения в области.

В этой гонке борьбы за власть выиграли большевики. Утром 17 февраля 1918 года горожане прочитали воззвание Совета рабочих и солдатских депутатов. Советская власть в Семипалатинске была установлена. Были распущены Городская Дума, Городская управа, земства, вместо них был создан Совет городского народного хозяйства.

Советская власть в Семипалатинске продержалась до 11 июля 1918 года в результате совместных действий сибирского подполья по согласованию с чехословацкой группой Р.Гайды. Подпольные отряды выступили в целом ряде городов Сибири и Казахстана. 31 мая был захвачен Петропавловск, 2 июня Кокчетав, 3 – Акмолинск, 7 – Омск, 9 – Павлодар, 23 июня Кустанай. Лидеры Алаш к рассматриваемому периоду прошли путь от поисков компромисса до их вступления в антибольшевистский лагерь, надеясь в союзе со сторонниками Учредительного собрания добиться решения своих программных целей и защитить общенациональные интересы казахов. После падения Советской власти была восстановлена деятельность земских учреждений, в июне 1918 года, возобновляет свою работу Семипалатинское, Петропавловское уездные земства.

9 июня 1918 г. состоялось совещание членов Акмолинской областной комиссии в составе В.Е. Парунина, Н.П. Карнакова с приглашением некоторых служащих местных учреждений, имеющих отношение к земскому делу. Здесь было объявлено распоряжение Временного сибирского правительства о том, что местные земские учреждения должны быть восстановлены. Исходя из этого, была возобновлена «упраздненная большевизмом Акмолинская областная комиссия по введению земских учреждений. Здесь же были решены функции комиссариата управления и дела комиссариата государственного призрения передать в ведение областного комиссариата. Функции комиссариата юстиции должны перейти в ведение судебных установлений. Функции комиссариата охраны – в ведение штаба Степного корпуса и городских самоуправлений, комиссариатов продовольствия с отделами заготовок и снабжения в ведение соответствующих земств, почт и телеграфов, телефонов и гоньбы передавались в части содержания стоечной гоньбы в ведение уездных земств». Функции комиссариата земледелия и землеустройства по отделам – агрономическому, ветеринарному, местного транспорта, врачебно-санитарной коллегии в части, не касающейся городов, областного статистического комитета, страхового дела переданы в исключительное ведение земских учреждений.

Кроме того, на совещании было признано желательным принятие в ведение земства функции комиссариата национальных дел. При этом земство «должно выяснять, что именно из этих дел должно остаться в его ведении, а что следует передать в какие-либо другие учреждения. Что же касается функций комиссариата Совета народного просвещения, то они должны быть переданы в ведение комиссии (областной) по ведению земства и соответствующих уездных земских учреждений.

Дискуссия на совещании возникла при обсуждении вопроса состава предстоящего областного земского собрания: следует ли признать полномочия уже избранных гласных или провести выборы. Мнения здесь разделились. Одни признавали, что общественное настроение под влиянием большевизма резко изменилось и население, в особенности сельское, в большинстве случаев не найдет возможным послать в собрание прежних гласных, поскольку они, в большинстве

своем, сотрудничали с местными большевистскими Советами. Отсюда настаивали на проведении перевыборов. Другие предлагали считаться с мнением уполномоченного Временного сибирского правительства, который предложил, что гласные, которые активно поддерживали большевистские власти, не могут работать в земстве. Высказывая тем самым беспокойство о кворуме, требуемого законом, и недостающих гласных придется пополнить их кандидатами. Решить вопрос было сложно, и собрание признало целесообразным пересмотра его после ознакомления со всем выборным делопроизводством.

13 июня 1918 г. на 1 чрезвычайном областном (Акмолинском) земском собрании рассматривался вопрос организации деятельности временной земской управы. По закону она обязана была разослать пригласительные повестки непосредственно гласным. Но уже здесь столкнулась с ситуацией, когда в некоторых уездах области стали проводиться перевыборы гласных. В работе собрания принял участие министр внутренних дел, который выступил с заявлением. Он довел до сведения собравшихся, что «вопрос о предоставлении на настоящую сессию прав гласных представителями от Акмолинского и Атбасарского уездов Сибирское правительство утвердило, в виду исключительности обстоятельств». Министр также отметил, что «несчастье Сибири в том, что здесь мало людей знакомых с самоуправлением, у Сибири нет опыта, нет прошлого, нет практики». Говоря о сложности ситуации, он охарактеризовал общую ситуацию, которая, по его мнению, характеризуется полной разрухой, неопределенностью отношений к Временному сибирскому правительству, отсутствием власти в центре, в результате которых население не платит никаких налогов. Затем владычествовали большевики, они все разрушили и украли миллионы денег. «Одним словом, финансовое положение самое ужасное», — заявил министр. От имени правительства он заявил, что будет оказана помощь земству»,

В целях решения финансовых проблем, стоявших перед Актюбинским областным земством, делегаты чрезвычайного областного земского собрания установили земские сборы. Общую картину принятых налогов на 1918 г. дает таблица 1.

Таблица 1

Земской сбор с земель принадлежавших управлению земледелия и государственных имуществ Акмолинской области, рублей

Уезды	Площадь десятин	Основной земской сбор	Определено чрезвычайным земским собранием	Всего сбора
Омский	193612	887	13440	14327
Петропавловский	148140	568	8613	9181
Кокчетавский	376619	2083	31557	33640
Атбасарский	10782		–	–
Акмолинский	142372	454	68877	69331
ВСЕГО	871525	3992	122487	126479

Следует отметить, что 20% земских сборов с казенных земель включались в смену областного, а 80% уездных земств. Не менее важным, было принятие решения об издании «на киргизском языке как постановлений земского собрания, так и различных брошюр и листовок по медицине, ветеринарии, агрономии и т.д.». Кроме того, признано необходимым «приступить по возможности в ближайшее время к переводу на киргизский язык издания и положения о выборах земских гласных (волостных и уездных).

Рассмотренная ситуация была характерна для всех земских учреждений, восстановивших свою структуру, работавших в сложных условиях.

Павлодарская земская управа сообщала, что за отсутствием средств, должны закрыться Павлодарская, Баянаульская, Песчаная уездные больницы. Для налаживания работы областное земство сделало заем у Семипалатинского отделения Государственного банка в размере 200 000 рублей. Был установлен контакт с Временным Сибирским правительством, но последняя постоянно ограничивала сферу деятельности земства, арестовывала членов управы. Член управы Троицкий был заключен в тюрьму «за произнесенную им речь, в которой критиковал действие местного штаба». Троицкий был командирован для доклада Временному Сибирс-

кому правительству, для согласования с ним налоговой политики. Следственная комиссия сочла Троицкого человеком «опасным, обвинив его в сотрудничестве с большевиками, и постановила заключить его на 2 месяца в тюрьму».

Сибирское правительство не устраивала позиция Областного земства, которое продолжало считать себя правомочным органом, которому принадлежат не только права по хозяйственной части, но и в области управления.

В ответ Сибирское правительство требовало, чтобы областная земская управа «сносилась с ним не иначе, как через комиссара, и об этом указывало земство, но земская управа сносилась с министрами непосредственно». 17 сентября 1918 года административный Совет Временного Сибирского правительства принимает постановление «Об изъятии милиции из ведения городских и земских самоуправлений с передачей ее введение министерства внутренних дел».

Согласно документу, на территории Временного сибирского правительства отменялись действия временного положения милиции, приложенного к отделу 1 постановления Временного российского правительства от 17 апреля 1917 г. Отсюда указывалось, что сибирская милиция есть исполнительный орган власти и состоит в ведомстве Министерства Внутренних дел.

Расходы по содержанию уездной и городской милиции «относятся на средства, ассигнуемые Сибирским правительством по смете МВД, с отнесением 1/3 расходов на средства городских уездных земских самоуправлений. Земством оставляли возможность участвовать в разделении уезда и города на участки, подведомственные уездным и городским участковым, начальникам милиции.

Областное земское собрание Семипалатинска выразило опасение, что милиция, находясь в ведении администрации, может превратиться в полицию царского режима. «С переходом в МВД, милиция, выполнила распоряжение определенно – административного характера, явиться не помощником земского управления, а скорее орудием против роста, укрепления и развития всех демократических организаций вообще, и уездного земства в частности, как это и было во времена царизма». Собрание постановило сообщить правительству о невозможности участвовать в расходах на содержание милиции, полностью перешедшей в ведение МВД. [345]

Аналогичным образом земство отреагировало на попытку решения сибирским правительством вопроса о судьбе казахского суда. Председатель Семипалатинского областного земства и временного казахского суда Р.Марсеков настаивал на правомочности его существования в соответствии с решением Временного правительства 1917 года. Он ставит вопрос о статусе суда перед областным комиссаром. Последний, представляя интересы сибирского правительства, требовал руководствоваться «Положением об управлении степного края» до февральского периода.

В целях решения возникающих конфликтов 30 октября 1918 г. сибирское правительство при МВД образовало земской отдел в задачи которого входило рассмотрение земских ходатайств, ответы на запросы земств по различным вопросам, разработка законоположений, относящихся к земству. Для осуществления своих задач земской отдел должен быть в курсе земской жизни. В дальнейшем земской отдел предполагал организовать анкетное исследование, которое могло бы всесторонне охватить все стороны земской реформы 1917 г. и текущей земской жизни. Местным земским органам предполагалось перечислить сессии земских собраний, начиная с первого по введению земских учреждений, включая назначенных к созыву, предоставить все первичные материалы.

Ситуация еще более осложняется, в конце октября 1918 г. Временное Всероссийское правительство признало необходимым «на ближайший период времени временно подчинить все государственное управление единому Совету Министров». В связи с чем Указом правительства от 22 октября (4 ноября) 1918 г. было объявлено, что «правительство Алаша, Алаш-Орду считать прекратившим свое существование». Учреждались этим же документом должности Главноуполномоченного по управлению Алашем, «подчинив его ведению, на основании особого положения, все дела, касающиеся культурно-бытовых и экономических нужд казак-киргизских народностей», и его помощников. Одновременно органы управления Алаш-Орды временно, впредь до издания соответствующего постановления», сохранялись. Они подчинялись Центральным ведомствам Временного Всероссийского правительства «по принадлежности». Также было объявлено о создании особой комиссии по выработке положения об Алашс-

ком представительном органе и выборах в него, «вменив ей в обязанность по окончании работ представить положение на одобрение правительства».

Любопытна оговорка, сделанная в документе, показывающая, что конфликт хотя и имел место, но он старательно сглаживался. «Временное всероссийское правительство, вместе с тем почитает нужным в организацию казак-киргизских народностей начала, соответствующие их бытовым и хозяйственным особенностям».

Декларировалась также, что в будущем будет создана «соответствующий сей цели представительный орган, ведающий их делами».

Оговаривалось в документе и то, что в ближайшее время текущая работа по управлению Алаша может производиться назначенным правительственным чиновником «совместно с существующими органами самоуправления и местными органами подлежащих ведомств» Земства, отчаянно отстаивая права, заявляли, что киргизский народ в случае непризнания Алаш-Орды правительственным органом не будет выполнять требования и распоряжения правительства.

Ситуация нагнеталась и тем, что Правительство прекратило «бесплатную отправку корреспонденции Алаш-Орды», на что Семипалатинская областная управа, в лице ее председателя Р. Марсекова объявила «о прекращении передачи распоряжений правительства на места. К тому же Министр юстиции отказал Семипалатинскому окружному суду в предоставлении помещения для казахского суда. Основанием послужило то, «что по характеру своих функций он не является органом государственной власти и не может быть приравнен к городскому земскому самоуправлению».

Конфликты сопровождали всю историю земства, в короткий период их сотрудничества с белогвардейским правительством. Возможности земства постоянно ограничивались. Так, из ведения были изъяты вопросы продовольственного снабжения, суда и другие вопросы.

Аналогично складывалась картина взаимоотношений сибирских властей и земства в других регионах края. 29 июля 1918 года в Акмолинском областном земстве принимал участие министр юстиции, который высказался за нецелесообразность участия казахских гласных в совместной работе с русскими земствами.

Конечно, описанные события носили главным образом локальный характер, но в целом они создают конкретно историческую картину деятельности земства в Казахстане.

Земские учреждения в Казахстане были вторично ликвидированы Советской властью в 1919 году. Её история показывает, что в силу своей включенности в общую систему управления земства становились центрами борьбы различных идеологических течений. Гласные земства вольно или невольно также оказались втянутые в политические события. В обстановке глубокого размежевания общества, резкого обострения борьбы за власть между крайними полюсами общества, земство пыталось занимать взвешенную позицию. Но к 1919 году, выяснилось, что они уже не способны были играть более или менее заметную политическую роль. Хотя накануне октября они сыграли свою роль и представляли правое крыло вместе с институтом комиссаров Временного правительства, противостояли организационным центрам леворадикального лагеря – Советам.

4. ДОКУМЕНТЫ ЭПОХИ

В данный раздел введены документы, имеющие принципиальный характер. В него включены воспоминания современников о Февральской революции которые описывают картину того, что происходило в те дни на улицах, как воспринимались события представителями различных слоев тогдашнего общества.

Стенограмма заседания Демократического совещания по национальному вопросу. Сентябрь 1917 г., дает возможность, в наиболее полном виде представить предложения по будущему устройству государства, которые были заявлены представителями от разных народов, крупнейших политических партий и организаций. Их содержание важно как для понимания остроты ситуации, складывавшейся на национальных окраинах Российской империи. Впервые данные документы были **опубликованы в серии** Альманах «Россия. XX век» международного фонда «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева) **Т.Ю. Красовицкой, А.П. Ненароковым, В.П. Булдаковым, СМ. Исхаковым.** Интересны телеграммы посланные представителями различных слоев общества на имя представителей государственной власти - председателя Государственной думы М.В. Родзянко, председателя Совета министров князя Г.Е. Львова и др. В целом, предлагаемые документы позволяют составить довольно полное представление об отношении общества к политическим событиям февраля-марта 1917.

Из воспоминаний профессора М.П. Чубинского «Год революции 1917» [20.09.1923] [Октябрь 1923 г.]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ни дневника, ни более или менее регулярных записей я до революции систематически не вел <...>. Но с 1 января 1917 г., видя нарастание событий исключительной важности,

я почти ежедневно стал делать записи в небольшую книжку и вел их до моего бегства из Петрограда, сперва в Москву, а потом на Украину...

Пишущий эти строки в течение данного периода не играл видной политической роли, а потому не принадлежал к числу деятелей, творивших или пытавшихся творить события. Это дает ему возможность быть объективным. Но в то же время пишущему эти строки по характеру его служебной и общественной деятельности приходилось близко стоять к многим лицам и событиям и многое видеть, и во многом участвовать.

1 января 1917 г. застало меня профессором Александровского лицея и Высших женских курсов («Бестужевских») в Петрограде, а также профессором университета в Юрьеве. <...> Наряду с этим почти с первых дней революции я был привлечен министерством юстиции к законодательным работам по этому министерству. <...> Эти работы продолжались и после состоявшегося в начале мая назначения меня сенатором уголовного кассационного департамента. Затем я был членом редакции и заведующим юридическим отделом в газете «Русская воля»... Все это разнообразие дел, людей и встреч отразилось и на моих записках. Важное в них перемешано с второстепенным, описание государственных событий – с заметками о жизни газеты, о конференциях лицея и т.д. <...> И все же я решился оставить эти записи в их подлинном и цельном виде, ибо только так они могут сохранить характер непосредственности. <...>

Январь 1917 г.

<...> В политике творится нечто невероятное. Назначение премьер-министром князя Голицына, министром юстиции ленивого и ничем не выдающегося Н.А. Добровольского и целый ряд новых правых назначений в Государственный совет имеют вид явного вызова общественному мнению. <...>

Ходят самые крайние слухи. В частности, говорят, будто целый ряд великих князей довел до сведения государя их общее убеждение об опасности принятого курса не только для родины, но и для династии. <...> Нового премьера я знаю по совету лицея. Бывал он изредка у меня и на экзаменах. Фигура очень неприятная, надменная, ни особого ума, ни талантов, да и вообще ничего за собой не имеющая для столь высокого поста и, особенно, в столь сложное время. Назначе-

ние встречено общим недовольством и недоумением, которое разделяют даже бюрократические сферы. Добровольский известен лишь леностью, гурманством и приспособляемостью. <...>

По городу ходят вздорные слухи: одни говорят о покушении на государя, другие о ранении государыни Александры Федоровны. Утверждают (и это очень характерно), будто вся почти дворцовая прислуга ненавидит государя и охотно вспоминается история с сербской королевой Драгой. <...> Много говорят опять и о записке, якобы поданной государю подавляющим большинством членов царствующего дома, и о том, будто бы подавшие записку просили Родзянко довести до сведения Думы об их несочувствии проводимому политическому курсу. <...>

14–18 февраля

В общей политике все идет по-прежнему плохо. В кабинете перемен никаких, а сам кабинет совершенно неспособен к той громадной творческой работе, которой повелительно требуют и небывалая по тяжести, безмерно затянутая война, и наше внутреннее положение. <...> А между тем все более и более сказывается надвинувшийся на нас кризис: отсутствие или большая нехватка во многих местах даже хлеба и керосина, необходимость во второй уже раз назначить товарное двухнеделье, столь тяжело отражающееся на интересах лиц, имеющих необходимость срочно куда-либо ехать, – это грозные симптомы. Усиленно говорят и о нехватке у нас паровозов.

Около лавок вместе с небывалыми ранее хвостами потребителей растет и народное недовольство. К открытию Государственной думы ожидались серьезные беспорядки, вдохновляемые частью пораженцами, часто же (как шла упорная молва) провокацией. Ждали таких забастовок, что запасали даже воду и свечи. Пока особых эксцессов нет; у нас на Васильевском острове и совсем тихо, но меры чисто полицейского характера приняты, с патрулями и пулеметами включительно. Многие ждут решительных действий от Государственной думы. Это едва ли случится, хотя, конечно, будет сказано немало решительных слов. В ожидании этого правительство ввело почти полную предварительную цензуру в дополнение к той отдаче под цензуру ряда петербургских газет, о которой я уже говорил.

<...> Важный и интересный симптом его – начавшиеся в высших учебных заведениях сходки, в том числе и сегодняшняя сходка на женских курсах. Проповедуется «война войне», идут речи о том, что «война на руку только буржуазии», и т.п. Словом, ясно проявляется организованная пораженческая агитация на социалистической подкладке. Из-за сходок и лекции почти нигде не состоялись.

А слухи растут с каждым днем. Недавно один видный чин Министерства внутренних дел категорически подтвердил в разговоре с хорошо известным Ч., что покушение на государыню действительно было и что пуля ее оцарапала. <...> Затем недавно «из самых достоверных источников» сообщалось, что уход Протопопова решен, однако сегодня открытие Думы, он продолжает твердо сидеть на месте. Категорически утверждают, что он говорит во дворце о своих видениях и прорицает, ибо в него «вселился дух почившего старца». Словом, зарвавшийся человек, на которого одновременно действует опьянение властью и, как упорно утверждают, начало прогрессивного паралича, занял место старца и не хуже его ведет Россию к крушению. <...>

А день открытия Государственной думы (14 февраля) действительно прошел вполне спокойно. Прения и в первый и во второй день не оказались на высоте. <...> В прессе, благодаря цензурному ее ущемлению и в Петербурге, и в Москве, все бледно и неполно. Словом, борьба с общественностью идет вовсю; средств не разбирают, и впереди ничего доброго не видно. <...>

21–27 [февраля]

<...> А события таковы, что все самые важные частные интересы должны отойти на задний план. Продовольственная разруха, в связи с разнузданностью правительственного курса и полной дезорганизованностью самого правительства, настолько усилила всеобщее неудовольствие и негодование, что надвигаются события чрезвычайного масштаба. Началось с забастовок на ряде заводов, в том числе и работающих на оборону. Затем стали все трамваи и все газеты, забастовки заводов необъятно расширились, и громадные толпы народа повалили на улицы, в высших учебных заведениях начались сходки при несомненном участии постороннего элемента. Кое-где войска и полиция стреляли, были и жертвы.

Одним из первых был двинут на усмирение Павловский полк. Они [солдаты] занимали позиции на Садовой и примыкающей части Невского. <...> Вдруг раздались выстрелы с крыши, как упорно утверждают в городе, провокаторские; был убит или ранен один из командиров и пострадало несколько солдат. Солдаты кричали толпе: «Вы куплены немцами», – и начали стрелять вдоль улицы; в числе пострадавших, говорили, были и женщины и дети.

Но далее и в войсках настроение изменилось. Первыми на сторону восставших перешли Волынский и Преображенский полки, причем командир первого из этих полков был убит. В понедельник, 27-го, уже с утра распространились известия, что уже семь или восемь гвардейских частей перешли к восставшим, но будто бы без офицеров, а следовательно, и без надлежащей организации. Власти на уступки не пошли и верили Протопопову, который делал успокоительные заявления и уверял, что должные меры приняты и что движение будет подавлено. По улицам расклеены прокламации генерала Хабалова; ни понимания момента, ни мер, чтобы немедленно дать народу хлеба, в них нет; только угрозы и заявление, что движение играет на руку немцам. <...>

Но вместо ожидаемого нового закона и создания общественных продовольственных организаций последовал внезапно указ о роспуске Думы. Это уже не оскопление, а прямая политика безумия. Дума указу не подчинилась. Она продолжает заседать. Родзянко послал в ставку телеграмму государю с указанием на необходимость уступок и на опасность, уже грозящую династии. В высших учебных заведениях сегодня бурные сходки с резолюциями, требующими создания нового временного правительства.

На улицах продолжаются демонстрации и идет стрельба, причем много нельзя узнать: кто, откуда и в кого стреляли. Растет и движение в войсках, но утверждают, что гвардейские стрелки и финляндцы остались с правительством.

27-го вечером состоялось чрезвычайно важное заседание Государственной думы. Образован Временный комитет, куда вошли главные представители партий, начиная с социал-демократов и кончая националистами, т.е. все, кроме крайне правой. Весь вопрос в том, удастся ли этому Временному комитету наладить порядок, сдержать эксцессы и урегулировать продовольствие; иначе – выйдет только хаос и анархия.

27 февраля – 1 марта

Караул около Думы сейчас состоит из войск, принявших сторону народа. В Думу привезен и находится там под арестом председатель Государственного совета Щегловитов. Есть слух, что приехал государь, но скоро выяснилось, что это ложный слух. Движение же в Петрограде перешло в настоящую революцию, со свойственными всякой революции эксцессами. Из «Крестов» выпустили всех заключенных без разбора. Дом предварительного заключения зажжен. Горят и архивы окружного суда. Говорят о взятии Арсенала и захвате Зимнего дворца. Говорят, что хотели захватить Протопопова, но он успел убежать в Царское. Говорят, что уже стала Финляндская дорога и что это – начало всеобщей железнодорожной забастовки, и т.д., и т.п. <...>

Я вышел и хотел добраться до редакции, чтобы получить о событиях возможно верную и полную информацию, но для этого нужно было пройти пешком через полгорода, что оказалось сейчас не только опасным, но и прямо невозможным.

Март, 1–3-го

События развиваются. С молниеносной быстротой воинские части одна за другой переходят на сторону восставших. Вчера и сегодня стало известно, что к Государственной думе подошли, ставя себя, как и другие части, в распоряжение Думы и народа, даже собственный его величества конвой и батальон стрелков императорской фамилии. Гвардейский экипаж привел в Думу Кирилл Владимирович и говорил там речь. Видимо, ему улыбается мысль о возможности занять престол в будущей демократической России, но я не думаю, чтобы это когда-нибудь случилось: он слишком непопулярен и в народных массах, и особенно в гвардии.

Вчера, 28 февраля, я не выдержал и пошел по городу. <...> Около Академии художеств толпа, в которой преобладали солдаты, но были и лица, явно лишь переодевшиеся в солдатское платье, остановила моего спутника и отобрала у него шпагу. Оказывается, что кругом идет обезоруживание офицеров, т.е. начинается что-то кошмарное. Взявши у генерала шпагу, его хотели еще обыскивать, нет ли при нем револьвера, хотя он уже сказал, что револьвера нет, не желая отдавать толпе бывший при нем хороший и ценный револьвер. Могла бы произойти катастрофа; тогда я вмешался и стал говорить, что это

профессор, гуманный судья и безупречный человек, не заслуживший такого с собой обращения. На счастье, подошло довольно много студентов, которые поддержали меня. В результате шпагу А.Б. послали на квартиру к его жене с сообщением, чтобы они не беспокоились, и он пошел дальше уже без шпаги, чтобы не подвергнуться новому задержанию.

Затем я зашел в университет, там сейчас сходки и картина, напоминающая военный лагерь; университет превратился в особый громадный центр: открыты питательный пункт и перевязочный пункт для раненых; идет вербовка милиции, санитарных отрядов и пр. и т. п. Я немного отдохнул на квартире у ректора Э.Д. Гримма, который довольно пессимистически смотрит на все происходящее, но энергии не теряет. Оттуда я пошел в направлении Невского через Дворцовый мост. Но около Адмиралтейства напор толпы разъединил нас: оказалось, что небольшие воинские части, охранявшие Адмиралтейство и нескольких укрывшихся там высокопоставленных лиц, ушли (в том числе и роты измайловцев). Толпы солдат и рабочих тотчас же хлынули производить обыск и занимать помещение. Нашли и вынесли пулеметы, арестовали градоначальника Балка, начальника гарнизона Хабалова и других. Когда арестованных собрались увозить на грузовом автомобиле, по ошибке или умышленно со стороны дома градоначальства и углового дома, где помещается банк, открыли по Адмиралтейству сильный огонь, по-видимому, из пулеметов, и все мы, находившиеся около Адмиралтейства, попали под обстрел. Пришлось ложиться прямо на мостовую.

Когда обстрел стих, я решил пробираться в Государственную думу, ставшую центром событий, и там получить верную информацию. <...>

Проникнув в здание Думы, я получил наконец более точную информацию. Дума не рискнула сразу выдвинуть из своей среды полномочное Временное правительство и выбрала лишь комитеты «для сношения с народными организациями». За последним дело не стало: сейчас же создали явочным порядком «Советы рабочих депутатов», и когда, спустя два дня, Дума все же образовала правительство (в которое по некоторым причинам не вошел никто из думских лидеров), а затем и временный Совет Министров, куда вошли уже лидеры, было уже поздно. Ставший в оппозицию к новому правительству Совет рабочих депутатов стал выпускать от себя

разные «приказы», и в том же направлении стали работать действующие его именем группы и подгруппы, причем все это стало группироваться в Таврическом дворце, захватывая там помещения и немедленно вступая в сношения с подходящими воинскими частями и депутациями, которые приходили изъявлять, что они отдают себя в распоряжение Государственной думы, и сразу же попадали в сферу агитации социалистической левой [партии], сгруппировавшейся около Совета рабочих депутатов. Отсюда пошли все требования конфискации и немедленной безвозмездной передачи трудящемуся народу всех земель, призывы не верить офицерам, сомкнуться около Совета рабочих депутатов и верить только ему и т. д.

Это вторжение Совета рабочих депутатов в здание Государственной думы сразу же вредно отразилось на положении нового правительства и оказалось гениальным тактическим приемом крайней левой [партии]. А между тем если правительство выдвинула Дума, то Советы рабочих депутатов образовались (если не считать нескольких лиц, бывших в Советах в первую революцию 1905—1906 гг.) вполне самочинно. Я могу подтвердить это характерным эпизодом. Когда, протолкавшись в коридоры через кучи самого разнообразного народа, я попал наконец в одно из относительно свободных помещений и стал добиваться, где теперь находится комната журналистов, ко мне подошли присяжный поверенный Д. и инженер В. и с приветствием спросили: «Михаил Павлович, Вы к нам, в Совет рабочих депутатов?» — «Как к Вам? Меня никто туда не выбирал». — «Это не важно. — последовал ответ. — Мы вас знаем, знают и другие члены». — «Но ведь у вас нужно быть социалистом, а я — не социалист». — «Как не социалист? Да вы же были прогрессистом, и ваша партия теперь считается федералистической и социалистической». — «Может быть, но я лично на это не иду, не идут и многие другие из прогрессистов». — «Очень жаль; напрасно, вы с ними делаете большую ошибку. Жаль, что вы не с нами».

На этом мы простились, и я пошел дальше. Боже мой, что за хаос и беспорядок кругом! Тысячи вооруженных солдат и бродят, и сидят, и лежат вповалку в коридорах; масса посторонней, ультрадемократического вида шляющейся публики. Нигде ни следа какой бы [то] ни было организованности и дисциплины. И все же когда я вышел на главный подъезд Думы, я был поражен грандиозной картиной. То

подходили ровным шагом войсковые части, чтобы заявить свою преданность Думе, то сотни автомобилей, сменяясь, везут оружие, арестованных, продовольствие и т.д. А вот ближайшие улицы сплошь заняты народом, и везде повышенное настроение.

<...> Домой мне пришлось отправиться уже пешком, причем на Шпалерной я опять попал под обстрел. Как и везде почти в эти дни, стреляли с улиц, отвечая на выстрелы с чердаков и крыш, причем последние выстрелы приписывались засевшей в разных местах полиции. Если в это время, в общем, революция протекала сравнительно мирно, то все же были и эксцессы; особенно страдала полиция, за которой прямо охотились, и притом со злобой и крайним ожесточением.

ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 807. л. 1–37.

Из воспоминаний полковника Д. Ходнева «Февральская революция и запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка»

Январь 1936 г.

<...> Оправившись от последствий контузии, полученной мной в боях на Стоходе, я приказом по запасному батальону лейб-гвардии Финляндского полка от 2 января 1917 г. за № 2 был назначен начальником учебной команды. Собственно говоря, моя должность тогда была не начальник команды, а наблюдающий за командами, т.к. учебных команд была не одна, а целых три: подготовительная, основная и дополнительная... В начале февраля мы вернулись в Петроград, и здесь свое внимание я перенес на основную учебную команду, предполагая производить усиленные занятия, но назревшие события совершенно изменили нормальный ход жизни, и вместо учения начались лишь наряды да вызовы...

С осени 1916 г. Петроград зажил нездоровой, ненормальной жизнью. Всюду росло недовольство, всюду плелись различные сплетни, всюду передавались слухи – «последние новости»; чего-то ждали, чего-то хотели... В то время как на фронте честно и доблестно исполнялся долг, лилась кровь, в тылу шло бездельничанье, разгул, разврат. Будто бы чья-то таинственная и невидимая рука направляла всех и все на ей угодный путь, толкая в бездну нашу родину. Преступная ра-

бота Милюкова,Керенского, Гучкова и прочих «избранников народа» – господ «левых» членов Государственной думы – сделала свое дело, и результаты уже были налицо. По всему Петрограду ползли лживые россказни. Не избежала этой гнусной лжи и клеветы даже царская семья. <...>

Агитация и пропаганда велась везде. <...> По словам ген[ерала] Данилова: «Имелись, например, запасные батальоны, числившие в своем составе до 19 тысяч обучающихся. Праздная толпа, тесно размещенная в казармах и не видевшая оправдания своему призыву, естественно, представляла собою крайне благоприятную среду для пропаганды...» <...> К февралю месяцу 1917 г., понеся за время войны страшные потери, гвардейская пехота как таковая почти перестала существовать! «Старых» кадровых офицеров, подпрапорщиков-фельдфебелей, унтер-офицеров и рядовых «мирного» времени, получивших в родных полках должное воспитание – «добрую закваску», понимавших и свято хранивших свои традиции, видевших мощь, славу, величие и красоту России, обожавших царя, преданных ему и всей его семье, – увы, таких осталось совсем мало! В действующей армии, в каждом гвардейском пехотном полку насчитывалось человек десять–двенадцать таких офицеров (из числа вышедших в поход – 70–75) и не более сотни солдат (из числа бывших 1800–2000 мирного времени). В каждом бою гвардейская пехота сгорала, как солома, брошенная в пылающий костер. <...> Будь гвардейская пехота не так обессилена и обескровлена, будь некоторые ее полки в Петрограде – нет сомнения, что никакой революции не случилось бы, т.к. февральский бунт был бы немедленно подавлен. <...> В Петрограде же, в казармах гвардейских частей, стояли запасные батальоны, дававшие пополнения гвардии, но, находясь еще в периоде обучения, до своего прибытия к действующим полкам на фронте не являющиеся гвардией.<...>

Начало «Февральской» революции тесно связано в памяти моей с торжественным празднованием столетнего юбилея игры нашего полкового оркестра на сцене императорского Мариинского театра. <...> И вот дирекция и артисты императорских театров захотели отметить столетие и решили устроить торжественное чествование. Не помню уже даты юбилея (начало февраля), который приурочен был к первому представлению только что вновь разрешенной правительственной

цензурой к постановке «революционной» оперы «Фенелла» («Немая» – «La muette de Portici), которая, как известно, была у нас в России императором Николаем I запрещена. На это юбилейное торжество был приглашен наш оркестр во главе с капельмейстером. <...> Участие в опере лучших сил, изумительная мимика и чудесные танцы балерины М.Ф. Кшесинской, исполнявшей заглавную роль – «немой», а также и красивая музыка – все это делало спектакль единственным в своем роде. После второго акта, в котором поется известный дуэт: «Amour sacre de la patrie», – все мы, офицеры лейб-гвардии Финляндского полка, сидевшие в первом ряду партера, были приглашены на сцену театра, где состоялось торжественное чествование нашего оркестра.

<...> По окончании спектакля нас попросили в одно из фойе, где был сервирован чай, и мы до поздних часов пробыли в уютной и симпатичной семье артисток и артистов Мариинской оперы. Радушие наших гостеприимных и милых хозяев было безгранично. Много чаю было выпито, много высказано взаимных приветствий и пожеланий; беседа наша протекала безмятежно... Но вот кто-то из артистов <...> рассказал историю запрещения оперы «Фенелла». Оказывается, где бы ни ставили эту оперу – всюду там происходили народные волнения, восстания и даже революции: так было в Испании, Бельгии, Италии и Мексике... Из-за этого была она запрещена и у нас, в России, и вот только теперь запрет был снят...

<...> Через несколько дней начался в Петрограде «голодный» бунт, перешедший в народное восстание...

На кого же могла опереться власть при борьбе с восставшими? Кого можно было с оружием в руках выслать на улицу против бунтовщиков? Каково было тогда в военном отношении положение Петрограда?

На все эти вопросы я постараюсь ответить. В самом Петрограде, не принимая во внимание его окрестности, находилось тогда 13 запасных батальонов гвардейских полков, от Первой, Второй и Третьей гвардейских полковых дивизий и лейб-гвардии Третьего стрелкового Его Величества полка, а также еще и 7 запасных формирований: полков, батальонов и дружин, т. е. всего до 20 запасных пехотных частей численностью до 100 000 человек. (Военно-учебные заведения: училища и школы – я не считаю). Из этой массы («полчищ») можно было выделить («отбор») лишь учебные команды

Гвардии запасных батальонов общей численностью до двух с половиной тысяч. Остальное никуда не годилось: это был продукт затянувшейся войны – «полчища», почти не обученные, без должного воинского воспитания, недостаточно вооруженные. Рассчитывать на них было ни в коем случае нельзя, наоборот, они легко могли очутиться на стороне восставших (что и случилось), т.к. уже давно к этому подготавливались различными агитаторами, «сознательными товарищами», не исключая и некоторых господ членов Государственной думы.

<...> Удивляться этому нечего! Революционная работа в казармах шла полным ходом... При такой массе людей, набитых «до отказа» в казармах, где раньше располагалось в шесть–восемь раз меньше, необходимо было иметь и должное количество опытных и энергичных офицеров и унтер-офицеров для наблюдения за ними, для их обучения и воспитания. Ничего, однако, этого не было. <...>

Офицерский состав Гвардии запасных батальонов был очень слаб. Командиры батальонов менялись, «постоянный состав» офицеров – тоже. <...>

Выздоровевшие от ран и контузий офицеры, временно зачисляемые в запасные батальоны и там распределенные по ротам и командам, в большинстве случаев рассуждали (совершенно понятно и правильно) так: «Я уже пролил свою кровь, вскоре уеду снова на фронт, а поэтому имею право на отдых и развлечения, а вовсе не обязан отдавать всего себя и свое теперешнее кратковременное пребывание в тылу обучению каких-то ратников или запасных...» И в казармах они, за редким исключением, «отбывали лишь номер», стремясь скорее в офицерское собрание, в театр, в кинематограф, наконец, домой, к семье. Прежних фельдфебелей и унтер-офицеров в запасных батальонах было мало, особенно принимая во внимание численность людей... Одним словом, организация запасных батальонов была очень слаба.

<...> Как известно, незадолго до начала беспорядков в столицу прибыли с фронта два донских казачьих полка: 1-й Донской казачий генералиссимуса князя Италийского, графа Суворова-Рымникского и 4-й Донской казачий атамана графа Платова.

Донские казаки, честно и доблестно исполнявшие свой долг перед царем и родиной в нашу первую смуту (1905–1906

гг.), заслужили, благодаря нашей милой «общественности», наименование кровопийц, палачей, предателей народа и т.п. <...> И вот теперь, в 1917 г., доблестные и славные суворовские и платовские донцы с первых же дней действовали в столице крайне вяло, нерешительно, а потом и вовсе отказались действовать против бунтовщиков («против народа»), обращая даже иногда свое оружие против защитников законной власти и порядка (убийство казаками пристава – полковника Крылова). <...> Таким образом, два казачьих полка, на которые особенно рассчитывала власть, никакой пользы и помощи не принесли, принесли скорее один лишь вред! <...>

Перейду теперь к последовательному рассказу о том, как протекали те дни, что делалось тогда в Петрограде и, главным образом, на нашем Васильевском острове.

13 февраля вечером из батальонной канцелярии дежурный писарь доложил мне содержание спешной телефонограммы из штаба Гвардии запасной бригады, в которой сообщалось, что по приказанию временно исполняющего должность начальника бригады «с получением сего учебным командирам бригады быть в готовности на случай вызова их в помощь полиции, и офицерам находиться безотлучно в районе расположения казарм». <...> В чем же было дело?

Выяснилось, что рабочие решили устроить забастовку и революционные выступления... Главной же причиной, толкнувшей рабочую массу на выявление протеста, было общее недовольство городскими властями, не сумевшими даже упорядочить вопрос о продовольствии в столице: хлебные хвосты возмущали всех.

Вследствие этого уже 8 февраля было совещание у градоначальника, генерал-майора Балка. <...> При возникновении беспорядков усмирение их лежало на градоначальнике (полиция), и только при переходе «на второе положение» охрана порядка и спокойствия в столице передавалась военным властям. Категорически подтверждалось, что действия оружием следует всячески избегать и что применивший оружие несет полную ответственность. В то же время так же категорически приказывалось: отнюдь не допускать скопления толп и их движения по улицам, немедленно прекращать беспорядки, отбирать красные флаги, не разрешать пение революционных песен, не пропускать забастовщиков группами на мосты и т.д. С самого первого дня уже заметны были в приказаниях «полу-

меры», те преступные «полумеры», которые всегда и везде приводят лишь к большой крови и самому печальному концу.

<...> Вследствие вышеизложенного в наряды для помощи полиции начались назначаться исключительно только учебные команды и лишь в самых крайних случаях «литерные» роты запасного батальона. <...> Согласно выработанной штабом Гвардии запасной бригады и управлением градоначальства инструкции, мои роты обороняли главным образом мосты: Николаевский, Тучков, Биржевой и некоторые другие, охраняли Василеостровские фабрики и заводы. К ночи заставы с мостов снимались и возвращались в казармы, мосты оставались под наблюдением конной и пешей полиции. Несмотря на крайнее утомление, на общее возбужденное состояние, царившее в столице, на возможность проникновения пропаганды и агитации, с полным удовлетворением должен засвидетельствовать, что н[аши] ч[асти] несли службу в высшей степени добросовестно и честно. Никаких «шатаний и виляний», недовольства или ропота никакого не было; все приказания мои, господ офицеров и унтер-офицеров исполнялись всегда точно и беспрекословно ...>. К сожалению, не могу помянуть добром фельдфебеля Я. Троцюка, который держал себя все эти дни достаточно «посредственно»... Правда, приказания мои и господ офицеров он исполнял, но без должной, особенно для учебной команды, «отчетливости» и энергии, сам работал и мало, и вяло, как бы предчувствуя скорый переворот и подготавливая почву для более легкого перехода «на ту сторону»... В марте я встречал его уже с большим красным бантом на груди; знаю, что он вошел потом в большевистски настроенный «комитет гвардии Финляндского резервного полка», а закончил участием в украинских формированиях под «жовто-блакитным» прапором.

<...> Полицейская сводка событий за 23 февраля совершенно правильно указывает на нелепость приказания начальства, отданного заставам, охранявшим мосты. Нарядам вменялось в обязанность не допускать перехода рабочих групп через мосты, мы должны были их разгонять. Но если те же рабочие шли через мосты не группами, а поодиночке – мы не имели права их задерживать (!?) То же самое, если они переходили реку Неву не по мосту, а по льду: группами – нельзя, одиночным – можно! <...> Помню, когда я указал, что, разрешая одиночным рабочим переходить Неву, этим допускали их

скопление в центре-то получил следующий наивный, если не сказать более, приказ: «Пропускать одиночных через мосты, у кого будут чистые, не рабочие руки...(!!!)»

Вспоминается еще и такое распоряжение: «...ни под каким видом не допускать никаких политических демонстраций с красными флагами», но в то же время употреблять против демонстрантов оружие отнюдь не позволялось. И вот так везде и во всем – «полумеры»! В этот день к фабрикам и заводам неоднократно подходили толпы и снимали силой с работ. На Снарядном заводе морского ведомства пострадал старший мастер ремонтно-механической мастерской Иван Кузин, служивший до войны в нашем полку и имевший во второй роте родного брата унтер-офицера, находившегося тогда в кадре Второго сводно-гвардейского запасного батальона. Когда подошедшая к заводу толпа стала угрожать работающим и силою снимать их с работы, Кузин смело вступил с толпой в пререкания, называя забастовщиков предателями родины; он был ими тяжело ранен. <...>

С утра 23 февраля начались нападения на полицейских чинов, из числа которых многие были жестоко избиты и ранены. Вследствие этого в полдень было приказано: «Занять «второе положение»», т.е. охрана порядка и спокойствия в столице передавалась военным властям. <...>

В пятницу 24 февраля [в] 8 часов утра начались и уличные выступления. В этот день на Васильевском острове произошло несколько кровавых столкновений между моими ротами и забастовщиками. Солдаты действовали прикладами, а иногда даже и штыками. Появились в большом количестве красные флаги с революционными лозунгами: «Долой самодержавие. Да здравствует демократическая республика!» <...> Около 9 часов утра толпа... собралась около здания завода «Сименс и Гальске» под № 61 на 6-й Линии Васильевского острова и стала вызывать оттуда рабочих криками и свистками... вскоре после этого рабочие завода забастовали и толпой, численностью до 5000 человек, направились к Среднему проспекту с пением: «Вставай, поднимайся, рабочий народ!». Конный наряд городовых врезался в толпу, чтобы рассеять ее. В это время появился патруль казаков в 9 человек под командой урядника. Бывшие в наряде помощники пристава Евсеев и Пачогло обратились к нему за помощью. Патруль сначала поехал за толпой, не принимая участий в

действиях конных городовых, и, доехав до Среднего проспекта, скрылся. Толпа, оттесненная полицией, направилась в район Гаваньского участка. В Гаваньском участке толпа собралась у Петроградского военно-подковного завода и с криком «Бросай работу!» пыталась сломать ворота и ворваться на завод, разбила окно в мелочной лавке на углу Среднего проспекта и 18-й Линии и, ворвавшись в лавку, выбросила на улицу хлеб, пыталась опрокинуть остановленный ею вагон трамвая, но этому помешал взвод запасного батальона Финляндского полка. <...> Когда толпа начала громить лавки и останавливать проходившие трамваи, полиция по телефону обратилась за помощью в запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка. Полковник Дамье, заменявший с 22 февраля заболевшего командира батальона полковника Садовского, приказал мне выслать незамедлительно наряд от учебной команды; мной был назначен прапорщик Бегичев со взводом от дополнительной учебной команды. Взвод подоспел в тот момент, когда толпа пыталась опрокинуть с рельс два трамвая: толпа была тотчас же рассеяна энергичными действиями взвода, причем пришлось разгонять прикладами; из толпы бросали в солдат кусками льда и камнями, были ушибленные. <...>

В этот день впервые можно было заметить в толпе забастовщиков солдат и матросов, которые принимали деятельное участие в безобразиях. Задерживать их было крайне трудно, т.к. толпа помогала им скрываться или просто не выдавала, если полицейский наряд был слаб[ого][7] состава, что случалось почти всегда. <...> К забастовщикам стали примыкать и студенты, до того дня державшиеся в стороне от революционных вспышек. <...> Около 4-х часов дня на Васильевском острове появилась толпа, состоящая... из учащихся высших учебных заведений. Она пошла с пением «Марсельезы» от Среднего проспекта на Большой... Толпа, как доносил пристав, кричала: «Да здравствует республика! Долой войну! Долой полицию!» и «Ура!» по адресу казаков, которые отвечали толпе поклонами.

Под вечер я находился при полуроте прапорщика Басина, охранявшей Николаевский мост. У входа на мост стояла «цепочка» от чинов полиции и пост от полуроты. Остальные мои люди размещены были в сарае дома на набережной; там же во дворе стоял взвод казаков от 1-го Донского полка. Я, пра-

порщик Басин и помощник пристава сидели в магазине «Блигкенъ и Робинсонъ», где милые продавщицы-барышни поили нас чаем и угощали конфетами и печеньем. <...> В это время явился околоточный и доложил, что от Большого проспекта, по 6-й Линии, к Николаевскому мосту движется толпа в несколько тысяч человек с красными флагами и плакатами с революционными надписями, настроенная очень вызывающе, желающая прорваться на ту сторону Невы. Ввиду всего этого я решил, не допуская толпу до набережной, рассеять ее еще на 6-й Линии конной атакой, употребив для этой цели наряд от донских казаков, бывший в моем распоряжении.

Отдав соответствующие приказания подхорунжему и подтвердив, чтобы он действовал энергичнее, отнюдь не допуская толпу приблизиться к мосту, велел все-таки, на всякий случай, прапорщику Басину вывести со двора полуроту и быть готовым загородить толпе вход на мост. Угрюмого вида подхорунжий не спеша вывел со двора свой взвод, посадил на коней и, подгоняемый мною, двинулся вперед. Толпа уже подходила к набережной, и уже слышались крики, шум и какой-то глухой рокот.

Каково же было мое изумление и негодование, когда казаки спокойно пропустили толпу, которая махала им флагами, платками и шапками, выкрикивала слова приветствий, демонстранты, пропустив казаков (которые после этого ко мне и не вернулись), снова быстро сомкнулась и с неистовыми криками, бегом ринулась на мост. Я видел, как полурота с винтовками на руку, впереди с обнаженной шашкой прапорщик Басин, – бросилась навстречу толпе и начала энергично действовать прикладами. Прапорщик Басин вырвал из рук какого-то рабочего красный флаг с надписью «Долой самодержавие!». Ни один демонстрант не вступил на мост, многие были задержаны и арестованы, все же толпа рассеяна... С обеих сторон оказались легко раненые и ушибленные. Из толпы были одиночные выстрелы.

<...> 25 февраля бастовало уже, по полицейским донесениям, от 240 до 250 тысяч рабочих. Донесения охранного отделения за этот день заканчиваются мрачными итогами: этот день следует отметить как чрезвычайно тяжелый в действиях столичной полиции по прекращению уличных беспорядков, по жертвам, понесенным ею при исполнении служебного долга: убит пристав Крылов, тяжело ранен полицмейстер

Шалфеев; убито и тяжело ранено свыше двадцати пяти городовых и полицейских.

Так называемые «приставские» донесения, составлявшиеся ежедневно полицией на имя петроградского градоначальника генерал-майора Балка, уже 26 февраля прекратились. Донесений о происшествиях и о потерях не было: все полицейские участки разгромлены и сожжены... Полиция была объявлена «вне закона», и каждого полицейского чина «сознательные граждане» хватали и убивали... Мало кому из них удалось избежать избиения: городовых, жандармов и прочих полицейских чинов целыми днями искали и ловили всюду. Здесь мне хочется еще раз подтвердить, что петроградская полиция самоотверженно, честно и доблестно исполняла свой долг перед царем и родиной. Она понесла огромные потери. <...>

На Васильевском острове день 25 февраля прошел бурно. Первое уличное выступление было констатировано около 8 часов утра в пределах Суворовского участка.

В полдень я получил донесение от подпоручика Доможирова, который командовал ротой от «основной» учебной команды и находился с ней в районе Трубного завода. Подпоручик Доможиров доносил, что в 10 часов утра большая толпа произвела беспорядки на заводе, пыталась силою снимать с работы, бросала в солдат камни, поленья и осколки льда; уговоры не помогли; больше всех безобразничал, агитировал и выкрикивал противоправительственные лозунги главарь-рабочий, которого подпоручик Доможиров принужден был лично пристрелить из револьвера, после этого толпа немедленно разбежалась и порядок был восстановлен. Доложив о происшедшем полковнику Дамье, я получил приказание: тотчас же заменить роту подпоручика Доможирова ротой от «основной» же учебной команды под начальством поручика Ушакова. <...>

Вечером до нас дошли печальные вести о случаях предательства казаков. <...> Еще раньше, утром, казаки 4-й сотни 1-го Донского казачьего полка при первых выстрелах [из] толпы у Литейного моста уехали, оставив в толпе лежащего на мостовой тяжело раненного, всего залитого кровью полковника Шалфеева...

С утра воскресенья, 26 февраля, события приняли характер настоящей революции. <...> Поведение низших чинов нашей учебной команды было примерное. Увы, не во всех за-

пасных батальонах было благополучно: днем произошел первый случай открытого неповиновения в войсках: 4-я «выздоравливающих» рота запасного батальона лейб-гвардии Павловского полка отказалась открыть огонь по бунтовщикам, а когда командир батальона полковник фон Экстен призывал роту к порядку, повиновению и исполнению ею своего воинского долга, из ее рядов раздались выстрелы, и ими был ранен полковник фон Экстен. Прибывшие преображенцы окружили павловцев и арестовали 19 зачинщиков, отведенных в Петропавловскую крепость. <...>

В полдень по столице расклеивались объявления: «По высочайшему повелению город Петроград с 27 сего февраля объявляется на осадном положении. Командующий войсками генерал-лейтенант Хабалов. 27 февраля 1917 года».

Утро 27 февраля началось с прискорбного случая, происшедшего в учебной команде запасного батальона лейб-гвардии Волынского полка, которая не ответила на приветствие своему начальнику, штабс-капитану Лашкевичу, выстрелами из винтовки убила его наповал, а труп выбросила из окна на двор... Организатор бунта и убийца своего начальника унтер-офицер Кирпичников вывел низшие чины на улицу, и восставшие с красным флагом, с революционными криками двинулись к преображенцам, саперам, литовцам и московцам. Когда у нас были получены первые сведения о происшедших беспорядках в запасных батальонах полков лейб-гвардии Павловском и Волынском, часов в 11 пополудни временно командовавший батальоном полковник Дамье собрал всех нас, офицеров, носящих мундиры полка, в кабинет августейшего шефа-цесаревича и, поставив нас в известность о случившемся, обратился с горячим призывом честно и достойно исполнить наш долг до конца.

<...> Помню, я пошел в помещение «основной» учебной команды, долго присматривался к свободным от наряда людям, говорил с ними, разъяснял им происходившее, но... сердце у меня было неспокойно. Не чувствовалось прежней уверенности в своих солдатах, не было заметно в них чувства долга, и казалось, что если сейчас они послушны и внешне дисциплинированны, то достаточно какого-нибудь малейшего повода, чтобы они из дисциплинированных солдат обратились в бунтовщиков. <...> На душе стало так пусто и так тоскливо. Помню, я обратил внимание на какого-то подозри-

тельного матроса, почему-то находившегося в помещении команды, хотел было его арестовать, но при разборе узнал от фельдфебеля команды, подпрапорщика Троцюка, что матрос этот якобы земляк одного из обучающихся в команде и что он его будто бы знает. Все же, «расцукав» дежурного по команде за то, что допустил постороннему пребывание в неурочное время, сделав выговор фельдфебелю за допущение непорядка, я немедленно выгнал этого матроса вон. О последствиях решительного удаления мною этого субъекта я скажу позже, в свое время.

Между тем события развивались с необычайной быстротой. Среди дня 27 февраля был разгромлен арсенал, из которого рабочими заводов было похищено 40 000 винтовок. На улицах столицы, особенно в центральных частях, шли уже настоящие уличные бои. Мятеж разрастался... Вечером восставшими были взяты: Главное артиллерийское управление, Петропавловская крепость, тюрьма, откуда немедленно были освобождены все политические и уголовные преступники; были арестованы: председатель Совета министров князь Голицын, также министры: Протопопов, Штюрмер, Щегловитов и многие другие. Все это мы, офицеры, узнавали по телефону или от случайных очевидцев, приходивших из города. Передавали, что образовалось какое-то «Временное правительство» в лице выборных членов Государственной думы. <...> Очевидцы сообщили по телефону, что с музыкой и факелами прошел к Государственной думе запасной батальон лейб-гвардии Измайловского полка в полном составе с офицерами... Из штаба Гвардии запасной бригады никаких приказов давно уже не было, на телефонные запросы ответы не получались: оказалось, что штаб бригады куда-то переместился, никого об этом не поставив в известность. Мы знали лишь, что в градоначальстве находится пока еще отряд лейб-гвардии Преображенского полка полковника Кутепова, что еще доблестно несут службу кексгольмцы, вот и все. <...>

Вечером я сидел у телефона и все время выслушивал поступавшие ко мне донесения моих офицеров учебной команды, находившихся со взводами в разных местах Васильевского острова. Положение их было серьезное, а порою и отчаянное... Маленькие группы верных царю и родине солдат, как островки среди разбушевавшегося океана, еще продолжали отбиваться, а иногда и сами нападали... У Тучкова моста

взвод под командованием подпоручика Каменского, раненного в голову камнем, в течение нескольких часов отбивал ожесточенные нападения вооруженной толпы, расстрелял все имевшиеся патроны и только тогда, по приказанию моему, принужден был «распылиться», успев до этого, однако, отправить под конвоем в казармы полка захваченный им с боем автомобиль-грузовик и двух военнопленных австрийцев, которых забрали в толпе среди нападавших на взвод. Этих австрийцев допрашивал при мне полковник Дамье. Не скрою, что было сильное желание тут же на месте расстрелять этих мерзавцев с красными тряпками на груди, а не отправлять их под арест.

Отовсюду продолжали поступать просьбы о поддержке и о присылке патронов. Отовсюду шли донесения о том, что невозможно больше держаться, и запросы: «Что же делать дальше?»

В девятом часу вечера неожиданно в вестибюль офицерского собрания полка прибежала перепуганная жена моя с сыном на руках у денщика, моего верного Якова Мазайкова, и рассказала, что в казармах Московского полка взбунтовавшаяся чернь начинает будто бы громить офицерские квартиры... Семьи офицеров, живших в казармах полка, были очень напуганы и взволнованы происходившими событиями и еще больше слухами часто паническими и ложными. Только успела моя жена уйти, оставив мне свой новый адрес, как докладывают, что на Николаевской набережной к казармам полка движется толпа. Поручик Ожаровский быстро приказывает установить два пулемета поперек набережной, у 18-й Линии спешно набрасывается, что под руку попало для баррикады, я вывожу последний свой резерв. Громкие распоряжения и угрозы захвативших поперек всю набережную солдат с пулеметами заставляют толпу свернуть на одну из линий. Около одиннадцати часов ночи к нам в казармы пробрался переодетый солдатом офицер запасного батальона лейб-гвардии Кексгольмского полка, заставы которого стояли за Николаевским мостом, и сообщил, что у них в батальоне все части, оборонявшие район, им порученный, растаяли и, таким образом, сопротивление окончено. Стрельба и шум стали затихать. Тогда же телефонные барышни на центральной станции умышленно перестали соединять меня со многими взводами, и всякая связь нарушилась совершенно. Капитан Ень-

ко и я решили сами идти к частям. Проводив К.П. Енько до его роты, ставшей в здании Горного института, я со своей связью направился на Трубный завод, где у меня находилась целая полурота под командованием поручика Ушакова. <...> В полуроте у поручика Ушакова все было тихо и мирно, но начальник завода был уверен, что с наступлением утра рабочие не замедлят прийти для производства беспорядков. После долгих усилий и просьб мне удалось добиться телефонных соединений с канцелярией батальона и таким образом наладить связь с временным командующим батальона. На рассвете меня вызвал полк[овник] Дамье [и] категорически приказал: «Немедленно снять все наряды, если таковые еще есть, и возвратиться в казармы». Я понял все!..

В офицерском собрании полковника Дамье уже не было, батальонного адъютанта, прапорщика Кириченко тоже. Все офицеры покинули казармы и собрание, оставались лишь раненые и больные. В казармах был полный хаос: шум, слышались брань, крики, раздавались отдельные выстрелы. <...> Вместе с прапорщиком Басиным я забежал на минуту к себе на квартиру, а оттуда мы отправились по данному моей женой адресу, отыскали тот дом и квартиру, где нашла временный приют моя семья и семья полковника Януша. Хозяева квартиры, до этого момента совершенно незнакомые и чужие нам люди, инженер С.В. Васильев и его супруга Маргарита Алексеевна, не побоявшиеся приютить у себя в такое время двух офицеров, встретили нас очень сердечно и радушно. Всегда вспоминаю этих на редкость милых и добрых людей с большой признательностью и благодарностью. Прапорщик Басин пробыл у них до вечера, а когда стемнело, переодевшись в штатское платье С.В. Васильева, отправился к себе домой на Петроградскую сторону. Поздно вечером тайком пришел мой денщик Яков Мазайков и рассказал, что в казармах «не приведи, Господи, что творится: пьянство, безобразие, много вольных. Все собрания, да какие-то речи, красные флаги, солдаты нацепили красные банты, повсюду крики: "Да здравствует свобода, да здравствует республика!.."».

Мазайков рассказал, что ищут некоторых офицеров, что ко мне на квартиру приходили солдаты и с ними какой-то матрос, который все добивался, где я и когда вернусь. Мазайков убеждал меня никуда не уходить и все время сидеть здесь. <...> Целый день по линиям Васильевского острова бродили

солдаты и матросы разных частей, рабочие – все с красными бантами, по улицам носились грузовики с пулеметами и с вооруженными «товарищами», обмотанными крест-накрест пулеметными лентами, с винтовками, револьверами и шашками в руках. Беспрерывно раздавались выстрелы, слышались пьяные выкрики, проходили группы людей с красными флагами и революционными песнями, врывались в частные квартиры – искали «контрреволюцию, офицеров и оружие»...

28 февраля. <...> Рано утром генерал Хабалов, находившийся со штабом в Адмиралтействе, отпустил все войска, сказав, что «сопротивление окончено».

<...> Исполнительный комитет Государственной думы назначил комендантом восставшего Петроградского гарнизона полковника Генерального штаба, члена Государственной думы Бориса Александровича Энгельгардта ...>. Кроме Энгельгардта назвали фамилии следующих офицеров Генерального штаба, которые как будто бы играли значительную роль в Февральской революции: князь Туманов, Якубович, - Туган-Барановский.

За 28 февраля признали власть Государственной думы и пришли к Таврическому дворцу следующие части: Михайловское артиллерийское училище, запасные батальоны Преображенского, лейб-гвардии Павловского, Волынского, 4-го стрелкового полков, 1-й запасной полк, 9-й запасной кавалерийский полк. <...> За 28 февраля были арестованы почти все министры, высшие чины полиции, многие генералы и общественные деятели. Немало было убито, ранено, избито. За все эти первые дни «свободы и бескровной революции» в одном только Петрограде число убитых офицеров гвардии, армии и флота достигло цифры 60. <...> В Кронштадте в одну только ночь 28 февраля было зверски убито два адмирала (Вирен и Бутаков) и 36 морских офицеров! <...>

Наступило 1 марта. Утром для усиления восставшего Петроградского гарнизона из Ораниенбаума прибыли 1-й и 2-й пулеметные запасные полки. <...> Исключением был и наш запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка, целых два дня не являвшийся к Государственной думе и выполнивший это [приказ] лишь после постановления об этом на митинге офицеров гарнизона, организованном 1 марта в собрании Армии и Флота Генерального штаба полковником И.И. Защуком; на этом митинге было вынесено постанов-

ление за подписями полковников Защука, Хоменко и князя Друцкого-Соколинского: «Признать власть исполнительного комитета Государственной думы впредь до созыва Учредительного собрания».

<...> Передавались различные слухи, часто самые необычные и нелепые. Никто не знал толком, что в данный момент происходит и чем все это окончится. С наступлением сумерек – снова стрельба, снова крики, снова топот бегущих куда-то людей.

2 марта – это день, который мне никогда не забудется! За один день столько пережитого. Позволю себе на нем остановиться подробнее. Утром пришел ко мне денщик Я. Мазайков и принес письменное приказание за подписью временного командующего батальоном полковника Дамье: «Всем офицерам прибыть к 11 часам в офицерское собрание». Когда я вошел в вестибюль нашего собрания, я его не узнал. Толпа солдат, среди которых заметил «вольных» матросов, обилие красных бантов; шум, крики, беготня; кто курит, кто плюется, кто хохочет. Везде и всюду слышно обращение «товарищ».

С трудом в этой толкотне поднявшись наверх мимо вздыбившегося медведя, которому тоже уже прицепили красный бант, я увидал в столовой Б.А. Дамье, разговаривавшего с каким-то маленьким седеньким генералом, тоже с громадным красным бантом, оказавшимся генерал-майором Потаповым, присланным в батальон для выяснения, признали ли финляндцы власть исполнительного комитета Государственной думы и почему до сих пор не были в Таврическом дворце? «Товарищи солдаты» волновались из-за этого и винили во всем старых офицеров. Увы, полковник Дамье уже не был командиром батальона, не был начальником. Разве мог он сейчас единолично что-либо приказать или запретить без ведома и одобрения всевозможных комитетов и союзов восставшего народа?! Он не имел права распоряжаться, он мог только «отдавать приказания», полученные им «оттуда», свыше. А такое приказание уже было: «Финляндскому батальону прибыть к Государственной думе».

Через четверть часа я был на набережной у казарм полка, где всегда в былое время строился полк перед отъездом куда-нибудь. Вместо прежнего порядка и определенности, выровненных рот, отмеренных дистанций, аккуратно и однообраз-

но одетых молодцеватых солдат глазам моим представилась совсем иная картина. Лучше о ней не говорить! Учебная команда имела вид несколько приличнее, чем роты, но и в ней как-то сразу появилась расхлябанность: были люди неряшливо одетые, на груди у некоторых – красные банты. Ответили на приветствие не дружно, хотя и по-старому. Почти половины людей не было, а где они, ни взводные, ни фельдфебели не знали. Пришел полковник Дамье, и батальон под звуки «Марсельезы» двинулся по набережной к Николаевскому мосту. У ротных линейных на значках болтались красные тряпицы. Некоторые офицеры тоже имели на груди алые банты, но таких было не более пяти–шести, и все – прапорщики, прикомандированные к батальону.

<...> Подойти к Таврическому дворцу вследствие скопления воинских частей и толп народа не представлялось возможным. Мы долго стояли и ждали. Наконец вышел к нам какой-то депутат, как потом оказалось, Аджемов, что-то говорил и кричал, и кричали ему «Ура!», а затем батальон вернулся в казармы. После этого «похода» в Думу я чувствовал себя совершенно разбитым и нравственно, и физически.

В казармах царил все тот же хаос: праздновалась свобода, шли беспрерывно митинги, а на них речи, речи без конца! Организовывались какие-то комитеты, а в них различные секции. Всем руководили неизвестно откуда появившиеся «вольные» товарищи из «совдепа». Под вечер был взломан наш винный погреб, по постановлению общего собрания офицеров полка еще в июле 1914 г. запечатанный на все время войны; товарищи указывали, что оставлять запасы вина вблизи казарм опасно для сохранения завоеванной свободы и что надо все вино уничтожить. Однако большая часть вина была расхищена, и вскоре в казармах началось повальное пьянство, безобразия, стрельба. Офицеры были бессильны навести порядок, ведь мы не имели права у стрелявших солдат отобрать винтовки. <...>

В тот же день вышел приказ № 1 от Совета рабочих депутатов, тот самый приказ, который уничтожил Русскую армию, положив начало превращению воинских частей в революционные банды. В приказе проводилось выборное начало, отменялось отдание чести во внеслужебное время, уравнивались права солдат и офицеров и т.д. Дальше идти было некуда – мы попали в пропасть.

<...> На основании приказа № 1 в запасном батальоне состоялись «выборы начальства». Командиром батальона был избран полковник Кормилев. В разговоре со старшими офицерами Николай Николаевич заявил, что он дал свое согласие только потому, чтобы удержать батальон от окончательного развала и принести этим действующему полку пользу. Против «выбора начальства» долго солдат убеждал приезжавший в казармы член Государственной думы кадет Родичев, но ничего не мог поделать, солдаты послушались депутата Хаустова, социал-демократа, большевика, который одержал верх своими демагогическими речами. «Избранными» оказались, конечно, и все либерального направления прапорщики запаса, проявлявшие теперь активную деятельность, суетившиеся, устраивавшие митинги, собрания, организовывавшие всевозможные комитеты, словом, разваливавшие батальон.

Большинство старых офицеров должны были сдать свои должности, но оставаться при батальоне. Помню, такими были полковники Садовский и Дамье, капитаны Енько и я, штабс-капитаны Созанский-Ревкевич, поручик Ожаровский и др. Всем распоряжался батальонный комитет, во главе которого стоял и всем «верховодил» призванный из запаса и устроившийся в батальонной канцелярии писарем некий адвокат Николаев, «старый социал-революционер», как он называл себя сам.

Тотчас же после приказа № 1 свобода захватила и опьянила всех солдат. По всему городу без всякого дела шлялись пьяные матросы, с открытой грудью и в новых штанах «клёш»; разговаривали утерявшие воинский вид солдаты с длинными, давно не стриженными волосами, спадавшими на лоб из-под заломленной на затылок мятой фуражки, в шинелях нараспашку и с огромными красными бантами.

Дни проходили в непрерывных митингах с умопомрачительными резолюциями, в частных собраниях, на которых выносились глупые постановления.

<...> Заслуживает, однако, внимания, что по политическим вопросам «солдатский совет», состоявший из 230 человек, представителей от всех частей гарнизона Петрограда и его окрестностей, высказался на тайном голосовании так: за монархию – 210 голосов, за республику – 20. А через две недели после соответствующей обработки их товарищами Чхе-

идзе, Хаустовым и др[угими] результат голосования был иной: за монархию – 8, за республику – 217 голосов!..

В некоторых запасных батальонах шли споры о том, кто первым поднял восстание. <...> Нижние чины запасного батальона гвардии Волынского полка сообщали, что первым, кто поднял восстание за свободу родины, были волынцы. Далее они описывали убийство штабс-капитана Лашкевича (в 7 час. 30 мин. утра 27 февраля) и свои дальнейшие революционные действия под руководством прапорщика Георгия Астахова и унтер-офицера Кирпичникова. По поводу этого объявления волынцев запротестовали павловцы (запасной батальон гвардии Павловского полка), которые утверждали, что первыми поднявшими знамя за свободу были не волынцы, а они, павловцы, а именно 4-я рота лейб-гвардии Павловского полка, вышедшая на улицу еще в 3 часа дня 26 февраля.

Так проводили время в те дни солдаты Петроградского гарнизона! По улицам бродили они, всегда и везде с папиросками во рту, лущили семечки, обсуждали разные политические вопросы и упивались мудреными, им самим непонятными словечками, как-то: буржуазия, Учредительное собрание, аннексия, контрибуция, пролетариат и т.п.

Хотя еще 2 марта «главнокомандующим войсками Петрограда и окрестностей» и был назначен Временным правительством командир 25-го армейского корпуса генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов, но его долгое время не было, и временное исполнение обязанностей главнокомандующего было возложено на командира 19-й запасной бригады генерал-майора Аносова, а потом на генерал-майора Рубец-Масальского. Генеральным штабом полковнику Энгельгардту была поручена «организация новой армии». Как шла эта организация, лучше и не рассказывать! Развращенные приказом № 1, солдаты возомнили, что они теперь могут делать решительно все, что хотят; дисциплина, чинопочитание, долг службы, порядок – все отошло в область предания. Совет рабочих депутатов стоял всецело на стороне этих революционных солдат, защитников свободы, и они стали теперь господами положения.

<...> Так протекала жизнь в новоорганизуемой свободной армии. Приблизительно числа 10–12 марта приехал генерал Корнилов и вступил в исполнение обязанностей главнокомандующего войсками. Но, увы, надежд наших кадровых офицеров он не оправдал. Генерал Корнилов попытался

было «навести порядки», но, будучи в душе большим либералом и демократом, не шел прямым путем, отбрасывая все негодное, но делал демократии большие уступки в вопросах, касавшихся Петроградского гарнизона, часто соглашался с требованиями людей невоенных, членов Временного правительства, Керенского, Гучкова или членов Совдепа, которые ничего в военных делах не понимали, а только разрушали армию. <...> Положение многих не выбранных на командные должности офицеров, в том числе и мое, было очень незавидное: мы должны были обязательно оставаться в батальоне и находились под угрозой перевода в стройроты – рядовыми; при полной анархии и безначалии, кои тогда царили в Петрограде, это могло случиться легко. Меня обвинили в том, что я, состоя начальником учебных команд, «противодействовал освобождению народа», что мои убеждения «контрреволюционные и черносотенные». Обвинили не только меня, но нашлись и такие «товарищи», которые утверждали, что моя жена стреляла из пулемета по восставшим из окна нашей квартиры!

И вот приходится спорить и доказывать всю вздорность этих обвинений. <...> Помню, одного особенно разошедшегося солдатишку я спросил: «А ты сам здорово стреляешь из пулемета?» – на что получил сконфуженный ответ: «Да я и стрельнуть из пулемета-то не умею...». «Так вот и рассуди сам: ты солдат, а и то не умеешь обращаться с пулеметом, так как же женщина будет стрелять из него, она его и близко-то не видела!» Эти доводы, очевидно, убедили солдат, что обвинение действительно вздорное, и они успокоились. <...> В конце концов комитет учебной команды поставил у дверей моей квартиры пост дневального с винтовкой с особыми инструкциями.

<...> Выходя из своей квартиры, я постоянно был опрашиваем: куда, к кому и для чего я иду. Так, например, чтобы присутствовать на отпевании тела моего друга, лейб-гвардии Егерского полка полковника В.П. Бобровского, убитого своими солдатами запасного батальона, мне пришлось «уведомить» наш батальонный комитет. <...> Очевидно, и у лейб-егерей положение офицеров было нелегкое, и поэтому, думается мне, не могли присутствовать они на похоронах своего однополчанина, доблестно сражавшегося в боях на японской и германской войнах, раненного, контуженного, но все же

уцелевшего, чтобы погибнуть от пули своего же русского солдата, которого он так любил и о котором всегда так заботился!..

Гулять по улицам Петрограда, особенно в его центральной части, я избегал, настолько непригляден, неопрятен был вид столицы! <...> «Товарищи-солдаты», одетые неряшливо, грязно, не по форме, лущили семечки и курили папиросы, честь офицерам не отдавали, держали себя развязно и нахально. <...> В витринах лучших магазинов («Аванцо», «Дациаро») были выставлены портреты «героя революции» унтер-офицера Кирпичникова с Георгиевским крестом на груди. Эту высшую награду, жалуемую за храбрость и мужество в боях с неприятелем, он заслужил в самом Петрограде, предательски убив из винтовки своего начальника, доблестного штабс-капитана Лашкевича, и выведя солдат на улицу, на сторону мятежников.<...>

Несказанно был я рад, когда на пасхальной неделе покидал с семьей Петроград. <...> Только в конце июля вернулся я обратно. Запасные батальоны уже развернулись в резервные полки, и наш именовался «Гвардии Финляндский резервный полк». Командовал полком все тот же полковник Н.Н. Кормилев, который в разговоре со мной, когда я ему объявился, показался мне настроенным далеко не пессимистически; он уверял меня, что скоро все будет совсем хорошо, что дисциплина уже восстанавливается, что выборное начало отменено, что все, в общем, приходит в обычный вид и порядок. <...> Физиономия полка менялась неоднократно, и часто все зависело от простого случая: послушают солдаты одного оратора – и уже готовы ему подчиниться, придет другой – и первый будет тотчас же забыт. <...> Я приведу несколько примеров, как менялось настроение наших солдат: 20 апреля наш по-большевистски настроенный запасной батальон пришел к Мариинскому дворцу с плакатами «Долой Временное правительство», «Долой Милюкова». Через два месяца, 18 июня, состоялась так называемая «мирная демонстрация», в которой участвовал и наш резервный полк, несший плакаты «Война до победы», «Дисциплина и порядок». <...> А спустя две недели, незадолго до моего возвращения в Петроград, те же солдаты требовали «Вся власть Советам», «Да здравствует пролетарский интернационал», «Долой войну». <...>

ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 528. Л. 1–72.

«Из моих воспоминаний» сенатора Н.Н. Таганцева о работе Временного правительства [22.06.1920] [Вторая половина 1920-х гг.]

<...> Революция висела в воздухе. Недовольство проникало в самые консервативные верноподданные круги. О необходимости переворота заговорили даже великие князья, устраивавшие по каждому поводу совещания, о которых открыто рассказывали в обществе. Повторю, было ясно, что должно что-то произойти, что какая-то революция приближается. Получалось впечатление, что значительная часть публики на это надвигающееся [событие] возлагает надежды, а вместе с этим боится его, что все чувствуют необходимость перемен, а вместе с тем никто ничего не делает, чтобы угрожающую революцию предотвратить. В последние дни перед 27 февраля тревожное жуткое настроение дошло до кульминационного пункта. На улицах стрельба, перебегающие с одной стороны на другую и прячущиеся в подворотнях фигуры, разъезжающие казаки с нагайками. <...> Для многих, мечтавших о переменах, об обновлении, революция казалась даже желательной. Но действительность с первых же дней разочаровала этих оптимистов. На улицах продолжалась стрельба, постепенно, впрочем, затихая; появились грузовики, наполненные вооруженными солдатами и подозрительными типами обоего пола; двигалась толпа, состоявшая большей частью из любопытствующих, но в ней было немало и рабочих, были и какие-то темные личности, агитировавшие и возбуждавшие. Начались бесцельные самовольные обыски и бессудные аресты, причем большинство арестованных за отсутствием каких-либо данных было вскоре отпущено. <...> Говорили, что министром юстиции будет В.А. Маклаков; кандидатура его встречала в министерстве сочувственное отношение. К общему изумлению и огорчению, министром юстиции стал А.Ф. Керенский. Второстепенный молодой адвокат, социалист-революционер, крайне левый член Думы, он был известен своими чисто демагогическими резкими выступлениями в думских заседаниях. Неуравновешенный, нервный, не без способностей, он обладал ораторским талантом чисто митингового характера. Появление такого лица на посту министра юстиции не предвещало ничего хорошего. Не могу забыть первого появления его в министерстве. Он

вошел в подъезд с Екатерининской улицы и прежде всего пожал руку швейцару, сторожам, стоявшим в прихожей, чем очень смутил этих почтенных служителей. Мы все, служившие в министерстве, собрались в большом зале первого этажа. Заставив нас подождать, Керенский вошел в зал и молча опустился (в буквальном смысле слова) в кресло; все министерские чины стояли большим полукругом перед ним; тут были почтенные старики – товарищи министры, директора департаментов. Керенский все сидел и молчал. Все недоумевали. Наконец он поднялся, сказал, как бы извиняясь, что очень устал, и начал обходить присутствующих. Говорил он совсем очень мало, всего меньше со старшими членами, а затем, заявив, что будет близко принимать к сердцу интересы младших служащих и заботиться о них, ушел. Старшие члены министерства были смущены; на главные должности были назначены присяжные поверенные, может быть, и хорошие люди, но беспомощные в деловом отношении. Так директором 1-го департамента, ведавшего личным составом, [стал] прис[яжный] поверен[ный] Демьянов, человек добрый и порядочный, но ума и способностей небольших, абсолютно не знавший чинов судебного ведомства, а потому совершенно не бывший в состоянии справиться со своей задачей. Товарищем министра был назначен прис[яжный] поверен[ный] А.С. Зарудный <...> Очень искренний и порядочный, не без ораторского таланта, он был вместе с тем крайне неуравновешенным, увлекающимся и даже пристрастным человеком, в государственные дела он совсем не годился, а между тем несколько позже из товарищей министра он был сделан министром юстиции. [Для такой] важной должности он, так же, как и остальные министры юстиции Временного правительства, оставлял желать весьма многого. В значительной степени слабостью этих министров юстиции, не решавшихся принять экстренные меры против Ленина и его товарищей, объясняется быстрый и успешный рост большевизма.

Тотчас после вступления в должность Керенского в министерстве появился московский присяжный поверенный Н.К. Муравьев, человек неглупый, способный, но в то же время холодный, сухой, невероятно самомнительный, высокомерный, он производил пренеприятное впечатление. Он был поставлен во главе особой Чрезвычайной комиссии, которой было поручено обследовать злоупотребления в дея-

тельности министров и других высших должностных лиц царского времени. <...> Никаких результатов эта комиссия не дала; никаких злоупотреблений, несмотря на все старания Муравьева, найдено не было, остался от комиссии большой собранный ею материал, представляющий лишь некоторый исторический интерес. <...>

Через несколько дней после появления Керенского в министерстве А.С. Зарудный попросил меня прийти к нему в кабинет и сказал, что министр предлагает мне занять должность старшего председателя Петроградской судебной палаты. Я согласился. <...> По случаю моего назначения мне пришлось представляться министру юстиции Керенскому. Наше свидание было чрезвычайно кратко. Он сказал, что как петроградский присяжный поверенный хорошо знает мою деятельность в суде, а потому не считает себя в праве, да и находит излишним, давать мне какие-либо указания. Я поблагодарил и откланялся.

Впоследствии говорили, что при Временном правительстве много судей было уволено по политическим соображениям. Я могу засвидетельствовать, что в Петроградском округе этого не было.

Пока я был старшим председателем Петроградской судебной палаты, т.е. до мая 1917 г., ни одно подобное увольнение не имело места. Было два случая, когда судьи подавали в отставку, причем в обоих – никакой речи о политике не было <...> Несменяемость судей нарушена не была.

Но среди судей было немало таких, которые представлялись для нового министерства, с его точки зрения, нежелательными, даже вредными. Что-нибудь поделать с ними, ввиду их несменяемости, министерство не могло. Тогда Керенский и его сотрудники решили временно упразднить несменяемость. Слухи об этом чрезвычайно взволновали судебное ведомство. Казалось совершенно невероятным, чтобы новое либеральное министерство провело ту меру, о которой раньше говорили лишь крайне правые, утверждавшие, что несменяемость судей несовместима с самодержавием. Из защитников несменяемости левые неожиданно обратились в сторонников отмены! Особенно пикантно было то, что проект об отмене несменяемости был выработан А.С. Зарудным, сыном С.И. Зарудного, одного из незабвенных творцов судебных уставов, считавшего, что несменяемость судей есть одно из

коренных условий правильности отправления правосудия. Для обсуждения этого проекта было созвано совещание из всех старших представителей и прокуроров судебных палат и высших членов министерства. Открыл совещание Керенский, передавший затем председательствование Зарудному, который и поддерживал проект. Обсуждение длилось два дня. <...> Присутствующие громадным большинством высказались за сохранение начала несменяемости судей в полной неприкосновенности, считая его одной из основ судебных уставов и главнейшей гарантией судейского беспристрастия. Только два или три голоса поддержали проект министерства. Он был, таким образом, похоронен, и судейская несменяемость была сохранена <...>.

ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 494, л. 42 об.—47 об. .

«Из моих воспоминаний» Н.Н. Шиллинга о Февральской революции в войсках [21.06.1920] [Вторая половина 1920-х гг.]

<...> 3 марта лейб-гвардии Измайловский полк, которым я в то время командовал, стоял в дивизионном резерве 1-й Гвардейской пехотной дивизии, занимавшей позицию в районе деревни Шельвов Волынской губернии. В 12 часов дня того же 3 марта я поехал в штаб 1-й Гвардейской пехотной дивизии, чтобы справиться, нет ли каких-либо новых известий относительно дошедших до нас слухов о беспорядках в Петрограде. К завтраку собрались все члены штаба с начальником вышеуказанной дивизии генерал-лейтенантом фон Нотбеком. Во время завтрака было получено сообщение об отречении Государя императора за себя и за наследника цесаревича и отказ великого князя Михаила Александровича - до созыва Учредительного собрания вступить на всероссийский престол. Это известие нас всех положительно ошеломило; все как-то растерялись, упали духом, и, видимо, у всех промелькнула мысль: что же будет дальше? Находившийся за завтраком командир 2-й бригады 1-й Гвардейской пехотной дивизии генерал-майор Круглевский, георгиевский кавалер, в начале великой войны, будучи командиром лейб-гвардии Измайловского полка, тяжело раненный в руку, которую пришлось ампутировать, и зверски расстрелянный большевиками, если не ошибаюсь, в конце 1917 г., разрыдался, и

когда его стали успокаивать, то он сквозь рыдания сказал: «Теперь все пропало: нет царя – не будет и великой России! Вот помяните мое слово: все рухнет. Все, что веками созидалось при русских царях, рухнет в несколько месяцев при управлении нашей революционной интеллигенции». И как был прав покойный! <...>

Приехав из штаба дивизии, я сейчас же собрал офицеров моего полка и объявил им о постигшей нас катастрофе, так как иначе то, что произошло, и назвать было нельзя. У всех нас, строевых офицеров, находящихся на фронте, руки были связаны присутствием перед нами врага; не будь этого, конечно, все строевое офицерство исполнило бы свой долг так же, как оно это сделало в 1905 г., когда вся Россия, благодаря агитации революционных элементов, волновалась, а не один только Петроград, как это было в 1917 году. Вся наша душа стремилась на помощь царю и престолу, но удерживало сознание, что перед нами еще сильный и не сломленный враг; поверни мы наши штыки в тыл, был бы открыт фронт, что доставило бы двойное торжество нашему врагу.

<...> Когда я сообщил моим измайловцам печальную новость об отречении Государя, то увидел, какое гнетущее впечатление она произвела на офицеров полка: появилась какая-то безнадежность, упадок энергии, так как каждый сознавал, сколько горя несет России эта перемена, особенно тогда, когда все надежные войска находились на фронте. Этой перемены могли желать только враги родины или слепые фанатики. Через несколько дней пришли манифесты Государя императора и великого князя Михаила Александровича; я, пользуясь тем, что полк еще находился в резерве, приказал собрать весь полк со всеми командами, дабы лично объявить им высочайшие манифесты. Когда полк построился и мне было об этом доложено, я вышел к полку, обошел, здороваясь, все батальоны и команды, а потом, приказав подвести ближе ко мне всех солдат, лично прочел манифесты и разъяснил им наш общий долг перед родиной, сказав, что как в каждой семье есть отец и мать, так и у нас были царь-отец и родина-мать; и как иногда семья теряет отца, оставаясь лишь с матерью, так и у нас сейчас: отец наш, царь, ушел, а осталась наша мать – родина, и наш святой долг еще крепче сплотиться круг нашей осиротелой родины, хранить и защищать ее до последней капли крови. <...> «Братцы, – об-

ращаясь к солдатам, сказал я, – наш долг, когда придет время созыва Учредительного собрания, чтобы все наши подавали голоса за великого князя Михаила Александровича». <...> Снял папаху, осенив себя крестным знаменем, сказал: «Господи, сохрани нам законного царя Михаила!» И весь полк, как один человек, снял папахи и осенил себя крестным знаменем. Вот яркая картина того настроения, которое царило в то время на фронте почти во всех строевых частях. Я подчеркиваю – в строевых частях на фронте, так как то, что творилось в тылу и особенно [в] запасных частях Петроградского гарнизона, распропагандированного революционными агитаторами, не может служить доказательством [того], что армия была революционно настроена. Не правы те лица, говорящие в своих воспоминаниях о «тыловом бунте» в последних числах февраля 1917 г. в Петрограде, называя его «революцией» и указывая, что то такой, то другой гвардейский полк присоединялся к восставшим и принимал участие в революции. Это не верно уже потому, что все настоящие гвардейские полки в это время были на фронте, а в Петрограде были лишь запасные батальоны гвардейских полков <...> Состав запасного полка был несоразмерно велик и численностью был больше, чем полк военного состава, что было полным абсурдом, и, кроме того, эта перегруженность только вредила делу и широко поощряла укрывательство от посылки на фронт, тем более что все пополнение из запасных батальонов по прибытии на фронт не ставилось сразу в строй <...> и только месяца через два прибывших запасных распределяли по ротам на фронте. Немало запасных батальонов были из тех, что почти с первого года войны сидели в этих батальонах и всеми правдами и неправдами старались ускользнуть от командирования на фронт, и эти-то укрывавшиеся сыграли немалую роль при перевороте 1917 г., так как для них, подпольных деятелей, привыкших действовать из-за угла трусов, посылка на фронт казалась чем-то ужасным. К несчастью, во главе запасных гвардейских батальонов не стояло человека боевого, с независимой твердой волей, который знал бы, что и как надо требовать от офицера и солдата; во главе Петроградского военного округа стоял Генерального штаба генерал-лейтенант Хабалов, который ничем никак не командовал и совершенно не знал строевого солдата. Все это вместе взятое и имело такие печальные последствия при по-

давлении февральского бунта. Все эти начальники растерялись, отдавали ни к чему не ведущие распоряжения и, в довершение всех несогласий самого начальника всех запасных гвардейских частей генерал-лейтенанта Чебыкина в это время в Петербурге не было, а его заместитель лейб-гвардии Преображенского полка полковник Павленков был человек слабого здоровья и вообще совершенно не подходил к своей ответственной роли. Ну и результат получился именно такой, который мог обрадовать лишь наших недальновидных политиков, стремящихся к власти, уверенных, что властвовать и управлять таким огромным, сложным аппаратом, как государство, так легко, и вообразивших, что каждый из них явится выдающимся министром. Последствия налицо: что сталось с великодержавной могучей Россией, слово которой когда-то было законом чуть не для всей Европы.

После оглашения высочайших манифестов мой полк на другой же день заступил на позицию; вся окопная служба начала протекать так же, как и раньше, солдаты несли свои обязанности по-прежнему отлично: никакого своеволия или неисполнения своих обязанностей не замечалось. Офицеры по-прежнему стояли к солдату близко, а солдаты в большинстве относились к офицеру тепло и душевно. Все, как офицеры, так и солдаты, часто собравшись вместе в окопах, обсуждали: что-то будет дальше?

<...> Боевая жизнь у нас на позициях протекала, как и раньше: службу солдаты несли исправно, помня дисциплину и свои обязанности. В настоящее время, не помню точно какого числа, в марте месяце приказано было привести войска к присяге на верность Временному правительству. Прислали и текст присяги. Как только полк сменился с позиций и отошел в резерв, я приказал, чтобы после двух дней отдыха полк собрался к 11 часам утра в деревню, к штабу полка, для приведения присяги. Около половины одиннадцатого утра ко мне вошел один взволнованный командир 4-го батальона полковник Квитницкий (расстрелян большевиками в Москве в конце 1917 г.) и доложил, что солдаты его батальона надели красные банты и в таком виде желают идти на сборное место полка для принятия присяги. Я приказал полковнику Квитницкому ничего не предпринимать до тех пор, пока я не выйду к полку, где и сделаю, что найду нужным. Ровно в 11 часов утра мне дежурный по полку офицер доложил, что полк

построился для принятия присяги. Выйдя к полку, я начал обходить фронт, здороваясь отдельно с каждым батальоном; поравнявшись с 4-м батальоном и поздоровавшись с солдатами, спросил командира батальона полковника Квитницкого, почему у него батальон одет не по форме и с его ли разрешения солдаты нацепили красные банты. Как и следовало ожидать, получил в ответ, что командир батальона на красные банты своего разрешения не давал. После этого, обращаясь ко всему полку, сказал: «Все в строю, как офицеры, так и солдаты, всегда должны быть одеты по форме: форму одежды пока еще никто не изменял, а потому никаких отступлений от формы одежды я не допускаю; строй есть святое место, все распоряжения исходят от меня как командира полка, а я не отдавал распоряжения, чтобы в строй выходили с красными бантами; 4-й батальон нарушил устав, чего я никак не мог ожидать от батальона, которым можно было гордиться». Только что я это сказал, как, смотрю, все солдаты 4-го батальона поспешно начали снимать красные банты и прятать в карманы. <...> Затем принесено в строй полковое знамя, и полк был приведен к присяге; все прошло в полном спокойствии. По окончании присяги и молебна полк был пропущен мной церемониальным маршем, поротно; каждую роту и команду я хвалил и благодарил; вид у солдат был отличный: прошли стройно, молодцами. Затем роты разошлись по своим квартирам, и все зажило нормальной жизнью полка, стоящего в резерве.

<...> Через месяц стали прибывать разные депутации от запасных батальонов – привозить с собой массу агитационной, возбуждающей солдатские массы литературы, и в том числе появился у нас пресловутый приказ № 1 – издание Совета рабочих и солдатских депутатов, но, к чести строевых солдат полка, находящихся на фронте, я, как очевидец, подтверждаю, что приказ № 1-й и всю зловредную агитационную литературу немедленно и весьма охотно уничтожали, то есть жгли, найдя, что подобная литература – большое зло для фронта. Враги наши – немцы, полагая, что у нас уже началось разложение, в конце марта 17-го года взорвали мину под окопами нашей 7-й роты, думая, что теперь будет совершенно легко занять наш участок, но... ошиблись, ибо командир роты штабс-капитан Гамалей со своими молодцами очень быстро ликвидировал прорыв, и взорвавшуюся ворон-

ку заняли наши солдаты, причем, к сожалению, и потеряли около тридцати лучших людей. Наступал праздник святой Пасхи. Как и раньше, несмотря на то, что полк был на позиции, было заготовлено средствами полка разговенье и доставлено в окопы. <...> В первый день святой Пасхи я, совместно с полковым священником, пошел в 8 часов в окопы и обошел все роты, христосуясь с каждым солдатом. <...>.

Когда был получен приказ из штаба армии о полковых комитетах, то и в полку был образован такой комитет, но, что весьма показательно, председателем его был избран старый офицер полка полковник Аккерман, расстрелянный большевиками в Петрограде в конце 1917 года. Деятельность комитета не отражалась вредно на жизни полка, и за время моего командования полком, до первых чисел мая, не могу сделать ни одного упрека ни комитету, ни солдатам; службу несли отлично, и никаких инцидентов за это время не было.

<...> 20 мая я был назначен начальником 40-й Финляндской стрелковой дивизии, куда немедленно же и отправился. В это время 4-я Финляндская стрелковая дивизия временно входила в состав 6-го армейского корпуса. Прибыв в штаб корпуса 24 мая 1917 г., я явился к командиру корпуса генерал-лейтенанту фон Нотбеку, под начальством которого я служил с марта 1913 г., будучи еще тогда командиром 5-го Финляндского стрелкового полка, с которым выступил на войну из Финляндии и, таким образом, почти всю войну провел вместе с генералом Нотбеком, тоже выступившим на войну из Финляндии как начальник 2-й Финляндской стрелковой дивизии. Когда я представился генералу Нотбеку, он мне сказал: «Очень рад тебя видеть, но не поздравляю с получением 4-й Финляндской стрелковой дивизии, так как хотя 14 и 15-й Финляндские стрелковые полки еще и стоят твердо на позиции, но 13 и 16-й идти на позицию не хотят и стоят около г. Тарнополя (то есть почти в 30 верстах от позиции) и, что ничего не могут с ними поделать, чтобы как-нибудь вытянуть их на позицию». <...> Около десяти часов утра, 26 мая, я приехал в деревню В. Глубочек, где был расположен штаб полка (13-го Финляндского). Командира полка полковника Яковлева я не застал; оказалось, что он ушел на митинг своего полка, так как приехали члены Тарнопольского комитета, дабы убедить 13-й полк выступить на позицию. Кстати упомяну, что в 13-м полку во время войны слу-

жил будущий «Верховный главнокомандующий», или, как его звали, «Главнокрыл», но и в то время, когда я туда приехал, он уже занимал достаточно «высокий пост» – представителя армейского комитета. <...> Конечно, долгое пребывание в рядах 13-го полка прапорщика Крыленко, настроенного и тогда уже большевистски и занимавшегося там преступной агитацией, сыграло немалую роль в том, что этот стрелковый полк отказался выполнить свой долг перед родиной. <...> Из штаба 13-го полка меня один из офицеров полка повел к месту митинга. Еще издали я увидел громадную толпу солдат, усеявших насыпь в то время недействовавшей железной дороги, а на самом полотне я увидел группу из четырех человек штатских. Шум, гам, отдельные выкрики доносились с места митинга. Я направился к месту митинга, но не успел еще приблизиться к полотну железной дороги, как ко мне подошел и представился командир 13-го полка полковник Яковец, которого я увидел впервые. Это был человек уже немолодой, лет 50, с седеющей бородой, сильный, с энергичным выразительным лицом; он подробно мне изложил все происходящее в полку и заявил, что даже сейчас, несмотря на все старания, Тарнопольский комитет успеха не имеет и, видимо, надежды на то, чтобы стрелки согласились идти на позицию, не имеется. Я ему сказал, что хочу, когда окончат разговоры тарнопольские комитетчики, лично поговорить со стрелками. Командир полка вернулся к стрелкам, а я стал ожидать ухода комитетчиков. Минут через десять митинг закончился, уговаривающие отбыли, а я поднялся на насыпь и по полотну железной дороги дошел до места, где находились митинговавшие стрелки. Подойдя к ним, я громко крикнул: «Здорово, молодцы стрелки!» Последовал дружный ответ: «Здравия желаем, господин генерал!». После этого я обратился к стрелкам, сказав, что приказом по военному ведомству я назначен их начальником дивизии, что побывал уже на позиции, видел 14 и 15-й полки и был удивлен, что их собратья сидят бессменно в окопах, работают там, устали, а они, стрелки 13-го полка, стоят, митингуют и не хотят идти туда, куда их призывает долг перед родиной и измученные собратья их – стрелки 14 и 15-го полков, что мне, как служившему с 1913 г. в рядах славных Финляндских стрелков и большую часть времени пробывшему на войне с Финляндскими стрелками, совестно за них, так как в такое тяжелое

время они бросают своих братьев-стрелков и не хотят им помочь и облегчить боевую службу. Потом просил сказать мне откровенно причину их нежелания идти на позицию и вызвал вперед желающих говорить все без утайки. После небольшой паузы протиснулся сквозь толпу стрелок и подошел ко мне. Я обратился к нему со словами: «Ну, говори, браток, в чем же дело?» И получил в ответ: «Да что ж, господин генерал, какой толк нам идти на позицию, да еще что ни на есть перед самым наступлением; дело-то мы свое сделаем, а половину-то нас еще и немцы перебьют, а нам потом ничего не дадут, ни крестов Георгиевских, ни отличий, а деревянный-то крест где хош нам, православным христианам, поставят». На это я ответил, что я, как начальник дивизии, никогда не откажу в награждении доблестных стрелков, раз их представит командир роты; наоборот, я всегда рад, когда грудь моих подчиненных, как офицеров, так и солдат, украшена боевыми отличиями, и что я категорически заявляю всем стрелкам, что тот, кто выполняет свой долг перед родиной, никогда не будет мною забыт и будет всегда достойно награжден; что лучше дать лишнюю награду, чем забыть дать заслуженную. Сказал им также, что меня удивляет подобное заявление, так как я достоверно знаю, что все, и офицеры, и солдаты, геройски выполнявшие свой долг, были всегда широко награждаемы и что невольно у меня является мысль, что [не] одна только что высказанная причина служит препятствием к их выступлению на позиции, а есть тут что-то другое, в чем им или не хочется, или просто совестно признаться, что, мол, попросту говоря, не трусят ли, не боятся ли за свою жизнь, что в такие минуты, когда честь родины зависит от выполнения нашего святого долга, – стыд и позор; нужно помнить, говорил я им, что русский солдат, исстари защищая родину, не боялся смерти и всегда служил образцом храбрости для всех иностранцев, поражал своей находчивостью, исполнительностью и любовью к родине. «А теперь что же, повышая голос, спрашивал я. – Непослушание и трусость? Позор и стыд! Я спрашиваю вас, всех молодцов-стрелков: «Пойдете ли вы за мной или нет? Отвечайте!»» После некоторой заминки, покашливания, переминания с ноги на ногу, начали раздаваться отдельные выкрики: «Пойдем!» Я тогда крикнул: «Кто пойдет со мной? Иди сюда, ко мне!» В начале очень нерешительно, словно кого-то стесняясь, потянулись одиноч-

ные стрелки, а затем все большее и большее число людей начало меня окружать, и уже беспрерывно начались раздаваться возгласы: «Все пойдем, все пойдем!» Тогда я, и сам взволнованный всем происходившим, громко им сказал: «Спасибо, молодцы-стрелки за боевую службу!» Грянул дружный ответ: «Рады стараться, господин генерал!» И уже после этого я обратился к стрелкам со словами: «Итак, братцы, значит, я могу теперь спокойно ехать на позицию, сказать 14 и 15-му полкам, что вы придете к ним на подмогу, и быть уверенным, что весь полк завтра рано утром выступит? Не так ли?» Раздался гул голосов, из которого ясно слышались слова: «Все пойдем, сказали, что будем, так уж будем!»

<...> Из 13-го полка я поехал в 16-й Финляндский, в деревню Шуровцы, совершенно не зная, что там творится, и не вполне уверенный, удастся ли мне также повлиять на полк, как это удалось в отношении 13-го Финляндского, тем более что было затрачено немало силы воли и невольно чувствовалось некоторое нравственное утомление. Приехав в деревню, где стоял полк, и поравнявшись со штабом полка, я был встречен командиром – бывшим воспитателем Псковского кадетского корпуса, еще молодым человеком, по сравнению с командиром 13-го полка; видимо, к моему приезду он был уже подготовлен телефоном из только что мной покинутого полка. Приказав собрать стрелков, я предварительно поговорил с офицерами и рассказал, как удачно и благополучно все разрешилось с 13-м полком, когда доложили, что стрелки собрались, я, подойдя, поздоровался с полком, а затем начал разговаривать со многими стрелками и спрашивать про их участие в боях. Совершенно неожиданно я вдруг увидел нескольких знакомых мне стрелков, бывших у меня в 50-м Финляндском стрелковом полку в бытность мною командиром этого полка еще до войны и ушедших в состав 7-й роты полка с командиром роты штабс-капитаном Черняком в марте 1914 г. на сформирование 4-й Финляндской стрелковой бригады (до того времени было всего три Финляндских стрелковых бригады, во время войны, уже на Карпатах, весной 1915 года, развернутых в дивизии). Я немедленно к каждому их них подошел, с каждым отдельно поздоровался, каждого обнял, сказав: «Здорово, молодцы!» – и стал расспрашивать, как они поживают, какие имеют боевые награды, в каких боях они побывали; выслушав их ответы, я, не

давая им долго задумываться, обратился к ним со следующими словами: «Как же вам, моим дорогим стрелкам 5-го полка, не совестно от того, что вы сидите в тылу и не хотите идти на позицию, мне вот, как вашему бывшему командиру, право, совестно за вас; не ожидал я, что мои стрелки окажутся такими непохожими на тех лихих стрелков, какими я их знавал еще в мирное время, отказываясь идти помочь своим усталым собратьям, геройски защищавшим от врага наши позиции». Видимо, эти мои слова задели их за живое и возымели свое действие, так как все они подтянулись и весело отвечали, что со мной хоть сейчас пойдут куда угодно, куда я их поведу – туда и пойдут. Поблагодарил я их за это от души и сказал: «Спасибо, мои молодцы, теперь я вижу, что вы прежние, лихие и что я действительно среди своих родных стрелков. Скажу вам по правде, что был и раньше уверен, что вы за мной пойдете всюду». Окружающие нас стрелки слушали внимательно весь наш разговор, и, когда я обратился ко всем остальным, спрашивая, пойдут ли и они также за мной, послышался дружный ответ: «Так точно!»

После этого я сказал им то же, что и в 13-м полку, а именно, что теперь я, уверенный в их обещании, могу спокойно уехать и сказать стрелкам 14 и 15-го полков, что их собратья не оставят их без поддержки, на другой день придут к ним на подмогу, и что я жду их завтра к вечеру в районе позиций. Вновь раздался дружный ответ: «Все придем!» <...>.

На другой день, 27 мая, 13 и 16-й полки действительно в полном составе пришли в район позиций и расположились в резерве. Началась усиленная подготовка к предстоящему наступлению. <...> Не очень-то надеясь на боевую способность 13-го полка, я оставил его в резерве, а 16-й полк был поставлен на позицию; таким образом, было решено, что 14-й, 15-й и 16-й полки будут занимать первую линию и проводить атаку, а 13-й полк – составит резерв. Последствия показали, что расчет мой был вполне правилен: полки, находящиеся в первой линии очень усердно и бодро принялись за подготовку позиции к предстоящему наступлению и вначале не отставал и 13-й полк, но дней через семь командир 13-го полка мне доложил, что стрелки его не хотят больше работать и говорят, что наступать никак не желают. Я тогда решил лично поехать в 13-й полк и выяснить, какое количество стрелков

из всего полка не желают исполнять приказ. Приехав в 13-й полк, я приказал собрать все роты и всех не желающих исполнить свой долг выйти из рядов рот и стать влево от полка; вышло около 800 стрелков и отошло в сторону. Это было уже такое количество людей, которое было способно оказать разлагающее влияние и на остальных стрелков, а потому я приказал командиру полка отправить их всех в обоз 2-го разряда как никуда не годных, и, выругав их как следует, я уехал. Из штаба дивизии приказал сейчас же донести о моем распоряжении командиру корпуса. На другой же день прибыл комиссар XI армии Кириенко(кажется, такова была его фамилия; знаю, что впоследствии он был комиссаром Киевского военного округа до захвата власти Центральной Радой) – бывший каторжанин, политический ссыльный. Я ему сказал, что ни разговаривать с такими прохвостами, как эти 800 стрелков, ни видеть их желания не имею и что я приказал их всех выслать из полка в обоз 2-го разряда. Кириенко уверенно заявил, что он сам пойдет в полк и уговорит стрелков; на что я ему ответил, что пускай идет, если желает, но, что в успех его поездки я не верю. И действительно: из рассказов офицеров я узнал, что из этих комиссарских уговариваний, как и следовало ожидать, ничего не вышло. Кириенко, приехав, собрал всех стрелков и стал им толковать о долге, о чести, о присяге и т. д., но из рядов стрелков начали раздаваться возгласы: «Буржуй, убирайся вон, нас не надуешь, никуда мы не пойдем!» И сколько ни старался говорить усердный комиссар, его все время перебивали, все резче, все громче. Видя бесполезность своих уговариваний и доводов и окончательно изведясь, Кириенко снял фуражку и, бросив ее оземь, закричал стрелкам: «Это я-то буржуй! Я, который сидел на каторге из-за того, что добивался для вас свободы! Ну вас всех к черту!». Сел в автомобиль и уехал; тем дело и кончилось, так как если уж боевой начальник не имел влияния и не мог воздействовать на начинающих разлагаться стрелков, то никакие уговаривающие комиссары, будь то даже люди, имевшие за собой такой крупный по тому времени ценз, как каторжное прошлое, ничего поделать не смогут.

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 745, л. 1а–11 об.

Из воспоминаний княжны Н.П. Грузинской «Записки контрреволюционерки» [21.06.1920] [Вторая половина 1920-х гг.]

ПРЕДИСЛОВИЕ

<...> Я исхожу из старинного рода царей Грузии, но мать моя была русская, и я пережила три первых года революции в имении Орловской губернии Ливенского уезда, перешедшем ко мне из ее семьи (княжна Долгорукова).

<...> Февраль трагичного 17-го года застал меня в Москве, на Собачьей площадке, в доме тетки, княгини Лобановой-Ростоцкой, жившей тогда в Швейцарии.

Вечером 28-го я находилась у подруги графини Белевской на Пречистенке, когда пришел ее зять и сообщил, что в продолжение всего этого дня телефон между Москвой и Петроградом не действовал и что еще не удалось узнать, по какой причине это произошло. На другое утро, часов в десять, я входила в контору нотариуса на Театральной площади, где я накануне заказала приготовить к подписи нужную мне бумагу. <...> В это время со стороны площади послышался сильный гул, как от многочисленных голосов, и какие-то крики.

Мы все бросились к окнам и увидели густую толпу студентов, проходивших по этой стороне площади, направляясь от Большого театра к Думе. Когда они совсем поравнялись с нами, мы увидели, что они идут правильными рядами, кричат что-то непонятное и бросают фуражки вверх, с глупо сияющими лицами. К моему негодованию, в рядах кое-где мелькали небольшие красные флаги. «Да здесь весь университет! – закричали вокруг меня. – Что они еще придумали, надо бы разузнать!»

Нотариус и его помощники были тоже полны любопытства и решили послать на разведку почему-то младшего мальчика 14-ти лет. Однако он был не бойкий, так как скоро вернулся, объявив, что это манифестация студентов, а по какому случаю, никто не знает. Я решила сама разузнать, в чем дело, и так как я могла пройти мимо Думы, чтобы достигнуть Арбата, то я и пошла вслед за студентами: конец их колонны был немного впереди меня, и я видела, как произошел маленький курьезный инцидент, удививший меня. Мимо сту-

дентов прошел патруль, четыре солдата с унтер-офицером во главе, мы все знали, что студенты высмеивали и оскорбляли всяким образом все военное и всех военных. А тут вдруг, когда студенты увидели патруль, они все сняли фуражки и стали с восторгом приветствовать солдат, стараясь оказать им как будто даже особый почет. <...> Решив добиться объяснения поведению студентов, я повернула направо к Городской думе <...>.

Я направлялась к Городской думе и вышла наконец на думскую площадь. Я остановилась в самом начале ее, всматриваясь в представившуюся картину: перед подъездом Думы собралась вся толпа студентов, а на подъезде, как известно, высоком, говорил им речь и жестикулировал человек в темном пальто и в темной шапке. Он кончил говорить, и громовое «ура» и восторженные крики студентов потрясли воздух. «Вероятно, Государь даровал им какую-нибудь особую милость», – подумала я, ни секунды не воображая, что крики восторга этих близоруких и неразумных юнцов могли относиться к страшной вести о совершении преступного переворота, повергшего в кровавый хаос родину, которую многие из них любили. Человек в черном объявил им о сделанной в Петрограде накануне революции, о низвержении царя, о сформировании Временного правительства и т.д. <...> Я медленно пошла по направлению к Арбату, стараясь прислушиваться к тому, что говорили люди, довольно многочисленные, проходившие и стоявшие на площади, но вдали от студентов и того человека. <...> Я прошла мимо трамвая, около которого теснилась, как всегда, маленькая толпа, и тут никто ничего не проявлял! Это еще больше укрепило меня в мысли, что все дело касается исключительно студентов, которые все еще бросали фуражки вверх и развевали абсурдные красные флажки, я спокойно пошла дальше. <...>

Пока я шла домой, я ничего не заметила необыкновенного, странного, только недалеко от Думы какой-то дворник затворил на ключ громадные железные ворота какого-то большого здания. И я дома застала ту же тишину и вечером, как всегда, пошла обедать к моей подруге на Пречистенку. Они тоже ничего не знали, и мы спокойно провели время. Нас немного удивило то, что моя кухарка Маша, баба из нашей деревни, которая приходила за мной по вечерам в 9 часов, в этот вечер пришла в 8 и сообщила, что дворник очень

просил, чтобы княжна была домой раньше, т.к. из полиции прислали сказать, чтобы все ворота были на запоре. Мы и это приняли спокойно, т.к. знали, что много хулиганов бродит по Москве и устраивают грабежи «немецких» имуществ.

На углу Пречистенки и какого-то переулка стоял на часах юнкер Александровского училища, с ним разговаривал штатский и спрашивал: «Что, у вас все тихо?» – «Да, тихо покамест», – отвечал тот. Они были, очевидно, знакомые, разговаривали дружелюбно, и опять страшные слова не были произнесены. <...>

II

Зато на другое утро грянул страшный удар грома, вселивший ужас и негодование в наши сердца. Я только что кончила одеваться, как Маша принесла мне газету от управляющей и с затаенным страхом стала говорить: «Ваша светлость, ваша светлость, государя больше нет, нет его больше! Революцию сделали!» Я выхватила газету у нее из рук и прочла известное объявление о том, что произошла революция. Государь подписал отречение за себя и за наследника и т.д. Негодование и ужас настолько охватили меня, что я не могла даже ясно думать о том, как поступать мне. <...>

На улицах было спокойно, и я беспрепятственно дошла до моей подруги. Там испытывали те же чувства, которые возмущали меня. Оказалось, что ночью вся Пречистенка перед Главным штабом была запружена автомобилями, приезжали арестовывать начальника главного штаба генерала Мрозовского. Он, говорят, спал, когда приехали, значит, ничего не знал! Таким образом, графиня узнала раньше меня про совершившийся ужас.

Движимая чувством глубокой преданности и сердечной привязанности, она с раннего утра отправилась узнавать, что происходило с великой княгиней Елизаветой Федоровной, у которой до замужества состояла личной фрейлиной. Как известно, в[еликая] к[нягиня] после трагичной смерти супруга своего в[еликого] к[нязя] Сергея Александровича посвятила свою жизнь и состояние на помощь русскому «великодушному» народу. В приобретенном ею доме на Ордынке, кроме церкви, был устроен даровой госпиталь, приют и школа для девочек, взятых часто с Хитрова рынка, а то просто с улицы. Достойный священник, служивший в ее церкви, часто при-

водил приезжих из деревни мужиков, встреченных на улице, которых кормили, поили, давали приют. <...>

В тот же день орда хулиганов наводнила «Ордынскую обитель», как эти учреждения назывались, и на вопрос, что им надо, объявили, что пришли смотреть, как поведут немку. А впоследствии, как известно, ее ввергли живую в заброшенную шахту, где вместе с другими несчастными она нашла праведную кончину. Где были тогда нагие, холодные, голодные, которых она одевала. <...>

Вечером я пошла к графине, и мы, взрослые, мрачно толковали о том, [что] думать и что делать. <...> Пока с тоской в душе мы перебирали всякие возможности, в столовой рядом раздались торжественные звуки «Боже, Царя храни». Я пошла посмотреть, что там происходит, и была глубоко тронута тем, что увидела. Младшие дети графини вместе с подругой расставили на большом столе все фотографии царской семьи, которые могли собрать, поставили пластинку «Боже, Царя храни» в граммофон и в благородном порыве лояльности чистых детских душ к тем, кто впал в несчастье, проходили церемониальным маршем перед фотографиями, делая им глубокие поклоны и реверансы. <...>

III

В купеческом банке у меня было около восьми тысяч рублей, и, не сомневаясь ни секунды, что деятели революции, судя по первым шагам, будут грабить нас всяким образом, я отправилась на следующее же утро в банк вынимать свои деньги. Я была уверена, что найду банк набитым народом, и потому накануне еще сказала Маше, которую брала с собой, что нам надо ехать совсем рано, к открытию банка, т.к. там будет такая толкотня, что придется долго ждать. Каково же было мое изумление, когда, войдя в банк, мы нашли его пустым! Служащие были на местах, солдат-часовой стоял у дверей, но он и раньше тут стоял, а публика отсутствовала. «Неужели они не понимают, что скоро будет? – подумала я. – Неужели не видят, какое направление принимает революция?» Свои деньги я получила беспрепятственно, оставив 120 рублей на счету, чтобы не закрывать его. <...> Дома мы застали двух солдат из нашей деревни, пришедших проведать Машу. Они стояли здесь в гарнизоне и объявили, что им те-

перь такое житье, о котором они и мечтать не могли никогда. Только дежурные остаются в казармах, а остальные целый день гуляют! Только чтоб в казармах быть в 8 часов, а то ни работы, ни учения! Что хочешь, то и делай. «Вот вы какие теперь счастливые, – сказала я, – значит, вы очень довольны?» «Да уж конечно», – отвечали они.

<...> Вечером у подруги я узнала, что означали девчонки и мальчишки с красными бантами, бегавшие по улицам с глупо сияющими лицами. Это была милиция, учрежденная, по объяснению новых властей, для «защиты» революции и куда принимались добровольцы обоего пола. <...>

Но когда мы узнали, в чем именно состояла их «служба» и каким образом они стали на защиту, мы исполнились к ним презрения. Оказалось, что они должны были арестовать тех, кто осмеливался не преклоняться мгновенно и безропотно перед всяким действием революционеров и при случае играть роль сыщиков, подслушивать, что говорили на улицах и в домах, и исполнять свою «обязанность». <...> Когда Воейков приехал в Москву, его арестовали на вокзале три девчонки с красными бантами и вели его через всю Москву, он впереди, а сзади вооруженный солдат. Говорят, он топнул ногой, когда увидел это издевательство над собою. <...>

IV

На следующий день я шла днем по Арбату, когда встретила знакомую даму, поздоровавшись с которой, стала разговаривать. Дама принадлежала к семье тогдашних либералов и должна была радоваться перевороту, но, будучи умной, развитой и вполне порядочной женщиной, она, оказалось, поняла, что события новой жизни все более и более принимали трагичную, нравственно фальшивую окраску.

Так как вокруг нас шныряли «деятели» с красными бантами, то я стала говорить по-французски: «Я знаю, что ваши симпатии должны бы быть с тем, что произошло, но знаю также, что вы искренни. Скажите, как вы думаете о том, что сейчас происходит? А касательно бедного Государя?» К моему радостному изумлению, ее глаза наполнились слезами, и с содроганием в голосе она проговорила: «Я боюсь, боюсь за него. Какая подлость! Какая низость! Вчера пресмыкались перед ним, а сегодня рвут его на части, ос-

корбляют! Ужас, один ужас! И вся эта молодежь! Шпионы, доносчики! Где у них стыд! Что с ними сделалось! Страшно подумать!» <...>

По мостовой около панели шел небольшой отряд солдат не стройными рядами, как мы привыкли их видеть, а беспорядочной толпой, они кричали, хохотали, забегали вперед, шли назад, курили всячески, очевидно, преувеличивая свое новое положение, свои новые привилегии. Несчастный офицер, ведший их, стройный и красивый молодой блондин, сгорал от стыда. <...> Мне рассказали очевидцы, что в то же время происходили следующие сцены: как только солдаты видели, что в трамвае едет офицер, они входили туда, садились напротив него и, громко разговаривая, курили и пускали дым ему в лицо или открыто издевались над ним и другим военным начальством. Что претерпели эти мученики, сказать нельзя. Мы, как и вся разумная публика, недоумевали, какая могла быть цель у г-на Керенского разлагать армию? Мы еще не понимали, что он даже в первые дни не был тем властелином, которым себя мнил, и что над ним не в шутку уже тяготела зловещая сила, выпущенная переворотом на волю. В сущности, Временное правительство, захотев поиграть в правителей России, оказалось абсолютно неспособным, неумелым и скоро растерялось до того, что обратилось в позорное бегство.

V

<...> Вечером к подруге моей пришел один очень уважаемый нами и очень толковый деловой человек, друг графини. Он пришел успокоить ее и уверить, что все будет благополучно. Он сам не был сторонником революции, но считал, что против совершенного факта бороться поздно. Графиня сказала ему, что я того мнения, что дела пойдут плохо, и он с улыбкой успокаивал нас и просил ее не давать себя терроризировать. Керенский и другие люди – способные, они работают 12 часов в день и стараются, чтобы не было беспорядков, т.к. можно вообразить, что могло бы происходить в такие дни. «Оно и происходит, – подумала я, – странно, что такой практичный деловой человек ничего не замечает!»

«Скажите, – спросила я, – не слыхали ли вы, не говорят ли о земле, о том, чтоб раздавать ее крестьянам?» – «Да гово-

рят, – ответил он. – Правительство будет покупать землю у самых богатых помещиков и продавать ее мужикам в кредит. Кому будет вред от того, что у миллионеров, имеющих сотни тысяч десятин, купят несколько сотен десятин и передадут их мужикам? Все это будет сделано спокойно и законно. Уверяю вас, что бояться нечего!»

Я сидела, пораженная ужасом, понимая, что мы осуждены на страшные бедствия. Я, как землевладелица, знала, что такое был земельный вопрос и на что во имя его можно было поднять народ. Не везде он нуждается в земле; у нас в деревне были богатые и те немногие дворы, которые имели мало земли, брали у нас в аренду краткосрочную сколько хотели десятин. Цена установленная была вообще 10 руб. за яровую десятину, [а также] шесть подвод до станции нашей, пять верст. За озимую, когда десятина оставалась у них в руках целый год 5... руб. и тоже шесть подвод на станцию для подвоза нашего хлеба. Но везде мужики приобретали то чувство... которое французы называют «страстью к земле». Мы были свидетелями без всякой революции тем кровавым драмам, происходившим при малейшей обиде касательно земли.<...>

Правительство, только что воцарившееся и еще шатавшееся на ногах, не могло ни купить земли для всех, ни войти в сделку с землевладельцами, не обидев их. Ведь у правительства не могло хватить денег на такое дело, сопряженное с громадными расходами, тем более что оно решило все сразу же менять и ломать с первой же секунды.

Оставался один выход – безвозмездное отобрание земель, что и произошло в недалеком будущем.

Не надо было трогать земельного вопроса, тогда переворот прошел бы спокойнее. Но Временное правительство, боясь оппозиции серьезных кругов, решило опереться на неразумные массы и темные силы страны, что из этого вышло – известно.

Прибавлю, что господин, который так успокаивал нас в тот вечер, давно уехал заграницу, бросив великолепную усадьбу в окрестностях Москвы, тогда как я еще продолжала мучиться в аду, образовавшемся в несчастной России.

VI

Вернувшись домой, я нашла письмо из имения от управляющего. Он сообщал, что мужикам известно о перевороте, но пока что они спокойны и приехать в деревню вполне возможно. Я сообщила радостную весть своим, назначила скорый день отъезда, и мы тотчас же стали собираться.

В Москве мне становилось душно, тяжело, хотелось не видеть этих нахальных солдат, эту молодежь, доносчиков и сбиров революции, не слышать выкриков газетчиков о царе и его несчастной семье. Тяжело было сознавать, что они арестованы, что на них надвигается опасность, еще тяжелее читать позорные фельетоны на них, плоды дикой фантазии, духовной низости и абсолютной безграмотности каких-то писак! Появилась масса листков дурного пошиба, и что в них говорилось про царскую семью – противно вспомнить! Помню одну такую гнусность, которую я прочла в случайно купленном листке. Вот ее содержание в общих чертах: «Ночь. Луна. Императорская яхта идет по морю. Молодой прекрасный лейтенант стоит на вахте. Вдруг из каюты выбегает в белом платье, кто бы вы думали? Ольга! И Ольга бросается к молодому лейтенанту и целуется с ним. И молодой лейтенант пылает к Ольге страстью, но тут является на палубе отец Ольги! И застав такую картину, бросается на молодого лейтенанта и одним взмахом руки сбрасывает его в море! Погиб молодой лейтенант, не видят более его глаза белый свет земной, закрыты они под темной волной. Отец Ольги стал убийцей!» <...> Ужасно было то, что чернь с жадностью читала всю эту мерзость, верила ей и клеймила императорскую семью позорными именами...

Вначале многие, даже разумные люди, сочувствовали перевороту, но едва ли не через неделю общественное мнение изменилось. <...> Жена и дочь профессора Трубецкого, узнав о перевороте по телефону, будто прыгали от радости тут же, у телефона. Любопытно, продолжают ли они прыгать и теперь, вспоминая этот день? Жена адвоката А., будучи вольнодумных настроений, телефонировала своей кузине: «Наконец я дожила до русской революции! Радуюсь, что мне пришлось увидеть это событие!» И еще много подобных новостей. Два года спустя эта же самая дама писала сестрам: «Кажется, у нас настает светопреставление! Ничего нет.

Прислуги нет. Еды нет. Я хожу с внучкой в ресторан, где за 9000 рублей получаю тарелку какой-то жижи с несколькими листочками травы и соленые огурцы!» И эта же дама через сына советского служащего поспешила уехать за границу.

VII

Возвращаясь однажды из центра в город, где я делала покупки для деревни, я заметила довольно большое собрание женщин из простонародья, стоявших и оживленно галдевших, у начала Охотного ряда по направлению к Ильинке. Изумленная таким фактом, т.к. большей частью революционные женщины не появлялись теперь без сопровождения мужчин, я пошла и встала на некотором расстоянии. Женщины как будто ссорились, а впереди стояла хорошенькая молоденькая девушка, державшая в протянутых руках две короткие палочки, на которых была натянута узкая полоска красного кумача. «Что это такое? – спросила я мужчину, стоявшего недалеко от меня и с усмешкой наблюдавшего за толпой, – кто эти женщины?» «Кухарки, – открыто смеясь, ответил он, – митинг кухарок. Что им от революции нужно! Жаловаться собрались. Ишь прыть-то какая! Только вы, барыня, не подходите к ним и не ругайте их. Тут одна барыня только что проходила и стала их ругать, так они позвали милиционера, и ее увели туда». И он показал рукой на здание с колонной, где, оказывается, был пост солдат.

Я поблагодарила его за совет и пошла по Охотному, огибая кухарок как можно дальше, т.к. не имела никакого желания рассуждать с ними. Эти митинги и демонстрации кухарок дошли до какого-то абсурда. В следующие дни мы встретили процессии их, которые ходили по большим улицам молча, подобрав каких-то девчонок, которых они пускали во главе. Очевидно, они добивались каких-нибудь определенных целей, как жалованье, но не слышно было, чтоб получился какой-нибудь определенный результат от их хождений.<...>

Появилось глупое наименование «буржуй». Ведь по-французски «le bourgeois» никак не могло применяться к аристократии или к кому-нибудь, кроме самого мелкого элемента. <...> Поэтому мы много удивлялись, а затем много смеялись, узнав, что аристократию и военных подводят под понятие «буржуй», это стало несомненным завоеванием ре-

волюции. Все эти абсурды, всякие глупости и подлости, которые чуть ли не каждый день становились известными изумлениями россиян, процветали благополучно под кровом крыл г-на Керенского и его банды. <...>

ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 317, л. 1–32.

Из «Воспоминаний очевидца» А.А. Минх [21.12.1931]

Гл[ава] I

Первый день

Совершенно необычный вид имеет город вот уже несколько дней. Тихая, регулярная жизнь населения выбита из колеи. Слухи и слухи, самые противоречивые и фантастичные, ползут по городу. Что и как никто толком не знает, но у всех на языке одно слово – революция. В Петербурге царь отказался от престола, образуется какое-то Временное правительство, на улицах Петрограда – бои, власть взяли революционеры и приказали отбирать землю у помещиков, а имущество богатых раздавать бедным. Шумит на базарах толпа. То там то сям на улицах собираются кучки народа, и хотя еще с опаской поглядывают на постового городового, вполголоса обсуждают «самые достоверные» новости.<...>

Видные общественные работники, гласные городской Думы, – начеку... Полиция как-то притихла, городовые молча косятся на кучки народа на улицах. Никаких выкриков, никакого «безобразия», только всюду шепчутся и чувствуется, внутри каждого что-то зреет...

Ночью город будто вымирает – пусто на улицах, лишь за ставнями долго блестят огоньки, не спят горожане, все прислушиваются и ждут.

4 марта после полудня в моем кабинете – резкий телефонный звонок, и взволнованный голос сообщает, что заступивший место городского головы просит в городскую управу на экстренное заседание Думы (я был гласным). Быстро собираюсь и тороплюсь на извозчике на другой конец города в управу.<...>

Присматриваюсь по дороге: как будто ничего особенного, те же шепчущиеся кучки народа, только не видно городовых. Но зала заседаний городской Думы имела совсем необычный вид, очередных дней, со покойными лицами глас-

ных, чинно восседавших на своих креслах. Зала гудела, битком набитая не только гласными, но и городскими служащими. Всюду виднелись фигуры видных местных общественных и партийных деятелей, разбившихся на группы и возбужденно-радостно обсуждавших последнее сообщение из Петрограда об образовании Временного правительства и провозглашении республики. Наконец водворился порядок, городская управа заняла свои места и заступающий вместо городского головы А.А. Яковлев открыл заседание.<...>

По объявлению сообщений из Петербурга было решено во исполнение предложений Временного правительства немедленно приступить к образованию губернского комитета и избранию временного административного аппарата. Решено было, что гласные Думы должны нести свои обязанности до избрания новых.

Поручить городской управе, совместно с представителями партий и намеченными собранием персонально видными общественными деятелями, образовать организационный комитет по составлению губернского комитета, для чего пригласить на совещание представителей других общественных учреждений, поручив сделать это приглашение не письменно, а через командированных по учреждениям гласных городской Думы, на обязанности коих возложить созыв собрания служащих учреждений, разъяснение текущих событий и постановления Думы об избрании губкомиссара и приглашения представителей учреждений на совещание по этому вопросу.

Конечно, никто из участников заседания Думы и не помышлял покинуть зал городской Думы, прибывали все новые и новые лица, известные в городе.

Уехали лишь намеченные гласные для исполнения поручения Думы и Организационного комитета. Мне было поручено отправиться в губернскую земскую управу, создавать совещание служащих и просить их избрать своего председателя, с каковым и возвратиться в городскую управу.

Приезжаю. Разыскиваю своего приятеля – заведующего оценочно-статистическим бюро, деятельного члена кадетской партии – Н.Н. Серебрякова, объясняю, в чем дело, и прошу его содействия по созыву служащих на собрание. Никак не передать его впечатление, которое произвело мое сообщение на старого народолюбца, Н.Н. бросился меня обни-

мать и... разрыдался. Мечта всей его жизни исполнилась. Он сообщил, что как раз зам[еститель] председателя губернской земской управы М.М. Гальберг просил собраться всех служащих «ввиду неясных слухов о каком-то перевороте в Петербурге».

Хотя Н.Н. страшно волновался, пошли вместе на собрание. При нашем входе все как один обернулись к нам, и по лицам было видно то возбужденное волнение, которое все испытывали. М.М. Гальберг говорил речь о «вздорности слухов», прося служащих успокоиться и, не веря «нелепым бредням», приняться за работу. Когда он кончил – гробовое молчание, только все глаза впились в меня и Н.Н., стоявшего рядом.

Я подошел к Гальбергу и от имени Организационно-революционного комитета просил разрешения сказать несколько слов служащим губернского земства. Он замялся, недоумевая, о каком комитете идет речь, но служащие возгласами «Просим!» заставили его изъявить согласие, и он, пожав плечами, отошел в сторону.

Полная тишина. Но после первого же моего слова-обращения: «Граждане!» – пронеся какой-то общий вздох, и громовое «ура» заглушило мои последние слова. Все кинулись ко мне, и, подхваченный десятками рук, я очутился на столе, а «ура» все не смолкало, возбужденные лица, горящие глаза.

Наконец немного успокоились, и я имел возможность передать поручение комитета – и вновь «ура», взволнованные лица, у многих слезы на глазах, и в порыве радости меня схватили и начали качать.

Немного придя в себя, приступили к выборам, и вскоре я возвращался в Думу с представителями от служащих губернского земства.

А в это время в городской управе уже было избрано ядро губкомитета во главе с председателем, присяжным поверенным и бывшим гласным Городской думы А.А. Токарским. Был также избран губернский комиссар в лице присяжного поверенного Н.И. Семенова. Член I Государственной думы (выборжец) и видный общественный и партийный (к.д.) работник, небольшого роста, худой, с монгольским типом лица, с ровным, спокойным, но настойчивым характером, Н.И. Семенов обладал недюжинным умом, был одним из самых уважаемых граждан города, и хотя не обладал эффект-

ными ораторскими способностями, был популярен как один из лучших, тактичных защитников в серьезных политпроцессах. Это был человек дела, а не одного слова. Вполне понятно, что для занятия такого трудного и ответственного поста как первый губкомиссар, выбор пал на него и был встречен с полным удовлетворением большинством населения.

По моему возвращению в городскую управу ко мне тотчас подошел гласный Думы и член вновь организованного комитета присяжный поверенный С.П. Красильников и сказал, что меня зовут на заседание Комитета. Председатель комитета обратился ко мне с просьбой по постановлению комитета принять временно на себя обязанности начальника милиции, на что я и согласился при условии, что останусь лишь на время, нужное для организации милиции.

Мне было предложено по окончании заседаний Комитета сговориться с губкомиссаром о наших первых шагах на революционно-административном поприще. (Я имел право по должности присутствовать на заседании Комитета, но без права решающего голоса). Но события развивались так быстро, что нам так и не пришлось поговорить с Н.И. Семеновым.

Заседание губкомитета затянулось до ночи, во-первых, потому что чины Комитета никак не могли прийти к соглашению о дальнейшей тактике (так как еще не было получено директивы в общероссийском масштабе), а во-вторых, Комитет все время пополнялся и расширялся, часто путем кооптации новых членов из среды общественных деятелей, частью вошедших как бы вынужденно. К последней категории относились представители образовавшегося к концу дня Военно-революционного комитета (из которого впоследствии и образовался Совет рабочих, солдатских, а затем добавилось и крестьянских депутатов).

Как я говорил выше, ядро губкомитета составилось из видных общественных деятелей, как, например, А.А. Токарский (народный социалист), Н.И. Семенов (кадет), присяжный поверенный С.П. Красильников (кадет), присяжный поверенный Н.Н. Мясоедов (эсер), присяжный поверенный- В.Н. Поляк (кадет), доктор Н.И. Максимов (социал-демократ), доктор П.Н. Соколов (народный социалист) и др., избранные в заседании Городской думы. Постепенно в это ядро начали кооптироваться представители различных обще-

ственных учреждений. Но это происходило в течение дня. Вскоре же после окончательного заседания Городской думы зал начал заполняться рабочими, солдатами и офицерами, и они потребовали себе отдельное помещение, образовали из своей среды Военно-революционный комитет для защиты республики и стали проявлять тенденцию как бы к захвату власти в городе и игнорированию губкомитета.

После долгих переговоров и пререканий военный комитет согласился командировать в губкомитет своих представителей, но решил также продолжать действовать самостоятельно, будучи лишь в контакте с губкомитетом через своих представителей.

Таким образом, сразу же создалось нечто вроде двоевластия, продолжавшегося вплоть до большевистского переворота, принесшего много вреда и хлопот губкомитету, мешавшему зачастую правильному ходу управления губернией и отнима[вшему] массу времени у демократических элементов губкомитета, настроенных более умеренно и разумно, на пререкания с представителями военного комитета, настроенными агрессивно-большевистски.

Наиболее нетерпимыми представителями этого крайне левого течения, втершимися каким-то образом и в военный, и в губкомитет, [были] три саратовских присяжных поверенных –Антонов, Васильев и Оппоков.

О них я должен сказать несколько слов, так как они сыграли первенствующую роль в большевистском перевороте в Саратове и по сие время играют видную роль, но уже в большевистском центре – в Москве.

С этими тремя видными столпами большевистской власти и еще с будущими – первым губкомиссаром после переворота, помощником присяжного поверенного Лебедевым и первым комиссаром юстиции, присяжным поверенным И. Штейнбергом – мне зачастую приходилось встречаться и как саратовцу, и как мировому судье 2-го участка г. Саратова.

О Лебедеве можно сказать в двух словах – ни рыба ни мясо, так что-то незаметное и неопределенное.

Присяжного поверенного Штейнберга широкая публика не знала, его специальностью были крупные гражданские дела и юристконсульство в управлении Рязанско-Уральской железной дороги, зато все саратовцы знали хорошо Исидора Штейнберга, или попросту Исидора. В частной жизни это

был ленивый барин, очень остроумный собеседник и большой кутила – рубаха-парень, как звали его многочисленные его приятели и собутыльники. Конечно, никому из саратовцев не могло прийти в голову, что Исидор будет когда-либо фигурировать на верхах власти. Во всяком случае, это была фигура безвредная.

Совсем иное представляли из себя три остальных будущих большевистских столпа.

Присяжный поверенный Антонов (ныне к его фамилии прибавляется «Саратовский») и присяжный поверенный Васильев считались в судебных кругах третьеразрядными поверенными, всегда крайне неудачно выступавшими в Судебной палате по политическим делам низшего масштаба. Не обладая красноречием, не будучи достаточно образованными и развитыми, эти две «балды», как их звали, обладали зато огромным самомнением и нахальством, а Васильев отличался, кроме того, огромным самомнением и злобностью. Никогда, ни на одном крупном политическом процессе, они не были товарищами по защите.<...>

Как общественный работник это был полный ноль, ни в одной общественной организации они не состояли и выплыли на поверхность лишь после революции, а взобрались на вершину – при большевиках. Еще меньше доброго можно сказать про присяжного поверенного Оппокова (ныне Ломов). Сей «столп» был хорошо известен саратовцам по двум причинам – как сын всеми уважаемого бывшего управляющего Государственным банком и по своему, на редкость, тупоумию. Этот, с позволения сказать, присяжный поверенный уже и не рисковал выступать в Палате, а подвизался у мировых судей да изрядно в Окружном суде по мелким гражданским делам, которые он обязательно ухитрялся проигрывать. Стоило ему начать свою нудную, тягучую речь, как у судьи являлось непреодолимое желание заснуть, дремал и его противник, а на делах по мелким кражам дремал даже его подзащитный.

После большевистского переворота нам пришлось узнать многих и местных, и пришлых большевистских деятелей разных «качеств»<...>, но я до сих пор не могу понять, как такая абсолютная бездарность и тупоумие ухитрилась забраться на вершины большевизма, ведь имя Ломова зачастую встречается среди коммунистических деятелей.

Ну, оставим пока эти пятна саратовских деятелей революции и перейдем к изложению дальнейших событий первого дня революции.

Губкомитет заседал беспрерывно, лишь изредка кто-нибудь из членов отлучался на короткое время перекусить. Поздно вечером и я, по уговору с губкомиссаром, отлучился домой. Фактически я еще не приступил к исполнению своих обязанностей, так как губкомитет никак не мог решить, что дальше предпринять.

Странное впечатление производил город, когда я вышел. На улицах – ни души: ни населения, ни городовых, ни извозчиков, пустота и тишина. Даже огней в домах не видно. Освещена лишь городская управа, да в окне губернатора виден огонек, но обычный пост у крыльца исчез.

По моему возвращению я застал горячий спор в губкомитете между членами комитета и представителями военного комитета. Оказывается, пока в губкомитете шли прения о дальнейшей тактике, военный комитет начал действовать самостоятельно и его члены, ничтоже сумняшеся, арестовали какого-то подвернувшегося околоточного надзирателя, а затем и проходившего по улице самого полицмейстера Н.П. Дьяконова, привели их в городскую управу и заперли в кабинете городского головы.

Узнав об этом, я приказал немедленно отпереть кабинет и, войдя туда, увидал перепуганного околоточного, забившегося в угол, и спокойно сидевшего за столом головы – Дьяконова, а у двери сидел с револьвером в руках (именно в руках, а не в руке) – гражданин солдат. Но в это время дисциплина еще не была окончательно расшатана, поэтому солдат и исполнил тотчас мой приказ – выйти из кабинета (я носил еще офицерскую форму с войны, не получая отставки).

Не только я, но и все жители города хорошо знали Н.П. Дьяконова как глубоко честного, мягкого, справедливого и, я бы сказал, по-своему демократичного полицмейстера.

Он был удивлен, за что и почему его арестовали, так как, по его словам, вся администрация давно приготовилась «к неизбежному» и не помышляла оказывать какое-либо сопротивление. Я объяснил, кем он был арестован, и просил подождать, пока я не выясню этот вопрос в губкомитете.

Оказалось, что вопрос уже решен в смысле «временного

оставления полицмейстера под арестом» и горячо обсуждали уже вопрос об аресте губернатора.

Пришлось пойти сообщить об этом Дьяконову, который отнесся к извещению вполне спокойно, просил лишь меня лично взять из его пальто револьвер и, если найду возможным, передать таковой его сыну-офицеру и успокоить его семью, что, конечно, я исполнил.

Тем временем меня вызвали в губкомитет, и председатель сообщил мне, что, «по соглашению» с военным комитетом, решено арестовать губернатора и что комитет поручает мне произвести этот арест. После чего мы с губернатором пойдем в дом губернатора для приема дел, а наутро я должен буду пойти принять дела полицейского правления, причем так как у военного комитета есть сведения, что там есть охрана с пулеметами, то я должен занять полицейское правление с ротой солдат. Каковое предложение меня глубоко возмутило своей никчемностью, отсутствием такта и трусостью. Я ответил, что, во-первых, считаю арест губернатора до получения директивы из Петрограда преждевременным и ненужным, что совершенно, по-моему, достаточно, если губкомиссар, а не начальник милиции, переговорит с губернатором и получит честное слово о подчинении его новой власти и лишь в случае отказа подвергнет его домашнему аресту, опять же под честное слово, до получения распоряжения из центра. Это мое глубокое убеждение – позорно для нас бить лежачего, а по сему я категорически отказываюсь лично производить арест и, буде комитет найдет мой отказ недопустимым, слагаю с себя звание начальника милиции. Во-вторых, что касается защиты политического правления ротой солдат, то это я считаю абсурдным и унизительным для нас. Так как я не уверен, что никаких пулеметов там нет, то, если останусь начальником милиции, завтра же, конечно, один я пойду и приму все дела. А в подтверждение моей уверенности тотчас опрошу полицмейстера и результат опроса доложу губкомиссару.

Н.П. Дьяконов лишь рассмеялся на мой вопрос о пулеметах и заверил меня, что и он, и губернатор отлично знают, и положение в Петербурге, и, конечно, никакого вооруженного сопротивления установившейся власти оказывать не намерены. Выходя от полицмейстера, я услышал сильный шум внизу, в вестибюле управы, спустившись, увидел губернато-

ра и вице-губернатора, окруженных взводом солдат. Оказалось, что, пока шли пререкания в губкомитете, военный комитет распорядился послать роту в дом губернатора и, арестовав губернатора, привел его в городскую управу. Оказалось, что при аресте обхождение было возмутительно грубое, что все телефонные провода оборваны солдатами и была попытка производства обыска – с целью найти пресловутые пулеметы.

Перед свершившимся фактом мне ничего не оставалось делать, как, удалив взвод из городской управы, предложить арестованным подняться в кабинет городского головы, а самому отправиться с докладом в губкомитет.

Надо отдать справедливость, что поведение губернатора С.Д. Тверского было полно достоинства и спокойствия, в противоположность крайней нервности и расстроенности вице-губернатора А.С. Римского-Корсакова. Губкомитет встретил мой доклад крайним возмущением на самочинный поступок военного комитета, и вновь разгорелась перебранка с представителями комитета, закончившаяся решениями «во избежание эксцессов» отправить губернатора, вице-губернатора и полицмейстера в помещение 3-го полицейского участка (наиболее обширный и чистый), где и содержать их впредь до распоряжения из Петербурга, околоточного надзирателя освободить. Утром они и были переведены.

Все эти обсуждения настольно затянулись, что было уже 5 часов утра 5 марта, когда мы с губернатором смогли наконец отправиться в дом губернатора.

Ясное свежее утро, воздух чист и прозрачен, а кругом тишина и спокойствие, лишь гулко отдаются наши шаги по пустым улицам. Невольно мы задумались, и вдруг, как-то тихо, заговорил Н.И. Семенов: «Знаете, А.А., всю свою жизнь я мечтал об этом дне, и вот цель моей жизни достигнута, но, должен признать, не радостно у меня на душе, а тревога и грусть. Вы видели, что происходит в губкомитете, и это в первую же минуту, что же будет дальше, боюсь я за Россию, и чувствуется мне, что мы с вами не стерпим и отойдем, и скоро. Ну да ничего не поделаешь, черта пройдена, увидим, что даст ближайшее время, а пока – исполним каждый свой долг по нашему разумению». (Н.И. Семенов, его жена и дочь – вся семья погибла от сыпного тифа в 1919–1920-х гг., причем санитары больницы, где лежал Н.И., узнав, кто он, зап-

ретили врачам его лечить и выбросили его с койки в коридор, где он и умер).

В доме губернатора мы застали семьи С.Д. Тверского и А.С. Римского-Корсакова со старшим советником губернского правления Коханским, на ногах и в тревоге... Н.И. Семенов пошел к ним и успокоил, заверив их, что арест – временная предупредительная мера и никакая опасность их мужьям не грозит. В это время я по его поручению звонил во все участки (один провод оказался неповрежденным) с предложением приставам явиться к 8 час[ам] утра в дом губернатора к губкомиссару.

На назначенный час все явились в полной... парадной форме, при орденах, я их представил Н.И. Семенову. Не явился лишь пристав... 5-го участка Зубов, впоследствии оказавшийся в числе комендатуры в Смольном, а ныне проживающий в Сербии.

Губкомиссар обратился к ним с кратким словом, предложив всем временно оставаться на местах и отправиться по своим участкам, что они и исполнили... Но провести в жизнь свое намерение – временно оставить приставов и полицейских – губкомиссару не пришлось, так как собравшиеся на улицах толпы с криками «ура» похватали несчастных приставов, посрывали с них погоны и ордена, более нелюбимых немного помяли и не допустили их в свои участки, крича: «Долой полицию!».

Пришлось спешно отменить распоряжение и распустить полицию. Таким образом, я явился единственным «блюстителем порядка» на весь город. Это был первый случай «проявления народной воли», как говорили в губкомитете, и просто «бесчинства», как говорили Н.И. и я.

Должен отметить, что ни в первый день, ни в ближайшее время по объявлении революции никаких «бесчинств» более не было, и огромные толпы народа, где бы... они ни скоплялись в эти первые дни всеобщего ликования, вели себя образцово, дисциплинированно, так что мне и не приходилось наблюдать за порядком, да и что я, собственно, мог сделать один с многотысячной толпой, если... бы и возникали какие-либо беспорядки.

Придя утром же в полицейское правление, я застал всех служащих налицо и... познакомившись как с делами, так и с персоналом, оставил всех на своих местах, и тут уже ничто

мне не помешало. Из предусмотрительности я лишь распустил служащих на три дня, оставив в запертом помещении дежурных курьеров и вывесив у входа объявление с извещением граждан, что начальник милиции начнет прием по делам с такого-то числа.

Тем временем по распоряжению губкомитета по всему городу были расклеены объявления с разъяснением населению происшедшего и отдельно от губкомиссара воззвание с призывом к соблюдению порядка в городе и, в частности, на имеющих быть в тот день молебне в Новом соборе и параде войск с присягой Временному правительству.

К 11 часам в Новый собор собрались на молебен все более или менее видные представители демократических течений общественности, и вся площадь и прилегающие улицы были запружены морем голов с радостными, возбужденными лицами.

Ни давки, ни выкриков. Толпа молча стояла без шапок все время, пока длился молебен, и лишь по окончании, соблюдая полный порядок, стали группами расходиться по городу. Только тогда то тут, то там вспыхивали звуки революционной песни или прокатывались от группы к группе «ура».

Еще большая толпа собралась на парад войск – и тот же порядок, чему отчасти способствовала образовавшаяся цепь из учащейся молодежи.

Когда я подъехал на предоставленной в распоряжение начальника милиции паре пожарных лошадей к площади, передо мной была сплошная людская толпа, и казалось, [нет] почти никакой возможности попасть в середину, но стоило мне сказать: «Граждане, дайте дорогу единственному охранителю революционного порядка», – как мгновенно толпа расступилась, и образовался коридор из весело улыбавшихся лиц. По окончании парада толпа, как один человек, направилась к губернской каторжной тюрьме (на той же площади) и, остановившись перед тюрьмой, сняв шапки, запела «Вы жертвою пали». Политические заключенные и часть уголовников были выпущены еще накануне вечером по постановлению губкомитета.

Толпа спокойно разошлась, кончился первый, радостный день народной свободы.<...>

ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 505, л. 1–19.

Из воспоминаний С.Н. Оловянникова «Провинция 1917 г. Народная власть в Курской губернии» [Вторая половина 1920-х гг.]

II

С начала марта по губернии, как и по всей стране, началась новая, взволнованная, неведомо-непривычная жизнь. Представители прежней власти: губернаторы, исправники, полиция – частично разбежались, остальные были мобилизованы воинскими начальниками и отправлены на фронт. Известные по жестокому обращению с местным населением были арестованы. Наспех организовались по губернии исполнительные комитеты из людей случайных, бывших на местах. Образовалась и милиция из учеников гимназий и реальных училищ под руководством их преподавателей. Эти первые образования первые недели и осуществляли всю полноту власти на местах. И показательно, что в эти недели, даже месяцы после февральского переворота, в провинции почти совершенно не было уголовных преступлений: убийств, грабежей, воровства.

Одним из первых распоряжений Временного правительства было назначение на местах губернских и уездных комиссаров. Комиссары Временного правительства должны были заменить представительно-административную власть, разделенную ранее между властью предводителя дворянства и властью губернатора. По телеграфному распоряжению эти обязанности автоматически переходили к председателям губернских и уездных земских управ или городским головам. Но сразу же выяснилось, что в некоторых местах такое распоряжение неприемлемо, т.к. некоторые председатели земских управ не могут представлять новое революционное Временное правительство ввиду их политической одиозности у масс населения, а городские головы – как занимающие эти места не по выборам, что требовалось по закону, а по назначению от Министерства внутренних дел.

Немедленно поэтому возник вопрос об избрании на местах кандидатов в комиссары Временного правительства из общественных деятелей, пользующихся доверием местного населения.

Исполнительные комитеты вместе с реформированными

земскими управами и городскими думами в марте и апреле месяцах производили эти выборы, и избранные кандидаты утверждались председателем Совета министров Временного правительства князем Г.Е. Львовым.

В Курскую губернию в течение марта и апреля из Сибири возвратилось много политических ссыльных, бывших в ссылках по процессам 1905–1907 гг.: только по делу т[ак] н[азываемой] Щигровской республики возвратилось из ссылки около ста человек.

Кооптированные в исполнительные комитеты, в земские управы и городские думы некоторые члены I и II Государственных дум и видные политические деятели естественно были не удовлетворены случайными составами органов самоуправления. Поэтому в исполнительных комитетах был поднят вопрос о более правильном конструировании этого правительства в целях непосредственной и постоянной связи с широкими слоями населения. На предварительном совещании председателей исполнительных комитетов и комиссаров Временного правительства было выработано и принято положение о созыве «Губернского народного совета». По первоначальному расчету в него должны были войти как делегаты:

от уездных исполнит[ельных] комитетов по три дел[егата] от 15 уезд[ов] = 45;

от земских управ –"– – 2 · 15 = 30;

от городских дум –"– – 2 · 15 = 30;

от вол[остных] исп[олнительных] комитет[ов] по 3 · 16 вол. (средних [в каждом уезде]) · 15 = 720;

от уездных продовольств[енных] комитетов –"– – 2 · 15 = 30;

от волост[ных] продов[ольственных] комитетов по 2 · 16 · ·15 =480, что составило 1335 делегатов как основной выборный состав местного населения и как таковой уже однажды облеченный доверием коренного местного населения.

Кроме того, что в состав «Народного совета» по первоначальному же положению входили представители рабочих от всех заводов, фабрик, мастерских, а также и от воинских частей и от команд, хотя населения и не коренного, случайного. Участие элемента военного в вопросах самоуправления губернией было, конечно абсурдным, но таковы были революционные условия того момента, и считаться с этим было необходимо.

Кроме того, по мере подготовки и проведения выборов предъявляли свои права и требования послать в «Народный совет» своих представителей и кооперативы, кредитные товарищества, профессиональные общества и корпорации, как-то: общества врачей, агрономов, союз учителей, корпор[ации] присяжных поверенных и политические партии.

Таким образом, благодаря такому количеству организаций, число всех представителей достигало приблизительно четырех тысяч. А потому можно было действительно считать, что такое представительство явилось более или менее полным выразителем воли и настроения всего населения губернии данного момента.

III

И вот в мае месяце в том же зале дворянского собрания забушевало, как говорили тогда, «народное вече». Был созван «Парламент свободного штата» Свободного Российского Государства.

Со всеми особенностями российской стихии и первых месяцев революционной свободы начались заседания Губернского народного совета. Огромный зал едва вмещал съехавшихся со всех уездов делегатов. Высокие хоры, тянувшиеся вокруг всего зала, были переполнены губернской и уездной публикой. И полились неискусные, наивные, иной раз и курьезные речи <...> представителей крестьянства, рабочих, солдат.

Надо было слишком много усилий, напряжения воли, выдержки и такта для руководителей общими собраниями, чтобы эти собрания не приобрели характера митингов или волостных и фабричных сходок, чтобы дать им деловое направление, сделать их работу планомерной и продуктивной. И секретариату потребовалось много труда, чтобы многочисленные комиссии смогли выполнить работу, практически необходимую соответствующему моменту.

Только русская интеллигенция со своей любовью к народу, с ее великой терпимостью к широким народным массам, захваченным врасплох необычайно сложной общественной работой, могла поднять в те дни такую небывало напряженную работу: за две–три ночи сделать то, на что обычно и нормально потребовались бы целые недели. В течение нескольких дней было заслушано более сотни докладов, выра-

ботаны по комиссиям и приняты собранием десятки резолюций по вопросам организации и управления губернией.

С приветствием «Народному совету» от имени Временного правительства и с докладом по политическому положению в стране выступил министр Временного правительства Некрасов.

Но наиболее важным и главным постановлением Народного совета было принятие постановления об образовании в губернии единой народной власти в лице губернских и уездных исполнительных комитетов. В эти исполнительные комитеты вошли все представленные в Народном совете организации пропорционально действительному количеству их избирателей. Представители от рабочих, солдат и политических партий также вошли в общий состав исполнительных комитетов на равной, обязательной для всех, пропорциональной основе. Таким образом, благодаря принятой единственно правильной и справедливой пропорциональной системе, естественно, в исполнительном комитете подавляющее большинство было представителей крестьянства. Связанные с губернией и своей жизнью, и своим происхождением, они придали исполнительному комитету тот постоянный состав и устойчивость настроений, которые и дали комиссарам Временного правительства, работавшим в полном контакте с исполнительными комитетами, уверенность в поддержке общественных сил и местного населения. Благодаря этому же Курская губерния избежала изменения соотношения общественных сил, их персонального состава и тех тяжелых потрясений, которые были в других местах. <...>

IV

Такой не только свободной, но и нормальной жизнью жила Курская губерния весь ноябрь и декабрь месяцы.

Несмотря на то что Временное правительство и формально, и фактически перестало существовать, комиссары Временного правительства исполняли свои обязанности или в качестве председателей комитетов общественной безопасности, или представителей исполнительных комитетов.

Но то, чего избежала Курская губерния, не избежала вся центральная Россия, где наряду с властью общегосударственной и преемственной (властью Временного правительства)

возникла и другая – власть Совета рабочих и крестьянских депутатов – то двоевластие, которое, кстати сказать, и привело к роковому конфликту, к той государственной трагедии страны и народа, каковым явился сначала октябрь, потом разгон Учредительного собрания и, наконец, Гражданская война со всеми ее последствиями. <...>

ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 115, л. 1 – 6.

Воспоминания матроса Ф.Д. Сорокина «Тамбовская губерния, Усманский уезд в период с марта по октябрь 1917 г.» [Вторая половина 1920-х гг.]

Февральская революция застала меня в Петербурге, вернее даже нет – в окрестностях Петербурга.

Предпочитая работать в провинции, в особенности среди крестьянства, я с большим удовольствием встретил постановление Главного морского штаба о командировке матросов Гвардейского экипажа, призванных из запаса, по заводам, работающим на оборону. Я взял командировку на Новопокровский сахарный завод. <...> Завод находится в 14 верстах от с. Борисовка, места моей родины. 25 марта я прибыл домой в Тамбовскую губернию. Крестьянство смутно тогда еще представляло себе, что произошло в Петербурге. Они знали, что Николая на престоле теперь нет, но кто вместо него правит Россией, они совершенно не знали.

Крестьяне в подавляющем большинстве нашего уезда также не знали, что теперь им делать, хотя в сознании было у них, что делать все-таки что-то нужно, правда, их еще отвлекал тогда от общественных и политических вопросов весенний сев. Крестьяне видели, как по волостям и селам проезжали из Усмани солдаты и разоружали стражников, урядников, приставов и земских начальников. Но этого ничего не предпринималось.

Волостные старшины и сельские старосты не знали еще, оставаться ли им на своих местах или, как старорежимная власть, должны уйти. Встретившийся в Мордове купец Придорогин ругал на чем свет стоит Петербургский Совет рабочих и солдатских депутатов, называя их мошенниками, негодяями и грабителями. А борисовский сельский учитель старик Маречков, не имеющий ничего общего с Придорогиным,

при первой со мной встрече ругал социалистов-революционеров, даже был за то, чтобы их расстреляли (теперь большевики с ним согласны), в то же время восхвалял кадетов и, в частности, Милюкова. Рабочие Новопокровского сахарного завода приглашают попа на завод отслужить молебен и принять присягу Временному правительству. Не случайно я в этот вечер оказался на заводе: за поздним временем было решено, [чтобы] митинг, который просил я созвать, состоялся лишь после молебна и присяги. Я до молебна мог только немного поговорить с рабочими, собравшимися у заводской конторы, их было человек 20–30. Я коснулся и присяги, критикуя ее. Приглашают в здание заводского театра, поп уже там, приехал <...> и хор певчих, там будет молебен, присяга, затем митинг. Вхожу в помещение, администрация, служащие и рабочие завода – все налицо со своими семьями, разодетые по-праздничному. Хотя, может быть, был действительно праздничный день, точно не помню. Кончился молебен, поп извещает, что сейчас начнется присяга. Я крикнул: «Батюшка, огласите текст присяги!»

– А для чего вам? – обращается ко мне поп.

– Желательно знать.

Но в это время подходит ко мне один из присутствующих, отрекомендовавшись членом заводского комитета, попросил меня замолчать, иначе он примет соответствующие меры, ибо я нарушаю общественный порядок. Я извинился. Может быть, я и нарушаю порядок, но очень жаль, что этими порядками занимаются члены заводского комитета. Сказав ему, я вышел. За мной вышли, не желая принимать присяги, все те рабочие –человек 20–30, – с которыми я беседовал перед молебном у здания конторы. После присяги певчие поют «Марсельезу» и еще какую-то из революционных песен. Затем начался митинг. Я выступил первым. Должен заметить, что по заводу были развешаны в рамках, даже под стеклом, воззвания заводского комитета к рабочим и служащим завода. Комитет призывает рабочих и служащих напрячь все силы, чтобы помочь армии победить врага (немцев); мы не должны кончить войны, пока в руках России не будут Дарданеллы и Константинополь. В своей речи на тему дня я касаюсь роли рабочих в революции, а также не минул присяги и воззвания заводского комитета о завоевании Дарданелл и Константинополя. Напряженное внимание рабочих

и буря негодования высшей администрации завода. Рабочие дружно кричали: «Замолчать!» Не мешать оратору. По окончании речи рабочие устраивают овацию, качают меня и громко кричат «ура!». Симпатия рабочих была завоевана. На следующий день директор завода извинялся передо мной за вчерашнее и разговаривал уже другим языком. А на предыдущем собрании рабочих и служащих Новопокровского завода меня единогласно при закрытой баллотировке избирают в заводской комитет, и все собрание упрашивает меня принять на себя должность председателя комитета. Я не мог на это согласиться, ибо меня оторвало бы это от работы в крестьянстве. Но, несмотря ни на что, меня все провели членом культурно-просветительной и народно-строительной комиссии. В то же время на Эртильском сахарном заводе <...>, находящемся в одной версте от с. Бобровка, куда я тоже заглядывал, рабочие, точно не разбиравшиеся в идеологии политических и социалистических партий, еще пели дифирамбы Милюкову. Поэтому и не удивительно, как в первые дни моего приезда в Борисовку одна из крестьянок нашего села, встретив меня на улице, Христом Богом просила меня зайти к ним в дом на стакан чаю. Захожу вот, и Филипп, и Федя говорят мне: «Все мы тебя ждали, ждали, нам хочется с тобой поговорить». И со слезами на глазах нерешительно спрашивает: «Скажи, ягодка Федя, что нам теперь будет лучше или хуже без царя-то? Вот мы уже думали тут, и Филипп, и Федя, но никак придумать не можем». После моего объяснения старушка, глядя на иконы, набожно перекрестилась: «Слава Богу, что лучше будет», – при этом свободно полной грудью вздохнула. Впоследствии эта старушка, ее муж Филипп и сын Федя не пропускали ни одного митинга (когда были дома) или сельского собрания, когда я присутствовал на таковых. В то время пока старушка оплакивала низвержение царя, а она была не единственная в своем роде, теперь с увлечением слушала социалистов, весьма охотно посещает все собрания, на которых таковые выступают. Многие торговцы пришли к выводу, что их песенка теперь спета, и один из мордовских торговцев, человек, пользующийся большим уважением людей своего круга, любивший философствовать на разные темы, слыл за весьма начитанного человека, обращается ко мне от имени группы торговцев за советом: «Что им делать, т.к. они имеют все-таки солидные суммы денег?» Я предложил им сде-

лать так, чтобы их деньги принесли максимум пользы государству.

С окончанием весенних полевых работ крестьяне стали больше уделять времени политическим и общественным вопросам. Желание крестьян разобраться в происходящих событиях все расширяется и растет, а вместе с желанием разобраться в текущем моменте растет и желание к творческой созидательной работе. Свою работу пропагандистского, агитационного и общественного характера я начал в крестьянстве с Карпельской и Мордовской волостей, а затем работа развернулась шире. Первым передо мной стал вопрос об организации органов местного самоуправления временного характера. Для крестьян вопрос власти и формы ее был самым важным и насущным, но их также тревожила мысль, а получится ли единство действий крестьянства во всероссийском масштабе в форме создания власти на местах. Не могут ли крестьяне других волостей, уездов или губерний у себя принять другую форму организации органов власти – таковыми вопросами меня осаждали крестьяне со всех сторон. Я приступаю к составлению инструкции сельским и волостным исполнительным комитетам, по составлении я съездил в Тамбов в губернский комитет ПСР, получив одобрение и директивы от председателя Тамбовского губернского комитета ПСР Николая Николаевича Бабина. Вернувшись из Тамбова, я приступил к проведению выборов в сельские и волостные исполнительные комитеты в Карпельской и Мордовской волостях. Для успешной работы и координированных действий работал в других волостях. В половине апреля 1917 г. я созываю в селе Мордова районный крестьянский съезд, куда явились представители 7–8 волостей: Карпельской, Мордовской, Ново-Никольской, Чемлыкской, Талицкой, Сафоновской... а еще не помню, были ли от каких. Я был избран председателем съезда. На съезде разбирались следующие вопросы: текущий момент, инструкция органам власти на местах, продовольственные и в связи с появившимися ночью, перед днем открытия съезда в Мордове, листовками, призывавшими к погрому лавок, магазинов и складов, а также и к погрому помещичьих имений. Перед съездом стал вопрос о борьбе с контрреволюционными группировками и отдельными элементами, призывающими и провоцирующими население к погромам. По первому вопросу съезд высказался за укрепле-

ние и проведение в жизнь лозунгов, провозглашенных рабочими и солдатами Петербурга, на местах же немедленно приступить к выборам, где еще нет таковых, в сельские и волостные исполнительные комитеты. Первые избираются общими сельскими сходами всех граждан от 18 лет (мужчин и женщин) с расчетом один представитель от 100 жителей.

[В] деревнях, где жителей меньше трехсот, исполнительный комитет избирается из трех лиц. В селах с большим населением исполнительные комитеты выделят из себя президиум из трех лиц: председателя, заместителя и секретаря, первый считался сельским комиссаром. Волостной комитет избирается волостным собранием всех сельских комитетов в целом, последующим и решаются все волостные дела, такого рода организации съездом признавались временными до созыва Всероссийского Учредительного собрания. При решении продовольственного вопроса съезд учел следующие положения: как результат войны, а затем и революции, ухудшение железнодорожного транспорта неизбежно, а это влечет естественное ухудшение экономического положения по всей стране, чтобы обеспечить население данного района хоть минимальным количеством продуктов крестьянского потребления, необходимо теперь же приступить к проведению в жизнь данного постановления.

Съезд избирает продовольственный орган из трех лиц, я вхожу в качестве председателя данного органа, орган представляет из себя не что иное, как продовольственный районный комитет. <...>

Съездом была принята целиком мной написанная инструкция сельским и волостным исполнительным комитетам, с введением лишь еще пункта о борьбе с провокационными действиями контрреволюционных элементов с их призывом на погром помещичьих имений и торговцев. Из нескольких пунктов инструкции отмечу следующие: о соблюдении женского равноправия и о контроле сельскими и волостными исполнительными комитетами помещичьих имений, как имущества, так и ведения хозяйства, главное – обработки полей. Нарушение ведения установленного нормального хозяйства в имениях, а главное – плохая обработка полей, рассматривается как контрреволюционное деяние помещика, наносящее экономический ущерб России, а тем самым революции. Запущенные помещичьи земли и незасеянные, которые по-

мещики не хотели обрабатывать, исполнительный комитет обязан взять под свое ведение и силами общества убрать хлеб с вычетом за работу, сдав его затем государству. В имениях движимое и недвижимое имущество, живой и мертвый инвентарь как народное достояние должно [быть в сохранности].

Должен сказать, что после районного крестьянского съезда работа мне до некоторой степени облегчилась, ибо крестьяне постановления съезда считали для себя законом. До созыва съезда я встречал и таких крестьян, которые мне говорили: «Чем тебе ездить по селам да волостям уговаривать-то нашего брата, лучше бы вы, раз уж там царя сбросили, прямо бы и писали из Петербурга нам приказ: сделать вот мол то-то и то-то. Старшин, старост – к черту, вместо них выбрать комитет. Ясное дело: мы [бы] подчинились и без всякой этой вашей... Если же помещиков долой, так бы и писал в приказе – помещиков долой, а уж мы-то тут с ними разделались [бы] как нужно». Хотя подобных крестьян я встречал не так уж чтобы много, но характерно отметить, что некоторые из таковых крестьян затем выступали ярыми общественными деятелями и заслужили уважение общества, каков был, например, Никиша Шевляков, крестьянин села Борисовка, секретарь сельского исполнительного комитета, очень толковый и разумный работник, хорошо затем осознавший <...> настоящей революции и интересы трудящихся. Насколько были велики желания крестьян разобраться в событиях, говорят следующие факты: меня посещали каждый день от крестьян разных сел с просьбой приехать к ним на собрание, таковых просьб было столько, что я не имел возможности их удовлетворить. Сами крестьяне перевозили меня из села в село. На собраниях такое внимательное отношение к оратору, что мне приходилось говорить по нескольку часов подряд. Например, в с. Больш[ая] Даниловк[а] Карпельской волости в первых числах мая 1917 г., несмотря на скверную, холодную, с дождем и снегом погоду, крестьяне собрались со всего села, было много и женщин. Просторная крестьянская изба и не менее просторные сени не вместили всех слушателей, из них очень многие стояли под мокрым липким снегом, к вечеру совсем перешедшим в дождь, у открытых окон. На этом собрании я говорил с десятимин[утным] перерывом ровно 7 часов, с двух дня до 9 вечера. На собраниях, помимо внимательного вслушивания в речи орато-

ров, крестьяне задавали целый ряд вопросов. Вопросы их были весьма разнообразны и существенны, в общем, они были таковы: «А что, если мы выбираем человека в Учредительное собрание, а он потом не нашу руку будет держать там?» <...> Весьма интересовал крестьян вопрос о судах, об органах местного самоуправления, как эти вопросы разрешит Учредительное собрание. Они хотели знать это наперед, сами же крестьяне, не намечая организационных форм местных органов самоуправления, лишь твердили одно и делали, чтобы так это и было: все народное, и нужно так, чтобы и сам народ все решал. У Бога-то все мы люди-то одинаковые, но чтобы всем делать-то заодно нужно, вот главное что. Я подчеркиваю, какое громаднейшее желание у крестьян к единству действий: во всероссийском масштабе всех трудящихся – к единству организационных форм местного народного самоуправления. Помимо вопросов общих, политических, поднимались вопросы частного характера. <...>

В селе Малая Даниловка одна солдатка на сельском собрании, по окончании моей речи пробившись к столу, дрожащим от гнева и обиды голосом стала жаловаться мне на своего соседа богача, к которому она неоднократно обращалась с просьбой дать ей заимообразно до нови[ны] пуда два муки ржаной, первое время сосед отказывал, а затем согласился дать не только взаимообразно, но и безвозмездно, если только солдатка станет с ним жить, а однажды, путем обмана зазвав ее в амбар, якобы отвесить ей просимой муки, хотел там изнасиловать ее. И вот теперь она жалуется мне в присутствии всего общества на того самого богача-крестьянина, который ради удовлетворения своих похотливых чувств хотел воспользоваться бедственным положением женщины, у которой отсутствует муж. Обиженная, оскорбленная и подавленная своим безысходным положением, она просит меня защитить ее, указывая на богача-крестьянина <...> Буря негодования охватывает собрание, голову ему свернуть за это... Богач-крестьянин со слезами просит прощения у меня, а затем, обращаясь к присутствующим крестьянам: «Ну что же, старички, грех да беда с кем не была». И, наконец, обратившись к солдатке, он стал говорить: «А вот насчет амбара ты уж много лишнего наговорила, я только и всего тебя за груди подергал». Кончилось тем, что богач попросил прощения у солдатки и у собрания. Но чтобы повадно не было, крестьяне

назначили его, не помню точно, на полгода или меньше, в церковные сторожа, а солдатке богач сам обещал до нови[ны] выдавать хлеб. Крестьяне затем расходились мирно, солдатка чувствовала себя удовлетворенной, доволен остался судом и крестьянин-богач.

А в Подворской волости и в селе Александровка Ново-Никольской волости некоторые крестьяне спрашивали меня: «Могут ли они не дать помещичьей земли, находящейся в их районе, крестьянам других сел, близ которых нет помещиков». Мотивы были таковы: наши отцы были крепостными этих самых господ, земля которых должна нам принадлежать, тогда как крестьяне по соседству, у которых нет помещиков, были государственными людьми, свободными, так вот им тогда лучше жилось, а наши отцы были в неволе, теперь пусть будет наоборот. <...>

Большое недовольство у крестьян было попами, и ни одно крестьянское собрание не проходило, в той или иной степени не коснувшись попов. В большинстве сел крестьяне сельскими обществами и приходами в целом устанавливали определенную таксу, как деньгами, так и натурой, взимаемую попами за требы, а общинные земли, которыми пользовались попы, отбирались крестьянами в первую очередь или же уравнивались с крестьянскими наделами той же общины.

В некоторых селах на собраниях поднимался вопрос о расстрижении попов по желанию общества и выборах нового, и в то же время крестьянами, желавшими срезать косу своему попу, первые выборы в сельский исполнительный комитет и вообще начало первой творческой революционной работы начиналось с благодарственного молебна, совершаемого тем самым попом, которого они готовы расстричь.

Вслед за исполнительными комитетами сельских и волостных, встал вопрос и о суде. Суд для крестьян являлся потребностью, ибо некоторые, считавшие себя обиженными царскими судами, будь то суд волостной, и теперь хотели восстановить истину, другие же, зная, что всегда побеждает сильный, а по сему и подчиняясь существовавшему тогда фактически таковому закону, не хотели доводить дело до суда, а теперь, с падением старого режима, когда должна существовать только правда, и они хотели этого справедливого суда и, наконец, разрешения семейных скандалов: невестку со свекром и свекровью или наоборот, брата с братом, деверя

с невесткой и невестку с деверем, так и вплоть до супружеских распрей и разводов. Точно теперь не помню, было ли это предусмотрено ранее или потом введен еще один пункт к инструкции сельским и волостным комитетам «О судах», опять-таки временного характера: «Сельский исполнительный комитет принимает все, от него зависящее, [чтобы] склонить к мирному разрешению спорного вопроса враждующих. Комитет должен действовать всегда путем склонения и разъяснения спорного вопроса, для чего комитет поручает одному или двум своим членам комитета (может поручать и не членам комитета) приблизительно разобраться в сущности спорного дела и осведомить об этом исполнительный комитет. Последний вызывает к себе обе враждующие или спорящие стороны». <...> В с. Борисовка мне пришлось однажды присутствовать на заседании сельского исполнительного комитета, где склонялись к мирному разрешению спорных вопросов между невесткой, свекром и свекровью. Соглашение было достигнуто, враждующие были удовлетворены, крестьяне были очень довольны действиями исполнительного комитета. <...>

ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 483, л. 1–6.

Из воспоминаний С.И. Верещака «О революции в Закавказье и роли Советов в ней» [Вторая половина 1920-х гг.]

<...> В Совете рабочих депутатов социал-демократы были в большинстве. Социал-революционеры были там представлены единицами, поэтому Совет рабочих депутатов целиком находился в руках социал-демократов. В Совете же солдатских депутатов влияние принадлежало социал-революционерам, и этот Совет считался эсеровским. Влияние этих двух учреждений на дела тоже было неодинаково. В то время как Совет солдатских депутатов располагал определенной реальной военной силой, могущей всякое свое решение поддерживать в любой момент; Совет рабочих депутатов такой силой не обладал, но значение его как рабочей организации, в смысле моральном и политическом, было очень велико.

Совет рабочих депутатов был организован раньше, чем Совет солдатских депутатов. Произошло это так: 3 марта 1917 г. вечером социал-демократы созвали организационное

собрание в помещении Кружка по устройству грузинских народных спектаклей (Михайловский проспект, д. 120). Собрание это было полулегальным. На нем были представлены случайные представители районов и отдельных фабрик и заводов. На этом собрании было постановлено создать Совет рабочих депутатов. Город был разбит на пять районов: Вокзальный, Навтлугский, Михайловский, Ортачальский и Верийский с Головинским проспектом. Была избрана комиссия по выборам, которая должна была срочно закончить выборы. На этом же собрании решено было разоружить полицию и жандармов и организовать народную милицию.

4 марта состоялось первое заседание рабочего Совета под председательством Чиаберова (с.-д.), и было решено созвать общенародный митинг в Нахаловке (предместье г. Тифлиса) для информирования граждан о происходящих событиях и избрать Временный исполнительный комитет в составе 15 человек. 10 избраны из собравшихся депутатов, а 5 кооптированы из партии с[оциал]-д[емократов].

Совет солдатских депутатов был организован в марте. Прежде чем сказать, как он был организован, нужно отметить, что в Тифлисе никаких революционных военных организаций до переворота не было. Организации Совета предшествовали следующие обстоятельства: по приказу канцелярии наместника губернатор и комендант города запретили газетам писать что-либо о перевороте. Город, а тем самым и край, был практически изолирован от событий. Между тем слухи о совершившемся наводняли город и передавались в войска. Создавалась скрытая тревога. 28 февраля из штаба фронта была разослана секретная телефонограмма начальникам инженерных и артиллерийских мастерских следующего содержания: «Предписываю всем г[осподам] начальникам инженерных и артиллерийских учреждений срочно донести лично мне о настроениях рабочих вверенных Вам учреждений в связи с циркулирующими по городу слухами о происшедшем якобы перевороте в Петрограде. Подписал генерал Болховитинов».

1 марта комендант г. Тифлиса ген. Габаев разослал следующую телефонограмму: «Секретно. Никаких собраний не допускать. Ответственность за спокойствие в частях возлагаю на начальников и командиров таковых. В случае же выступления кого-либо из нижних чинов, вверенных Вам частей, фамилии последних немедленно сообщить мне». Эти

приказы, несмотря на их секретность, все же делались достоянием широких солдатских масс. В этот же день группа солдат социалистов-революционеров организовала митинг в арсенальных мастерских. Неожиданно был дан сигнальный гудок о прекращении работ. Солдаты, около 500 чел[овек], собрались во дворе и, несмотря на угрозы начальника мастерских генерала Родзевича, был устроен митинг. На митинге была избрана комиссия для связи с другими воинскими частями, главным образом со строевыми, и с социалистическими партиями. Одновременно в Инженерных мастерских, расположенных в Арсенальном районе, происходило нелегальное делегатское собрание солдат, руководимых тоже социал-революционерами, в количестве 20 человек. На этом собрании присутствовали представители от Штаба инженерных войск, Инженерных мастерских, Арсенала и тыловых автомобильных мастерских. Здесь решался вопрос об организованном выступлении войск Тифлисского гарнизона, было решено немедленно начать работу по организации войсковых революционных ячеек в строевых частях. Это было первое организационное собрание, на нем присутствовали люди, мало друг друга знавшие: Агапов, Гайдуков, Мартынов, Ключев, Черенов, Федоренко, Симонов, Ребрух, Лошкарев, пишущий эти строки, и др. Между тем в городе продолжала царить какая-то порождаемая слухами неразбериха. Высшее начальство издавало страшные приказы, угрожая тюрьмой, военными судами всем и каждому, и т.д., но этим приказам и угрозам значения уже почти не придавалось. Чувствовалось, что угрозы эти приводить в исполнение уже некому, и сами издающие их тоже, по всей вероятности, [считали], что это простая и, может быть, последняя их обязанность. Так население держалось в атмосфере слухов и догадок до 3 марта.

3 марта наместник Кавказа б[ывший] в[еликий] кн[язь] - Николай Николаевич через городского голову А.И. Хатисова заявил открыто о совершившемся государственном перевороте особым объявлением. Это коротенькое объявление было отпечатано, расклеено по городу. В нем население призывалось к соблюдению порядка и к принятию верховной российской власти в лице Комитета Государственной думы. С этого дня Закавказье вступило в новую эру всероссийской революции без всякой борьбы, не пролив не единой капли крови.

Попыток к каким-либо выступлениям население не дела-

ло, над дворцом продолжал висеть Георгиевский штандарт б[ывшего] вел[икого] князя, наместника Его императорского величества на Кавказе. Темп жизни не изменился. Мирное течение жизни первые два-три дня не менялось. Уличный обычный порядок не нарушался. Вечером этого дня в казарме Инженерных мастерских состоялось делегатское собрание представителей от 15 воинских частей. Для того чтобы не допустить это собрание, начальник артиллерийских снабжений генерал Афанасьев выставил сторожевое охранение, но сторожевые охранения приняли на себя охрану собрания от начальства. Генерал Афанасьев на это время должен был скрыться.

5 марта, согласно решению Советов рабочих депутатов, был созван митинг всех граждан на площади Нахаловки, у театра <...> Огромная площадь была заполнена народом. Был ясный солнечный день. На специально сооруженных трибунах выступали ораторы от разных социалистических партий, преимущественно социал-демократы и социал-революционеры, главным образом рабочие, толпа спокойно слушала. Военных было много. Некоторые мелкие воинские части явились под командой своих командиров, их приветствовали криком «ура». Крупные войсковые части, особенно строевые, из казармы не выпускались по приказам начальников. Единственной крупной воинской частью, присутствовавшей на митинге, был караульный батальон, который почти в полном составе явился на митинг. Военных ораторов было мало, выступали только солдаты, представители делегатского собрания. На этом митинге впервые встретились солдатские и рабочие делегаты. <...>

ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 291, л. 6–10.

Проект выступления представителя Союза врачей на Государственном совещании в августе 1917 г. [03.08.1917] [Не позднее 12–13 августа 1917 г.]

После мозгового переутомления сознательных русских людей за время долгой войны дворцовая революция, связь между партийными доктринами и стремлениями народных масс создали острый психоз.

Даже люди, свободные от классовых предрассудков и отличающиеся дисциплинированной мыслью, более или менее

подчинились господствующему настроению и утратили в большей или меньшей степени объективность по отношению к тому хаотическому состоянию страны, из которого необходим срочный выход.

Отчасти загипнотизированная неожиданно сильным колебанием основ общественной жизни научная мысль и этот заразительный психоз являются главным тормозом к проявлению реального взгляда и, следовательно, ускоренного выхода из патологического, аморфного, беспомощного состояния государства. <...>

Для немногих общественных медиков, сумевших сохранить самостоятельность и независимость мысли, отличающихся государственным умом, остается ясным, что выхода из патологического состояния нельзя искать у многочисленных масс, классов и партий, находящихся в состоянии психоза, что нужно, наблюдая и находясь вне их болезненного состояния, найти выход, исходя из реального взгляда на общественную структуру, ее законы и на обстоятельства, могущие способствовать благополучному разрешению кризиса. <...>

Не поддаваясь общему психозу, мешающему постигнуть правду до конца, можно кратко определить его сущность, заключающуюся в том, что к государственному строительству или реформам государственного строя массы, классы и партии стремятся приступить, основываясь только на волевом начале, полагая, что воля большинства определяет общественную структуру, в то время как воля каждого человека является незначительным, подчиненным человеческой природе элементом.

Эта воля большинства в своем патологическом состоянии и нуждается в воздействии на нее с целью ее отречения от насилия над естественными законами общественной природы.

Воздействие на это болезненное проявление воли путем глубокого влияния на сознание может быть трояким:

Либо упорство ослабевает от страданий после коренного разорения страны и большинство в конце концов подчиняется законам общественной структуры, руководствуясь наблюдением, переиспытанием на себе их влияния, их непобедимости. Такое воздействие связано с многолетним периодом постепенного прояснения сознания у масс под влиянием тяжелых испытаний.

Либо упорство больной воли может быть сломлено внешней причиной, каковой в настоящем случае является бессоз-

нательное подчинение воли русского народа силой германской культуры.

Либо, наконец, путем локализации бессознательной воли большинства меньшинством, для которого требуется более краткий период для осознания непреодолимости законов общественной структуры. <...>

Пятимесячного периода оказалось для меньшинства недостаточно.

Сознательные люди находятся еще под некоторым влиянием господствующего настроения, и реальная мысль признается даже людьми, способными к объективному, беспартийному мышлению, до некоторой степени еретической, или контрреволюционной. Патологическое состояние и аккомодация к большинству с недисциплинированной волей вызывается шаткостью убеждений и угнетающим фанатизмом политической религии, стремящейся к борьбе с общественной структурой во имя святости общественного идеала.

Ясно, что не освободившееся от заразы меньшинство не может воздействовать на патологическое состояние большинства, страдая одинаковым с ним заблуждением относительно роли волевого начала. В этом заключается весь драматизм настоящего момента русской истории.

Когда в центре государства коллективный интеллект в лице Совещания должен внести поправку и нравственно подкрепить власть представителей меньшинства, [причем] подробное перечисление явлений, подтверждающих правильность поставленного диагноза, играет главную роль. <...>

Идя на уступки господствующим заблуждениям и ложным теориям, уже обнаружившим свою несостоятельность, не говоря громко и ясно всего того, что может в последние минуты политической агонии спасти родину от германского ига, голода и братоубийственной революции, трезвые русские люди не смогли бы решить своей сложной и почти неразрешимой задачи.

Объективное признание государственных основ превращает каждого честного вождя в государственного человека, в минуты общественного психоза становящегося вне его болезненного влияния для того, чтобы проявить ясное понимание, твердое убеждение, спокойную совесть, с какой и ученый медик приступает к своей работе, не поддаваясь влиянию и воле пациентов во имя их блага и их исцеления. <...>

Для характеристики общественной психопатологии достаточно указать, что грабежи, воровство, как нарушение права собственности караются строго – законами и даже толпой. Но в тех случаях, когда те же действия входят в программу политической партии, эгоизм толпы купирует роль уголовного закона, надолго закрепляя благородными мотивами увеличивающуюся преступность; те же грабежи, которые нарушают интересы партий при бегстве армии с фронта, снова признаются ужасающими по своему уголовному характеру.

<...> Если встать на государственную точку зрения и признать, что спешная необходимость предотвращения гибели требует твердой власти, не считающейся с патологической волей большинства, для обуздания этой власти во имя народного блага, то неизбежным выводом представляется безусловная необходимость для этой цели и того же блага в отсрочке созыва Учредительного собрания до конца войны, так как Учредительное собрание в данный момент явилось бы выражением патологической воли народа. <...>

Недопустимо сначала ослаблять стойкость и военный порядок «революционной дисциплиной», ибо потом, когда армия представляет собой толпу, лишенную авторитетов, и бежит, ее приходится воодушевлять пулеметами, а не угрозами. Недопустимо проявлять насилие благородной воли для разрушения законов буржуазного строя, ибо политический спорт приводит снова к подчинению этим законам, игнорирующим организованную волю, все разрушавшую в припадке психоза, и представляющим вновь все воссоздавать тем [людям], которые не поддались патологическому влиянию.

<...> Необходимо помнить, что сильная власть существовала при монархическом строе, но находилась в порочных руках. Демократическое правительство может защищать страну от контрреволюции не путем искусственной поддержки смутного периода, называемого революцией, а потом возвращенному к тому моменту, когда организованная твердая власть была воспринята Государственной думой и избранным ею правительством. <...> Таким образом, русский национальный флаг должен немедленно взвиться как знамя демократического государства в доказательство того, что Россия еще не погибла в угоду Интернационалу и управляется трезвыми друзьями народа <...> во имя твердой власти по примеру более опытных и культурных союзных демократий.

Военное положение, объявленное для всей России, должно способствовать военному положению на фронте. Целью низвержения царя во время войны было спасение России от большевистских царицы и царских прислужников. Военные неудачи вызывались разрушительной деятельностью предателей в тылу и на фронте. Как только власть царя была аннулирована, поставленная цель была отодвинута на второй план и объявлена война новому врагу – буржуазному строю, представители которого составляют, как справедливо объяснил глава правительства, «мозг русской армии». Но они также и носители русской «законности», «плоть от плоти русской интеллигенции».

Талант, «творчество», сознательная культурная работа были переданы солдатам и рабочим ...>. Совещание, говоря объективно, до тех пор не достигнет своей цели, пока не прекратится унаследованное от старой власти «натравливание реформаторами одной части населения на другую» и пока демократическое правительство не ограничится во время войны той целью, для которой оно заменило прежнюю власть.

Если правительство отделается от давления господствующего психоза и победит свои чувства по отношению к буржуазии, которая родила свободу во всех странах ранее, чем каждый народ в ней нуждается; если правительство исправит ошибку по отношению к «мозгу» тыла, как оно исправляет [ее] по отношению к «мозгу» русской армии, и мучительная ампутация головы народа прекратится, – цель Совещания будет достигнута, и тогда правительство, несмотря на крутые меры, станет сердцем России. <...>

Отсюда ясно, что для исцеления при столь тяжелом и сложном положении нужен правильно поставленный диагноз и устранение причин, вызвавших это положение. <...>

ГАРФ. Ф. 881. Оп. 2. Д. 55.

Стенограмма заседания Демократического совещания по национальному вопросу. 19–20 сентября 1917 г.

Председатель [Чхеидзе]: Объявляю заседание открытым. Слово имеет т. Токумбетов, представитель Всероссийского мусульманского военного совета.

Токумбетов: Товарищи, здесь на Всероссийском демокра-

тическом совещании, представляющие мусульман-военных, вкрапленных в русскую армию, хотим выразить перед лицом всей российской демократии то, что накипело у нас на душе, чем мы, российские граждане больны, какие средства к исцелению русского недуга мы предлагаем. Еще на бывшем Московском государственном совещании, наряду со всей российской демократией, мы высказали свои соображения, а также присоединились к общедемократической платформе, оглашенной товарищем Чхеидзе.

Товарищи, поистине грозен и смертельно опасен момент: внешний враг угрожает бытию не только революции, но и - целостности всего нашего государства. Внутри, в армии развал, разруха в экономической и промышленной жизни; нужно единение всех живых сил страны, нужны совместные усилия всех граждан для спасения родины и революции. Мы, мусульмане, так называемые инородцы, всегда стояли на страже, как нашей общей родины, так и на страже дорогой нам свободы, но нас или не знали, или не хотели знать. Но, граждане, вы, представители, всей демократической России, должны знать, что в нас, так называемых инородцах, не державных народах, вы имеете самых верных, самых последовательных защитников тех идей, за которые вы боретесь. В прошлом, мы, инородцы, не державные народы, более чем кто-либо, страдали от старого режима, и, конечно, не нам вернуться, не нам отстаивать ушедший в пропасть старый порядок. Тяжела минута, соответственно тяжела и ответственность организованной революционной демократии. Только организованная демократия объединенными усилиями всех способна спасти несчастную родину. Первейший вопрос, который мы должны здесь разрешить – это проблема власти, о том, какою она должна быть; приводилось много доводов, приводить еще их нам – совершенно излишне. Мы хотим только сказать, что власть у нас должна представлять все живые силы страны. Только в единении всех совместных усилий всей России возможно спасение родины, а потому власть должна быть коалиционной. Но были у нас коалиции в прошлом. Настоящая коалиция должна иметь несколько другой вид, другой характер; в нее не должны входить те элементы, те группы, которые скрыто или явно, активно или пассивно принимали участие в последнем покушении на молодую свободную российскую республику, покушении, которое име-

нуется корниловским военным мятежом. Все силы должны быть привлечены к спасению родины, а потому при спасении родины не должны принимать участие враги революции.

Другой, не менее важный вопрос, от разрешения которого зависит не только бытие наше, бытие свободной России, но и наше дальнейшее самостоятельное государственное существование – это вопрос о тех средствах, какие нужны для возврата былой мощи нашей армии. Временным правительством и революционной демократией принималось много мер к оздоровлению, поднятию боеспособности армии. Мы полагаем, что все эти меры не привели к желательным результатам; вы сами в этом убеждаетесь каждодневно. Мы, конечно, не отрицаем полезности и целесообразности тех мер, которые принимались Правительством, но они нам кажутся недостаточными. Конечно, мы совершенно не отрицаем громадной роли всех военных революционных организаций, громадную роль института комиссаров, мы только хотим сказать, что роль всех этих институтов и этих организаций недостаточна для возврата боевой мощи нашей армии. Не словом, через посредство агентов правительства, комиссаров, не железом, не кровью, каковые попытки были сделаны путем карательных экспедиций, против не желающих повиноваться местной власти воинских частей, не этим нужно и можно исцелить недуг армии. Быть может, и эти средства играют свою положительную роль, мы их не отрицаем, и не оспариваем, но предлагаем со своей стороны выход. Как вам известно, российская армия состоит не только из державной народности – из русских. В российской армии участвуют все силы страны, все населяющие Россию народности. Мы полагаем, что главный корень зла, главный недостаток, дезорганизация армии, лежит в отсутствии доверия солдатских масс к командному составу. Чем же можно завоевать доверие? Я говорю: ни словом комиссаров, ни кровью, ни железом не было завоевано это доверие до сих пор. Мы предлагаем вам другой рецепт. Совершенно перестроить армию, хотя бы даже в боевой обстановке военного времени, на совершенно других принципах, на принципе национализирования армии. Только национальная армия, когда командирский состав близок по духу и по крови к солдатской массе, когда он сроднится с родной солдатской массой, только так реформированный командный состав может заслужить доверие сол-

дат; только так национализированная армия способна спасти родину от дальнейшего распада и развала. Только национализированная армия, объединяющая командный состав и солдатскую массу способна вывести Россию из тупика, в котором она сейчас находится. Не иллюзией, не праздной фантазией была наша попытка создать национальные мусульманские полки, государственно-полезная идея и государственная необходимость. Надо вам сказать, что нас, мусульман, в армии не менее миллиона, поэтому вы можете судить, какую грозную силу представляет миллионная дисциплинированная солдатская масса, связанная со своим командованием элементом взаимной веры и любовью. Точно также и другие национальности стремились к национализированию полков, но, к сожалению, до сих пор они и мы встречали только препятствия и нигде не встречали сочувствия. Только теперь, кажется уже с новыми веяниями и обстановкой, когда в прежних приемах возврата мощи армии изверились, теперь в лице нового военного министра товарища Верховского мы, кажется, встречаем сочувствие и уже принципиально разрешена возможность формирования национальных полков путем выделения их из армии. Вот, товарищи, в чем спасение, вот где возможен возврат былой мощи, и, вместе с тем, спасение родины. Мы встречали только препятствия: разгонялись наши мусульманские национальные комитеты, не разрешались нам съезды и чинились препятствия. Граждане, в нашей лояльности, в нашей великой любви к нашей великой родине не должно быть больше сомнения. Мы больше, чем кто-либо доказали свою лояльность и свою верность нашей великой родине. Эти самые обстоятельства требуют от нас, от демократии и от революционно-демократической власти доверия, лояльности по отношению к нам. Довольно подозрений, довольно недоверия. (Рукоплескания.) Создание власти сильной, опирающейся на широкие демократические массы – вот задача момента. Но эта вновь создаваемая власть не должна висеть в воздухе и при первых раскатах грома, как здесь указывалось, министры не должны подавать в отставку. Эта новая власть должна в нужные моменты найти поддержку в полномочной демократической организации. Поэтому на этом Демократическом совещании и должен быть создан орган, на который в нужные моменты вновь создаваемая революционная власть могла опереться. С другой

стороны, власть мы не можем вручить бесконтрольно, кому бы то ни было, поэтому перед этим органом должна отчитываться власть в нужные моменты. В виду этого мы предлагаем, чтобы настоящее Демократическое совещание оставило бы после себя орган, который в нужный момент служил бы опорой власти, а также контролем над ее действиями. Страна раздирается междоусобиями и взаимной борьбой различных элементов. Граждане, вы сами видите грозную опасность. Еще на Государственном совещании в Москве мы слышали предупреждения относительно возможности в ближайшем будущем краха и катастрофы на фронте: эти предупреждения пророчески сбылись. Вслед за предупреждениями мы имели испытания под Ригой, Якобштадтом и т.д. Быть может, мы стоим перед грозным моментом – потерей сердца России, потерей центрального нерва государства – Петрограда. Вам министр-председатель объективно ясно указал опасность момента. Поэтому без дальнейшего промедления мы все должны приступить к спасению родины. Каждый потерянный час грозит нам гибелью. В этот страшный час развала и разрухи, когда должны были быть напряжены все силы родины, в это время, когда уже начало было налаживаться взаимное доверие командного состава армии и солдатских масс – залог спасения родины – в этот самый момент на спину армии, в спину революции был вонзен нож Корниловским мятежом. Мы требуем, граждане, чтобы этот военный мятеж был ликвидирован беспощадно, чтобы была уничтожена самая возможность покушения в будущем на молодую российскую республику. Мы этого требуем от имени мусульманской солдатской демократии. (Рукоплескания.) В то же время мы не можем [не] упомянуть о том, что дальнейшее продолжение и ведение войны грозит нам, как бы наши силы не были объединены, хозяйственным крахом и финансовым банкротством. Мы, все граждане России, без конца поддерживать это тяжелое испытание не можем. Потому мы все должны быстрыми шагами приближаться к миру. В этом отношении средством скорейшего приближения к миру мы считаем решительную внешнюю политику на основах, провозглашенных еще в марте месяце революционной демократией. К сожалению, не все, что я хотел высказать, я имею перед вами возможность развить, так как время ограничено. Но нельзя не упомянуть об ошибках революционной власти,

сделанных ею в прошедшие месяцы со времени революции. К сожалению, эта революционная власть мало отличалась по так называемому отношению к инородцам, от старой власти, старого порядка. (Рукоплескания.) Я имею в виду ошибки Правительства в национальном вопросе. Нас заподазривают в антигосударственности, нас заподазривают в сепаратизме...

Председатель: Ваше время прошло давно уже. (Голоса: Просим.) Будьте любезны, товарищи, президиум уполномочен вами, строго держаться регламента, (Рукоплескания.) и поэтому он просит вас не заставлять его отступать от регламента, который уже принят. Слово имеет товарищ Величко – от украинской военной организации.

Величко: Товарищи, все то, что вчера сказали представители фронтовых организаций, все те требования, которые они выставили, мы, украинские солдаты, народ украинский, переодетый в матросские и солдатские шинели, поддерживаем, и заявляем, что если эти требования не будут проведены в жизнь, а, особенно, требования выставленные матросами, то тогда возможны будут и следующие кризисы власти. За неимением времени я не могу остановиться на разборке всех этих вопросов. Я хотел бы только обратить внимание на один вопрос. Здесь товарищ Войтинский говорил о рекомендации назначаемых начальников – при этом он больше говорил о комиссарах. Я скажу, что на единоличную рекомендацию полагаться нельзя, ибо, товарищи, мы уже имели примеры рекомендаций Савинкова, Филоненко и Корнилова. К чему эта рекомендация привела (Рукоплескания.), товарищи? Я думаю, и также на это смотрит вся та организация, которая послала меня, что здесь больше во внимание должны приниматься организации демократические, военные, которые больше видят и больше знают. Тогда будет не единоличная рекомендация, а в этом будут участвовать целые организации, которые знают данных лиц. Затем я еще хотел остановиться на следующем. Здесь товарищ Главнокомандующий Керенский [говорил], что в борьбе с темными силами, а я бы сказал, не только с темными силами, а вообще с теми, кто посягает на власть, у него нет средств для борьбы, тех средств, которые были у старой власти, у охранки. Товарищи, мне кажется это немножко неискренним, ибо мы знаем, что после корниловской истории на Юго-Западном фронте ни одна сотня томов дел арестована контрразведкой по чисто

политическим делам. (Рукоплескания.) Мало этого, товарищи. Мы имеем случай, когда власть, новая, революционная, задерживает инвалидов, уроженцев украинской губернии. Их задерживает в Петрограде контрразведка. (Голоса: Позор.) Для чего они их вызвали из-за границы, пускай сидели бы там, за границей, у врага, но не в тюрьме, и контрразведка не издевалась бы над ними, как это делается теперь. (Рукоплескания.) Я, товарищи, от имени трех миллионов украинских солдат здесь категорически протестую против этого. И если такие вещи будут повторяться, то украинские солдаты на фронте не могут стоять, если они будут знать, что их братья сидят в Петрограде, сидят в тюрьме инвалиды, которые пролили кровь за Россию. (Голоса: Верно. Рукоплескания). Товарищи, я не имею времени, так как нам, национальным организациям, несмотря на то, что мы представляем собой миллионы, дают очень ограниченное время. Поэтому я ограничусь только прочтением декларации. (Читает декларацию.)

«[I.] Горький опыт минувшего революционного времени, так блестяще кончившийся корниловщиной, это последнее доказательство того, что российская революция не может идти дальше по тому руслу, по которому ее насильственно толкали, задерживая прямой и естественный ее рост, буржуазные классы, партии и группы, в лице своих представителей у власти в центре и [на] местах.

Горький опыт осуществления идеи коалиционной власти, идеи сотрудничества с людьми, которых сама жизнь отмела сейчас же после крушения гучковщины и милюковского империализма, как негодные отбросы, это крупная, непростительная, быть может, роковая ошибка революционной демократии, которую надо спешить исправить, не медля ни минуты. Перед глазами всей страны, перед лицом демократии всего мира "высокодержавные" мужи из партии "Народной свободы" совершали каиново преступление перед страной, прикрываясь красивым флагом "народной свободы" и иудиной любовью к России. Стране памятны будут их бесконечные политические забастовки в кабинете, неоднократные бегства от власти как раз в те минуты, когда правительство делало решительные шаги в осуществлении своей программы, когда оно делало шаги навстречу интересам демократии Украины (декларация 3 июля), когда оно шло навстречу ин-

тересам демократии всей России (декларация 8 июля), в момент, когда перед ними оживал призрак осуществления программы Чернова, то есть, в тот момент, когда правительству нужен был максимум сил и энергии, когда кризис власти был губительным для завоеваний революции, был страшным риском для независимого существования страны.

Страна никогда не простит им подготовки участия в корниловской измене, их пилатовского умывания рук в минуты, когда необходимы были чрезвычайно крутые меры по отношению к предателям, когда нужно было высшее напряжение всех активных сил страны к предотвращению грозившей катастрофы. Страна также не простит и всероссийской революционной демократии, если она и после столь тяжелых уроков все еще будет искать сожительства и сотрудничества с фактическими предателями революции и Родины, променявшими последнюю на интересы международного капитала. Не место им больше у руля российской республики.

Революционная демократия должна бестрепетно стать на том посту, который уготован ей кровью народа еще в февральские дни. Вся власть должна перейти в руки революционной демократии и специалистов, ответственных перед революционным парламентом, который должен быть создан в результате Всероссийского демократического совещания для непрерывного функционирования впредь до созыва Учредительного собрания в назначенный срок. Отсюда, как прямой вывод ляжет на демократию тяжелое бремя войны, для прекращения которой не сделано до сих пор почти ничего со стороны правительства... Мы требуем от революционной власти решительных официальных шагов в сторону немедленного прекращения всемирной войны. Вместе с тем мы требуем немедленной отмены смертной казни.

Тяжелым бременем для революционной власти будет также немедленное проведение в жизнь коренных реформ в социально-экономической жизни страны, не терпящих отлагательства до Учредительного собрания.

Мы считаем, что радикальнейшим средством спасения страны от крайней степени катастрофической разрухи будет немедленное проведение в жизнь тех положений и требований, которые неоднократно были предъявляемы органами революционной демократии, которые в последнее время нашли наиболее яркое отражение в резолюциях Петроградско-

го, Московского, Киевского и многих других советов рабочих и солдатских депутатов.

II

В области разрешения национальных проблем в России вообще и, в частности на Украине, мы констатируем тяжелые ошибки российской революционной демократии.

С самого начала революции, как только украинская демократия стала выпрямлять свою спину, как только пронесся над воскресшей Россией вырвавшийся из недр украинского народа лозунг ее федеративного устройства, как прямое следствие ее воскресения со всеми многочисленными народностями. Российская революционная демократия не оказала нам поддержки, на которую мы вправе были рассчитывать, ибо она с первых дней революции обязала себя, по отношению к нам, провозглашением принципа самоопределения народов. Наоборот, в лице российской демократии мы неожиданно встретили оппозицию. Организацию среди солдат и крестьянских масс под флагом национальной территориальной автономии Украины, организацию под знаменем идей федерализма равенства всех народов России. Она долго нежелала пойти навстречу требованиям украинского народа в лице ее верховного революционного органа – Украинской центральной рады.

Российская революционная демократия своим равнодушием и чаще враждебным отношением к нашим насущным нуждам парализовала наши силы, отвлекла их от устремлений в области реорганизации социально-экономической жизни на Украине. Она не поддержала нас накануне первого универсала, оттолкнув протянутую нами руку. Она не поддержала нас в момент рассмотрения статуса о конституции Украины 16 июля, предоставив решать судьбу наших взаимоотношений баронам Нольде. Она допустила и помирилась с инструкцией Генеральному секретариату, нарушившей соглашение правительства с Украинской Центральной Радой, помирилась с актом, который ляжет несмываемым темным пятном на совести социалистов, подписавших его как знак империализма, захвата, насильственного отторжения от Украины губерний, заселенных в подавляющем большинстве украинским народом. (Голоса: Довольно. Рукоплескания.)

Во всем этом мы видим недоверие к нам, фатальное не-

понимание наших нужд, или нежелание понять, что в эти грозные минуты все спасение страны мыслимо лишь в организации всей России на новых началах, совершенно исключающих все то, что связано с бюрократическим централизмом. Мало того, в этом усматриваем воскрешение тени Петра I, которому принадлежит крылатая фраза: "Народ украинский зело умен, но от этого мы не в авантаже". В этом мы усматриваем испуг русской революционной демократии перед призраком свободного народа, пожелавшего подняться на такую высоту, чтобы иметь возможность стать рядом с господствовавшим народом. (Голоса: Довольно. Рукоплескания.) Этот испуг фактически мало отличается от испуга царских бояр и патриарха Никона, говорившего с тревогой, что «малороссиянин сам собой яко сатана стояти хощет». (Голоса: Довольно. Рукоплескания.) Мы обращаемся к российской революционной демократии: не воскрешайте вы тени давно истлевших предков, покрывших себя незавидной славой сатрапов. Прислушайтесь к голосу народов России, раздавшемуся в колыбели идей федерализма. Проникнитесь доверием к нам, поймите наши нужды, без удовлетворения которых мы не можем больше жить как нация. Дайте нам свою братскую руку, мы ее братски пожмем и пойдем вместе на баррикады (Голоса: Довольно. Рукоплескания.) обретать право в вечной борьбе. Наши требования к революционной власти: "Первое: немедленно утвердить статус о Генеральном секретариате Украины, принятый Центральной Радой 16 июля. Второе: утвердить генеральных секретарей по делам продовольствия, юстиции, путей сообщения, почт и телеграфов и военным делам. Третье: включить в компетенцию Генерального секретариата Екатеринославскую, Херсонскую, Харьковскую и Таврическую губернии. (Смех. Рукоплескания. Голос: Московскую, не хотите ли?)... Исключая Крым, установив для более точного размежевания принцип референдума..."» (Шум.)

Председатель: Прошу не мешать, товарищи, говорить. Прошу успокоиться, товарищи.

Величко: Товарищи, вы отнимаете у меня время. Мне дано только... (Шум.)

Председатель: Прошу с места не говорить.

Величко: (Читает)... «В области разрешения проблем реорганизации армии по национально-территориальному прин-

ципу российская революционная демократия должна также сделать коренную перестройку ценностей. Лозунг "Единство революционной армии" бездушен, когда армия разваливается по всем швам, когда нет внутреннего единства, моральных связей между отдельными ее частями. Внешнее единство, однообразие мундира и флагов, развевавшихся над армией – это не есть залог действительного внутреннего единства армии. С другой стороны, реорганизация армии по национально-территориальному принципу, по признакам национальным, не нарушает внутреннего единства, а, наоборот, укрепляет его. События под Галичем, Калущем, Станиславовым и на Румынском фронте, где бесстрашно гибли украинские полки, выдерживая всю тяжесть боя на своих плечах, где беззаветная храбрость украинских частей, не исключая и тех, кого провокация окружила ореолом славы дезертиров, констатирована даже генералами Брусиловым, Рагозой, Черемисовым, Щербачевым и другими. События под Ригой, где безнадежно жертвовали собой вкрапленные в общей массе украинские, латышские и другие национальные части; выступления Корнилова, когда украинские и другие национальные войсковые организации повсеместно доказали свою верность революции и идее революционной власти; все это – явления, могущие заставить глубоко призадуматься над своей тактикой людей, стоявших и стоящих на челе революционной армии. Мы, представители вооруженного украинского народа, видим единственный выход из создавшегося трагического положения в армии и, отчасти, в тылу, в полном доверии к национальным войсковым организациям, в реорганизации армии по национально-территориальному принципу, в национализации гарнизонов на Украине и в других областях России. Для осуществления этой программы на Украине должно быть произведено удаление от военных должностей таких людей, которые не понимают всего значения национального момента армии, например, как командующий Киевским военным округом полковник Оберучев. (Голоса: Ложь.) и комиссар Юго-Западного фронта Кириенко. К нашему последнему требованию присоединяется голос крови Богданцева, невинно пролившейся при отправлении их на фронт, вследствие нерадения, а может быть и сознательной провокации людей, сидящих на ответственных военных постах на Украине. При условии удовлетворения этих требова-

ний будут предотвращены многие испытания, как в процессе войны так, в особенности, в процессе демобилизации. По окончании же войны мы первые присоединим свой голос к - голосу тех, кто залог всеобщего счастья, прогресса и вечного мира видит во всеобщем разоружении и в замене регулярной армии народной милицией». (Рукоплескания.)

Председатель: Слово имеет товарищ Соболевский от белорусской военной организации.

Соболевский: Декларация Белорусской военной организации. Товарищи, я, как представитель Белорусской военной организации, должен заявить, что мы, белорусы, военные представители определенного демократического течения, подвергая на своих частных съездах и совещаниях всемерному обсуждению вопрос о воинской организации, пришли к единодушному заключению, что таковая может быть организована только по национальному признаку. Что принцип национализации войсковой организации есть тот единственный необходимый путь, который только и может создать те действительные непреложные условия боеспособной армии, которая особенно необходима в настоящую тяжелую минуту, переживаемую нашей республикой. Что только создание армий, построенных по национальному и территориальному принципу с одновременным созданием и укреплением национальных войсковых и демократических организаций, могут создать те прочные и ненарушимые гарантии незыблемости завоевания революционной российской демократии, к рядам которого причисляет себя и белорусская революционная демократия. Эти же условия создают в конечном итоге те необходимые предпосылки, которые необходимы для быстрого и успешного окончания войны. Мы, белорусские военные, должны заявить, что Белоруссия находится ныне в тисках вражеского захвата и что мы, ее сыны, не можем мириться с теми абстрактными заявлениями и формулировками условий мира, которые выдвинуты демократией, и которые нам, белорусам, ничего не говорят. Мы, белорусы-военные, имея в виду те неисчислимые жертвы, которые несет и несет наш Белорусский край в эту войну на алтарь кровожадного бога войны, с тревогой должны указать также на то обстоятельство, что как бы слишком быстрое решение вопроса о мире не повлекло бы за собой аннексии Германией, хотя бы незначительной части белорусской этнографической террито-

рии, хотя бы под видом восстановления Германией былых государств, с округлением границ последних за счет исконно белорусских земель. Ибо ныне сила и мощь армии не могут быть восстановлены без переорганизации ее на основе принципа национализации в смысле создания отдельных армий, которые создадут новую могучую общероссийскую армию уже отдельных национальностей, скрепленных могучим цементом любви и преданности к своей общей действительно свободной родине. Мы, белорусские военные, полагаем, что мир может быть и должен быть заключен, но на прочных гарантиях сохранения достоинства российской революционной демократии и без умаления ее революционно-демократического престижа. Пользуясь данной кафедрой как трибуной для заявления о своих национальных нуждах и чаяниях, я должен указать, что мы, белорусы-военные, перед лицом всей организованной российской демократии во всеуслышание заявляем, что необходимо раскрепостить не державные народы России в настоящее время, когда уже над свободной Россией разгорелась заря республиканской жизни, но когда все еще тяготеет проклятый рок над жизнью не державных народностей, так жестоко мстящий державной российской народности, в непонимании ею своих прямых исторических задач по отношению к народностям, входящим в состав республики в смысле их широкого раскрепощения в области их национального самоопределения. Необходимо демократии державной народности пойти навстречу демократии недержавных народностей, стремящихся к устроению своей национальной жизни, но пойти с открытой душой, без всяких скрытых мыслей к верховодительству и эксплуатации этих не державных народностей. И некоторые представители правительства и буржуазных партий, и даже некоторые круги российской демократии повинны в затушевании и умалении национальных прав не державных демократий, входящих в состав республики. Белорусский народ еще на заре XIV столетия создавший своими творческими силами высокий уклад политической и конституционной жизни в составе великого княжества Литовско-Русского, не может не стремиться и ныне к дальнейшему преемственному развитию своей национальной жизни и культуры в рамках федеративной Российской республики. Мы, белорусы-военные, идя нога в ногу с другими представителями национальностей

России, заявляем о: первое, категорической и императивной неотложности постулирования российской демократической республики на федеративных началах; второе – заявляем о неотложной необходимости немедленного проведения в жизнь основ автономии Белоруссии и других народов областей; третье – требуем издания декрета о равноправии языков; четвертое – требуем учреждения при Временном правительстве Совета национальностей [с] представительством от всех народностей, из среды которого избирался бы министр национальностей; пятое – созыва Учредительного собрания в назначенный срок; шестое – роспуска Государственной думы, Государственного совета и седьмое – создания предпарламента путем реконструкции данного Демократического совещания с соответствующим пополнением представительства от национальностей, функционирующего впредь до созыва Учредительного собрания.

Такой конгломерат народов, который и организует состав правительства, какой собой представляет Российская республика, не может жить исключительно централистским режимом, этим отзвуком полицейско-царистского режима старой России, не знавшей и не желавшей знать других методов управления для подвластных России народов, изнывавших в тисках старого русского абсолютизма, когда по образному выражению незабвенного Тараса Шевченко, этого выразителя демократических дум и настроений, по поводу николаевского режима были сказаны следующие слова: «Молчит вся великая Русь на всех языках». Так и ныне управляющие круги стремятся, если не задавить язык и культурно-национальные проявления жизни отдельных народностей, то, во всяком случае, стремятся не допустить к жизни те факторы национально-политической жизни, которые способствовали бы широкому развитию национальной культуры не державных народов. Элементарная социальная справедливость требует разрушения последнего оплота старого режима, сковывающего торжество великих принципов свободы, братства и равенства народов державных и недержавных. Практика старого режима в сфере национального вопроса была аналогичной с практикой и в других областях общерусской политической и социальной жизни. Практика нового режима при изменившихся политических и социальных условиях должна быть иной. Пусть же Всероссийское демократичес-

кое совещание, этот орган организованный и правомочной российской демократии раз [и] навсегда поставит грань между новой и старой Россией, санкционирует права не державных народностей России на их полное национальное самоопределение в составе Российской Федеративной республики-

(Читает.) (Голос: Николай Семенович, прошу дать мне слово, чтобы внести маленькое разъяснение.)

Председатель: Пожалуйста, без всяких разъяснений. Будьте любезны занять место и с места не говорить. (Голос: Но я вынужден, это необходимо.)

Председатель: Будьте любезны пожаловать в президиум, если вам угодно что-нибудь сказать. Представьте себе, если каждый встанет и будет делать заявления. (Голос: Два слова прошу.)

Председатель: Никакого слова, от еврейских воинов — товарищ Грузенберг (Отсутствует). Товарищ Мачабели — от Грузинского военного союза.

Мачабели: (Аплодисменты.) Товарищи, я представитель союза грузинов-воинов. Впервые грузины-воины возвышают свой голос перед лицом российской демократии, и в этот момент позвольте мне приветствовать российскую демократию от лица грузинского воинства... (Апло[дисменты].) Этим приветствием, товарищи, мы подчеркиваем полную нашу солидарность с российской демократией и только с ней... (Апло[дисменты].) Грузины-воины — это те, которые умирают стойко, про один из полков которых русский генерал сказал: «Не только героичен весь полк, но и каждый из солдат, входящих в состав этого полка — герой»... (Апло[дисменты].) Я не буду, товарищи, касаться общих вопросов о национальности полков, предшествующие ораторы уже сказали, и я не-
буду повторять их слов. Но я считаю необходимым раскрыть перед лицом представителей российской демократии то положение, в которое царское самодержавие поставило грузин-воинов, и в котором они находятся и по сие время. В количестве нескольких сот тысяч воины-грузины распылены на в-сех фронтах. Они лишены возможности приобщиться к общеполитической жизни, потому что находясь в русских полках, они не понимают языка своих товарищей и приезжающих туда комиссаров. Отправляемые с фронта в тыл, больные лишены возможности объяснить врачам причины своей болезни и своего внутреннего состояния. Воины-грузины,

которые, соперничая с другими, рвутся в бой, в силу того, что не хватает времени для их подготовки, остаются в тылу с лопатами в руках, что вызывает с их стороны справедливый протест. Вот основания с технической стороны, которые побуждают нас после того, военный министр тов. Верховский, в принципе признал возможность перейти к национализации полков, встречая лишь технические к этому затруднения. Вот необходимость, которая заставила меня говорить также о национализации полков. Но кроме этого, тов[арищи], есть еще условия, побуждающие меня говорить о том же. Я думаю, что многим из вас известно, что грузины, как жители юга, как жители горных стран, не переносят климата северных равнин и гибнут в них, не выполнив принятого на себя долга. Грузины-воины лишены возможности объединяться в полки, для того, чтобы там, на Кавказе грудью защищать свои родные очаги, и мы уверены в том, что никто так этих очагов не защитит, как сами воины-грузины. Но есть еще соображения общего характера: я не скрою от вас, что контрреволюции мы боимся больше, чем кто-либо. Мы знаем, что нам не простят наших революционных выступлений с первых же дней революции, и потому задумываемся над тем, как защитить демократические идеалы, и для защиты этих идеалов мы хотим сплотиться для того, чтобы иметь организованные силы. В общей политике мы, грузины-воины, подчиняем себя политике наших демократических партий. Недемократических партий в Грузии нет, и не было. А что собой представляет демократия Грузии, об этом вам скажут имена товарищей Церетели, Чхеидзе, Чхенкели, Рамишвили, Гегечкори и многих других, имена которых вам хорошо известны. (Аплодисменты.)

Я вам хочу сказать, товарищи, что если мы, грузины-воины и не воины, молчали и не выдвигали национальных вопросов, то молчали не потому, что национального самосознания в нас нет, и не потому, что у нас нет силы. Есть и то, и другое. Мы молчали потому, что в момент государственной ломки, в момент государственного строительства мы не считаем возможным осложнять и без того сложное положение вещей. (Продолжительные аплодисменты всего зала, переходящие в овации). Мы верим, товарищи, что в этой свободной России, которую выстроит демократия, в этой свободной России и свободная Грузия найдет себе место. (Аплодис-

менты.) Теперь же от лица воинов-грузин я позволяю себе дать вам обещание, что воины-грузины все до одного грудью встанут в защиту идеалов российской демократии, и прошу вас верить, что мы, грузины, сдержим свое обещание. (Продолжительные аплодисменты.)

Председатель: Слово принадлежит товарищу Нагаеву от казачьих частей. (Отсутствует.) Слово принадлежит представителю городов товарищу Карелину.

Председательствующий: Слово имеет представитель Всероссийского мусульманского совета Цаликов. Позвольте прежде, чем предоставить слово оратору, огласить несколько поданных мне объявлений для отдельных групп. Я вижу, что места пустеют, между тем это [должно быть] доведено до сведения всех. (Оглашает заявления.)

(*Голос*: Это называется срывать собрание, когда говорят национальности.) (Аплодисменты.)

[*Председатель*:] (Продолжает оглашать заявления.) Я извиняюсь и предоставляю теперь слово оратору.

Цаликов: Товарищи, я говорю от имени революционной демократии мусульманского востока России. Я говорю от имени того населения, которое равняется одной седьмой части всего населения России. Я говорю от имени того населения, которое занимает половину азиатской и часть европейской России, одна часть которой – Туркестан со степными областями, равняется по своему пространству Германии, Австрии, Франции со всеми мелкими прилегающими странами вместе. Когда-то русский поэт сказал про Восток: «Все, что здесь доступно оку, спит в спокойном сне». Эти времена отошли в область преданий. Русская революция – тот пожар, который загорелся здесь на улицах Петрограда, та борьба, которая была поднята рабочим классом, докатилась до глухих степей Туркестана, до гор Кавказа. Все эти спящие народы просыпаются, все эти народы тянутся к тому маяку свободы, который загорелся в России. И этот маяк, эта свобода, загоревшаяся в России, выдвинувшая на арену исторической жизни русской действительности революционную российскую демократию, ставит перед собой последней целый ряд новых задач.

Я должен констатировать, что те задачи, которые поставлены перед революционной демократией по отношению к этому русскому востоку не были выполнены. Я не хочу ки-

нуть упрек тем представителям революционной власти, которые были до сих пор. Я знаю как тяжела была шапка Мономаха, как тяжело было им в этой обстановке российской действительности. Трудно было перенестись на далекий восток, понять чужие народы. Но я должен констатировать, что по отношению к этим народам был совершен целый ряд ошибок, на этих ошибках я остановлюсь в своей речи. Я должен сказать, физиономия российской революционной демократии для народов востока до сих пор остается неопределенной. В тот самый момент, когда революционная Россия, обращаясь к Западной Европе, говорит о праве на национальное самоопределение, народы востока не знают, распространяется ли на них это право национального самоопределения? Говорит ли Россия о том, что народы Азии имеют право на это национальное самоопределение? (Аплодисменты.) Наступает время, когда российская революционная демократия должна ясно и отчетливо сказать на весь мир, что мы понимаем право на национальное самоопределение за всеми народами мира, Европы, Азии и Африки. (Голоса: Совершенно верно. Аплодисменты.) Я должен огласить здесь один документ, который ясно укажет вам, как относятся народы востока к той свободе, которая здесь сейчас у нас в России. Этот документ – заявление Индийского национального комитета исполнительному комитету Всероссийского мусульманского совета. Европейский центральный комитет индусских националистов просит довести до сведения участников объединенного мусульманского съезда в Казани следующее: «Мы, индусы, приветствуем мужественное выступление русских мусульман в пользу угнетенных народов Азии и Африки, требуя от Временного правительства свободной России решительной и последовательной политики с целью признания одинакового права на полное национальное самоопределение, как за народами Европы, так и за народами Азии и Африки. Русские мусульмане оказали делу человечества великую пользу. Неправильно было бы, если бы в России ожидали заступничества за народы востока от Стокгольмской конференции. Мы, индусы, принятые в число остальных делегаций востока Организационным комитетом конференции, вынесли убеждение, что комитет не намерен принести никакой фактической помощи. 350-миллионное население Индии, безжалостно порабощенное и эксплуатируемое Англией на

глазах Старого и Нового света, неутомимо направляет свои силы на достижение полной национальной самостоятельности, зная притом, что с их освобождением рухнет самый сильный столп империализма. (Аплодисменты. Голоса: правильно.) Вообще солидарность всех восточных народов и поддержка со стороны России, торжественно отрекшейся от империализма, царского режима в состоянии ускорить процесс политического возрождения востока и за инициативу русских мусульман в том и другом отношении мы, индусы, приносим им глубокую благодарность». (Аплодисменты.)

Так обращает свои взоры далекая Индия к русской свободе. Вот другой народ, который также обращает свои взоры к российской демократии. Это заявление персидской делегации, явившейся на Стокгольмскую конференцию. Но теперь, господа, царизм, на который всегда возлагалась ответственность за все содеянные в Персии злодеяния, кажется, свергнут навсегда. Увидим, захочет ли правительство России исправить несправедливости, чтобы загладить ужасы, содеянные его предшественниками в Персии и стереть кровавые следы, оставленные царизмом. Услышит ли оно голос настоящего Съезда, имеющего полное право называться верховным судилищем, где заседают истинные судьи человечества, где творцы русской революции, которые оказались победителями, и которые утверждают, что они воодушевлены социалистическими и демократическими идеями? И возвратят ли они Персии ту свободу, которой лишили их предшественники? Мы же, господа, несмотря на то, что как вы видите, дело рук России и Англии, мы готовы стать друзьями русского народа, не тая в душе ни ненависти, ни злопамятства, и быть для него добрым и честным соседом. Мы готовы предать забвению прошлое, столь отягченное для нас горькими воспоминаниями и протянуть братскую руку победителям с тем, чтобы они забыли прошлое, некогда нас сковывающее, и обращались бы с нами так, как должно обращаться с нацией независимой и достойной быть свободной.(Аплодисменты.) Вот обращение демократической Персии к революционному правительству. Мы, представители многомиллионного мусульманского мира, тесно связаны с Россией, а с другой стороны общностью наших исторических преданий, общностью нашей культуры мы связаны с этим многомиллионным миром востока. Когда мы говорим: Всероссийский мусульманс-

кий совет, большинство русских граждан думает, что здесь объединение на религиозной почве, они думают, что мусульманство это противопоставляется крестьянству; демократия относится в большинстве случаев отрицательно к нашему союзу. Под мусульманством мы подразумеваем ту великую историческую культуру, которая вписала славную историю всей человеческой культуры. И вот в момент, когда наступает возрождение народов, мы хотим, оставаясь на почве древней культуры, в тот же самый момент приобщиться к этой культуре великих завоеваний человечества. Мы хотим идти к великому мировому братству людей своим собственным путем и идти к великим общечеловеческим целям. Если не определена физиономия революционной демократии, обращенная на восток, то в значительной степени по отношению к нам, мусульманам России, эта физиономия в значительной степени становится определенной, но определенной очень часто в отрицательную сторону. Я приведу вам ряд фактов из деятельности различных министерств. Мы, мусульмане российской демократии, очень скромны в своих требованиях. Наше первое требование заключалось в том, чтобы удалить ненавистного представителя царского режима. Между прочим, я укажу вот по ведомости Министерства внутренних дел. Мы заявили о необходимости удаления заведующего Департаментом духовных дел Тарновского. Между прочим, этот Тарновский остается до сих пор, он реорганизует, он насаждает свободу совести в России, человек, который в течение десяти лет душил всякое развитие культурного движения среди мусульман России. (Голоса: Позор.)

Несмотря на наши протесты, несмотря на то, что мы доводили об этом [до] сведения министров, министры не сочли нужным, они предпочли союз с Тарновским союзу с мусульманами. Мы заявили, что если это лицо останется, мы прервем отношения с Департаментом духовных дел. Мы прервали эти сношения и решили организовать... (Голоса: Правильно). В настоящее время в Министерстве исповеданий разрабатывается законопроект о конструкции Департамента инославных исповеданий, того департамента, который должен регулировать духовную жизнь различных инородческих групп России. Конституция этого департамента разрабатывается чисто бюрократическим путем. Народы, которые хотят пользоваться свободой совести, те народы, которые непос-

редственно должны были принимать участие в организации этого департамента, никакого отношения к этому законопроекту, бюрократически вырабатывающемуся бюрократическим способом, не имеют. Они не приглашены, их голоса не слышно. Я перейду теперь к Министерству земледелия. Во главе этого министерства стоял социалист товарищ Чернов. И вот в этом министерстве вырабатывается законопроект, правда, этот законопроект касается земских учреждений Ставропольской губернии с инородческим населением. И вот оказывается, что этот законопроект ни больше, ни меньше, как экспроприация земель, принадлежащих инородческому населению, до Учредительного собрания. В Министерстве социалистическом разрешается аграрный вопрос не в пользу инородческого населения до того момента, когда еще не выяснено, кто является юридическим владельцем той или другой земли, когда еще не выяснено будущее аграрной реформы России. Старые чиновники, переводившие скотоводов на оседлое состояние, вырабатывают особый законопроект, и это министерство входит с соответствующим ходатайством о том, чтобы известные оброчные статьи, так называемые оброчные статьи, были переданы в ведение этих земских учреждений, в ведение казны. Эти оброчные статьи служат для поддержки культурных нужд этого инородческого населения. Таким образом, создается земство, но уничтожается источник для существования земства. Вот факты из жизни Министерства земледелия. Перейдем к Военному министерству. Когда началась великая российская революция, когда потребовалось прийти в армию, разъяснить солдатам смысл происходящих событий, когда нужно было живое, родное слово, разъясняющее массам смысл происходящих событий, мусульманские организации стали на путь создания мусульманских рот и батальонов. В этот момент, тогда они созвали съезд, не преследовавший никаких политических целей. Быть может, у каких-нибудь других народностей есть особые территории, на которые они претендуют, но мусульмане Поволжья не претендуют ни на какую территорию, ввиду того, что они представляют из себя меньшинство. Вот тогда ставились всяческие преграды, и когда всем разрешались съезды, был приказ Верховного главы: стыдно заниматься съездами в такой момент. И уже в последнюю минуту, когда съезд должен был созваться явочным порядком,

раздалось разрешение о том, что этот съезд разрешается. (Аплодисменты.) Я перейду теперь к Особому совещанию по выработке законопроекта об Учредительном собрании. В Особом совещании наши делегаты, стремясь приспособить законопроект о выборах в Учредительное собрание к бытовым особенностям скотоводческого населения и к бытовым особенностям мусульманской жизни, в которой еще до сих пор, к сожалению, существует затворничество, внесли поправку о необходимости создания передвижных урн в киргизской степи и о необходимости предоставления женщинам-мусульманкам особого дня, чтобы они могли исполнить свой гражданский долг. Эти поправки были приняты. Но когда Временное правительство подписало этот законопроект, мы увидели, что этих поправок нет. Таким образом, кто вычеркнул эти поправки, уже принятые в Особом совещании? (Голоса: Позор.) Мы видим в этом недоброжелательное отношение к мусульманскому населению, которое было до сих пор. (Шум, аплодисменты.)

Председательствующий: Покорнейше прошу не мешать оратору.

Цаликов: Я хочу еще остановиться на так называемой политической окраине. Я вижу в этой политике ту же самую неустойчивость. Только недавно мы были свидетелями одного странного примера. Явилась какая-то с Хлопкового съезда депутация сартов. Кто, что они – неизвестно. Достаточно было этой делегации заявить о том, что земельный закон, временные правила о земле, изданные для всей России, не пригодны для Туркестана, как тронутый, очевидно, голосом земли или этой импозантной картиной министр говорит: «Тот закон будет немедленно отменен», не зная, что лица, явившиеся к нему – это были спекулянты, которые стремились к тому, чтобы отменить этот закон, дабы, голодающее туркестанское население могло продать спекулянтам земли. (Голоса: Правильно. Аплодисменты.)

Когда организуются всевозможные комиссии для окраин, когда организуются туркестанские и всякие другие комитеты, голоса мусульманского населения нигде не слышно. И когда организации краевые, центральные указывают на то, что эти лица неподходящие, к их голосу совершенно не прислушиваются. Так был устроен Туркестанский комитет, так назначались и всякие другие представители власти на окраине. Мне

кажется, что здесь сказывается то старинное пренебрежительное отношение к народам Востока, воспитанное, может быть, учебником Иловайского. Может быть по инерции мы продолжаем считать их людьми низшей расы, продолжаем относиться к ним, как к людям, которых нужно опекать, когда действительно нужно прийти к ним на помощь, мы оставляем их без помощи. (Аплодисменты.) У меня здесь телеграмма, полученная из Нового Ургенча: «Во Всероссийский мусульманский совет. Грабежи, разбои, убийства, поджоги в Хивинском ханстве приняли угрожающие размеры(Читает.) ... немедленно принять те или другие меры». И мы глубоко убеждены, что, несмотря на наши ходатайства, никакие меры не будут приняты. Потому что мы неоднократно обращались с указаниями на тяжелое положение населения Семиречья, и мы продолжаем получать телеграммы с указанием на то, что это население по-прежнему продолжает истребляться и никаких мер реальных, существенных не принимается. (Голоса: Кем истребляется?) Семиречье по провокации истребляется местными переселенцами, местными солдатами, белобилетниками, бежавшими дезертирами и тому подобными, теми, кто предпочитает войну колониальную той войне, которая происходит на фронте. (Аплодисменты.) Казалось бы, что такое положение вещей должно бы было направить все наши взоры только в одну сторону. Мы должны были бы сказать, что та организация власти, которая сейчас существует, для нас не годится, что мы должны принять ту платформу, которая сейчас выдвигается крайним левым флангом, платформу передачи власти в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. (Аплодисменты.) Мы знаем, что к колониальной политике, мы знаем, что по отношению к угнетенным народностям у них имеется только один класс, только один союзник, это – рабочий класс. Мы это знаем. (Рукоплескания, голоса: Браво.) Но, зная это, мы, беспокоясь о судьбах России, подходя с государственной точки зрения и находя, что в такой тяжелый момент, когда государство Российское находится на краю гибели, когда все общественные силы, все живые силы должны объединиться в этой творческой работе, мы эту крайнюю платформу российской революционной демократии не принимаем. (Смех, рукоплескания.) Для нас такая конструкция власти, как передача ее в руки Совета рабочих и солдатских депутатов, является неподходящей. (Смех, рукоплескания.)

Я думаю, что к нашему голосу должны прислушаться. Я объясняю, почему такая конструкция власти является неподходящей для нас. У нас в большинстве случаев мало развиты промышленные и общественные организации, у нас нет заводско-фабричного пролетариата; мы в большинстве случаев не отбываем воинской повинности: за исключением мусульман Поволжья, остальные три четверти мусульман не отбывают воинской повинности. У нас нет крестьянского сословия, нет еще крестьянского самосознания, следовательно, все три элемента, из которых создаются Советы солдатских и рабочих депутатов, у нас в значительной мере отсутствуют. В этих организациях мы не играем той роли, которую могли и должны были играть при других условиях, сообразуясь со своим количеством. Таким образом, Советы рабочих и солдатских депутатов у нас на окраине состоят обыкновенно из пришлого элемента, не знакомого со своеобразными бытовыми, экономическими и другими условиями, элементов, не хочу кинуть упрека, не стоящими на должной высоте культуры. У меня есть масса фактов, на основании которых мы увидели бы, что эти Советы рабочих и солдатских депутатов, не в лице своих организованных центральных ячеек, а в лице масс, которые идут туда, не стоят на должной высоте, тогда, когда они соприкасаются с инородческим населением. Я перечисляю расстрелы киргизов в Зайсане, расстрелы кавказских горцев во Владивостоке, целый ряд убийств, которые имеются всегда по пути передвижения туземных войск и во всяких других местах. (Голоса: Неправда.)

Председательствующий: Прошу покорнейше не мешать возгласами с места.

Цаликов: У меня собраны все эти факты, но так как у меня мало времени, что я не могу изложить все эти факты, но факты эти очень печальны, очень тягостны. Конечно, они не могут подорвать идеи революционной демократии, но они говорят о том, что не все в порядке, что одних революционно-демократических идей недостаточно. Что нужна еще какая-то культура, которая научила бы людей видеть в других людях братьев, которая научила бы одинаково относиться к киргизам, к людям краснокожим, желтокожим и ко всяким другим народностям. (Голоса: Правильно. Рукоплескания. Голоса: Это русское самоопределение.)

В этот великий исторический момент, в эту тяжелую ми-

нуту испытания мы никаких широковещательных требований, немедленного осуществления их к революционной демократии не предъявляем. (Рукоплескания.) Наши требования минимальны. Во-первых, как я уже высказался: мусульманская группа, Всероссийский мусульманский совет, военные организации, делегации Закавказья и Туркестана стоят на политической платформе демократии восемнадцатого июля и четырнадцатого августа. По текущему вопросу организации власти мусульманская группа стоит за коалицию всех живых сил страны – цензовых и демократических (Рукоплескания.) за исключением политических групп, которые по расследованию окажутся скомпрометированы прямым или косвенным участием в корниловском заговоре. Что касается наших национальных требований, то всю полноту наших национальных требований мы развернем в Учредительном собрании. Сейчас мы говорим только о необходимости образования при Временном правительстве секретариата по мусульманским делам (Голоса: Правильно. Рукоплескания.) во главе со статс-секретарем, обладающим правами товарища министра. Затем мусульманская группа высказывается за создание предпарламента, в виду того, что наш голос не слышен в революционных организациях, в виду того, что голос национальностей в этих революционных организациях не в достаточной степени представлен. Единственным местом, в котором мы, представители инородцев, в состоянии будем довести до сведения народа о наших нуждах – это предпарламент. Мы высказываемся также за немедленное благоприятное разрешение вопроса о национализации армии.

Председательствующий: Слово принадлежит представителю Союза объединенных горцев Намитокову. (Рукоплескания.)

Намитоков: Граждане, я явился сюда представителем горцев Северного Кавказа и Дагестана не с тем, чтобы предъявлять требования, не с тем, чтобы добиваться осуществления этого требования немедленно, не с тем, чтобы в настоящую тяжелую минуту, когда все силы страны должны быть направлены только на единственную задачу, предъявлять счета. А с тем, чтобы высказаться самому насущному и острому – по вопросу о власти. (Голоса: Громче.)

Председательствующий: Покорнейше прошу соблюдать тишину, тогда оратора будет слышно.

Намитоков: Не потому мы не выставляем требований, что у нас таковых требований нет, и не потому, чтобы у нас не было оснований требовать и желать осуществления их. Но сейчас Россия переживает такие тяжелые минуты, сейчас мы наблюдаем такое гнетущее зрелище, такую до[ходящую до] политического садизма, вивисекцию над изнемогающим телом страны, что говорить о тех или иных требованиях – это нужно потерять, я бы прямо сказал, совесть и чувство гражданского долга. (Рукоплескания; голоса: Правильно.) С великим прискорбием приходится констатировать, что в результате, [в] итоге шести месяцев революции, мы стоим сейчас перед той же задачей, перед задачей организации всей той и той же власти. Это поистине роковая, фатальная задача – какая-то сизифовая, нескончаемая – возвратная [к] началу работа – организация власти. Невольно приходится задуматься; неужели русской революции суждено изжить весь свой энтузиазм, всю свою энергию в этой бесплодной работе организации власти? Вопрос о конструкции власти, это вопрос всей революции во всей ее полноте, это есть раскрытие скобок, подведение черты под платформу, это есть намечение линии всей будущей судьбы революции. В настоящий момент сложность положения усугубляется еще тем, что шестимесячный опыт говорит одно, наводит на один вывод: это крах коалиции. Учет же настоящего, социально-теоретические предпосылки показывают другое – это необходимость коалиции всех живых сил страны. Из какой точки зрения исходить и как подойти к этому вопросу, в чем порок проделанных опытов?

История скажет свое слово и объяснит причины. Товарищи министры делали здесь свои указания, основанные на их опыте; указания их в большинстве случаев справедливы. Во всяком случае, одно бесспорно, это то, что темп русской революции насильственно, искусственно ускорялся или, по крайней мере, делались попытки ускорить этот пульс. Революцию, которая по самому ходу исторического развития, которая по социальным законам развития носила и должна была носить буржуазный характер, мы хотели превратить сознательно или бессознательно в революцию, так называемую, социальную. Это, по нашему мнению, одна из тех коренных причин, по которым власть, призванная осуществлять единственную цель: довести страну до Учредительного

собрания, не могла справиться со своей тяжелой задачей. Власть путалась, сбивалась с толку, билась в тенетах, она разрушалась, создавалась, а затем снова рушилась. И мы, повторяю, стоим перед той задачей, с которой надо было начинать самую революцию шесть месяцев назад. Что же теперь делать? Наше глубокое убеждение то, что центром нашего внимания должна быть не организация власти, а политика намечения мер, мер конкретных, мер деловых. Не власть ради власти, а дела и для дела власть. Нужно же понять, в конце концов, что вопрос не в том, чтобы подыскивать музыкантов, а в том, чтобы самую музыку изменить. Таким образом, прежде всего программа. Какова же должна быть эта программа? Программа эта должна быть направлена к единственной цели спасения революции в данный момент и доведения страны до Учредительного собрания. И должен, товарищи, сказать, что то противопоставление, то разграничение, которое делалось между понятием революции и страной, по-нашему глубокому убеждению, является глубоко ошибочным. Формулу «спасение революции», а через нее и страны, нужно заменить. Нужно сказать: спасти и революцию, и страну, потому что революция и страна, на наш взгляд одно и то же. Это, товарищи, не фразеология. Когда Корнилов покусился на русскую революцию, то демократия властно в один миг подавила этот мятеж. Есть ли у вас уверенность, можно ли с определенной уверенностью сказать, что если таковая опасность будет угрожать со стороны внешнего врага стране, то эта опасность будет с такой же легкостью устранена? Есть ли у нас уверенность, что если немецкие войска подойдут к Петрограду и, встретившие разобранные пути, окажутся отрезанными в тылу, то они также скоро сдадутся и пошлют делегацию для выражения покорности русскому революционному правительству? У меня такой уверенности нет. Я хочу сказать, что опасности, угрожающие революции и стране, неодинаковы. Не доказывать же мне, что при столкновении с враждебными силами, конечно, контрудар должен быть направлен против ближайшей, более действительной, угрозы.

И я говорю что мы, горцы Северного Кавказа, без спасения страны не мыслим спасение революции. Старая система воспитала нас в этом направлении, что все дорогое, близкое, мы привыкли противопоставлять идеи государственности,

ибо эта идея была всегда полицейщина-жандармщина. К сожалению, товарищи, этой болезнью мы и теперь страдаем. Русская революция будет только тогда победно торжествующей, когда она проникнется идеей государственности. Без подобного ограничения сращения страны и революции, революция и Россия не будут спасены. Я, к сожалению, не могу подробно останавливаться на теме, почему мы считаем власть коалиционную необходимой. Я заканчиваю и скажу, на наш взгляд, при создавшихся условиях, единственная сила, которую может спасти Россию – это объединение всех живых сил страны. Товарищи, природа не знает примера того, чтобы все, что было бы жизнеспособно, все, что имело бы право на существование, могло бы не обладать силой внутреннего сцепления. Только тогда, когда все силы страны объединятся хотя бы на время, отложат свои партийные и к-лассовые препирательства, я подчеркиваю: хотя бы на время, пока только, тогда революция может быть спасена. Итак, мы стоим за коалицию, способную осуществлять деловую неотложную программу, направленную к доведению ее до Учредительного собрания. (Рукоплескания.)

Председательствующий: Представитель национальных социалистических партий, товарищ Нуцубидзе.

Нуцубидзе: Товарищи и граждане, я имею честь выступить перед Всероссийским демократическим совещанием от имени Совета национальных социалистических партий России. В Совет входят следующие партии: Белорусская социалистическая громада, Партия социалистов-народников Литвы, Латгальская социалистическая партия трудового народа, Объединенная еврейская социалистическая партия, Еврейская социал-демократическая рабочая партия, Эстонская трудовая партия, Партия польских социалистов – бывшая фракция, Осетинская социалистическая группа, Грузинская революционная партия социалистов-федералистов, Бурятская социалистическая группа, Белорусская социал-демократическая рабочая партия, Социал-демократический рабочий союз Эстляндии и Украинская партия с[оциалистов] р[еволюционеров] (Рукоплескания.)

Товарищи и граждане, быть может, для многих из вас является полной новостью и неожиданностью существование совета многочисленных партий. Но я думаю, что необходимость такого объединения, необходимость того, чтобы пред-

ставители различных наций протянули друг другу руки для осуществления своих национальных задач, эту необходимость не приходится обосновывать после того, что вы видите здесь. Когда, с одной стороны, при выступлении здесь представителей наций раздаются иронические возгласы, а, с другой стороны, радостные выкрики, когда сам президиум чувствует, что нужно огласить все поступившие заявления, ибо уже собрание начинает заканчиваться. (Рукоплескания.) К сожалению и со скорбью, приходится констатировать, что отныне в политическую технику дебоша и срыва собрания войдет еще один пункт: если в Российском государстве вы хотите положить какому-нибудь собранию конец, возбудите национальный вопрос – все разойдутся.(Рукоплескания, смех, голоса: Неправда.) Но мы, социалистические партии, объединившиеся в Совете, все же считаем, что все, что здесь раздавалось, все эти возгласы отнюдь не характеризуют отношения к национальному вопросу большинства российской демократии. (Голоса: Правильно. Рукоплескания.) И сохраняя в себе эту уверенность, мы питаем надежду, что с этой частью российской демократии мы сможем договориться по национальному вопросу. Питаясь этой надеждой, Совет национальных социалистических партий мне все же поручил к Всероссийскому демократическому совещанию, его сознательной части, во всяком случае, которая трезво смотрит на национальный вопрос, [обратиться] со следующим заявлением (Читает): «Переживаемые нами тяжелые дни ставят перед революционной демократией ряд задач, без выполнения которых она [не] может справиться с трудностями в деле государственного строительства. Первое и основное успеха демократии в деле создания твердой власти и в закладывании основ будущей государственности заключается в сплочении сил самой революционной демократии, в твердой и неразрывной спайке ее рядов. Интересы угнетенных классов всех народов России властно диктуют им единство революционного фронта и солидарную борьбу за свои социальные и национальные требования. Но этого мало, одна только стройность рядов демократии, одно только выпрямление ее фронта не может служить гарантией успеха, если сами ряды недостаточно многочисленны, если фронт без резерва. Только одновременная сплоченность и привлечение широких народных масс дают в руки революционной демократии оружие

для победного шествия по путям государственного строительства. Демократия должна сделать ясные и определенные шаги в сторону их тяжелого положения. (Рукоплескания). Но революционная демократия допустила бы непоправимую ошибку, если бы она стала искать этих союзников только по линии достижения прав гражданской свободы и социальных завоеваний. Было бы большой политической ошибкой недостаточно уяснить, что в стране, где большая часть населения веками стояла под клеймом инородчества, ни революция, ни вытекающее из нее государственное строительство не могут измеряться только общественно-политическим масштабом. В стране бесправия, каким было наше общее отечество до светлых дней революции – все мы страдали – лишенные элементарных прав гражданина в душной атмосфере произвола и насилия. Но было бы непростительной политической близорукостью недоглядеть происходящий на наших глазах великий исторический перелом и не проникнуться сознанием того, что мы, народы России, страдали вдвойне и как лишенные прав гражданина и как лишенные национальных прав. (Рукоплескания.) Революция должна стать началом новой эры мирного сожительства раскрепощенных народов.

Уяснения этого положения, признание этого факта и вытекающих из него последствий, открывают этот путь, по которому революционная демократия может искать и где найдет она самого надежного и самого преданного союзника. Для того, чтобы за авангардом революционной демократии пошли широкие трудящиеся массы народов России, необходимо, чтобы для последних стало ясно, что дело революции – их собственное дело, что торжество революции есть торжество не только политических и социальных лозунгов, но и осуществление их национальных стремлений. Из неразрывности этих моментов, слившихся в единство борьбы за национальные и социальные идеалы, и вырастает священная жертвенность, питающая готовность лечь костьми, но никому не выдать знамя революции. Дерзновенные попытки вырвать и растоптать это знамя встретят на всем пути непреодолимую стену демократии всех народов России, грудью вставших на защиту свободы. (Рукоплескания.)

Революция вступает в новую полосу своего развития, в полосу положительного государственного строительства. Вопрос о власти приходится ставить не в стране с неопреде-

ленным строем, а в Российской республике. Провозглашение республики еще не есть ответ на национальные требования народов России потому, что достижение гражданской свободы еще не обозначает раскрепощения народов. Российская демократия ни на минуту не должна забыть, что вопрос политический и вопрос национальный тесно связан в российской революции. Ибо в России не может быть такой формы государственного устройства, которая не давала бы достаточной гарантии мирного и свободного сожительства народов России, и тем крепче спаяла бы их в единое целое. Единственным строем, отличающим многообразие национального состава России, устраняющим всякие межнациональные трения, препятствующие солидарной борьбе классов всех народов, является Федеративная демократическая республика. (Рукоплескания.) В основу разграничения частей Федеративной российской республики должен быть положен национальный принцип. А для ограждения прав национальных меньшинств необходима национально-персональная автономия, распространяющаяся на всех членов данной нации на территории всей федеративной республики. Стоя на точке зрения полного самоопределения нации, мы считаем, что самим нациям должна быть предоставлена возможность сказать то, что им представляется желательным, во имя осуществления своих национальных интересов и задача власти должна сводиться к тому, чтобы не препятствовать свободному волеизъявлению народов, и идти навстречу нормам, выработанным путем соглашения между ними.

В настоящий момент перед демократией стоит задача создать такую власть, которая удовлетворяла бы не только очередным требованиям революции вообще, но выказала бы и готовность, и умение найти пути для решения национального вопроса. Карательные экспедиции против наций, осуществляющих свое право на самоопределение, должны отойти в область преданий: они недопустимы в свободной России.

Если принцип самоопределения наций, начертанный на знамени российской демократии, не пустой звук, если под призывом, брошенным международной демократии, скрывается реальное содержание, то российская демократия должна первая показать пример, и начать великое дело раскрепощения народов в собственной стране. (Рукоплескания.) И только тогда будут устранены последние препятствия для друж-

ной работы, закладывающей основы грядущему уничтожению всех видов бесправия и угнетения. Свободный союз свободных народов России послужит началом раскрепощения и трудящихся масс и продолжит дорогу в светлое царство социализма».

Исходя из всего вышеизложенного, от имени Центрального совета национальных социалистических партий России и присоединяющихся к настоящей декларации партий (С[оциал]-д[емократического] союза Эстляндии, Украинской партии с[оциалистов]-р[еволюционеров], Эстонской радикал-социальной партии), заявляю, что в программу деятельности новой власти должны быть включены следующие положения. Первое: немедленное декларирование Российской федеративной республики с обеспечением прав национальных меньшинств, предоставлением национально-персональной автономии. Второе: отмена всех видов национальных ограничений. Третье: немедленное декретирование равноправия языков в школе, в суде, в местном управлении и самоуправлении. Четвертое: создание при Временном правительстве национального совета, составленного из представителей национальных организаций всех народов России для выработки норм, регулирующих жизнь наций в переходное время до Всероссийского учредительного собрания и разрабатывания на основе соглашений между нациями формы Российской федеративной республики. Пятое: для полного и свободного определения воли наций, народам России должна быть предоставлена возможность созыва национальных учредительных собраний. Шестое: для усиления боевой способности армии пойти навстречу требованиям национальностей, предоставить им возможность постепенно, без нарушения технического строения боевых единиц, переходить к осуществлению идеи национальных войсковых частей.

Товарищи и граждане, эта платформа, которая выработана Советом национальных социалистических партий, должна стать программой той власти, которая будет создана. Что же касается общеполитических вопросов и общеполитического освещения того основного вопроса, который составляет главный предмет нашего совещания, то по этому вопросу здесь будут выступать отдельные представители всех национальных политических партий. (Рукоплескания.)

Председательствующий:.

Абрамович (представитель Бунда). Я являюсь здесь представителем Общееврейского рабочего союза в России, старейшей еврейской социал-демократической организации. (Аплодисменты.) То мнение [по] общеполитическому вопросу, которое я здесь буду иметь честь выразить перед вами, является мнением большинства делегатов-бундовцев, которых на этом совещании двадцать девять человек. Большинство в противовес этому незначительному меньшинству стоит по этому вопросу, который здесь нас занимает, прежде всего, по вопросу о создании власти, на точке зрения, отрицающей коалицию с так называемыми цензовыми элементами. (Аплодисменты.) Мы, товарищи, не являемся принципиальными сторонниками отрицания коалиции. Наоборот, в обстановке войны и при сложности условий, в которых сейчас существует Россия, мы считали бы принцип коалиции нужным. (Аплодисменты.) Мы не являемся также противниками соглашения с другими классами во время буржуазной революции, но мы исходим из того, имеются ли сейчас в России в наличности такие средние и крупные буржуазные слои, которые были бы готовы выполнить ту программу, которую революция поставила перед Россией? И когда мы ставим себе этот вопрос, когда мы спрашиваем, имеются ли сейчас в России такие значительные буржуазные группы в точном смысле этого слова, которые были бы готовы проводить нашу программу в области того военного строительства, о котором говорил авторитетнейший представитель русской армии, военный министр, то мы должны ответить категорически: «Нет». Опыт шести месяцев революции нам показал, что таких слоев сейчас, таких групп буржуазии, которые были бы согласны делать вместе с нами революционно-демократическую работу, мы не знаем, и их не имеется. Мы исходим из того, что всяким реальным содержанием коалиции является не тот личный персональный состав министров, а те интересы классов, материальные и политические, которые воплощены в определенной политической программе. И когда мы берем программу, так называемую программу Московского совещания 14 августа, наиболее скромную из всех до сих пор объявленных революционных программ, то мы приходим к заключению, что те интересы, которые в этой программе выражены, являются интересами классов революционно-демократических рабочих и крестьян, частью,

мелкой буржуазии, но не являются теми интересами, отстаивать которые является настоятельной потребностью нашей средней и крупной финансовой, торгово-промышленной буржуазии. Раз так, раз мы выставляем определенные требования для укрепления завоеваний революции. Раз эти требования не могут быть поддержаны определенными классами, то, следовательно, и падает коалиция с теми классами. Коалиция реальная, коалиция честная, о которой здесь так много говорили, ибо та коалиция, которая могла быть создана, коалиция фиктивная, коалиция видимости, которая была бы на самом деле направлена к тому, чтобы части коалиции друг друга пожирали и чтобы их усилия тратились в бесплодной борьбе друг с другом. И мы говорим, что лучше такой коалиции не нужно и лучше высказать перед всей страной ту истину, что сейчас коалиция невозможна, и те события, которые были недавно, являются похоронами первого разряда той коалиции, которая была до сих пор. (Аплодисменты.) Это авторитетнейшее совещание должно будет решить и судьбу власти, и судьбу коалиций в России. И мы полагаем, что каковы бы ни были решения этого совещания, одно должно быть неоспоримым для всех частей этого совещания – это необходимость во что бы то ни стало, при всяком решении, сохранить единство революционной демократии в России (Аплодисменты), то единство, без которого революция, наверное, погибнет. Позвольте мне, товарищи, сказать несколько слов по поводу вопроса национального. Мы стоим на той точке зрения, что потребности национальные, потребности отдельных народностей и наций России должны быть удовлетворены теперь в той мере, в какой [они] допускаются условиями момента. (Аплодисменты.) Мы считаем, что была ошибочна та тактика, которая отказывала в удовлетворении жгучих и настоятельных национальных потребностей до более спокойного времени. Это должно быть сделано немедленно. То революционное строительство, которое мы допускаем во всех остальных областях, должно быть распространено и на область национальных отношений. И должны быть сейчас же приняты меры к тому, чтобы был отменен всякий гнет во всевозможных его проявлениях. Чтобы было положено начало автономному устройству национальных территорий в России. Чтобы в них были сохранены и охранены права национальных меньшинств на этих территориях для того, что-

бы единая державная нация, державность которой заключалась в печальной привилегии угнетать других, не была заменена десятками других мелких национальностей, печальная привилегия которых будет также заключаться в том, чтобы угнетать от себя национальные меньшинства. Стремясь, следовательно, к автономному устройству России, к самой широкой автономии отдаленных областей, сообразно национальным особенностям, мы в то же время настаиваем на том, чтобы немедленно были приняты меры к сохранению национальных прав в собственном смысле этого слова, независимо от автономного устройства. Мы требуем издания закона и немедленной декларации Правительства. Это давно надо было сделать. И этому никакая война не могла помешать изданию закона о равноправии языков, о передаче всего школьного дела в руки самой нации (Аплодисменты) в форме культурно-национальной автономии, идею, которую мы давно отстаиваем и которая стала общедемократическим достоянием. [Мы] настаиваем на том, чтобы та борьба, которая сейчас ведется во имя удовлетворения национальных потребностей, во имя уничтожения всякого национального гнета, чтобы эта борьба не принимала формы борьбы нации против нации. Мы хотим, чтобы стремления к национальной свободе, к самому полному удовлетворению национальных потребностей, самой полной возможности культурного развития нации в России, чтобы эта борьба не принимала формы разжигания национальной вражды, будь это крупные против мелких, или мелкие против крупных. Мы считаем, что залогом успеха в области национальной является междунациональная солидарность трудящихся всех наций, и мы считаем, что долгом нашим как интернациональных социалистов, является не только борьба против всякого национального гнета, борьба за полное национальное самоопределение, но, товарищи, интернационалисты социал-демократы всегда подвергались клевете буржуазных партий. Нас обвиняли в том, что мы люди без отечества, что мы враги своей родине. И я могу ответить, что мы в своей внешней государственной политике и в своей внутренней государственной политике являемся самыми лучшими защитниками национальных прав и самыми лучшими патриотами, чем самые патентованные патриоты всего мира. Товарищи, стремясь к удовлетворению наших национальных потребностей, мы должны иметь в виду

те условия, в которых сейчас развивается революция в России. Мы должны охранять и в этом вопросе, как и во всех других вопросах, единство российской революции, единство революционной России, и это единство должно быть нашим высшим догматом, высшим символом веры в этот тревожный, исключительно тяжелый исторический момент, который мы переживаем. Я кончаю, товарищи, указанием того, что национальное строительство в России является частью той великой не только разрушительной, но и созидательной работы, которая стоит теперь перед нами, перед революционной демократией всей России, которая, следовательно, и в этом вопросе должна обладать максимальной силой, максимальной внутренней сплоченностью, максимальной напряженностью энергии и, я бы сказал, максимальным революционным энтузиазмом. Вот почему, товарищи, не только исходя из общих политических соображений, но исходя из тех интересов, о которых я вам здесь особо говорил, мы настаиваем на том, чтобы была создана власть революционная, однородная. Постольку, поскольку это собрание является однородным, не только по своему социальному составу, но однородным по революционному настроению, по однородному желанию довести Россию под знаком демократии до победного конца.

Лапинский: Товарищи, в моем распоряжении немного времени и вряд ли мне удалось бы, после того как мы четыре дня разбираем вопрос о проявлении власти Демократического совещания и занимаемся чем-то вроде коалиционного красноречья, вряд ли мне пришлось бы многое прибавить к тому, что здесь было сказано. Тем более, товарищи, что польский пролетариат, в частности тот польский пролетариат, который теперь разбросан по громадным пространствам России, и борется вместе с вами за свободу, тот пролетариат не имеет какой-то специфической точки зрения на русскую революцию, каких-то специфических интересов по отношению к русской революции; ее развитие, ее будущность и успех являются таким же родным и кровным делом, каким являются для русского пролетариата. Разрешите поэтому, товарищи, мне те несколько слов, которые я имею возможность по этому поводу сказать, высказать не с какой-то специфической точки зрения, а на точке зрения общей с вами. И вот, товарищи, позвольте вам сказать, что революционная демок-

ратия в настоящий момент имеет ту печальную, я бы сказал, привилегию, что вопрос о коалиции, о возможности сотрудничества с цензовой буржуазией, она может рассматривать не только с точки зрения того опыта, который накопила история, в частности, история революции в других странах, нетолько с точки зрения известного абстрактного принципа, но уже с точки зрения своего собственного опыта, который проделала вся страна, вся Россия, вся демократия: и пролетариат, и крестьянство, и армия в течение нескольких месяцев. Но [что] этот опыт говорит, в чем он нас, по моему великому убеждению, воочию убеждает? Он убеждает нас в том, что эту коалицию, коалицию классов, которая в известный исторический момент имеет определенные, ярко сталкивающиеся, остро противоречивые интересы, что такую коалицию весьма трудно наладить. Ее будет трудно наладить. В тот самый момент, когда она рождалась, мы видели как чуть ли нес первого момента, когда она родилась, ее работа все время все более и более расползалась, ее существование становилось все более трудным, пока, наконец, она не стала совершенно невозможной. Здесь и бывший министр Зарудный, и бывший министр Церетели доказывали вам, как в известный момент, когда борьба классов в России обострилась, коалиция стала возможной, и только таким образом она могла спасти свою жизнь, только таким образом, что она перестала существовать, что ее должна была заменить личная диктатура. Товарищ Церетели это подробно и пространно доказывал. Приходилось спасать не коалицию, а приходилось спасать абстрактную идею коалиции. Ее нельзя было осуществить иначе, как таким образом, чтобы на том пустом [месте] которое осталось там, где была коалиция, была воздвигнута созданная руками революционной демократии диктатура одного человека. (Аплодисменты.) Нам часто говорят, и вы это уже слышали здесь, что буржуазную революцию нельзя делать без буржуазии, без сотрудничества с буржуазией. Но и это мертвая схема. Если посмотреть на вещи хоть несколько поближе, то мы должны ответить себе на такие вопросы. Может ли буржуазия, может ли цензовая буржуазия, кадетская или некадетская помириться с демократизацией страны, идущей так далеко, как та демократизация, которая в своем поступательном ходе, в своем поступательном развитии осуществляется российской революцией? Видали

ли вы в истории цензовую буржуазию, которая помирилась бы фактически с таким избирательным законом как тот, на основании которого мы должны выбирать в Учредительное собрание? Видали ли вы цензовую буржуазию, которая бы помирилась с аграрным переворотом, который должен привести всю землю без исключения в руки трудящего населения, в руки крестьян? Я утверждаю, что ни в одной крупной стране до сих пор ни одна революция даже в области аграрной, и именно в области аграрных отношений, не довела до такого глубокого переворота как тот, который сейчас происходит. Ни французская, ни английская революция, ни те революции, которые мы видели в половине прошлого столетия, не имели своим последствием переход [земли] в руки крестьян. Возьмите другие отношения, возьмите ту демократизацию армии, о которой здесь говорилось. Ведь фактически приходится признать, что русская армия скорей уподобилась в настоящий момент народной милиции, в общем и целом, чем той армии, которая во всех капиталистических странах является орудием владычествования буржуазии, которая является ее необходимым орудием. И в частности, и в настоящую империалистическую эпоху из рук русской буржуазии в настоящий момент ускользает это самое основное орудие ее классового господства, ее классового владычествования. (Аплодисменты.) С этим она помириться не может, с этим она тем меньше может помириться, что русская буржуазия, что ее самые ответственные руководящие круги, органически в настоящий момент связанные с доминирующими империалистическими кругами союзных стран: Англии, Америки, Франции и Италии, являются только звеном теперь в коалиционной цепи империалистических кругов этой половины мира. И в этом отношении русская революция в этом смысле становится интернациональным конфликтом. Ее классовое содержание углубляется. Русская буржуазия, защищая известные устои армии, защищает не только свои собственные интересы, она защищает интересы всей империалистической коалиции. Это она доказывает в самые последние дни. Создается такое впечатление, на основании последних выступлений кадетских органов по вопросу о мире, что кадеты, быть может, не только следуя известным назревающим намерениям и настроениям их фактических хозяев, английских и американских империалистов, но и думая, что если рус-

ской армии действительно суждено, а ей в особенности суждено после подавления корниловского мятежа стать очагом революции, стать этапом по пути к милиции, то в таком случае [лучше] освободиться от этой армии, лучше даже ускорить мир с этой целью. Товарищи, конечно, если не будет европейской революции, если нас не поддержит международный пролетариат, то результаты, ведь, не останутся за демократией, не будут закреплены в руках подлинной демократии и, в частности, авангарда революции, социал-демократического пролетариата. Но даже, если мы до известной степени работаем на буржуазию, если история обрекает нас на эту работу, то, даже работая на буржуазию, мы в известном смысле будем работать против нее. Даже когда мы боролись с корниловской опасностью, положение было такое, что если бы не мы, если бы [не] революционная демократия, которая убедилась бы в момент этой роковой для революции опасности в ненадежности, шаткости борьбы с контрреволюцией Временного правительства, которое где-то повисло в безвоздушном пространстве, в своей роли тампона, вечного среднего между революцией и контрреволюцией. Да, в этот критический момент для революции положение было такое, не вмешайся самым активным образом пролетарская крестьянская, солдатская демократия, то буржуазия обонапартилась бы окончательно. (Рукоплескания.) Результат тот, который мы наблюдали во Франции в 1849 г., что буржуазия пришла бы к власти только при помощи бонапартовского вмешательства, при помощи военных лиг и так далее. И конечно, она сама была бы обречена исторически фатально на то, что те, которые стремительно сбросили бы ее, и мы вернулись бы, если не к старому режиму, то к какому-нибудь промежуточному режиму между старым строем и чистым бонапартизмом. (Звонок председателя.)Мне приходится кончать. Разрешите сказать две фразы. Всякое соглашение основано на намечании компромисса – известной средней линии. В настоящий момент этой средней линии нет. Ее и быть не может, эта средняя линия в настоящий момент проходит через баррикаду.

Председательствующий: Слово принадлежит товарищу Чхеидзе.

Чхеидзе: Я на минуту займу ваше внимание. Наш президиум вынужден в настоящее время – это вопрос о самоопре-

делении этого собрания в отношении времени. Мною все доводы за и против были приведены, но нашелся один довод у президиума в пользу того, что предложение об ограничении пройдет, это жертвенное настроение, которое наблюдается в нашем собрании. И, кроме того, что президиум пришел к заключению, что принцип самоопределения национальностей от сокращения не потерпит, а даже ускорит самоопределение, поэтому президиум убедительно просит сократить время групп, которые имеют [намерения] говорить здесь, наполовину, и принять это без прений. (Рукоплескания.)

Председательствующий: Так как протестов нет, то позвольте считать принятым. (Голоса: Протесты есть.) Слово принадлежит представителю Польской социалистической партии товарищу Плавскому, пять минут. (Голоса: Товарищ, протесты имеются, это не митинг, а серьезное мировое собрание.). (Голос: Благоволите сообщить, сколько осталось всем национальностям говорить, сколько ораторов?) Товарищи, все группы, которых призыв товарища Чхеидзе к жертвенному настроению не убедил и те, которые протестуют, получат полную порцию. (Рукоплескания.)

Плавский: Я говорю от имени Польской социалистической партии, бывшей революционной фракции из партии, которая двадцать пять лет беспощадно боролась с царизмом и польской буржуазией, которая представляет громадное большинство польского пролетариата независимо от границ Австрии, Германии и России. И теперь, являясь к вам сюда, мы заявляем, что мы считаем русскую революцию, как всякую революцию, приближающую нас к торжеству социализма, где бы они ни были, нашей революцией. И эту революцию мы будем поддерживать всеми нашими силами и всем нашим опытом революционным, который мы приобрели не только здесь в России, но и в других западноевропейских странах. И вот, товарищи, я заявляю, что теперь, когда решается кризис власти в России, но когда переживает кризис и революция, но и когда она в полном расцвете, когда революционная демократия могла сделать то, чего она не может теперь сделать, тогда, товарищи, мы обратились к Совету рабочих и солдатских депутатов с тем, чтобы во имя международной солидарности идти вместе, бороться против возможной контрреволюции, и мы от этого совета получили отказ,

нас туда не приняли без всяких мотивов. (Голоса: Хорошо сделали. Позор.) Но мы, товарищи, теперь заявляем, что, несмотря на то, что верхи советов неизменно поступали совершенно неправильно, поступали не так, как должны поступать революционеры, мы, однако, заявляем, что в эту минуту опасности, что мы с русской революционной демократией. (Аплодисменты.) И вот, товарищи, мы должны заявить вам, что все то, что делалось в России, все эти колебания вправо, которые обнаружило Временное правительство, опирающееся в значительной степени на Советы рабочих и солдатских депутатов, нас не удовлетворяют. Мы, товарищи, считаем, что та политика, которая велась до сих пор, та политика компромиссов совершенно не состоятельна (Голоса: Правильно.) И вот эта политика, которую теперь хотят проводить некоторые бывшие министры, которые говорили здесь, что здесь без конституционной демократии, без буржуазии не может быть спасения революции, по-моему, обнаруживает только отсутствие веры в эту демократию, отсутствие знания творчества сил русской демократии. (Аплодисменты.) Наоборот, мы, поляки, польские социалисты верим в эту творческую мощь и думаем, что только неумение использовать эту демократию, неумение провести и углубить революцию дало такие плачевные результаты.(Аплодисменты.) Самодержавие сметено, но оно сметено с верхушки, но революция не углубилась, не затронула толщи народной массы и вот это углубление теперь на очереди. И теперь, когда мы говорим о власти, мы говорим, что вся та работа, которая до сих пор не сделана, может быть сделана только из пролетариата и из союзника его – демократии. Для диктатуры пролетариата нет объективных условий и поэтому пролетариат должен идти вместе с демократией и использовать существующие организации, Советы рабочих и солдатских, и крестьянских депутатов. Только опираясь на эти силы, она может углубить и повести революцию дальше. Быть может, помимо всего, буржуазия победит. Это больше, чем вероятно. И все-таки мы говорим, что если теперь революция не сумеет углубить свою базу, если не сумеет она построить прочного фундамента, то гораздо более вероятность, что буржуазия отнимет все свободы, чем, если теперь революционная демократия, взяв в свои руки власть, построит известный прочный фундамент, который никакая буржуазия до конца разрушить не сумеет.

(Аплодисменты.) И, товарищи, еще одно замечание. Если эта буржуазия победит, если она отнимет все завоевания революционных классов, которые теперь ими добыты, пусть это сделает сама буржуазия, этот вечный враг пролетариата, не в союзе с министрами социализма. (Аплодисменты.) И вот, товарищи, чтобы не утруждать вас и чтобы не злоупотреблять дорогим временем, я только скажу, что этому демократическому правительству следует, во-первых, [реализовать то,] что выставлено – я не буду перечислять из-за недостатка времени – товарищем из Украинской Рады. Мы целиком подписываемся под этими требованиями. Мы только подчеркиваем, что самой насущной, самой главной теперь задачей мы считаем предложение немедленно же на демократических началах всем воюющим народам мира, мир без аннексий и контрибуций на условии действительного самоопределения народов. (Аплодисменты.)

Председатель: Слово принадлежит Н.И. Бару.

Н.И. Бару: Товарищи, я являюсь представителем Еврейской социал-демократической партии .... Товарищи, в этом зале со всех сторон раздавались призывы к единению: к единению более широкому, коалиции, к единению более узкому – к единению внутри рядов революционной демократии. Но, товарищи, как и на Московском совещании, каждый из нас, вероятно, глубоко чувствовал, что мало единения в этом зале, что мало единения в этих полупустых ложах теперь, когда мы обсуждаем, к сожалению, национальный вопрос – один из самых острых вопросов в русской жизни. (Аплодисменты.) Товарищи, у меня всего пять минут. Покорнейше прошу дать мне возможность высказаться. Товарищи, когда обсуждают один из самых острых вопросов русской жизни, тогда в нем отражается, как алмаз, все то, что в остальных вопросах русской жизни делала до сих пор русская революционная демократия или ее руководящие круги. Товарищи, вчера здесь сказана страшная неправда, грозная для будущей работы русской революционной демократии. Здесь вчера нас разделили на беленьких и черненьких. Здесь сказали, что в рядах революционной демократии есть два лагеря: один жертвенный, который все готов отдать, а другой – эгоистический, который свои классовые, национальные, групповые интересы ставит выше революции, выше родины, выше всего. Это неправда. Ибо революционная демократия в своей про-

грамме четырнадцатого августа, в программе до того ограничительной, что дальше идти нельзя, в программе, которой она доказала, что она поняла мысль товарища Скобелева раньше, чем он сказал здесь, что русская революционная демократия, русская социалистическая демократия, вынуждена силою вещей в России делать работу общей демократии. Этой ограничительной программой четырнадцатого августа, она показала, что нет в рядах российской демократии эгоистов, ставящих общее народное дело, общее революции, выше своих собственных интересов. Но, товарищи, разве из-за программы мы спорим теперь здесь? Разве из-за программы мы столько раз возвращались к вопросу власти, разве споры внутри рядов революционной демократии идут из-за той программы, которую мы предлагаем власти? Нет, это не так. Мы спорим из-за того, как осуществлена будет эта программа. Товарищи, у меня мало времени, я должен сказать, что характерным для спора всей русской демократии с цензовыми элементами является то, что русская революционная демократия мыслила, что революция строится через самодеятельность масс, через революционно-демократические органы, выявляющие эту самодеятельность. Цензовые элементы не хотели видеть этой самодеятельности масс. Цензовые элементы хотели, чтобы до Учредительного собрания была бы тишь да гладь, чтобы никто не шевелился, чтобы маленькая кучка людей сверху творила историю русской жизни, рассматривала всякое проявление самодеятельности масс, как самочинные действия, как действия, узурпирующие их собственные интересы. Эта точка зрения – точка зрения, отрицающая революционные методы работы в самом корне. Эта точка зрения привела к тому, что во всех областях русской жизни Временное правительство, в котором буржуазная часть навязывала представителям революционной демократии эту точку зрения. Временное правительство было, во-первых, безответственно, ибо не было тех органов революционной демократии, которое оно ставило бы над собой, или рядом с собой и, во-вторых, Временное правительство все время тормозило работу широкой самодеятельности народных масс.(Аплодисменты.) Из этого, товарищи, мы должны сделать вывод, вывод окончательный. Если вы, товарищи, думаете, что дальше так можно продолжать, если вы думаете, что мы все, революционные народные организации, демокра-

тические, можем убраться, можем сказать: «Мы беспрекословно будем повиноваться дирижерской палочке сверху». Если вы думаете, что русская революционная [демократия станет] массовой народной властью, тогда, идите в коалицию с буржуазией. Если же вы не верите, что те массы, которые стоят за вами, что вы сумеете подчинить [их] этой магической дирижерской палочке, убрать, поставить на место все демократические организации, вы должны честно сказать, что коалиция невозможна. Ибо при практических методах революционной работы она не проводима и не будет проведена. И эти шесть месяцев работы доказали, что она [без] нее может быть проведена. Товарищи, национальный вопрос – лучший пример того, что можно было сделать и чего не сделали. Товарищи, глубокая пропасть лежит в национальном вопросе между революционной демократией отдельных народов. Почему она лежит? Потому что самодеятельность масс в национальном вопросе, инстинктивные стремления этих масс национальных, освободившихся от гнета, которые можно было претворить в могучий источник энергии революционной силы, были взяты под подозрение правящими классами, а затем и частями российской демократии из источников розни и погибели. Позвольте вам сказать: я представитель пролетариата еврейского народа, народа, который не имеет эгоистических и угнетательских национальных интересов. Потому что он народ-меньшинство, потому что всюду, защищая национальные права тех народов, среди которых он живет, он требует гарантий для себя, народа-меньшинства. Тех прав, которые имеют все народы, среди которых он живет, добиться для него широкой, национальной, персональной автономии.

Председательствующий: Товарищ, ваше время давно истекло. Слово имеет товарищ... от польских социалистов-демократов.

Товарищи и граждане, мне представлено только несколько минут, так что мне придется ограничиться только прочтением декларации, которая указывает, как польский пролетариат и здесь, и там, по ту сторону, у нас в крае русской революции. Раньше, чем прочитаю декларацию, хочу вам заявить, что с самого начала революции польский пролетариат вначале шел рука об руку в рядах революционной социал-демократии, которую мы считали и теперь считаем

единственной, [с] теми, которые ведут последовательно пролетарскую политику. И, в связи с тем, совершенно определенно заявляю, что наша здесь организация, что польская социал-демократическая организация по отношению к правительству стоит на той позиции, на той резолюции, которая выдвинута, была в резолюции социал-демократов и принята Петроградским и Московским советом рабочих и солдатских депутатов. Товарищи, и наша точка зрения, то есть точка зрения польских социал-демократов, организованных здесь в России, и точка зрения польских социал-демократов, наших товарищей, которые в настоящий момент находятся под гнетом германского правительства, одна и та же. И та декларация, которую я вам здесь прочитаю, является не только нашим взглядом здесь организованных польских социал-демократов, это также взгляд и наших товарищей, которые борются по ту сторону с германским правительством в связи со своим стратегическим положением. (Читает. Рукоплескания.)

Председательствующий: Слово принадлежит товарищу Пийпу от Эстонской трудовой социалистической партии.

Пийп: Товарищи, я своего времени не использую. В дополнении декларации прочитанной товарищем Нуцубидзе, я сделаю только одно заявление. Здесь было правильно сказано, что в республике единоличная власть немыслима, скажу – недопустима. Если это так, если свободный народ не может взваливать всю тяжесть и ответственность, не может передавать своей полноты власти своим единоличным представителям, поэтому совершенно естественно, что здесь выдвигается, и была выдвинута идея временного, полномочного, всенародного представителя. Органа, к которому переходит конструирование власти на тех началах, которые будут установлены Демократическим совещанием. Поэтому мы, не предрешая вопрос, но, допуская его решение, говорим, если будет создано это учреждение, если революционный предпарламент превратится в факт, то в этом предпарламенте, наряду с другими группами, должны быть достойным образом представлены интересы национальные. (Рукоплескания.) Ибо русская революционная демократия, которая провозгласила принцип самоопределения народов, которая явилась единственной – кроме себя самой – надеждой на освобождение демократией народов порабощенных, эта русская демок-

ратия должна сделать уже практические выводы, одним из которых является достойное представительство народов, что, к сожалению, не всегда до сих пор бывало. Таким образом, мы видим, что наступает время практического осуществления лозунгов. Идя рука об руку с революционной демократией всех народов России, мы доведем страну до Учредительного собрания, великой Российской федеративной республики, ибо вне другого сотрудничества народов нет ни спасения России, ни углубления революции, ни торжества социального раскрепощения порабощенных народов. (Рукоплескания.)

Председательствующий: Слово принадлежит представителю от еврейской социалистической партии.

Фамилия неизвестна: Товарищи, я очень ограничен временем, у меня имеется пять минут, но я сын народа, который привык в течение веков к ограничениям, поэтому я, считаясь с нашими историческими традициями, постараюсь сказать в это короткое время, что смогу. (Рукоплескания.)

Председательствующий: Ограничение это распространяется не на вас только.

Фамилия неизвестна: Я и не говорю, что оно распространяется только на меня, и не усматриваю в этом антисемитизма. Я говорю по существу вопроса. Первое: вопрос о конструкции власти. Наша партия является и являлась сторонницей коалиционной власти и мы, как партия угнетенной народности, понимаем момент, когда перед нацией и народом могут стоять общенародные общенациональные интересы. Мы знаем, что вражда в народе, все-таки в силу исторической общности может найти общий язык для того, чтобы говорить определенно, понять друг друга. Но у каждой угнетенной нации есть верхи, которые от нации отрываются, которые ассимилируются, которые защищают не интересы данной нации, а идут против них. С этими верхами народ и нация, которые отстаивают свои права, идти не могут. Когда мы теперь говорим и утверждаем, что перед российской революцией стоит, безусловно, национальная задача, мы должны посмотреть, нет ли в тех силах, которые имеются в России, таких, которые мы, пользуясь терминологией угнетенной нации, могли бы назвать ассимилизационными, которые идут против интересов данного народа? Мы, будучи сторонниками коалиции, мы должны в данный момент сказать, что в это мы не верим и это не признаем. Если, товарищи, вы хо-

тите знать, кто убедил нас в этом, то больше всего убедили нас руководители российского пролетариата и российского крестьянства, которые никогда импульсивностью не отличались. Которые были в состоянии в те моменты, когда были большие напоры слева, стать грудью на почве общенациональных задач, перед которыми стоит Российская революция. Но когда ударил гром корниловщины, когда удары молнии осветили русскую действительность, тогда эти руководители российской революции и я повторяю – не отличающиеся импульсивностью, тогда им ясно стало соотношение сил в первый момент... (Не слышно), они заявили, что в данном случае вся конструкция министерства, все создание власти может быть только без кадетов. Поэтому, товарищи, я считаю в настоящий момент кадетов являющимися ассимилизационными элементами Российского государства, стоящими вне тех народных задач, которые стоят перед государством. Мы не можем идти с ними в данный момент просто потому, что нет общего пути. Может быть, если мы с ними не пойдем, то создадутся более благоприятные условия для того, чтобы необходимость идеи национальной коалиции со временем могла бы действительно восторжествовать и привести к желанному концу. Не нужно, товарищи, играть словами, нельзя говорить о коалиции без кадетов. Нам нужны широкие городские власти, широкое мещанство, но разве мещанство – это тот оплот, который может разрешить задачи общегосударственной разрухи? Нет, это потребители, а не производители. Когда мы говорим о промышленности, то имеем в виду крупную буржуазию. Когда мы говорим о коалиции, то нам казалось, что мы включаем действующие силы и общие силы, носящие задачи русской революции на своих плечах. Но эти надежды не оправдались. К сожалению, это оказалось утопией. Мы говорим: представители мещанства идут все равно с нами, они могут идти за нами, но они не те социальные силы, в сотрудничестве с которыми, с крупной промышленностью и буржуазными партиями мы бы смогли приблизиться к разрешению тех задач, которые стоят перед российской революцией. Еще, товарищи, два слова по одному специальному вопросу, который нас интересует, по вопросу национальному. Мы говорили, и на Всероссийском совете съездов российских депутатов была принята формула создания национального совета. К сожалению, этого не было сде-

лано. Если это не было сделано до сих пор, это крайне печально, ибо печальная развернулась перед нами картина, когда представители отдельных народностей указывали: центральное управление не имело никакого понятия о тех особенностях бытовых и экономических, в которых находятся народности России. Этим самым оно не приблизило их к российской революции, а отдалило, ибо та атмосфера отчуждения, которая царила при царском режиме, как оказалось, не исчезла при победе российской революции. И вот мы настаиваем на том, чтобы Временное правительство в первую голову создало бы какой национальный совет. Товарищи, я скажу теперь еще одно слово, как еврей: я должен сказать, что та анархия, которая имеется в стране, питается теми вековыми предрассудками против еврейского народа, которые называются антисемитизмом. Мы знаем те контрреволюционные силы, в интересах которых играют на этой, к сожалению, еще звучащей в душе российского народа, струнке. Мы знаем, кто является сотрудником в этом и могли бы сказать от имени еврейского пролетариата, от имени трудящихся еврейских масс, что мы требуем и верим, что весь авторитет власти, все организованные силы России, демократии, русской революции и русской революционной армии сплотятся вместе с нами для того, чтобы отстоять те мыслимые у вас и у нас, евреев, жертвы дикого произвола, которые могут пасть, если не будут приняты организованные меры, если эта задача не станет во всей широте даже по пути победоносного шествия российской революции. (Рукоплескания.)

Кемп (От Латгальской социалистической партии трудового народа). Товарищи и граждане. Я постараюсь быть кратким и из предоставленного мне времени постараюсь сэкономить для общего блага. Я буду говорить от имени латгальской демократии. Для большинства из вас, вероятно, возникнет вопрос: что это за Латгалия, что такое латгальский народ, где они находятся. Если, граждане и товарищи, вы этого не знаете, то это потому, что в русской школе при старом режиме изучали отечественную историю по учебнику Иловайского. Больше я ничего не скажу. Итак, ограниченный временем я не смогу прочесть той декларации, которую мне поручили прочесть Латгальский народный комитет и Латгальская социалистическая партия трудового народа. Скажу вкратце:

Латгалия – это часть северо-западного края; это народ, представляющий полмиллиона, родственный литовцам и латышам, находящийся теперь под ударами Германии. Часть этого края уже занята, часть, может быть, накануне занятия и разгрома. Итак, от имени Латгальского народного комитета и Латгальской социалистической партии трудового народа, я постараюсь резюмировать вкратце то, что в декларации было написано, и то, что я за краткостью времени не могу прочесть. Полумиллионный латгальский народ – это крестьянский народ, рабочая, крестьянская, фабричная масса. Буржуазных классов у нас, к счастью, незначительный процент, но они, все-таки играют значительную роль, благодаря той темноте, непроглядному мраку, бесправию, в котором наш народ находится. Этот народ был предназначен правительством старого режима к уничтожению во имя идеи: православия, самодержавия и русской народности. Но этот народ выдержал весь гнет репрессий, сохранил свою трехсотлетнюю литературу, сохранил начала самобытной культуры и свое старинное арийское наречие и дождался дня великой российской свободы. Народ крестьян, батраков, рабочих, он может идти только с демократией всех народов России. И для того, чтобы это движение общего революционного фронта было углублено, необходимо, чтобы те пункты декларации, которые были прочитаны от имени Совета национальных социалистических партий России и к каковой декларации присоединяется наша партия и наш национальный комитет, чтобы эти принципы были действительно проведены в жизнь. Чтобы лозунги «братство, свобода, самоопределение народов» не писались только для иностранного употребления (Рукоплескания), а чтобы действительно в России эти малые народы чувствовали, что это к ним. Несмотря на то, что наш народ мал, им пренебрегать не следует, ибо полководец, командующий целыми корпусами, не пренебрегает даже одной ротой, потому что и одна рота представляет единицу одной и той же великой армии. Поэтому осуществление принципов, провозглашенных Советом национальных социалистических партий, является исходной точкой той общей революционной демократической работы, которую мы будем вести в общем революционном фронте. И без осуществления этих пунктов немыслима, товарищи и граждане, дружная, плодотворная работа в деле спасения родины, в де-

ле усиления боевой мощи армии и в деле закрепления той демократической свободы и тех социальных завоеваний, которые мы уже сделали. В деле осуществления тех идей, за которые мы боремся и будем, может быть, еще долго бороться, но, во всяком случае, будем бороться до конца: до победы революции и свободы, до полного осуществления демократических прав всех народов. (Рукоплескания.)

Председатель: Слово имеет товарищ Кужанов от Польской социалистической партии, бывшей фракции революционной.

Кужанов: Товарищи, здесь упрекали Временное правительство за его стремление к коалиции с контрреволюционными классами России. Но это стремление проявлялось нетолько в великорусском организме – оно пошло дальше. Временное правительство было в согласии, в коалиции в Финляндии, а дальше в Польше. Оно соединялось в действиях с польской буржуазией и с польской контрреволюцией, так называемой национальной демократией. Этой национальной демократии при попустительстве со стороны Временного правительства удалось создать польскую армию, которая, конечно, теперь есть под всецелым влиянием этой контрреволюционной партии Польши. Теперь национальная демократия образовала уже правительство польское в Париже, и наши союзники уже его признали. И ходят слухи, что и наше Временное правительство собирается признать тоже это национальное, а фактически контрреволюционное польское правительство в эмиграции. Главой этого правительства состоит Дмовский, глава польской контрреволюции – тот самый, который кричал в Думе, что буржуазии польской нужна автономия Польши потому, чтобы подавить революцию. И вот я, как член и представитель Польской социалистической партии, впервые за время этой революции встаю перед вами выразителем всей разрушающей старые формы насилия и гнета, но и созидающей новое здание свободной революционной России, а, тем более, и здание независимой Польши. Но если действительно имелись акты по отношению к Польше, то они создавались под влиянием революционной демократии, и только, якобы революционное правительство стояло на точке зрения Милюкова, точке зрения кадетской. Во имя этой солидарности с революционной демократией, которая состоит союзницей нашей независимо-

сти, мы явились на это совещание. И надо определенно сказать, что ни одно проявление творческих сил демократии не-будет пропущено на нем. Тот взгляд должен руководить вами, когда будете прислушиваться к голосу отдельных наций, в частности к заявлению нашей партии, которая помимо всяческих усилий не могла добиться своего места в революционном аппарате борющейся революции и, к сожалению, должна была идти отдельно и попутно с революционным движением в России. Это не упрек. На этом совещании не должно быть взаимных обвинений, из него революция должна выйти окрепшей. Дальнейший успех революции будет достигнут лишь при наличии различия принадлежности в той или другой идеологии или национальности. Революционная демократия в своих рядах встречает, и будет встречать Польскую социалистическую партию, которая так[же], как и мы, в потрясенной войной стране, стремится воздвигнуть здание независимой демократической Польши. Лозунг этот, провозглашенный нами, проводится нами на деле, помимо препятствий, польской реакции и оккупантов, проводится при наличии насилия оккупационной власти.

Председатель: Товарищ, ваше время прошло.

Кужанов: Я сейчас кончу (Читает) «Мы создаем <...> да здравствует наша и ваша свобода». (Рукоплескания.)

Председатель: Товарищи, прежде чем исчерпать список ораторов от национально-социалистических партий, нужен один час, и президиум уповает, что все-таки кворум будет (Голоса: Отложить.) Кто думает об отложении, тот должен подумать и о позднем отъезде из Петрограда. Завтра в десять утра собрание исполнительного комитета Всероссийского [совета] крестьянских и рабочих депутатов. Слово имеет товарищ Жилунович от Белорусской социалистической громады. Товарищ, я вас очень прошу не выходить из пределов предоставленного вам времени.

Жилунович: Товарищи и граждане, белорусская демократия при старом режиме вынуждена была бороться в двух направлениях – и за идеалы, за которые боролась вся демократия, демократия всего мира, и за идеалы культурного национального возрождения своего народа. Белорусская демократия все время шла нога в ногу в российской демократии, в настоящее время, когда лозунг самоопределения наций, в то время, когда власть фактически осталась в руках демократи-

ческой России, когда эти лозунги могли быть претворены в жизнь, они только были приняты в теоретическом отношении. И вот, все это время, начиная с первых дней революции, когда происходило создание разных властей и беспрерывная смена всяких коалиционных правительств, в это время белорусская коалиционная демократия стояла в стороне. Она стояла на той точке зрения, на которой стоит в настоящее время революционная демократия и всяких других национальностей. Белорусская революционная демократия в настоящее время, пользуясь случаем, который ей предоставлен, чтобы внести свой вывод о конструировании власти, давно уже предрешила этот вывод. Вопрос был решен в том смысле, что власть может быть сконструирована только на началах единовластия, она признает народную социалистическую власть без всяких коалиций, которые изжиты в свое время и которые не принесли для народа России в целости и для отдельных национальностей никакой пользы. (Аплодисменты.) Товарищи, в настоящее время, когда вопрос о коалиции решается – белорусская революционная демократия стоит на той точке зрения, что та власть, которая будет создана единолично, то есть власть демократическая, если она не провозгласит демократической федеративной республики, к этой власти белорусской демократии не будет никакого доверия. Товарищи, вы не думайте, это печальный вывод: когда идет вопрос о разрешении национального вопроса, и скамейки в этом зале пустуют. Но не забывайте, товарищи, что был момент такой, что даже министерские скамейки из-за национального вопроса пустели, это из-за вопроса украинского. И будет время, если только российская демократия не пойдет на правильное решение национального вопроса, опустение всяких министерских скамей, какие бы то ни были, и в каких бы условиях они не находились.

Председатель: Слово принадлежит представителю еврейской национальной группы Ефройкину.

Ефройкин: Граждане, за пять минут, которые имеются в моем распоряжении, я должен ограничиться прочтением декларации специально по национальному вопросу, и скажу лишь несколько слов по вопросу о власти, который стоит в центре внимания настоящего совещания. В отличие от других еврейских партий, выступавших до меня, Еврейская народническая партия, которую я здесь представляю, стоит

вполне определенно на точке зрения коалиционной власти, со всеми прогрессивными республиканскими элементами буржуазии, стоящими на почве завоевания революции. И это не только потому, что мы не верим в способность одной демократии справиться с величайшими задачами, стоящими перед страной, задачами обороны и урегулирования народной жизни. Не только потому, что мы считаем все эти попытки путем лести демократии уговаривать ее, будто бы она одна в состоянии взять на себя эту колоссальную задачу, подобной которой не знает человеческая история. Но и потому, что только общенациональная коалиционная власть будет обладать должным авторитетом в глазах всей страны. По национальному вопросу мы присоединяемся к предложению, которое исходит от Совета национальных социалистических партий относительно создания Совета по междунациональным делам при Временном правительстве. Вместе с тем, считая, что условием расцвета России является разрешение национального вопроса на почве территориальной и национально-персональной автономии, которой для еврейского народа добиваются все еврейские партии, мы, вместе с тем, полагаем, что окончательное решение национального вопроса в России, связано с вопросом о государственном устройстве страны, может иметь место только в Учредительном собрании. Но это не значит, что уже в данный момент не должны быть удовлетворены неотложные требования национальностей, неотложные задачи момента. Так же, как мы это утверждаем в общесоциалистической области, это должно иметь место и в области национальных отношений. Нельзя идти тем путем, которым шло правительство до сих пор, ибо революционная власть должна сознательно ставить и формулировать свою междунациональную политику в виде уступок требованиям национальностям, не в форме частичного соглашения в результате переговоров и торга. Это путь недостойный революционной демократической власти. Должны быть выработаны общие определенные начала. Должен быть установлен план сознательный и твердо проводимый в соответствии со стремлениями российских национальностей, которые должны быть согласованы как между собой, так и в интересах государственного целого. В ряде тех неотложных мер, которые ныне же должны и могут быть вполне осуществимы, не нарушая интересов национальностей, мы, Еврей-

ская народная партия, выдвигаем: первое — узаконение Временным правительством организующихся теперь повсеместно... (Читает.)

Назарянц: Товарищи, прежде всего я должен предупредить, что я говорю только от имени партии Дашнакцутюн - потому, что я принадлежу к этой партии, объединяющей большинство армянского трудового народа. И я не ошибусь, если скажу, что голос этой партии является голосом большей части армянской демократии. От имени этой партии я считаю своим приятным долгом поздравить российскую демократию с величайшим приобретением русской революции, с превращением приказного строя в свободную республику. Вместе с тем, я считаю нужным приветствовать от имени армянской демократии настоящее Демократическое совещание в полной уверенности, что лишь объединенной демократии суждено вывести Россию из создавшегося бедственного положения. Армянский народ как по эту, так и, в особенности, по ту сторону Кавказа, принес наиболее тяжелые жертвы молоху войны, и он наиболее страшно должен жаждать наступления тех условий, при которых он получит возможность излечить свои раны и возродить свои дымящиеся руины. Однако как бы ни было велико это желание, как бы страстно мы ни жаждали мира, но мы заверяем решительно, что мы отвергаем идею мира, во что бы то ни стало, ибо такой мир не может быть приемлемым для российской демократии. Демократия может заключить только такой мир, который никем не будет навязан России. Мир без давления и принуждения с чьей бы то ни было стороны, мир свободный и способный обеспечить России свободное экономическое и политическое развитие. С другой стороны, обеспечит всем народам их право и, с третьей, мир, который может застраховать человечество от войны в будущем. Мы уверены, что такой мир может быть получен только на основании принципов, выдвинутых российской демократией на основании лозунга, провозглашенного российской демократией, лозунга мира без аннексий и контрибуций, на основании самоопределения народов. И так как такой мир вполне соответствует чаяниям и надеждам армянской демократии, то наша партия всецело присоединяется к нему. (Аплодисменты.) Как известно, старый режим в первые дни завоевания части турецкой Армении забыл свои торжественные заявления об освободитель-

ном характере войн. И не только вопреки справедливости, а вопреки международным обязательствам, нашедших свое выражения в определенных статьях Гаагской конференции, расположился там, как у себя дома. И стал вводить те же порядки, которые покрыли позором русское имя в Галиции. Новая Россия освободила нас от этого кошмара, и ее лозунг: «Мир без аннексий» внушает армянам уверенность, что ни с какой стороны не может быть покушения на завоевания области, то или иное устройство которых должно быть продиктовано исключительно интересами их населения. (Аплодисменты.) Переходя к настоящему моменту, считаю необходимым заявить, что появившиеся вчера в некоторых газетах заметки о том, будто бы армяне требуют немедленного введения федеративной республики, является вымыслом. Мы даже не подвергали обсуждению этот вопрос. Мы продолжаем оставаться на почве той декларации, которая нами была сделана в Московском совещании, то есть армяне не будут выдвигать никаких национальных требований до Учредительного собрания (Аплодисменты), требований, которые могли бы создать затруднения молодой республике в деле укрепления завоеваний революции, и, тем самым, решительно отвергаем всякие сепаративные выступления. Тем не менее, мы считаем необходимым отметить, что шатания власти в центре особенно болезненно отзываются на окраинах, и, в частности, на Кавказе с его разноплеменным населением. Мы утверждаем, что только власть, опирающаяся на революционную демократию и пользующаяся ее активной поддержкой, может довести страну до Учредительного собрания, и что кавказская власть должна быть сколком этой власти, она должна стать вне борьбы местных страстей и, опираясь на демократические органы всех кавказских народностей. В этом только случае может быть обеспечено спокойствие в нашем крае и соблюдены интересы не только отдельных национальностей, но общей российской государственности. Я бы хотел обратить ваше внимание еще на одну особенность тех условий, в которых живет наш край. Велика опасность, грозящая России с Севера и Запада, но еще большая опасность, грозящая Кавказу в случае прорыва нашего фронта, так как в этом случае на карту были бы поставлены не только достояние, но и жизнь многих десятков, может быть, сотен тысяч мирных жителей. А поэтому, я уверен, что я исполню лишь

свой священный долг, если упомяну о тех серых героях русской революционной армии, которые вот уже четвертый год в непроходимых горах дикой Армении несут героический крест, охраняя границы родины и завоевания революции, и приветствие настоящего Демократического совещания этим героям явилось бы признанием их заслуг и показало бы, что ценим их жертвы.

Янушкевич (представитель Совета трудового народа Литвы): Товарищи! У меня как раз нет жертвенного настроения жертвовать своим временем. Для меня было тяжелой жертвой, когда я в этом собрании демократии видел отношение к ораторам, когда они выступали по национальному вопросу. Для меня, демократа, много лет борющегося в рядах русской демократии, было тяжело, и я вышел на эту трибуну со смешанным чувством негодования и грусти. Я не хочу сравнивать это собрание с Государственной думой – я, пять лет пробывший в четвертой Думе, видел подобное этому отношение к левым ораторам, когда они выходили на трибуну, и, в том числе, к товарищам социал-демократам, к которым принадлежит и наш уважаемый председатель. Там тоже их не слушали, потом увидели, что речи их, когда они исполняли свой долг, имели значение и последствия невнимания были серьезными. (Аплодисменты.) И вот, товарищи, не хотел бы, чтобы отношение демократического собрания было таково, каково оно было сегодня к национальным вопросам, от правильного разрешения и зависит, я утверждаю, судьба Российской республики. (Голоса: Верно, рукоплескания.) Товарищи, мне приходится говорить от имени Совета трудового народа Литвы, находящегося здесь в изгнании. Наравне с революционной демократией всей России, мы заинтересованы в успешном развитии русской революции и составляем один из отрядов революционной международной демократии. (Рукоплескания.)Товарищи, вопрос о свободе трудового литовского народа мы никогда не связывали и не ставили в зависимость от успехов империалистов и буржуазии ни одной из воюющих сторон. Мы свободу нашего народа связывали и связываем с успехами российской революции, имеющей, по нашему мнению, международное значение. И поэтому, все усилия демократии, полагаем мы, должны быть направлены на ее углубление и расширение, чтобы она перебросилась на другие страны и вызвала бы везде дух борьбы

с угнетением, какое бы оно ни было и откуда бы оно ни исходило. Товарищи, всегда в революционной борьбе за общую свободу против царизма демократия национальностей, и вы должны это знать, была в первых рядах. (Рукоплескания.) И всегда, когда торжествовала реакция, то самые страшные удары в первую очередь обрушились на нее же. Товарищи, никто не может забыть карательных отрядов [в] Литве и Латвии. Наша первейшая задача – борьба с контрреволюцией, ибо контрреволюция в первую голову обрушилась бы на нас. И мы знаем, чего бы это стоило нам и во что бы это обошлось нам. Товарищи, если кто-нибудь испытал ужасы войны, то это именно литовская трудовая демократия и литовский народ. И поэтому мы, более чем кто-либо другой, понимаем всю гибельность для страны дальнейшего ведения войны и те, кто не хотели или не умели бороться за международное решение вопроса о том, становились не двигателями революции, а тормозами ее. (Рукоплескания.) Даже более: они могут быть причиной гибели революции. С лишком три года литовский народ переносит весь кошмар мировой бойни. Были разгромлены города, сжигаемы местечки, бесчисленные физические и нравственные страдания испытываются ими до сих пор. Грубое попеременное надругательство и насилие воюющих, изгнание тысяч людей, обреченных на полуголодное состояние и на частую смерть – вот, что дала война Литве. И чем более она затягивается, тем более ясной становится участь малых, так называемых «малых народов», пасть жертвой на алтарь европейского империализма и международного капитала. А отрезанному со всех сторон миллионными армиями населению Латвии угрожает прямая опасность погибнуть от голода. Войне, говорим мы, литовская революционная демократия, должен быть положен конец. (Рукоплескания.) И в этом направлении революционная демократия и будущая революционная власть должны сделать все усилия, чтобы провозглашенные российской революционной демократией и признанные официально Временным правительством России лозунги демократического мира: без аннексий и контрибуций, на основе полного самоопределения народов, сделались бы общими для всех союзников, а не были бы лишь российскими. (Рукоплескания.) Присоединение к этому лозунгу должно быть ясное и определенное. Настал момент, товарищи, когда слова должны быть претворены в

дело. Революционная демократия должна идти впереди и здесь, стать на путь реального осуществления прав самоопределения народов, входивших и входящих в состав Российского государства. И мы всей силой убеждения, в сознании своей ответственности пред революцией и судьбой нашего народа, пред лицом уже совершающихся в Литве событий, пока не поздно, говорим вам, что каждый пропущенный час и день теперь чреват последствиями для нашего общего дела революции. Поэтому мы настаиваем, чтобы по отношению к Литве, как спорной территории, немедленно актом новой революционной власти было декларировано право на самостоятельное решение вопросов своего политического бытия и в Учредительном собрании Литвы. (Рукоплескания.) Литовский вопрос связан с условиями европейского мира и стал уже международным. Мы уверены, что и Российское учредительное собрание признает за Литвой это право. Мы настаиваем, чтобы определенно было заявлено, что территория Литвы не станет при заключении мира предметом торга воюющих государств, что трудовому населению Литвы будет обеспечено возмещение убытков за счет воюющих государств. Временное правительство всех трех составов в деле осуществления принципов, возвещенных органами революционной демократии, официально им самим объявленных ровно ничего не сделало. (Рукоплескания.) Находясь почти совершенно вне контроля революционной демократии, сдавая позицию за позицией натиску шовинистической буржуазии, оно своим небрежным отношением к национальным вопросам привело к событиям на Украине и способствовало возникновению конфликта с Финляндией. Такая политика угрожает целости революционного фронта и делу революции (Рукоплескания), падению ее нравственного и морального авторитета и подрывает веру в нее, заставляя народы искать решения своих вопросов уже изолированно от русской революции. (Аплодисменты.) Мы уже не раз говорили, что Временное правительство, создавая Ликвидационную комиссию Царства Польского, включило туда Сувалкскую губернию, являющуюся в огромной своей части литовской. И этим как бы подтвердило от имени революционной России трактат Венского конгресса, разорвавшего Литву на две части, трактат тиранов и царей Европы. Оно этим окрылило надежды польских шовинистов, стремящихся к захвату литовской тер-

ритории и к угнетению ее народа трудового. И это было сделано в тот момент, когда Литва является объектом вожделений германских и польских шовинистов, стремящихся навязать литовскому народу решение его судьбы, помимо его воли и против воли. А германская же монархия руками ее прислужников и предателей интересов трудового народа уже готовится поставить трон в Литве, на который должен воссесть ставленник тирана. Мы заявляем с трибуны, что всякие такие попытки, с чьей бы стороны они не исходили, встретят со стороны литовской революционной демократии самый решительный, самый действенный и беспощадный отпор. Мы всеми мерами и средствами будем бороться с насильниками воли нашего народа, где бы они ни были. (Аплодисменты.) Временное правительство еще и до сих пор не ликвидировало остатков старого царского режима. Оно не произвело чистки эвакуированных учреждений, ни административных, ни школы и так далее. Оно оставило не реформированным Особое совещание по оказанию помощи беженцам, переполненное черносотенцами, где председательствуют члены Четвертой думы, ставленники Протопопова.(Аплодисменты.) Это совещание тратило деньги на зубчаниновщину в то время, когда трудовой беженский народ голодал. Помощь пострадавшим от войны должна быть реорганизована, а это Совещание демократизовано. В этом совещании должны быть введены представители национальных демократий. Несмотря на неоднократные заявления о предоставлении права выезда на родину литовцам, насильно выведенным царскими властями в 1915 г. из Восточной Пруссии, этим несчастным женщинам, детям, старикам, им до сих пор не разрешают вернуться на родину, и они вымирают здесь. Еще в позапрошлом году они просили меня, как депутата, чтобы я или требовал у русского правительства, чтобы их или расстреляли, или чтобы пустили на родину. И до сих пор они находятся в невероятно тяжелом положении. (Голоса: Позор.) Еще правительству Львова было подано об их освобождении заявление, но оно лежит под сукном до сих пор. При составлении польских полков, наших солдат отправляют туда лишь только потому, что они католики, не спрашивая их согласия, оттуда им освободиться чрезвычайно трудно. Мы считаем, что так дальше продолжаться не может. За единый революционный фронт мы боремся изо дня в день с собственной шови-

нистической буржуазией; пусть же и российская демократия все усилия [направит] к тому, чтобы не был разъединен наш общий фронт враждебными нам силами. В ответ на вопрос, какая нужна власть, мы говорим: чтобы общий революционный фронт демократии всех народов России был непреодолим, чтобы были разрешены все коренные вопросы, нужна мощная революционная, однородная власть демократии (Аплодисменты), опирающаяся на всю организованную демократию и ответственность перед ее представительным органом. Только такая власть сможет спасти революцию и оградить ее от всяких опасностей. (Аплодисменты.)

Председатель: Товарищи, есть предложение наше заседание сегодня прекратить, не от президиума исходящее, а от членов присутствующих. Позвольте голосованием вырешить вопрос.

Голос из группы национальностей с места: Позвольте извиниться перед той публикой, которую мы задержали. Извиняемся, господа, и благодарим за внимание, а председателя за то, что он позволил нам до сих пор, хотя и иронически, но все-таки позволил, еще побеседовать хоть между собой. (Аплодисменты.) (Голоса: И это русская демократия. Без оскорблений.)

Председательствующий: Я просил бы, прежде всего, ненарушать порядок. (Голоса: Какой порядок?) Пожалуйста, прошу не нарушать порядок, я вам слово не давал, и вы нарушили порядок тем, что взяли слово захватным путем. Товарищ председатель достаточно уважения питает к национальностям России, чтобы не позволить себе никакой иронии по отношению к какой бы то ни было национальности. (Аплодисменты.) Я не знаю, товарищи, какой национальности вы изволите принадлежать. (Голос: Вы меня спрашиваете?) Я вас не спрашиваю, я вас не перебивал. Я вам заявляю, товарищи, если вам не знакомо мое отношение к национальному вопросу, потрудитесь взглянуть в стенографические отчеты двух Государственных дум, и вы увидите, что когда вы вынуждены были в подполье думать о ваших национальных вопросах, я перед всем миром отстаивал интересы национальностей. (Голоса: Браво! Аплодисменты.) (Голос: Да здравствует Чхеидзе! Аплодисменты.) Товарищи, все-таки разрешите этот вопрос голосовать. (Баллотировка.) Угодно продолжать, пожалуйста. Слово имеет товарищ Воронко от Белорусской центральной рады.

Воронко: Товарищи, я бы сказал еще, граждане, но граждане, как видно, ушли, остались только товарищи. (Аплодисменты.)Товарищ Чхеидзе сегодня утром, останавливая одного из ораторов, сказал, что здесь не место для удовольствия. Я считаю, что национальный вопрос как раз не удовольствие, так как перед собою я вижу не то, что отсутствие кворума, а полупустой театр.(Голоса: А мы?) Товарищи, прежде всего я должен сказать, что такое отношение к национальному вопросу для нас не новость. Когда в Москве устраивалось Государственное совещание, было предложено, чтобы национальностям дать говорить между перерывами, или во время перерывов, как дивертисменту. Вот как решаются национальные вопросы в России. Даже и сегодня(Голос: это клевета.) в этом зале, два раза хотели ограничить наше время (Голоса: Просим.), потому только что впереди следовали национальности. Национальности, представляющие собой всю Россию, ибо тот букет, который был здесь на этой трибуне, разве это не большинство России, разве это подавляющая демократия российская? (Голоса: Нет.) Так решаются национальные вопросы в России частью революционной демократии. В моем распоряжении десять минут. Я могу их использовать так, как это подобает моменту и так, чтобы не нарушить целости ведения собрания. Прежде всего, товарищи, я должен заявить, что Центральная Рада белорусских организаций во всем солидарна с заявлениями наших товарищей, представителей Украинской центральной рады. (Аплодисменты.) Во-вторых, Центральная рада белорусских организаций, состоящая из социалистов исключительно, поддерживает декларацию, оглашенную здесь нашим товарищем Нуцубидзе от имени Центрального совета национальных социалистических партий России. К этой декларации я должен еще прибавить по политическому вопросу следующее. В политическом вопросе Центральная Рада белорусских организаций стоит за конструирование власти вне всякой коалиции с буржуазией (Аплодисменты), под каким бы соусом это буржуа нам не подавали, кадеты или не кадеты. (Аплодисменты.) Центральная Рада белорусских организаций считает, что в каждом буржуе сидит кадет. И правильно сказал товарищ Рязанов, что это партия не народной свободы, а народной измены. (Аплодисменты.)Для более правильного решения всех национальных вопросов мы требуем немедленного учрежде-

ния особого Совета по национальным делам с предоставлением права совету набирать из своей среды министра по национальным делам. Мы требуем, чтобы правительство, хотя бы составленное вне всякой коалиции, могло опираться на Предпарламент, который должен составиться на принципе федерации. Мы требуем немедленного роспуска как Государственной думы, так и Государственного совета (Аплодисменты), ибо и до революции, и со времени революции до сегодняшнего дня эта Дума и этот Совет за Белоруссию и для Белоруссии не думают и ничего не советуют. Мы требуем немедленного введения всеобщей трудовой повинности (Аплодисменты) и конфискации военных прибылей. Белоруссия, состоящая по преимуществу из демократии, сейчас находится под гнетом пришлых буржуа, наживающих на спинах белорусов миллионы. Эти миллионы должны поступить народу. Мы требуем передачи всей земли в распоряжении земельных комитетов. (Аплодисменты.) Мы требуем, чтобы Временное правительство приняло решительные меры к заключению демократического мира. (Аплодисменты.) Центральная Рада белорусских организаций считает введение смертной казни во время революции позорнейшим явлением, и поэтому мы требуем немедленной отмены смертной казни. (Аплодисменты.) Вот те главные положения, какие Центральная Белорусская Рада поручила мне передать совещанию. Затем мы выражаем надежду, что при Временном правительстве будет учреждено еще и особое Министерство по изготовлению автономии для отходящих к Германии земель. (Голоса: Повторите еще раз, что это значит, объяснитесь.)

Председательствующий: Простите, товарищ, я вас прошу, пожалуйста, будьте любезны, повторить, я вас не расслышал.

Воронко: Это я указываю...

Председательствующий: Будьте любезны повторить...

Воронко: Сейчас я вам повторю...Что будет учреждено... (Голоса: Вы сказали: министерство. Пусть он повторит.)

Председательствующий: Дайте договорить.

Воронко: Белорусские [земли], разделенные пополам окопами, в данный момент находятся под страшной угрозой врага. Вы знаете, с какой силой надвигается враг дальше вглубь России. И, если сейчас не будет решен национальный вопрос в той мере, в какой он должен быть решен, чтобы каждая национальность, прилегающая к фронту, могла вздохнуть сво-

бодно и сознать себя, для этого необходимо полное удовлетворение всех национальных нужд данной национальности. Чтобы не получилось такого казуса, когда национальные вопросы наши будут решаться тогда, когда уже враг захватит Белоруссию. (Аплодисменты.)

Председательствующий: Товарищи, мы исходим из того предложения, что враг будет отброшен назад, что он [не] пойдет вперед благодаря усилиям революционной демократии.

Воронко: Мы всецело это разделяем. Но считаем, что укрепление общего революционного фронта будет тем сильнее, чем скорее будет решен национальный вопрос, чтобы в вопросе о защите территории белорусский солдат знал, за что он борется, чтобы белорусский солдат, закинутый далеко от Белоруссии мог знать, что его Родина получила все национальные права. (Голос: Товарищ, а вам бы в Минске позволили так говорить?)

Председательствующий: Прошу не мешать оратору.

Воронко: Излагая декларацию Центральной Рады белорусских организаций, я прошу товарищей украинцев рассказать Украине, как решаются национальные вопросы здесь, в Петрограде, частью революционной российской демократии. (Голос: Еще никак не решаются.)

Председательствующий: Товарищ, будьте любезны, повторить ваши последние слова.

Воронко: Я прошу товарищей украинцев, когда они поедут к себе на родину, чтобы они там рассказали, как у нас относятся к национальным вопросам многие наши товарищи, что мы должны решать национальные вопросы в пустующем зале. Я здесь выступаю не для того, чтобы об этом писали в буржуазной печати, потому что буржуазная печать постоянно извращает наши национальные вопросы, я выступаю из уважения перед теми, кто здесь остался нас слушать.

Председательствующий: Товарищи, у меня есть рубрика от латышей, но оратора сейчас нет. Я не знаю, случайный ли это пропуск. Я говорю это для того, чтобы не было нареканий. Слово принадлежит представителю эстонского народа товарищу Лутсу.

Лутс: По вопросу о коалиционном министерстве я, как единственный представитель нации в целом, ответа определенного дать не могу, так как на него различные партии от-

вечают различно. Но по вопросу об отношении к революционному фронту я положительный ответ дать могу и его дать должен, так как часто и даже сегодня утром здесь мы слышали намеки на то, что нации, добивающиеся федерации, заигрывают с реакцией. Было сказано, что реакция часто хватается за федерацию, но я скажу, что она хватается не за реакцию, а за тех, которые требуют федерации. Сидели в тюрьмах те, которые требовали федерацию. Таким образом, отношение нации к федеративным требованием и к революции – это вещь совершенно тождественная. Нация, которая добивается одного, добивается и другого. В частности, прошу эстонскую нацию, могу положительно утверждать, что хотя невелик наш народ, но всегда в нем было велико стремление к свободе. Вместе с демократией России, эстонский народ принес немало жертв на алтарь свободы. В тюрьмах, ссылке и вдали от родины гибли и страдали наши сыны, гибли они под ружьями усмирителей карательных экспедиций, на виселицах и под пулями солдат того времени.

В 1905 г. гнев победителей своею тяжестью лег на наш край, и еще сейчас содрогаются свидетели сцен отвратительной бессердечной расправы, а в памятные февральские дни здесь петроградские мостовые обагрились кровью наших соотечественников, поэтому не как милость, а как выстраданную долю получили мы свободы и право на самоопределение из рук великого народа, и, раз приобрев ее, мы с нею никогда расстаться не желаем. Семьсот лет жизни под гнетом царизма и чуждых завоевателей научили нас ценить высоко блага свободы, и теперь за нее лягут костьми наши воины-защитники, где бы они ни находились. Свобода наша рождена революцией, и революция в нашем народе имеет преданных друзей и искренних защитников.

В дни восстания Корнилова наши представители оказали Временному правительству содействие всеми находящимися в их распоряжении силами потому, что мы твердо помним одно: нет свободы в Эстонии без свободы в самой России и не видать нам своей автономии, если погибнет республика в России. В сознании кровного родства наших интересов будем мы и впредь вместе с русской демократией. И победим мы или погибнем, но будем вместе до конца идти к заветной цели: создание славной великой России, сильной во вне, свободной внутри, где власть и управление народа будут нахо-

диться в руках трудящегося народа. Но пусть помнит русская демократия, что чем больше децентрализована власть, чем больше отдельных областей местностей с собственным автономным управлением, получивших его в ходе революции и кровно заинтересованных в ее сохранении, тем труднее будут осуществляться всякие контрреволюционные попытки захвата власти в одном месте. И пусть звучит для многих это предуказание, но мы можем сказать решительно: федерация предохранит Россию от контрреволюции Я должен ответить несколько слов представителю казачества Нагаеву, который сегодня утром сказал: реакция ухватывается за федерацию. Товарищ Нагаев, может быть, хорошо осведомлен в вопросах казачества, но он показал полное незнание в этом вопросе, ибо федерация по преимуществу и почти исключительно осуществлена в наиболее демократических странах: Швейцарии, Америке, Канаде. Пора оставить этот страх перед этим словом, которым теперь пугают демократию так, как в старые времена пугали купчих словами: жупел и металл. Чем больше свободы на местах, тем воодушевленнее бьются за нее граждане и воины. Поэтому должно быть немедленно устранено все наследие царского режима на местах. Нетерпимы далее существовавшие и поныне не устраненные ограничения национальных, культурных прав. Установленные, раздражающие народ своей бессмыслицей, несовместимы с новым строем и не укладываются в правосознание народа. Одно недоверие и подозрительность вселяют они к новой власти и новому строю. Присоединяюсь всецело к положениям, высказанным Советом национальных социалистических партий. [Как] представитель эстонского народа, считаю необходимым немедленное осуществление в Эстонии следующих мероприятий:

Устранение существующих ограничений в преподавании на родном языке в школах всех ступеней и передача всего учебного дела в руки самоуправления.

Распространение в Эстонии закона о местном суде, с дополнением о равноправии местных языков и введение местных языков и института присяжных заседателей в общих судебных установлениях.

До введения означенных судебных реформ, назначение на судебные должности лиц, знающих местные языки по представлению органов местного самоуправления, так как суд

и судопроизводство до сих пор находятся в руках, назначенных еще недавно в коллективной докладной записке на имя министра юстиции и председателя ныне еще не распущенной Государственной думы, [которые] против всяких реформ суда.

Передача всех губернских учреждений и всего управления на месте Эстляндскому губернскому земскому совету и другим органам местного самоуправления.

Немедленное устранение всех чиновников старого режима, русификаторов края, остающихся поныне на местах, несмотря на неоднократные требования об их удалении. Замена этих лиц иными по усмотрению органов местного самоуправления. Я кончаю свою речь призывом: «Да здравствует русская революция, да здравствует демократическая федеративная республика!»

Председательствующий: От бурят слово имеет Сампилов.

Сампилов: Я буду краток, я только прочту вам декларацию, которая составлена без всякой мотивировки: «Товарищи и граждане!.. (Читает декларацию.) Присоединяясь всецело к той декларации по национальному вопросу, которая оглашена от имени национально-социалистических партий, считаю необходимым сказать несколько слов по общеполитическим вопросам. В настоящее время Россия переживает такой критический момент, когда у всех тех, чьи жизненные интересы отныне неразрывно связаны со свободой и независимостью России, должны испытывать величайшую тревогу за судьбы освобожденной родной страны. Мне, как представителю одной из угнетенных рас и народов, каких много было в России времен Романовых, знакомы и понятны все те обиды, оскорбления и все те тяжкие последствия, какие могут быть, если революционная Россия, потерпев военный разгром на полях сражения, подпадет под господство враждебных ей сил. Если для вас, представителей великого народа, нет свободы без родины, и нет родины без свободы, то нам, представителям личных народов России, вдвойне угнетенных, обесправленных старым режимом, тем паче, нет родины без свободы. Та свобода, которая стала достоянием великой страны, та свобода, которая стала отныне достоянием ста с лишком национальностей народов России, имеет, конечно, великое всемирно-историческое значение для всего человечества, как начало освободительно-революционного движения демократии всех народов мира. Но, однако, вместе

с тем я утверждаю, что эта свобода не может быть для нас только трибуной для агитации всемирной революции. Нет, она как незыблемое достояние великой страны и многих народов, имеет свою внутреннюю самодовлеющую ценность, независимо от того, в каком состоянии находится остальной мир. Наша общая задача защитить и укрепить эту свободу революционной страны, тогда только она станет действительным центром для всего мира. Защитить и укрепить эту свободу может только власть, опирающаяся на широкие демократические слои населения, власть, готовая, наряду с осуществлением всех неотложных социально-экономических реформ и, кроме того, власть, ставшая на путь последовательного раскрепощения национальностей и идущая навстречу их справедливым требованиям. Только такая власть немедленно должна быть создана, причем отдельные представители этой власти должны быть объединены единством не только целей и задач, но и единством путей и средств, при помощи которых эти задачи и цели могут быть осуществлены. Кроме того, она должна быть ответственна до Учредительного собрания перед Временным правительством о составе центральных органов революционной демократии, и с достаточным представительством различных национальных и других организаций. Мы твердо надеемся, что сильная революционная власть будет создана в результате Демократического совещания. В этой сильной, авторитетной власти, как в центре, так и, в особенности, на местах, нуждаемся мы, народы далеких азиатских окраин. Тяжелый крест бесправия и гнета мы несли в течение двух и трех веков, но настоящий момент – наше спасение. Наше будущее мы видим в союзе с русской демократией и крепком, дружном единении со всеми российскими народами вокруг основной задачи – созидания единой свободной России в формах для нас всех приемлемых. (Рукоплескания.)

Председательствующий: Таким образом, список ораторов от национальностей исчерпан, за исключением одного, которого сейчас налицо здесь нет. Я позволяю себе теперь, товарищи, огласить, что было сказано товарищем Воронко по стенограмме.(Читает стенограмму.) Товарищ сам хочет дать объяснение, что он этим хочет сказать.

Воронко: Товарищи, пример Польши у нас налицо. Польше только тогда решили дать автономию, когда Польши

уже в России не было. Не дай Бог, будет так и с остальными областями, прилегающими к фронту. Мы, белорусы, наша революционная демократия, стоим за единство России и поэтому предлагаем принять все меры, чтобы национальные вопросы были решены, прежде всего, чтобы не получилось такого впечатления, что мы к решению национальных вопросов приступаем тогда, когда враг уже нападет на территорию, прилегающую к окопам. (Шум, смех.) Во-первых, товарищи, вы меня плохо поняли, а, во-вторых, вам не особенно по душе та горькая правда, какая была здесь высказана национальностями. (Шум, рукоплескания.)

Председательствующий: Дальнейшее объяснение я прошу оставить. (Голос: Надо думать, что говорить.) Оказывается, еще имеется один оратор налицо, который желает высказаться от национальной группы.

Фамилия не известна: Товарищи, я уполномочен Центральным молдаванским комитетом армий Румынского фронта, сказать следующее: Центральный молдаванский комитет армий Румынского фронта ждет от революционной русской демократии автономии Бессарабии с охраной прав меньшинства. (Рукоплескания.) Центральный молдаванский комитет армий Румынского фронта уполномочил меня заявить также перед лицом всей русской демократии, что он будет бороться всеми силами, какие у него есть, против желания Украинской Рады включить Бессарабию в состав... (Шум, голос: Такого желания не было. Шум. Не слышно.) Товарищи, я сам не бессарабец, я случайный человек, в Бессарабию я попал только по военным обстоятельствам и говорю то, что меня уполномочили. (Рукоплескания.) Я, товарищи, кончил и больше ничего не могу сказать.

Председательствующий: Позвольте, товарищи, заявить следующее: завтра в 10 часов утра, в зале исполнительного комитета Союза крестьянских депутатов, Фонтанка-6, состоится заседание исполнительного комитета и всех делегатов Советов крестьянских депутатов. Прошу еще огласить заявления...(Читает.) Собрание членов всех групп и фракций, стоящих на точке зрения создания коалиционной власти приглашаются завтра на заседание в три часа дня в Александровский зал Городской думы. Кооперативную группу просят после настоящего заседания собраться в общежитии в палате № 3.

Председательствующий: Товарищи, предполагалось завтра устроить собрание в 9 часов утра, но, оказывается, по условиям здесь в театре нельзя этого сделать, потому что тут до 11 часов уборка и т.д. происходит. Поэтому разрешите назавтра назначить заседание в 11 часов. Кроме того, очень прошу от имени президиума собраться точно в 11 часов, потому что президиум нашел необходимым в этот как раз момент и открыть заседание, без всякого запоздания. (Голоса: А порядок дня?) Продолжение обсуждения вопроса. Будет, значит, сокращение, которое мы сегодня приняли, а затем по записи будут выступать ораторы. (Голос: С кого начнется?) Сказать точно не могу, хотя у президиума есть теперь список, но боюсь, что это не совсем точно. Если угодно, прошу заслушать...(Читает: Профессиональный союз...)

Председательствующий: Товарищи, я не ручаюсь за точность этого списка, но приблизительно он будет такой. Позвольте объявить заседание закрытым.

20 сентября

Председательствующий: Товарищи, во вчерашнем списке стояли две группы: Союза еврейских воинов и Грузинского междупартийного совета. Эти оба оратора, которым предоставлено одному восемь минут, а другому десять минут, по независящим обстоятельствам вчера не могли исчерпать своей очереди; поэтому я предоставляю им слово, причем они были отодвинуты к концу списка. Товарищ Грузенберг.

Грузенберг: (Читает.) Граждане и товарищи, союз еврейских воинов объединившись в уже сплоченную республиканскую семью, крупную, от военных организаций, шлет земной поклон и братский привет Демократическому совещанию, поднявшему авторитетный голос соборного разума и совести в защиту великих завоеваний революции. (Рукоплескания.) В грозную историческую минуту, когда опьяненный кровью враг грозит заглушить первые побеги нашей революции, Союз еврейских воинов, объединивший в своих рядах цвет шестимиллионного народа, глубже, чем когда-либо ощущает свою кровную связь с революционной Россией; глубже, чем когда-либо верит в победу силы права над правом силы. Бережно и любовно, как святыню, пронес еврейский народ строй веков и царских... свою неугасимую веру в торжество библейских идеалов свободы, равенства и братства народа.

Эта вера светила нам в самую мрачную и позорную эпоху ненавистного царизма, когда безудержный ураган погромов, казалось, затопил в море крови шестимиллионный еврейский народ. Эта вера светила нам тогда, когда гнусная клевета царских прислужников и палачей, как змея, пыталась уязвить нас в самое сердце народа. Озирая крестный путь России, обильно напоенный и еврейской кровью, мы, как и вы, окружили любовью бескрестные могилы тысяч и тысяч безвестных еврейских борцов за свободу родины. Мы с гордостью можем сказать: в скорбном синодике славных борцов за свободу России, безвременно погибших на плахе и сгноенных в царских застенках, в тундрах Сибири, немало и наших имен, запечатленных еврейской кровью. Но нет в наших сердцах ни злобы, ни гнева к нашей покойной мачехе. С полным забвением вековых обид и суровых гонений, говорим мы вам с открытым сердцем: «Да будет благословен ваш подвиг, да будут благословенны ваши страдания, потому что ваши сердца спаяны с нашими сердцами кровью, и да будет проклят всякий, кто наносит предательский удар в спину революции, всякий, кто выковывает личное благополучие [в] горниле народных страданий, на развалинах обновленной родины». И слившись с вами в одном порыве действенной любви к революционной родине, смело и открыто говорим мы вам, если благороднейшие вожди русской мысли, как В. Соловьев, переживали еврейский вопрос как мучительный вопрос соборной русской совести, то отныне весь еврейский народ переживает судьбу революции как потрясающую драму своей национальной совести. Отныне для нас, евреев, вопрос о судьбах русской революции стал мучительным еврейским вопросом. Отныне мы не можем, мы не в силах мыслить Россию иначе как в ореоле великой демократической республики, достойной великого народа. Спаянные кровью с революционной Россией, мы всем мозгом, всем сердцем с вами переживаем вопрос нашего социального бытия. Быть или не быть великой Русской республике, значит для нас – быть или не быть русскому еврейству. И мы говорим вам, что предпочтем славную смерть на поле брани бесславной кабале под игом германского кулака или двуглавого орла. (Рукоплескания.) В этой непоколебимой вере наш союз объединившихся воинов-евреев в одном порыве беззаветного служения великой республике и готовности отдать жизнь во имя поддержания бое-

вой мощи революционной армии почерпает источник бодрых сил для защиты ее целости и спасения от анархии и развала (Читает), посягательства на нее не только со стороны внешнего врага, но и со стороны темных контрреволюционных сил как справа, так и слева. Воодушевленные верой в торжество (Читает), действенной любви к нашей родине. Мы знаем, не время теперь говорить о наших нуждах, так велика задача строительства, но мы позволим себе высказать лучшие пожелания данного момента. (Читает.) Товарищи, ныне когда судьбы нашей родины в ваших руках, да прозвучит ваш властный голос, как вечевой колокол (Читает) и радостно пойдем на-ратный подвиг, кровью своей запечатлеть на славном знамени наш священный революционный лозунг: «Сим победишь». (Рукоплескания.)

Церетели: Товарищи, о саботаже здесь говорили, и Троцкий со смехом рассказывал вам, что Пешехонов, когда говорил, что в правительстве цензовые элементы говорили: «Посмотрим, как вы провалитесь», Троцкий с места крикнул: «Это и есть саботаж». И он теперь победоносно говорит, что его не-опровергли. Так это называется саботажем: смотреть, чтобы социалисты провалились. Но ведь вы же, тогда возводите в принцип политику саботажа, когда хотите заставить буржуазию смотреть, как социалистическое министерство будет проваливаться. (Аплодисменты.) Я думаю, товарищи, что под саботажем они разумеют что-то иное. Я с изумлением слушал Троцкого. Но оказывается, он не в том обвиняет буржуазию, что она мешала нам проводить политику. А он обвиняет ее в том, что она имела смелость смотреть на то, как работаем мы. (Смех, аплодисменты.)

Товарищи, я должен сказать, что та политика, которую я отстаиваю здесь, эта политика в согласии с организованной демократией, с Советами рабочих и солдатских депутатов проводилась нами. (Голос: Ничего подобного.) Это впервые за все время существования великой российской революции Троцкий здесь отстаивал эту позицию, с которой делегация советская в большинстве солидаризировалась. Может быть, товарищи, это прогресс, и вы можете оценивать, что это прогресс в политике Советов. Но вы не можете отказать: мы были спаяны с Советами в этой политике, которую здесь отстаивали, в продолжение этих шести месяцев. (Голоса: Правильно. Аплодисменты.) Та политика, которую я здесь отста-

иваю, это политика советского большинства, закаленная во всех боях, которые выдержала российская революция. (Аплодисменты.) Здесь я слышал от представителя городов, большевика, он противопоставлял Советы городам и говорил: «Да, органы, созданные всеобщим голосованием, это авторитетные органы, но это органы, ведающие хозяйственной жизнью, а советы, – сказал он, – это не органы, которые родили всеобщее голосование». Вы этому аплодировали, но я спрошу вас: для того ли родили Советы органы всеобщего голосования, чтобы соперничать потом с ними, меряться с -ними местами и чтобы вразрез с ними вести политику? (Аплодисменты.) Сила Советов, их великое историческое значение в том именно и заключалось, что эти Советы выражали волю всей демократии. Эти Советы знали, что в любой момент, когда бы ни было произведено всеобщее голосование, это всеобщее голосование укрепило бы и подтвердило бы политику Советов. Почему...

Чхенкели: Товарищи, к сожалению, по нездоровью вчера мне не удалось дождаться моей очереди. Я должен был несколько слов сказать от имени грузинской нации и всех политических партий, имеющихся в этой нации. Эти партии по национальному вопросу уже объединились в один орган – Межпартийный совет. И вот, что же я мог бы сказать от грузинской нации? Она, вся она, к услугам великой российской революции. (Рукоплескания.) Вчера грузинский воин уже предвосхитил ту мысль, которую я должен был высказать, это именно то, что мы национальный вопрос во всей его полноте и широте, насколько это вообще возможно в буржуазном обществе, поставим в Учредительном собрании. (Рукоплескания.) Я хотел бы еще добавить, что по этому вопросу у грузинской нации, в лице ее политических партий, уже имеется мнение; оно [с]формулировано вокруг него, то есть [вокруг] национальной программы объединена вся нация, и оно заключается в том, чтобы нам было предоставлено национально-территориальное самоуправление Грузии.

Товарищи, я сказал слово о предоставлении, а, в сущности, можно было сказать о восстановлении прав Грузии. Она эти права имела; они были зафиксированы в известном договоре, заключенном между Грузией и Россией, когда она вошла более чем сто лет тому назад в состав Российского государства. Только эти права были попраны, были аннулирова-

ны и, стало быть, приходится говорить о восстановлении этих прав. Товарищи, в основу своей национальной программы мы кладем межнациональное соглашение, то есть соглашение всех национальностей Закавказья. Я скажу дальше: поскольку нам приходилось говорить от имени демократии в России, мы говорили от имени революционной интернациональной демократии, стало быть, программа, которая будет представлена тою или иною национальностью, должна быть приемлема для российской интернациональной революционной демократии. (Рукоплескания.)

Товарищи, вчера я был здесь свидетелем выступления национальных делегаций, был свидетелем и отношения к этим выступлениям данного Демократического совещания, и должен сказать, что я почувствовал в этом процессе, как бы сказать, один из, может быть, самых печальных актов российской трагедии. Я почувствовал существование какого-то разномыслия, разногласия между демократиями различных национальностей России. Между тем, товарищи, Россия есть интернациональное государство, и, стало быть, разрешение тех вопросов, которые стоят перед Россией, немыслимо без согласованного выступления, без согласованных действий представителей демократии всех национальностей России. (Рукоплескания. Голоса: Браво.)Товарищи, я слушал вчера представителей национальностей; я бы хотел послушать хоть одного представителя русской нации.(Продолжительные рукоплескания. Голоса: Браво.) Я бы хотел, чтобы представители русской нации высказали свое мнение по русскому национальному вопросу. (Рукоплескания. Голоса: Браво.)

Теперь, товарищи, перед нами стоит не только старый национальный вопрос о так называемых инородцах. Теперь перед нами стоит также вопрос о русской нации; вопрос, из-за которого вы тут сошлись, вопрос роковой для всей страны и для русской нации. Я бы сказал, товарищи, если бы вы, русские, до известной степени перенеслись в положение угнетенных национальностей России, то, может быть, вы подумали бы, не ожидает ли и вас такое положение извне. (Рукоплескания. Голоса: Правильно.)Я прямо скажу: в нас грузинах бьется национальное чувство, и это национальное чувство очень трудно отличить от общегосударственного российского чувства. (Рукоплескания. Голоса: Браво.)

Я бы хотел, чтобы и русские сказали, что и их государ-

ственное чувство очень мало отличается от национального чувства грузин.(Рукоплескания.) В чем же, товарищи, трагедия нашей жизни, трагедия настоящего момента? Вы говорили о разных планах: экономических, социальных, политических. Вам говорят о власти, о комбинировании этой власти и так далее. Но все-таки тут как будто бы отсутствует самое основное – это тревога за Россию, это национальное самочувствие, как будто бы оно не ощущается. (Рукоплескания.) Мы желаем, во что бы то ни стало достигнуть победы великой революции. Мы желаем, во что бы то ни стало достигнуть приемлемого для нас мира, демократического мира, провозглашенного российской революцией, но в основе всего этого лежит...

ГАРФ. Ф. 1798. Оп. 1. Д. 12, л. 3–47.

Протокол частного совещания казахского населения Тургайской, Уральской, Акмолинской и Семиреченской области. О выступлении населения против мобилизации и проведения необходимых мероприятий по осуществлению призыва на тыловые работы. г. Оренбург 7 августа 1916 г.

Совещание было открыто речью генерал-губернатора, который присутствующим разъяснил смысл Высочайшего повеления [от] 25 июня 1916г. и просил содействия их спокойному осуществлению призыва киргиз на работы.

Предложив затем собранию избрать председателя, губернатор оставил зал.

После ухода г-на Губернатора под председательством выбранного присутствующими А. Н. Букейханова, при секретарях г-не О. Алмасове и г-не М. Я. Дулатове совещание приступило к обсуждению вопроса о призыве киргиз на тыловые работы. Высочайшее повеление 25 июня стало известно киргизам в форме объявления местных властей в то время, когда само повеление не было опубликовано. Это поразило население, как гром среди ясного неба. Местная власть в спешном порядке стала приводить в исполнение Высочайшее повеление. В неподготовленности населения и в чрезвычайной спешности, местами грубости и злоупотреблений в действиях властей, кроется корень до сих пор бывших и ставших известными недоразумений и трений.

Киргизский народ воинской повинности никогда не отбывал. Молодежь его массами, да еще в принудительном порядке не призывалась никогда. Единовременная и спешная мобилизация 25-ти возрастов ([от] 19 до 43 [лет]) поразила население. Мобилизация, частично даже у народов, привычных к воинской повинности, часто проходит с большими трениями. В той обстановке, в которой происходит проведение в исполнение Высочайшего повеления 25 июня и новизна дела мобилизации 25-ти возрастов киргизского народа, нет ничего удивительного в том, что до сих пор случилось. При наличии надлежащей подготовки населения, частичной мобилизации в течение более или менее продолжительного времени по мере необходимости, при применении возможных льгот, необходимых для сохранения интересов хозяйства и при участии уполномоченных от населения, мобилизация рабочих от киргизского населения прошла бы гладко и мирно. Если мы не видим худшего, открытого восстания народа, то это объясняется его чрезвычайным миролюбием.

В Актюбинском у., в 3-ем участке местная власть приказала явиться к приему через 10 дней. Киргизы этого участка разбросаны на пространстве в 400-200 верст в длину и ширину. В Кустанайском у[езде]. местная власть назначила прием в Аракарагайской вол[ости]. через 9 дней, в Сорогской вол[ости]. через 15 дней. В других волостях также чрезвычайно спешно требовали явку на сборный пункт, отдаленный от населения на 200–300–400 верст.

Всем известно, что в посемейных списках, записанные возрасты киргиз не соответствуют действительности. Возрасты киргиз в списки заносятся аульными [старшинами] произвольно. Никто правильностью этих записей до сих пор не интересовался. Некоторые записи заведомо властями делались неправильно: богатые киргизы, подготовляя требуемый при выборах на общественные должности возрастной ценз, умышленно записывали лета своих сыновей старше. Поэтому в степи не редкость 20-летний бий или волостной управитель, когда по закону они должны быть не моложе 35 и 25 лет.

До мобилизации необходимо было при участии аульного схода исправить заведомо неправильные списки или составить новый верный список. Между тем местная власть спешно потребовала старые неправильные списки, объявив их неприкосновенными, и пожелала мобилизовать по ним едино-

временно 18 % всего мужского населения. Просьбу киргиз об исправлении списков, о согласовании их с действительностью никто не хотел слушать. Когда население увидело явную несправедливость, то оно обратилось к самосуду, повсеместно отбирая у волостных управителей списки. Это было в областях Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской. Местами волостные управители пожелали на почве мобилизации свести счеты со своими партийными врагами, стали сочинять новые списки, включив всех своих противников в возрасте [от] 19 [лет до] 31 [года], другие стали торговать списками, предлагали за деньги изменить возраста призываемых. Одни откупались, другие, непризываемые, попадали в список призываемых. Волостные управители Карабалыкской вол. Кустанайского у. Саим Кадыфов и Чингирлауской вол. Уральского у. Ахмет Сарыбалин были убиты населением именно за разнообразные свои злоупотребления. Некоторые волостные управители, желая нанести самый верный удар своим врагам, обвиняли их в сопротивлении мобилизации и доносили по начальству.

Благодаря вышеуказанным злоупотреблениям киргизских властей, нынешнее поколение впервые познакомилось с отрядами казаков. В Чингирлауской вол. по аулам расквартированы 75 казаков, содержание коих обходится киргизам в сутки [в] 25 баранов и 25 п. овса. В Кустанайском у. в пределах Аманкара-гайской вол. расквартировано 125 казаков и в пределах Кен-Аральской и Мендыгаринской – 125 казаков.

Появление в степи казачьих отрядов навело страх на мирное население огромного района. Киргизы, до того мирно ожидавшие приема призываемых рабочих, заволновались: местами, оставив все свое имущество, взяв на семью две решетки и кусок кошмы, откочевали на юг. Молодежь оставила аулы, выехала в степь, и неизвестно, куда она направилась. Повсюду киргизы оставили поспевающий хлеб, скошенное сено остается в копнах, гниет и развевается ветром по степи. Хозяйству нанесен непоправимый ущерб, ибо со времени объявления о призыве никто хозяйственными делами не занимается. В Урджарской вол[ости] Лепсинского у[езда]. Семиреченской обл[асти] киргизы, уходя неизвестно куда, потравили скотом весь свой хлеб и покосы.

Отряды казаков вызваны также в некоторые уезды Акмолинской обл. Везде результаты одни и те же: обострение

волнений народа, которого, быть может, ожидает еще большее несчастье и горе.

Все, что до сих пор произошло, объясняется чрезвычайной спешностью приведения в исполнение Высочайшего повеления. Необходимо немедленное принятие мер [для] успокоения населения, отозвания из степи казачьих отрядов, созыва на местах съездов уполномоченных от населения. Местные власти, особенно волостные управители, сами создали волнение, возмутили самый мирный, покорный Высочайшему повелению народ, который объявили непокорным властям и закону. Все это неверно – киргизы [готовы] исполнять Повеление.

Необходимо принять в соображение ценность хозяйства, поставляющего на нужды войны и населения в тылу скот, мясо и хлеб. В северных уездах степных областей, где киргизы живут вперемежку с переселенцами, киргизское хозяйство напоминает крестьянское и требует столько рабочих сил, сколько потребно для крестьянского хозяйства. Киргизы в этом районе часто хлеб сеют исполу с крестьянами. Отсутствие работника-киргиза одинаково поражает хозяйство крестьянина, который, может быть, находится на войне. В уездах Уральском, Актюбинском, Кустанайском, Петропавловском, Кокчетавском, Омском, Акмолинском, Атбасарском, Семипалатинском, Баян-аульском, Усть-Каменогорском, Зайсанском после ухода крестьян на войну киргизы составляют единственную рабочую силу для уборки сена и хлеба. В Омском, Павлодарском, Семипалатинском у. киргизы, арендующие землю в пределах 10-ти верстной полосы по р. Иртышу уборкой сена занимаются до первого снега. Здесь же киргизы по условию с Сибирским казачьим войском до 1 октября не могут подходить к своим зимовкам и ремонтировать ежегодно размываемые весной свои постройки. В северных уездах киргизской степи на каждое хозяйство приходится 10 десятин посева и 2000 п. потребляемого сена. Объявление мобилизации рабочих застало киргиз в самый разгар сенокоса и накануне уборки хлебов. Вот уже месяц, как вся степь волнуется, [люди] бросили свои хозяйства, сено не успели скосить, а хлеб не убирают. Все это нужно приводить в порядок, нужно наверстать потерянное время. Теперь это потребует лишних работников в хозяйстве.

Хозяйство южных киргизов зимой занимает все мужское население, кочующее всю зиму со скотом. Например, иргиз-

ские и атбасарские киргизы зимой со скотом уходят в Сыр-Дарьинскую обл., гурьевские и иргизские киргизы – в Закаспийскую обл. Ныне киргизы разбежались по всей степи, собрать их в более или менее короткое время нет никакой физической возможности.

Природные условия – теплые дни, наличность подножного корма для лошадей, удобство добывания пищи и для самих людей – много способствует образованию шаек в степи. С наступлением зимних холодов и исчезновением всех этих благоприятных условий шайки распадутся, и киргизы вернутся в аулы.

1. Ввиду изложенного необходимо отсрочить призыв рабочих для северных уездов до 1 января 1917 г., а для южных уездов до 15 марта 1917 г.

2. Призвать в первую очередь одну треть [населения в возрасте от] 19 [до] 31 года, начиная с младшего возраста, так как в этом возрасте наибольшее число несемейных.

3. Прием лиц, проживающих за пределами места приписки, согласно их желания производится или по месту жительства, или приписки.

4. Оставить в семье одного работника призываемого возраста при полуработнике (17 или старше 50 лет).

5. Принятых по возможности оставлять на работах по обороне государства на местах.

6. Принятому предоставить право заменить себя другим лицом.

7. На каждое аульное общество оставить по одному мулле.

8. Оставить мугалима (учителя) на каждые 50 кибиток для обучения детей киргизской грамоте,причем, предпочтение должно быть отдано тем, кто имеет «Шаадат-нама» (свидетельство) от медресе.

9. Освободить от призыва учащихся в мусульманских медресе в городах.

10. Старые списки, представленные спешно, неправильно, возвратить; избрать комитет,составленный лицами, избираемыми по одному от каждого десятка домохозяев, и поручить этому комитету составление нового списка в присутствии аульного схода.

11. Так как в дело мобилизации волостные управители или претенденты на их должности впутали свои дела по выборам,то необходимо приостановить на время мобилизации

производящиеся выборы должностных лиц киргизской администрации.

12. В приемной комиссии с правом голоса должны участвовать по два уполномоченных от каждой волости, уполномоченные участвуют в приемной комиссии при приеме рабочих своей волости.

13. Принятым рабочим предоставить право соединяться в артели в 30 чел. При артели должен быть переводчик, на 10 артелей один мулла.

14. Заболевшие рабочие пользуются медицинским уходом наравне с ранеными.

15. Рабочие-киргизы должны быть в ведении учреждений городского и земского союзов. О правах и обязанностях учреждений, заведующих рабочими-киргизами, должна быть издана инструкция.

16. Для доставления рабочим одежды и провизии с мест должны быть даны бесплатные вагоны в необходимом количестве и пропуск двум лицам от каждой волости.

17. По уважительным причинам по мере надобности киргизы-рабочие пользовались бы отпуском.

18. Об изложенном совещание постановило ходатайствовать перед правительством.

Председатель: *А. Букейханов*
Секретари: *О. Алмасов, М. Дулатов*

Алаш козгаласы. Движение Алаш,... с. 167-171.

Из протокола допроса мировым судьей 4-го участка Черняевского у инженера М.Тынышпаева об истории взаимоотношений Российской власти с казахами
ст. Черняево 5-25 февраля 1917 г.

[...] Мухамеджан Тынышпаевич Тышышпаев, 38 лет, магометанского вероисповедания, грамотный, не судился, посторонний, инженер путей сообщения, начальник 1-го участка Семиреченской жел[езной] дор[оги], проживаю на ст. Черняево той же дороги. Я происхожу из киргизов Маканчи-Садыровской вол., Лепсинского у.; поступил осенью 1889 г. в младшее отделение приготовительного класса Верненской гимназии, каковую окончил в 1900 г; в том же году поступил

в Петроградский институт инженеров путей сообщения, окончил курс института в 1906 г.; в 1907 г. выборщиками туземного населения Семиреченской обл. был избран членом 11-ой Государственной Думы, после роспуска коей поступил на службу на Средне-Азиатской железной дороге, откуда в начале 1914 г. перешел на постройку Семиреченской железной дороги.

Будучи гимназистом, ежегодно ездил верхом из г. Верного в г. Лепсинск (500 верст) и обратно; будучи студентом бывал в Семиреченской обл. через каждые 2 года; в 1906 г., по окончании института, был на изыскании Семиреченской железной дороги в Пишпекском у., где пробыл среди киргизов целых 4 месяца; будучи на службе, ездил и езжу в Семиреченскую обл. (преимущественно в Лепсинский у.) через каждые 2–3 года.

Из сказанного видно, что я являюсь свидетелем изменений условий киргизской жизни в Семиречье приблизительно с 1894-1895 гг., а будучи гимназистом старших классов и студентом, понимал уже нужды киргизского населения, стал постепенно вникать во взаимоотношения между органами русской власти и киргизов и по мере постепенного изменения условий киргизской жизни приходилось сравнивать, что было с киргизами раньше и что происходило в данный момент.

Обращаясь к истории этих взаимоотношений, должен прежде всего заметить, что прибытие русских в край киргизская масса, еще раньше слышавшая о порядке, справедливости и могуществе русских, встретила, безусловно, дружелюбно, понимая, что прежним постоянным бедствиям от бесконечных войн, внутренних распрей и непорядков наступит конец. Этим объясняется, что проводниками русских отрядов явились самые родовитые киргизы, примкнувшие в самом начале, когда еще не было известно, чем должно было кончиться наступление русских. Большинство киргизов, руководимые родовитыми сородичами, покорилось само; война, в сущности, происходила между Россией и Кокандским ханством, и на стороне последнего были киргизы, преимущественно подданные этого ханства. Край был покорен, и управление населением вошло в руки русских властей во главе с первым военным губернатором Семиреченской обл. генералом Г. А. Колпаковским (1867 г.); в том же году первым же генерал-губернатором Туркестанского края, которому было

подчинено Семиречье, был назначен генерал-адъютант фон Кауфман. Видно, что правительство ясно поняло ожидания киргизов, шло навстречу их желаниям, и во главе области и края были поставлены такие поистине замечательные люди, подобных которым киргизы не видали до самого последнего времени, а именно, до назначения на пост генерал-губернатора генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина.

Ожидания киргизской массы оправдались: прежние внутренние волнения и связанные с ними непорядки и бедствия прекратились, русские оказались справедливы.

После бесконечных войн киргизы мирно занялись скотоводством, а вскоре же и хлебопашеством, и за первый период русского управления краем общее благосостояние населения стало подниматься.

В 1876 г. генералом Колпаковским открыта в г. Верном мужская гимназия с пансионом для киргизских детей (в этом пансионе учился впоследствии и я); около того же времени генералом фон Кауфманом открыта мужская гимназия в г. Ташкенте и тоже с пансионом для киргизских детей; этот пансион, содержавшийся на собранные с киргизов суммы, был впоследствии (после смерти генерала Кауфмана) закрыт, благодаря влиянию известного миссионера Ильминского и Остроумова, проживающего ныне в г. Ташкенте; на оставшуюся сумму построена учительская семинария с пансионом, куда и стали поступать киргизские мальчики, как это хотелось сторонникам семинарии.

Когда генерал Колпаковский был назначен Степным генерал-губернатором, то он и в г. Омске открыл пансион при гимназии для киргизских детей, закрытый, однако, вскоре после его отъезда в г. Петроград. В заботе о киргизских интересах около 1874 г. генерал Колпаковский, находя, что Семиреченс-кому казачьему войску отведена слишком большая площадь земли, назначил в Лепсинском у. комиссию по разграничению действительно необходимых для казаков земель для возвращения остальной части киргизам (в этой комиссии со стороны киргизов участвовал и мой отец); киргизам в одном только Лепсинском у. возвращено было около 100 000 десятин земли (на одном из этих участков находятся зимовки моего отца); насколько помнится, такие же разграничения сделаны в Копальском и Верненском у. Около 1880 г. генерал-губернатор Кауфман, находя, что киргизы стеснены

пастбищными угодьями, издал циркуляр, разрешающий киргизам безвозмездно пасти свой скот после 1 октября на казачьих землях. Таких примеров забот о киргизах во времена управления краем генералами Кауфманом и Колпаковским очень много. 3 мая 1882 г. умер в г. Ташкенте генерал Кауфман, в том же году генерал Колпаковский был назначен Степным генерал-губернатором и Семиреченская обл., по личному его ходатайству, была присоединена к Степному генерал-губернаторству. Общий порядок управления и отношения к киргизам оставались без изменения во все время управления Степным краем генералом Колпаковским до его ухода в Военный Совет (1889 г.). Хотя изменения в отношении к киргизам наступили после ухода генерала Колпаковского не сразу, все же правильнее время управления краем генералов Кауфмана и Колпаковского, а впоследствии одного Колпаковского, считать отдельной эпохой (1867–1889 гг.). Чины администрации выбирались самим генералом Колпаковским; часто уездными начальниками назначались люди с небольшим образованием, но люди, безусловно, честные, идейные, проникнутые желанием приобщить население к культуре. Конечно, и тогда могли быть случаи лихоимства и прочего, но эти отдельные случаи были ничтожны и находили должную оценку перед генералом Колпаковским. Тогдашнее благополучие и благосостояние киргизского населения объясняются, главным образом, подбором хорошего состава администрации; кроме того, жизнь в крае была гораздо проще, баснословно дешевле; не было и признаков сложных хозяйственно-экономических, политических, культурных и иных вопросов, выдвинутых настоящим моментом; отрицательные результаты Положения 1868 г. еще не успели сказаться, и в туземную администрацию попадали еще люди вполне достойные, справедливые.

Второй период – от 1889 г. (уход генерала Колпаковского) до 1905 г. – переходный: в крае начали появляться темные лица, которые и стали эксплуатировать простодушных киргизов, продавая, например, одну коробку шведских спичек за барана и т. д.; научившиеся говорить, а иногда и писать, киргизы подражали этим проходимцам из казаков и татар, щеголяли в резиновых галошах, лакированных сапогах, научились курить папиросы, пить водку и т. д. Появились разные «закуанчи», обманывали киргизов; жизнь стала не-

сколько сложнее и дороже, и кадр русской администрации стал пополняться людьми случайными, раньше ничего общего с киргизами не имевшими, нисколько ими не интересовавшимися. Выборные подкупы, в которых нередко принимали участие и русские администраторы, с бесчисленными жалобами и доносами друг на друга, будучи в начале событиями исключительными, впоследствии стали явлениями обычными, повседневными.

В 1897 или 1898 г. на выборах в Копальском у. уездный начальник Петров приказал доставить молоденьких девочек-киргизок; приказание было исполнено; одна из девочек не выдержала мучений и умерла, другая после долгой болезни выздоровела. Циничное и хвастливое письмо Петрова по этому поводу к одному приятелю г. в Верном, благодаря покойному Турды-беку Сыртанову, получило широкую огласку и, насколько помнится, было следствие; но стараниями чиновника особых поручений Пантусова дело было замято. Народ стал понимать, какие люди находятся во главе уездов и какие люди сидят в уездных управлениях; каждый вновь приезжий бедный переводчик-киргиз через год становился уже богачом, имел табуны лошадей, красивые юрты и т. д.; не мудрено, что для киргизских учеников гимназии быть переводчиком стало заветной мечтой; единственное счастливое исключение составляли покойные братья Сыртановы в г. Верном, за что они пользовались заслуженным уважением как народа, так и областной администрации. В одном только отношении прежние порядки и взгляды оставались почти без изменения – это отношение власти к землям, бывшим в пользовании киргизов. Бывали земельные притеснения, но большинство таких дел решалось в пользу киргизов. Я помню (сохранились у меня копии некоторых документов), как мой отец в течение целых десяти лет, чуть ли не 10 раз, обращался одновременно к уездному начальнику, военному губернатору, к Степному генерал-губернатору по поводу стеснений казаками Лепсинской станицы, и дела неизменно решались в пользу отца, хотя чуть ли не ежегодно приезжал новый межевщик и вновь замежевывал спорные земли. Участок, занимаемый отцом, окончательно был оставлен за ним в 1898 г. Такие примеры, насколько помнится, были в Копальском и Верненском у. В 1905 г. под влиянием аграрных волнений в России основано в г. Верном Переселенческое управление, и

это событие явилось началом третьего периода, имеющего весьма важное значение в судьбе киргизов. Во главе управления был поставлен опытный, знакомый с Семиречьем, старый туркестанец О. А. Шкапский. После предварительных обследований области и экономического исследования части Пишпекского у. (Аламединской и других волостей) Шкапский осенью 1905 г. представил заведующему управлением земледелия и землеустройства Шванебаху обстоятельный доклад с заключением, что в Семиреченской обл. нет свободных от киргизов земель, годных для переселения. Покойный Шванебах, остановил его и сказал, что он, Шкапский, поставлен для того, чтобы у киргизов отбирать лучшие земли; а как выходит по закону или не по закону – это его, Шванебаха, не касается (об этом мне передавал впоследствии сам О. А. Шкапский). В 1906 г. Шкапский был удален из Семиречья и на его место переведен С. Н. Белецкий, пробывший в г. Верном целых 8 лет (до 1914 г.).

Первые действия Белецкого в области встречены с тревогой не только населением, но и администрацией области; крупное дело началось с отобрания участка в Чемолганской вол. Верненского у., и это дело с первого шага ознаменовалось бесцеремонным отношением Переселенческого ведомства к киргизам, к законам и логике обстоятельств; так Белецкий по поводу постановления Общего присутствия областного правления об оставлении за киргизами этого участка писал особое мнение от 31 марта 1907 г. за № 786, что «все законы и изданные в силу их распоряжения вполне соблюдены и ни в чем не нарушены»; между тем оказалось, что все гидротехнические, агрономические и другие исследования участка и определение площадей, занятых пашнями, клеверниками и т. д., оказались произведенными под покровом глубокого снега; было написано, что киргизы сами изъявили готовность уйти, между тем 15 марта 1907 г. к журналу № 34, утвержденному военным губернатором 20 марта 1907 г., было приложено донесение уездного начальника, что «киргизы никогда не желали и не желают добровольно уступать орошенных, усадебных земель для образования переселенческого участка и даже за вознаграждение». Этот участок был изъят от киргизов, несмотря на защиту генерала М. Е. Ионова. В 1908 г. замежевана была громадная площадь 30,5 тыс. десятин в Лепсинском у.; постановление уездной по-

земельной комиссии было обжаловано в Общее присутствие областного правления (писал жалобу я); последнее вполне согласилось с доводами жалобщиков, и решение комиссии было отменено; в 1909 г. все те же участки, за исключением одного, замененного новым, замежеваны вновь, названы новыми именами; генерала Ионова уже не было (долгий спор между Велецким и генералом Ионовым кончился победой первого и отставкой второго), и администрация под давлением усиливающегося влияния Управления земледелия отступила и во многих местах, в том числе в Лепсинском у., уже содействовала переселенческому ведомству.

Под давлением и угрозой ссылки из края со стороны Леп-синского уездного начальника Федорова, тестя заведующего Лепсинским подрайоном Андриевского, Маканчи-Садыровский волостной управитель Курбангалий Арапов, продержав постановление комиссии положенное число дней (2 недели), вернул таковое при надписи, что содержание постановления населению обнародовано и что население против изъятия этих участков ничего не имеет. Киргизы об этом узнали только тогда, когда постановление оказалось одобренным областным правлением и утвержденным генерал-губернатором. В 1910 г. изъято еще 61 тыс. десятин земли в Лепсинском у. почти при таких же комбинациях. Таких и подобных дел в области масса, и не удивительно, что в 1910 г. при проезде по Семиреченской обл. я видел, что, например, почти от Карабалтов до г. Пишпека и далее до Константиновки, на протяжении около 75 верст, почтовые станции соединились друг с другом почти сплошными переселенческими поселками; весь Пишпекский у. оказался покрыт массой поселков, и о «земле обетованной» – г. Пишпе-ке – говорили и мечтали мужики отдаленных Черниговской, Орловской и других губерний. Не лучше дело обстояло в Верненском, Копальском и особенно в Лепсинском у. Я здесь не говорю о нарушениях законных прав киргизов по существу, достаточно сказать, что переселенческие чиновники дошли, например, до такой виртуозности, что «согласно якобы точного смысла ст. 122 Ст[епного] положения» округляли отдельные зимовки, оставляли их за отдельными хозяевами, отбирали кругом всю площадь, не давая иногда даже выхода из этого круга. Это было уже не обход закона, а прямое издевательство над законом. Земельный вопрос в области оказался

решенным окончательно и бесповоротно; многочисленные киргизские жалобы оставались без последствий и часто без рассмотрений. Киргизы пробовали бороться с этими неблагоприятно создавшимися для них условиями жизни, но стало для них понятно, что старания их бесполезны; а жизнь не стояла на одном месте, выдвигала перед ними все новые и новые условия и задачи. Скотоводство стало прогрессивно падать, земледелие, после отбирания лучших угодий, сократилось. За 7 лет, с 1907 г. по 1914 г., область стала неузнаваема. Прежние люди – времен генералов Колпаковского, Фриде, Ионова – постепенно стушевывались, приходили новые люди с новыми понятиями и новыми взглядами на вещи. Прежнее благожелательное отношение к киргизам меняется, во многих местах берут их уже в подозрение в приверженности, так называемому, панисламизму. Разумеется, всякому простому киргизу приятно, когда ему говорят, что единоверная Турция сильна, что магометане сделали то-то, победили балканские народы и т. д.; но говорить, что простой, малокультурный народ, всецело поглощенный своими повседневными мелкими интересами, отдаленный таким пространством, мог подняться до сознания об образовании какой-то цельной организации, преследующей отвлеченную, малоуловимую идею, может так думать человек или с болезненной фантазией, или имеющий в виду какую-нибудь особую цель.

Как бы там ни было, от прежних отношений к киргизам, принятых к руководству во времена генерала Колпаковского, теперь следов не осталось. Положение 1868 г. завело киргизов так далеко, что порой даже земельные притеснения бледнеют перед дрязгами выборов и партийности. Теперь нигде ни одного выбора не бывает без громадных подкупов. Каждый раз перед выборами претендент клянется, что если проведут его, то прекратятся бесконечные «темные» (так и называются на киргизском языке) налоги, настанет мир и спокойствие в волости. Киргизы, увлеченные партийностью, забывают подумать о том, зачем такой благодетельный претендент раздает 5, 10, 20, 30 и даже 40 тыс. руб., когда все его будущее жалованье за трехлетие не превосходит 900–1500 руб. Претендент, прошедший в волостные или в народные судьи, собирает в 5, 10, 20 раз более затраченного капитала, и этот форменный грабеж происходит и в настоящее время.

Партийные дрязги и еще чаще грабеж волостных доводит население до отчаяния и до преступления. В 1905 г. в Лепсинском у. возле почтовой ст. Джуз-Агач арганатинский волостной управитель Мухамед Галий Бейсенбин был убит толпой в 500-600 человек; киргизы этой волости, встречавшие меня на этой станции в 1906 г. и 1907 г., рассказывали невероятные, легендарные дела. Возмущенные невероятной жадностью, проявленной волостными при наборе рабочих, в июле 1916 г. киргизы Карабалыкской вол. Кустанайского у. убили своего управителя Сайма Кадырова, а в Чингырлауской вол. Уральского у. – Ахмеда Сарыбалина. Это борьба волости с управителем в Семиреченской обл., благодаря некоторым привходящим обстоятельствам, приняла совсем другой оборот, здесь пострадавшими оказались сами киргизы (Ботпаевской вол. Верненского у., Маканчи-Садыровской вол. Лепсинского у.), об этом более подробно будет сказано дальше. Подкупы, вымогательства сделались явлениями обычными, ординарными. Позволю себе обратиться к книге В. Наливкина «Туземцы раньше и теперь» (С. 92): «Два уездных начальника (Н-с и Г-с) ушли в Сибирь за казнокрадство и лихоимство. За ними туда же, хотя и по другому делу, ушел правитель канцелярии генерал-губернатора (С-в). Один из военных губернаторов (Г-в), заведомо принимавший деятельное участие в грязных делах казнокрадов и грабителей, отделался одним лишь увольнением от службы только благодаря заступничеству генерал-губернатора и снисходительности царя».

Масса других, подобных им, продолжали те же или подобные им дела, оставшись безнаказанными.

Один, якшаясь с волостными управителями, втихомолку скупал у туземцев земли по очень выгодным для себя ценам; другой, принимая благодарности от богатых туземцев за разные нелегальные поблажки, строил хлопкоочистительные заводы, куда полицейские силой доставляли хлопок для очистки; третий, вступив в компанию с виноделом, таким же путем добывал виноград; четвертый взимал мзду с волостных управителей и с казиев за хлопоты по утверждению их в должностях; пятый облагал необременительной данью туземных проституток; шестой просто брал, не специализируясь и не упуская ни одного удобного случая; седьмой по дорогой цене продавал «бездействие власти».

Редкого из уездных начальников туземец мог видеть лично, не уплатив переводчику мзды за устройство такого свидания».

(С. 138) «Возникшие в 1902 г. дела Р-на, Р-ка и К-ва приподняли лишь незначительный уголок завесы, за которой скрывалась масса самой возмутительной грязи, причем нигде, по-видимому, эти оргии административной разнузданности не доходили до таких гомерических размеров, как в Андижанском у. в конце девяностых и в начале девятисотых годов».

(С. 96) «Народ все это видел, знал и понимал; а типичнейшие и наиболее предприимчивые представители окружавшей нас живой стены, увидев себя хозяевами возникших положений и соотношений, плавали во всей этой грязи, как рыба в воде. (Нам дарили ковры, лошадей и экипажи. Нас ссужали деньгами, которых мы по большей части не возвращали обратно. Нам помогали приобретать по дешевым ценам земли и строить дом).

Между нами и юлившими вокруг нас туземными проходимцами возникали интимные связи, позорные для русского служащего лица и опутывавшие нас в достаточной мере, нас начинали эксплуатировать, ведя по пути целого ряда проступков и преступлений».

Изложенное относится преимущественно к Ферганской обл.; подобные дела, правда в несколько меньшем размере, творились в Семиречье (об этом более подробно будет сказано дальше).

Киргизы составили об администрации вполне определенное, законченное, подкрепленное фактами, мнение.

Есть еще одно обстоятельство, заслуживающее внимания. Дела между киргизами и не киргизами (русскими, татарами или сартами) администрацией большею частью решались не в пользу киргизов; по разным заведомо ложным обвинениям киргизов крестьянами, казаками и т. д. у мировых судей киргизы часто проигрывали правые дела; очень возможно, что на определение таких решений влияли незнание киргизами русского языка, плохое знание или подкупность переводчика, или что-нибудь еще другое; но простой народ не может разбираться в таких деталях и склонен приписывать тому, что, мол, русский чиновник всегда стоит за русского.

В одно время в Лепсинском, Верненском, и, кажется, в других уездах администрацией была установлена круговая ответственность киргизов: если пропадает у русского скот

или что-нибудь другое, то вся указываемая жалобщиком волость отвечала за пропажу и должна была возместить немедленно (в Лепсинском у. – в 3-х или 5-дневный срок), причем основательность жалоб не проверялась вовсе. Нужно ли говорить, что это распоряжение администрации. Наконец, считаю необходимым сказать о просвещении киргизов. Покойный генерал Колпаковский для открытых им гимназий (в начале прогимназии) и пансиона дал такой педагогический персонал, подобно которому (с точки зрения просвещения киргизов) теперь нигде не встречаем. Отеческие заботы о киргизских мальчиках первого директора – покойного Новака и высокогуманное отношение всего преподавательского персонала к киргизским мальчикам памятны всем бывшим воспитанникам этих незаметных, но поистине великих людей; о втором директоре гимназии М. В. Вахрушеве, моем воспитателе, проживающем сейчас в г. Верном, вспоминают не иначе как с величайшей благодарностью. Этот просвещенный идеалист, оказывается, под старость лет собирает летом вокруг себя случайных киргизских мальчиков, учит грамоте, русскому языку и т. д., об этом официально никому неизвестно.

Помню, как теперешний инспектор гимназии, престарелый А. Д. Юрашкевич по целым дням просиживал с вновь поступившими киргизскими мальчиками, чтобы к концу учебного года научить их говорить и писать.

Такое отношение круто изменилось в 1908 г., когда благодаря чисто случайному обстоятельству ушел совершенно безвинный, благородный М. В. Вахрушев и директором гимназии сделался г-н Дейнеко. Достаточно сказать только одно – около 5–6 человек киргизов не были выпущены из 8-го класса гимназии (один из них – мой родственник); 4 стипендии в высших учебных заведениях для киргизов (одной из них пользовался я) теперь потеряны для киргизов – ими пользуются русские студенты и курсистки, а мой родственник, оканчивающий ныне юридический факультет, жил и учился без всяких личных средств. В таком положении были дела в области, когда разразилась нынешняя война.

Что сделали киргизы и как отнеслись они к военным событиям? Искать смысл в войне, разбираться в возможных последствиях победы или поражения для России, вникать в возможные вследствие этого изменения в жизни России и

киргизов – производить такой анализ со многими неизвестными факторами, разумеется, не в состоянии не только простой киргиз, но и средний русский интеллигент. Киргизы понимали войну схематически и чувствовали только одно: если победят русские, будет хорошо России, и, значит, хорошо будет и киргизам, если победят враги, то плохо будет России, враги могут дойти до нас и будут опустошать города, села, поля, кыстау, разграбят имущество, часть киргизов перебьют, часть должна будет бежать (но куда?), словом, должны повториться времена войн с монголами, времена отчаянных междоусобий между киргизами и кара-киргизами (XIX в. – времена знаменитых Джантая, отца Шабдана, и Кенесары Касымова). Много простоты и наивности в этих суждениях, но ведь так думал не интеллигент, а простой киргиз.

Для предотвращения возможных, с киргизской точки зрения, бедствий оставалось единственное средство – помогать русским всем, чем только можно. Прежде всего начались денежные сборы – киргизы собирали от 50 коп. до 2 руб. с каждой кибитки; но если не все эти суммы дошли по назначению, то в этом сами киргизы не виновны. В некоторых местах киргизы постановили своими средствами скосить сено, сжать, убрать и свезти хлеб семей призванных нижних чинов и запасных – так было в Лепсинском у. и даже как раз в той волости (Маканчи-Садыровской), где благодаря алчности и доносу управителя в сентябре 1916 г. произошли прискорбные события.

Потребовались на театр военных действий юрты, овчины –киргизы жертвовали и ими; деньги, ассигнованные на покупку их, до владельцев большей частью не доходили.

Требовали, чтобы киргизы ставили юрты и приготовляли скот для проходящих эшелонов; требования исполнялись беспрекословно, деньги же, отпущенные для расплаты с киргизами, в большинстве случаев до них не доходили, а юрты или пропадали, или возвращались без кошм или поломанные.

Но всех туземцев Туркестана превзошли кара-киргизы Пржевальского и восточной половины Пишпекского у.: не ограничиваясь жертвованиями, имуществами и деньгами, они отправили на фронт первых и единственных киргизских добровольцев; но замечательнее всего то, что в добровольцы ушли из тех мест, где в 1916 г. произошли серьезные эксцессы.

Заведующий военно-полевыми строительными работами инженер Чаев в сентябре 1915 г. обратился ко мне с просьбой высказаться по поводу проекта о привлечении киргизов к отбыванию всеобщей повинности. Я тогда же представил свои соображения: я написал о существовании проекта редактору киргизской газеты «Казак», издаваемой в г. Оренбурге. В декабре 1915 г. об этом проекте заговорили в печати. 24 января 1916 г. газета «Казак» (№ 166) поместила соображения нескольких уважаемых киргизов по поводу ожидавшегося привлечения киргизов к отбыванию воинской повинности; причем вопрос о желании или нежелании служить в армии не рассматривался при сем; все заинтересовались вопросом о том, в каком виде войск будут служить киргизы — пешими или в конном строю; этот вопрос стал разбираться на страницах «Казак» (№ 166, 168, 177, 178, 179 и последний от 9 июня, кои при сем прилагаю)48. В общем, из сих указанных номеров можно было заключить: большинство киргиз предпочитало службу в конном строю (в том числе и я), меньшинство стояло за службу в пехоте; предполагалось, что ввиду отсутствия у киргизов метрики, привлечение их на военную службу в ближайшее время будет сопряжено с большими трудностями. Для выяснения этих вопросов 3 февраля 1916 г. выехали в г. Петроград член 1-й Государственной Думы А. Букейханов, редактор «Казак» А. Байтурсынов и киргиз Н. Бегымбетов; побыв в г. Петрограде у государственных лиц, в том числе и у военного министра, делегаты вернулись и сообщили на страницах «Казак», что вопрос с привлечением киргизов пока отложен (этот номер «Казак» к сожалению, у меня не сохранился). Тем не менее, вопрос, какая служба для киргизов лучше — кавалерия или пехота — рассматривался до июня месяца 1916 г. Газета эта, как единственный печатный орган, очень распространена среди киргизов (издающаяся в г. Ташкенте [газета] «Алаш», во главе которой человек (Кольбай Тогусов) с темным прошлым, в счет идти не может); статьи о военной службе читались с особым вниманием, и вопрос этот стал очередной темой среди киргизского населения. Вспомнили, что и раньше, до войны, частично возбуждался вопрос о переходе значительными массами в казачье сословие, чтобы можно было составлять из киргизов целые конные полки; поводом к этому служили земельные притеснения (возбуждали этот вопрос еще до вой-

ны в Лепсинском (мой отец), Верненском, Пишпекском и Пржевальском у.). Нельзя, конечно, сказать, что киргизы радовались предполагавшейся военной службе; но они отнеслись к ней как к возможному явлению в жизни народа, и, имея в виду, что будут служить в кавалерии, думали, что смогут закрепить за собой занимаемые земли.

Таким образом, ясно, что военная служба не пугала киргизов, наоборот, они к ней на всякий случай готовились, только никто не ожидал, что привлечение киргизов на работы более страшные (по их разумению) произойдет так внезапно.

Высочайший указ 25 июня стал известен в городах (и в г. Верном) 8 июля. В газетах, если не ошибаюсь, от 9 июля, было напечатано, что туземцы в возрасте от 19 до 43 [лет] привлекаются на военные работы, причем в сообщениях указывалось на окопные работы, тогда как другие виды работ не упоминались вовсе. В воззвании военного губернатора Семиреченской обл. (около половины июля) также говорится, что киргизы призываются на окопные работы. Я сам, хотя отлично понимал суть дела, находился в затруднительном положении, на расспросы киргизов я говорил, что под военными работами разумеются работы по постройке или эксплуатации железных дорог, погрузка-выгрузка провианта, орудий, охрана лошадей, рубка леса на топливо и т. д. На это мне резонно возражали, что об этих работах в телеграммах и газетах ничего не сказано, а сказано только про «окопные» работы, и, что я передаю не совсем точно, и, что так им объяснили знакомые крестьяне из поселков, у которых есть родственники на войне и т. д. Даже им успели объяснить, что такое «окопы». Это – рвы, в которых сидят русские и германские солдаты друг против друга; если же нужны новые окопы, то их роют впереди, т. е. под обстрелом неприятеля (зачем, мол, рыть окопы позади солдат); стало им понятно, что это самая опасная работа; невероятные, вздорные слухи передавались из уст в уста, и никто населению вовремя не сумел объяснить сущность призыва рабочих; вместо этого местные власти стали приводить в исполнение Высочайший указ спешно и в некоторых случаях с применением крутых мер. Единовременная спешная мобилизация 25 возрастов (19–43) поразила население; киргизский народ никогда воинской повинности не отбывал; при таких чрезвычайных условиях и обстоятельствах и в принудительном порядке кир-

гизы никогда не призывались; мы были свидетелями, что даже частичная мобилизация народов, давно привычных к воинской повинности, при более благоприятных условиях и обстоятельствах часто сопровождалась разного рода эксцессами. Если бы население было заранее подготовлено и знало о цели привлечения рабочих, если бы после этого была объявлена частичная мобилизация на первых порах хотя бы некоторых возрастов или была бы применена система, которая введена генералом А. Н. Куропаткиным (определенное количество рабочих на область, уезд, волость в пределах 19–43 лет по разверстке в самой волости специально избранными для этой цели людьми), если бы своевременно были приняты меры к парализованию злоупотреблений туземной администрации, то мобилизация прошла бы вполне мирно и гладко. Чего можно было ожидать после всего этого от киргизов?

Обстоятельства сложились слишком неблагоприятно, и малочисленная киргизская интеллигенция очутилась между двух огней.

Газета «Казак», почувствовав серьезную опасность, в №192 от 11 августа (при сем прилагаемом) за подписями бывшего члена 1-й Государственной Думы Букейханова, редакторов Байтурсынова и Дулатова выпустила воззвание к киргизскому народу, горячо призывая его к успокоению, уверяя, что никакой опасности нет. Этот номер брался нарасхват, выписывали по несколько экземпляров для распространения среди населения. После первого приема (10 августа) у только что прибывшего в г. Ташкент генерала А.Н. Куропаткина я телеграфно обратился к пишпекским киргизам с призывом к успокоению (копию телеграммы при сем прилагаю). Наряду с этими призывами были пущены в ход злоупотребления, крутые меры и просто ошибки некоторых лиц русской администрации, вымогательства волостных управителей и т. д., и так как эти приемы касались населения непосредственно, то и немудрено, что волнения стали разрастаться.

Причин волнений, как видно из всего вышеприведенного, оказалось очень много, а ближайшими поводами были разные неблагоприятные случаи местного характера; причем отдельные характерные случаи привожу в хронологическом порядке, насколько мне удалось проследить общую картину всего происшедшего.

Кызылборукское дело (Верненский у.) (записку свою

присем прилагаю) было вызвано исключительно поведением вр[еменно] исполняющего] должность помощника уездного начальника Хлыновского. В волости никаких волнений до его приезда не было. 3 августа он и времен[ный] участковый пристав Склюев с 15 нижними чинами прибыли на стоянку переписчиков скота; перепись скота перед тем шла мирно и спокойно, и переписчики работали без всякой охраны. Хлыновский, без всякого повода со стороны собранных для переписи киргизов, арестовал нескольких видных киргизов, а остальным приказал представить список рабочих в течение 5 час[ов]. Волость перед тем неприступала к составлению списка, а в течение 5 часов составить и представить таковой было решительно невозможно. Киргизы раза 3 обращались к Хлыновскому с просьбой отпустить арестованных и отсрочить представление списка; Хлыновский,желая, очевидно, припугнуть, выстрелил, говорят, из револьвера вверх, а нижние чины, не разобравшись, в чем дело, выстрелили в киргизов и убили двоих; тогда киргизы окружили стоянку, и кто-то из киргизов выстрелом из охотничьего ружья убил одного нижнего чина (дальнейшее изложено в моей записке).

Второе дело в Верненском у. – Ботбаевское (записку по этому делу прилагаю). Ближайшим поводом к возникновению событий в Ботбаевской вол. было злоупотребление при составлении списка рабочих со стороны управителя Абдыгалия Курбангалиева; из своей партии он почти никого не записал, зато киргизов противной стороны, главой коей был кандидат его Бейсебай (фамилия не известна), включил в список чуть ли непоголовно. Пристав Гилев жалобу киргизов, недовольных действиями управителя, не принял, а волостной управитель донес Гилеву, что Бейсебай подстрекает народ к бунту. Пристав повел на ст. Самсы 20 нижних чинов (6 августа). Присутствие вооруженных нижних чинов во главе с Гилевым, ставшим на сторону управителя (так и поняли киргизы), действовало на толпу раздражающим образом; не помогло здесь и посредничество Токсанбаева, переводчика жандармского ротмистра (В.Железнякова), случайно прибывших на место происшествия отряд, отступивши, стал стрелять из-за забора и убил 12 киргизов. Когда на другой день, 7 августа, отряд с ротмистром Железняковым и Токсанбаевым и с жителями ст. Самсы ушли по направлению Казанско-Богородскому, волнение разрослось; одни, испугавшись возможных последствий,

бежали в горы в Пишпекский у., вызвали там панику – и Джанышская и часть Чумичевской вол. Пишпекского у., предполагая, что за бежавшими верненскими киргизами, их родственниками, придут отряды и, не разобравшись, нападут на них – пишпекцев, бежали в соседние Атекинскую и Сарыбашскую вол. Токмакского приставства и внесли панику в этих волостях; злополучные джа-нысцы, испугавшись размеров волнений в Атекинской и Сарыбашской вол., бежали дальше, на юг, в волости, граничащие с Пржевальским у.; увидев, что волнения начались в Пржевальском у., они отошли далее на запад, и через пос. Мерке спустились к р. Чу, описав, таким образом, почти целый круг радиусом 100-150 верст вокруг г. Пишпека, лишившись почти всего имущества, скота, потеряв стариков и детей. Другие ботпаевцы, увидев агента полицмейстера Поротикова – известного Закира Исабаева, стали откупаться в надежде, что скотом, деньгами, кошмами и дорогими седлами, даваемыми Исабаеву, они будут спасены (копию прошения Курбан-Ходжинова по этому поводу прилагаю); так как этот обирала Исабаев не был никем тронут в то время, когда киргизы стали позволять себе убийства русских крестьян, я склонен предполагать, что Исабаев давал согласие на эти дикости и даже подстрекал народ (от Исабаева можно ожидать решительно всего). Считаю нужным обратить серьезное внимание на то, что первыми убитыми оказались 2 переселенческих чиновника из учреждения, которое положило основание недовольству киргизов; после их убийства отступить от занятой позиции бунтовщикам было уже поздно; есть основание предполагать, что если бы в это время среди проезжавших не было чинов переселенческого ведомства, то дело не дошло бы до таких размеров.

Считаю нужным, кстати, упомянуть о действиях агентов полицмейстера Поротикова перед событиями в Верненском, Пишпекском и Пржевальском у. (копии 2 докладных от 28 октября и 28 декабря при сем прилагаю). Задолго [до] означенных событий (13 июля) агентами Поротикова были арестованы киргизы Джаилмышевской вол. Верненского у. Сят Ниязбеков, Танеке и другие; другие агенты перевалили через горы, побывали в дунганском пос. Каракунгузе (по соседству с волостями Атекенской и Сарыбашевской), арестовали волостного Булара Магуеви, не пожелавшего дать выкуп; третьи агенты в июле и в начале августа побывали в Пржевальс-

ком у., откуда Исабаев вернулся с дорогими вещами, нагруженными на 2 лошадях 2 п. опиума, проданными им в Чарыне по 35 руб. за фунт (см. прошение Курбан-Ходжинова). Во всех трех указанных местах или вблизи их впоследствии возникли серьезнейшие события. Невольно спрашиваешь себя, почему печальные события произошли именно в тех местах, где перед тем побывали агенты Поротикова. Чем вообще занимался полицмейстер Поротиков и его сотрудники, известно киргизам Верненского, Копальского, Пишпекского и Пржевальского у. (см. прилагаемое прошение Измайлова).

3. Как было сказано выше, киргизы Джанышской и части Чумичевской вол. Пишпекского у., боясь, что за прикочевавшими к ним родственниками их, ботпаевцами, придут отряды, бежали на восток к кара-киргизам Атекинской и Сарыбашской вол. и своим бегством способствовали панике среди кара-киргизов, узнать ближайший повод волнения этих кара-киргизов мне не удалось, так как мне не пришлось быть на месте; но необходимо отметить то, что когда русские покоряли край, Шабдан Джантаев приходил на помощь русским с кара-киргизами как раз этих, т. е. с отцами теперешних сарыбашцев и атекинцев: знаменательно еще то, что первые добровольцы ушли из этих же мест, значит, обстоятельства оказались настолько серьезны, что поднялись сарыбашцы, самые лояльные из всех туземцев края.

4. Слухи о волнениях в Верненском и в восточной части Пишпекского у. распространились с невероятной быстротой и создали нервное настроение не только [в] Семиречье, но и в Аулие-Атинском и Черняевском у. Достаточно было случая убийства в Беловодском участке кем-то на заимке двух крестьян, чтобы кара-киргизы ближайших волостей, боясь репрессий, бежали по направлению к горам (я интересовался узнать, кем убиты крестьяне кара-киргизами или русскими, но выяснить это не удалось). Среди бежавших киргизов распространился слух, что их не тронут, если они сумеют получить удостоверение от пристава (Грибановского) с короткой надписью «мирный» (прошения с изложением таких подробностей поданы генерал-губернатору, и копии у меня не сохранялись). Каракиргизов, явившихся к приставу в числе около 517 человек, заставили слезть с лошадей, пешком отравили их в волостное управление, сам пристав, сдав арестованных кара-киргизов возбужденным крестьянам, уехал, и

все кара-киргизы до одного оказались перебиты. Мне передавали кара-киргизы из этих мест, что никто из русских в участке не пострадал; сами каракиргизы определяют число убитых около 1100 человек.

5. О ближайших поводах к волнениям в Пржевальском у. мне неизвестно; могу только констатировать то, что там перед самыми волнениями «работали» агенты полицмейстера Поротикова во главе с Исабаевым. О так называемом «Теплоключинском деле», когда пострадали ни в чем невинные киргизы,также не удалось узнать подробностей.

6. В Копальском у. не было волнений, никто из русских непострадал, убийство около 40 киргизов (записку при сем прилагаю) нужно приписать исключительно озорству казаков Ка-рабулакской станицы.

7. В Лепсинском у., в Маканчи-Садыровской вол. Поводом к волнениям, убийству около 100 киргизов и аресту около 100 киргизов послужила жадность и вымогательство волостного управителя Джакамбаева, народного судьи Омарова, Князева; а в Мамбетбай-Кыскачевской вол. те же качества нового волостного Джанабая.

8. Для полноты общей картины волнений считаю необходимым рассказать еще о событиях в Аулие-Атинском и Черняевском у. Слухи о верненских волнениях и беловодских событиях создали нервное настроение не только у киргизов, но и у крестьян; по тракту от г. Аулие-Ата на г. Пишпек спешили отряды войск, что еще больше нервировало киргизов; отряды проходили при чрезвычайных условиях; часть крестьян, пользуясь этим, предалась грабежу, у киргизов стали пропадать лошади, скот; другие крестьяне просто приходили в аулы и брали кошмы, ковры, одеяла и т. д. Под влиянием всего этого часть киргизов Чуйского и Меркенского участков ушли через р. Чу к пескам. В Чуйском участке к этому прибавился ложный донос двух лесообъездчиков. Оба пристава поступили одинаково – отправились за киргизами в сопровождении нижних чинов, чем и вызвали нападения.

Одинаковые действия представителей администрации вызывали совершенно одинаковые результаты: Хлыновский отправился к мирным кызылборукцам с отрядом и вызвал нападение; Гилев пошел на ст. Самсы с отрядом – киргизы напали на отряд (если бы не было этого случая, то, по моему мнению, не было [бы] событий в Пишпекском и Аулие-

Атинском у.; приставы меркенский и чуйский пошли с отрядами, и опять случились нападения.

В начале августа в г. Черняев было получено тревожное известие о волнениях в северной, наиболее глухой части уезда. Помощник уездного начальника, подполковник Тризна, отказавшись от советов взять с собой вооруженных нижних чинов, отправился туда только с переводчиком.

Пробыли там 12 дней; многие, узнав о столкновениях в Аулие-Атинском и Пишпекском у., считали его погибшим. Благодаря тому, что он явился к волновавшимся киргизам именно без отряда, благодаря его такту и умению говорить с киргизами, население совершенно успокоилось. Понятно, что если бы Хлыновский, Гилев, Лундин, Урбанек действовали так, как Тризна, то, несмотря на самые неблагоприятные обстоятельства, удалось бы избежать печальных событий.

Я привел данные, характеризующие отношения русской власти к киргизам в связи с изменением условий киргизской жизни; сказал, как отнеслись киргизы к событиям, связанным с войной; указал на крайне неблагоприятные обстоятельства, связанные с призывом киргизов на тыловые работы. После всего этого можно ли еще удивляться, что произошли такие печальные события, и можно ли все это приписывать одним только киргизам? Можно ли отыскать более красноречивые, более действительные приемы агитации для возбуждения умов, чем все то, о чем сказано выше? Люди, незнакомые с историей этих взаимоотношений, к каковым, к сожалению, приходится причислять чуть ли не 99% русского населения Туркестана, в попытках объяснить причины волнений в Семиреченской обл. отыскивают эти причины, не задумываясь, слишком просто и легко – в «турецкой и германской» агитации. Из сказанного, несомненно, ясно одно: если бы не было тех отношений к киргизам, что было до войны, если бы мобилизация рабочих проводилась более осмотрительно, то самая идеально обставленная, какую только можно себе представить, «турецко-германская» агитация не достигла бы того, свидетелем чего мы явились.

Более показать ничего не имею [...]

Инженер путей сообщения *Мухамеджан Тынышпаев.*
Мировой судья.

ЦГА РК. Ф.И-797. Оп.7. Д.46, л.401-410.

Приветствие киргиз Чуйского участка Аулиатинского уезда Сырдарьинская область Временному правительству

2 апрель 1917 г.

Мы, нижеподписавшиеся киргизы двадцати волостей Чуйского участка аулиатинского уезда, получив благо свободы заявленной от старого преступного правительстве стараниями и жертвами борцов за лучших людей России шлем новому правительству нашему благодарность за охрану этой благословенной свободы и свой привет и выражаем твердую решимость всемерно поддерживать Вас и Ваши назначения на благо всех народов дорогой нашей Родины, в которой мы чувствуем себя равноправными со всеми гражданами клятвенно обещаем охранять полный порядок и спокойствие, живя в братском единении с гражданами других национальностей представители от волостей Чуйского участка Макбальтаской, Кошегул Тайчибеков, Даулеткулъ долин Байтемировское с Иджагар, Браймов Амачакской Бу налки Султанбеков Таласской Куленбай Касымбаев, Канакоилинское Ли Умабек Дукенхай, Дитаманкулов Аккультусской Казыбек Батыдеков, Секимовской Ходжа Ахмед Баубек, Чуйской Джугар.

ГАРФ,Ф. 1778, оп.1, д 167, л.10-11

Из Аулие-Аты. Сырдарьинской области

Могучая волна движется народа русского докатилась до наших широких степей несколько позже, но все же мы, киргизы, волостей Утемишский и Карабакирский в лице своих представителей теперь с чувством живой радости узнали о том, что русский народ объявил для себя и для всех народов населяющих Россию счастье и благо свободы, и от всей души каждого киргиза заявляем о полной готовности нашей всем что может служить Временному правительству. С особой радостью отмечаем то обстоятельство, что услышали определенно весть о желанной свободе от проезжавшего через наш город АулиеАта амнистированнаго бывшаго ссыльного поселенца товарища Березовского, который много страдал и боролся за общее для России и за наше киргизское счастье. Волостных наших управителей Ахмета Умнабаева и Мимитбая Юсупова совсем не желаем, просим их убрать. – Токао Примкул.

ГАРФ, ф. 1778. оп.1. д 167. 02.04.191, л.12-13

Сырдарьинская область.

Мы, русские евреи и туземные евреи города Казалинска, приветствуем в Вашем лице Временное правительство за величайший акт справедливости уничтожении религиозных организаций, столько веков губивший народный дух. Клянемся служить всеми силами на благо свободной Родины.

Врач *Рахштейн*, Раввин *Калекдаревъ*.

ГАРФ , ф. 1778 оп.1 д.167, л.16

29.03.1917
Петроград.
Министру Председателю
Князю Львову.

25-го сего марта многотысячное собрание туземцев Перовского уезда и Перска единогласно поставили приветствовать первое народное правительство, образованное из лиц заслуженно пользующихся уважением, любовью и доверием всего мусульманства как всей России. Мы охвачены беспредельною радостью наравне с русским народом, столь единодушно примкнувшим к новому движению и непоколебимо решившим поддержать новую власть. Приветствуем членов нового правительства и всех героев обновления России. А в лице их, Новую Россию. Да здравствует Новая Свободная, Новая Равноправная Россия!

Председатель киргизского уездного комитета Касимов, Преображенский.

ГАРФ , ф. 1778 оп. 1 д.167, л.19

1917
Петроград.
Министру Председателю
Князю Львову.

Сырдарьинский областной мусульманский съезд и население области полную готовность поддерживать обновленное Временное правительство во всех начинаниях, в деле приведения в жизнь новых начал верит, что Комиссионное правительство имеющее своей среде лучших представителей

всей революционной России, опираясь на организованные общественное мнение выведет Родину из теперешнего трудного положения, отстоит свободу как от врага внешнего, так и от анархии внутри.

Председатель съезда *Чокаев.*

ГАРФ, ф. 1778, оп.1, д.167,л.20

Тург. обл.

Граждане и гражданки поселка Владыкинского Кустанайского уезда Тург[айской] области, выслушав благодарственный молебен о даровавшем победу над внешним и внутренним врагом, выражает новому правительству свои верноподданнические чувства с обещанием помогать во всех благих его начинаниях на благо Родины.

Младыкинский комитет.

ГАРФ, ф. 1778, оп.1, д. 177, л.3

Петроград.
Министру Председателю
Князю Львову.

Иргиз, 1917 г. Представители киргизского населения волостей второго участка Иргизского уезда, собравшись на предварительное совещание по образованию уездного районного волостных, аульных комитетов постановили настоящей телеграммой через уполномоченных в вашем лице приветствовать новое правительство – защитника прав и свобод всех народностей обширной России и в твердом сознании неуместности розни между отдельными национальностями и классами населения заявит свою полную готовность тесно сплотиться вокруг пользующегося неограниченным нашим доверием прав-ва во главе с Вами для совместной работы во имя блага России свободного развития народа и конечной победы над врагом, а также строгого поддержания порядка на местах. Призывая милостью Божьею над Вами по уполномочию подписуемся:

Жален Жумартов, Каунбай Шектыбаев, Мамый Дауабиев, Сарбас Изтлеев, Сейдаллы Уразалин, Ульжай Кинсыков, Рысмагамбет Иткарин, Тахава Буранакулов.

ГАРФ, ф. 1778, оп.1, д.179, л.9-10

Временному правительству

открывается съезд учителей внутренней киргизской орды приветствует временное правительство, принимает все меры к поддержанию провозглашенных принципов правительства, выражает уверенность что все народы России желают права самоопределения, участием устроенной жизни свободного государства.

Председатель съезда *Мендешев.*

ГАРФ , ф. 1778, оп.1, д.179, л.8

15 марта (1917) Киргизы Карачаганакской волости уральского уезда Уральской области собравшиеся для обсуждения вопросов, связанных с событиями последняго времени поздравляют Вас с низвержением старого бюрократического строя без малейших колебаний подчиняясь распоряжениям нового правительства, желая поддерживать его всеми мерами силами, выражают полную уверенность что недалеко время, когда все народности Российской империи будут иметь право на самоопределение и будет снято с них чиновничья опека и исчезнут с горизонта разные русификаторы в лице инспекторов, директоров и других.

Уполномоченные Киргиз Кенжин, Кудайкулов, Курумов, Чулаков.

ГАРФ , ф. 1778, оп.1, д. 179, л.17

Телеграмма

7. 04. 1917. Послушав доклад делегатов общеказачьего съезда Петрограда общее собрание воинских чинов гарнизона города Уральск приветствует совместную работу Временного правительства, исполнительного комитета Гос[ударственной] Думы и Совета Петроградских рабочих-солдатских депутатов и выражает уверенность, что эта совместная работа укрепит новый строй и даст нам мир достойный свободного русского народа.

Председатель собрания Прапорщик Свешников.

ГАРФ, ф. 1778,оп.1, д.179, л.18.

1-ое общее собрание организовавшегося союза служащих

правительственных и общественных учреждений Уральской области приветствует Временное правительство Свободной России в его стремлении и упрочнению нового строя и доведения войны до победного конца... и заявляет о готовности, забыв свои личные интересы, положить все свои силы и разумение на благо освобожденной родины.

Председатель собрания *Попов.*

ГАРФ, ф. 1778,оп.1, д.179, л. 20

Духовенство мирян Уральской области. Съезд представителей мирян собравшиеся 16 мая в Уральске для обсуждения вопросов устройства церковной жизни в лице вашем приветствует коалицию временного правительства, выражает готовность всеми силами оказывать ему нравственную поддержку, твердо веря, что оно выведет Россию на путь обновления, разцвета сил духовных, нравственных, материальных.

ГАРФ, ф. 1778. оп.1. д 179, л. 21

Уральская область.

Верхнеуральский совет рабочих солдатских депутатов приветствует вновь сформированное Временное правительство и выражает ему полное доверие и ожидает продуктивной работы на благо России.

Председатель совета *В. Малов.*

ГАРФ , ф. 1778. оп.1. д 179. л.22

В день всемирного рабочего праздника трудящиеся люди нефтяных промыслов Доссорского района горячо приветствует Временное правительство и верит, что оно непоколебимо будет стоять на страже интересов народа. Как доныне исполняя долг перед Родиной и армией мы добычу нефти в этот день не приостановим по единогласному поручению Всенародного собрания. Исполнительный комитет и заводские комиссии и промысла Досор.

ГАРФ , ф. 1778. оп.1. д . 179, л. 23

Семиреченские казаки в лице своего объединенного заседания войскового комитета и комитетами третьего полка запасной сотни казачьей фракции Верненского совета солдатс-

ких и рабочих депутатов шлет свое соболезнование по случаю события 4 июля и возмущение по адресу ленинцев большевиков за происшедшее по их вине в Петрограде кровопролитие и шлет настойчивое пожелание, чтобы всех большевиков как врагов революции изъять из политической жизни путем ареста их и ссылки. А Временному правительству желаем доброй и плодотворной работы во благо революц. России. Пусть оно надеется, что казачьи войска все за него как один человек. Председатель Егошкин.

ГАРФ, ф. 1778. оп.1. д. 218, л.1

Телеграмма из Ташкента. 5/X–1917.
Военная доставка оплачена
лично министру председателю Керенскому.

Туркестанский общемусульманский краевой совет решил на заседании третьего октября включить Александра Федоровича в число кандидатов. Учредительное собрание по Сырдарьинской области. ...кавычки Межнационального списка трудящихся Туркестана кавычки. Проситъ Керенского дать свое согласие на это послав соответственное срочное телеграфное запятая с заверенной официально подписью запятая совещание сырдарьинской областной по выборам учр[-едительное] собр[ание] комиссию тчк Считая на основании имеющихся сведений что согласие .. имеется просить Цеклаир уведомить об этом Керенского тчк просить аналогичного согласия Бориса Осиповича Фленкеля который свое заявление пусть протелеграфирует ферганской и сырдарьинской комиссиям тчк согласие обоих необходимо получить не позже одиннадцатого двенадцатого Краевого совета Чокаев тчк Товарищ председатель Ходжаев. Копии телеграфируйте Ташкент Ретина Чокаеву тчк Ходжаев.

ГАРФ, ф. 1778. оп.1. д.250, л.1

Петроград
12.03.1917

По усмирению беспорядков населения Семиреченской области военный губернатор составил проект об образовании нового уезда Нарынского с высылкой туда 15 волостей из

Пишпекского уезда. Это выселение является наказанием киргиз за мятеж. Предписанием военного губернатора 12 января с.г. №886 пишпекскому уездному начальнику предложено предоставить проект выселения. Выселено будет 80 000 киргиз. Нарынский уезд – местность совершенно бесплодная, для земледелия и скотоводства. Киргизам там грозит медленное вымирание. В Пишпекском уезде живем с 1860 года на своих землях развели сады, имеем клеверники. Сенокос, зимовые устойбища,строенные дома, мечети, мельницы, школы и другие построения, созданные долголетним трудом. Все это хотят у нас отнять и выселить в бесплодную местность. Большинство киргиз не принимало никакого участия в беспорядках. Взываем к человеколюбию нового правительства. Просим отменить назначенное нам старой властью выселение и не выселять нас с наших земель, оставив нас в Пишпекском уезде, на которых мы живем с незапамятных времен. Киргизы просим от имени 80 тыс. душ киргиз Пишпекского уезда. В области все спокойно. В образовании нового уезда никакой необходимости, а расходы по организации управления новым уездом падут на нас киргиз. Уполномоченные киргиз: Чокмаров, Сатыбалдин, Тулегабынов и др.

ГАРФ, ф. 1778. оп.1. д. 339, л. 4, 5

16 марта 1917 г. №1453

Верный, комиссару Семиреченской области

Немедленно приостановите исполнение распоряжений б[ывшего] военного губернатора о выселении пятнадцати киргизских волостей, Пишпекского уезда. Сообщите подробности дела.

Министр-председатель, князь Львовъ.

ГАРФ, ф. 1778. оп.1. д. 339, л. 2

16 апреля, 1917 г.

Уральск, Бизянову.

Постановлением Временного правительства 21 марта поручена передачу благотворительных учреждений соответствующим ведомствам произвести комиссарам, назначенных в центральные органы благотворительных учреждений тчк.

Ввиду этого местные отделения должны функционировать прежних основаниях впредь до распоряжений вышеуказанных комиссаров или подлежащих министров.

Председатель *Львов.*

ГАРФ, Ф. 1778. оп.1. д.339, л.79

Об учреждении Туркестанского комитета.
Постановление Временного правительства

В целях установления прочного порядка и устроение Туркестанского края на основаниях, всенародно объявленных Временным правительством 6 марта 1917 года и для разрешения на месте всех возникающих вопросов управления краем назначается Туркестанский комитет в составе члена Государственной Думы Николая Николаевича Щепкина, члена ГосДумы первого созыва Букейханова, Члена Госдумы.

СУ и распоряжение правительства №79,
13 апреля 1917 г, ст. 462

13 янв.1917
Ташкент
Председателю Туркестанского комитета Щепкину.

Заслушав телеграмму Туркестанского комитета Временное правительства в своем новом составе выражает благодарность Туркестанскому комитету за его деятельность и подтверждает ему свое полное доверие.тчк. Принимая меры тому, чтобы пополнить состав Туркестанского комитета соответственно преобразованному составу Временное правительство оно настоятельно просит вас продолжать вести возложенные на Вас обязанности. Полномочия Шканского, Тынышпаева по Семиречью данные им от Туркестанского комитета подтверждаем предоставляя право добавить сотрудников из местных общественных деятелей.

Мин[истр] председатель князь *Львов.*

ГАРФ ф. 1778. оп.1. д.339 , л.96

Решение МВД созвать на 13 июля совещание губернских коммисаров и по одному представить губернские объединенные комитеты общественным организациям. Задержалось исполнение с наступившими чрезвычайными событиями, однако решение этого неизменного осталось в силе и приглашаетесь прибыть в Петроград 30 июля.

За МВД *Леоньев.*

ГАРФ, ф. 1788. оп. 2. д. 14, л. 2.

Туркестанский комитет. Ташкент.

МВД созывает 30 июля совещание губернских Комисаров и по одному представителю губернских Объединенных комитетов общественных органов просим сообщить кто будет участвовать в названном совещании.

За МВД *Леоньев.* 07 июля 1917.

ГАРФ, ф. 1788. оп. 2. д. 14, л. 4

17 июля 1917 Телеграмма Законову. Телеграфное предложение прибыть 30 июля совещание послано седьмого июля [19]17 №2908 Акмолинскому и Семипалатинскому областным комиссарам.Присутствие их весьма желательно.Одновременно сим посылаю приглашение председателю объединенного комитета общ[ественных] орг[анизаций]. Омск и Семипалатинск предложение избрать представителя и делегировать его.. Сообщите заблаговременно кто избран....

За МВД *Леонтьев.*

ГАРФ, ф. 1788, оп. 2. д. 14, л.8

На совещание губернских комиссаров 4 августа 1917 представителем Сырдарьинского областного совета назначен Мустафа Чокаев. областной комиссар Тризна.

ГАРФ, ф. 1788. оп. 2. д. 14 л. 141

26 июля 1917 ПРГР Омска

Областной коалиционный комитет находит необходимым упразднение степного генерал губернаторства и должности комиссара возложением обязанностей на комиссаров Акмо-

линского и Семипалатинского в пред реорганизации управления краем.

За председателя областного коалиционного комитета *Котляров*

ГАРФ 1800. оп. 1. д. 172

22 мая 1917 г.
Петроград из Омска комиссар Лепко

С первых дней переворота предо мной стала задача посильной организации обширной Акмолинской области лишенной земских учреждений обладающей при обширной территории самым незначительным составом администрации и качество слабой населению и чуждой с переворотом почти упраздненной попытки мои действовали до упразднения посредством старого аппарата. Мне пришлось обратиться помощи самодеятельности крестьянского населения в ее организованных формах на первых шагах содействия созыва крестьянского съезда. Этим съездом создавались организации объединяющие всех в уезды области через советы крестьянских депутатов.Организация эта авторитетная в населении государствена [в] способах действия и своих призывах служит мне в исполнении текущих организационных задач без нее немыслима подготовительная исполнительная работа к выборам земство и учредительное собрание. Вынужден эту организацию финансировать согласно постановления Омского коалиционного комитета обращены расходы крестьянского съезда текущей работы строго деловой. Крестьянская организация очень осторожна расходах, выполнила короткое время разработку проекта временных сельских волостных комитетов помощи комиссариата штата посланных по всей области инструкторов проводит жизнь этот проект разъясняет крестьянам острые вопросы текущего момента продовольственных политических повсеместно внося спокойствие сдержанность, вносит планомерность борьбу пьянством, содействует организации в уездах милиции. При отсутствии населения привычки лазеть создан орган пользующийся доверием крестьян без которого работа организации затруднена которые так же необходимо финансировать ибо собственных средств организации пока ничтожны. На основании изложенного прошу признать правильность моих действий по ра-

боте через крестьянский союз разрешить продолжать финансирование его образования земства в настоящее время прошу телеграфно перевести в мое распоряжение 50.000 из коих оплачу расходы Омского коалиционного комитета который не получение назваченных ему 35.000 и покрою прошлые и предстоящие расходы областной крестьянской Организации и коалиционного Комитета продолжение деятельности которого по местным условиям остается необходимой будет впредь вызывать расходы около двух-трех тысяч ежемесячно. №4025.

Областной комиссар *Лепко*

ГАРФ, ф. 1788. оп. 2. д. 161, л.2-5

Канцелярия временного правительства настоящим уведомляет, что временное Правительство, в заседании 23 июня 1917 постановила назначить членом Туркестанвского комитета для Семиреченской области присяжного поверенного Илью Никитовича Шендрикова.

ГАРФ, ф. 1788. оп. 2. д. 26, л.51

Управляющему делами временного правительства
Э. Шольцу
31 июля 1917 г., № 3577

Милостивый государь Эмилий Эмильевич

В МВД продолжают поступать бумаги к исполнению по Туркестанскому краю, между тем закон о передаче края в ведение МВД все еще не рассмотрен Временным Правительством, а посему МВД не в праве делать какие-либо указания по этому краю.

В виду того, что до сих пор Туркестанский Край состоит в ведении Временного Правительства, то все бумаги касающиеся этого края как и при сем прилагаемые МВД направляет к вам. Вместе с тем, вполне сознавая ненормальность такого положения, прошу Вас по возможности ускорить постановку на рассмотрение Временного Правительства внесенного военным министром проекта о передаче Туркестанского края в ведение МВД

За МВД *Леоньев*

ГАРФ, ф. 1788. оп. 2. д. 26, л.53

Из журнала заседания Временного правительства № 126 о принятии обращения к народам России и мер по ликвидации июльского кризиса в стране

05.07.1917

Слушали: 1. Доложенный заместителем министра-председателя проект декларации Временного правительства, вызываемый обновлением его состава и переживаемыми событиями.

Постановили: Обнародовать нижеследующую декларацию Временного правительства: «Граждане! Настал грозный час. Войска германского императора прорвали фронт русской народной революционной армии. Это страшное дело было для них облегчено преступным легкомыслием и слепым фанатизмом одних, изменой и предательством – других. Развалом и распадом угрожали и те и другие самим устоям новой свободной России. В этот грозный момент, когда могут выступить, пользуясь общественным смятением, таившиеся силы контрреволюции, перестроившееся Временное правительство ясно сознает ответственность, которая всею своею тяжестью падает на его плечи. Но правительство полно твердой веры в силы всего великого русского народа; Временное правительство верит в быстрое оздоровление политической жизни страны после того, как вышла наружу и разрешилась в остром кризисе заразительная болезнь, подтачивавшая народный организм; Временное правительство верит, что этот кризис – к выздоровлению, а не к смерти.

Сильное этой верой, Временное правительство готово действовать и будет действовать со всей той энергией и решительностью, каких требуют чрезвычайные обстоятельства времени.

Своей первой основной задачей Временное правительство считает напряжение всех сил для борьбы с внешним врагом и для охраны нового государственного порядка от всяких анархических и контрреволюционных покушений, не останавливаясь перед самыми решительными мерами власти. Вместе с тем, своею внешнею политикою оно снова и снова подтвердит, что революционная армия может идти в бой с твердой верой в то, что ни одна капля крови русского солдата не прольется ради целей, чуждых правосознанию русской демократии, провозгласившей открыто, перед лицом всего мира, свои мирные лозунги. В этих целях Временное прави-

тельство, осуществляя начала внешней политики, возвещенные в декларации правительства 6 мая, имеет в виду предложить союзникам собраться на союзную конференцию в течение августа для определения общего направления внешней политики союзников и согласования их действий при проведении принципов, провозглашенных русской революцией. В конференции этой Россия будет представлена, наряду с лицами дипломатического ведомства, также представителями русской демократии.

Продолжая работу государственного строительства и в других областях на началах, возвещенных декларацией 6 мая, Временное правительство считает необходимым немедленно выполнить ряд мероприятий, осуществляющих означенные начала.

Временное правительство примет все меры, чтобы выборы в Учредительное собрание состоялись в назначенный срок (17 сентября) и чтобы подготовительные мероприятия были закончены заблаговременно для обеспечения правильности и свободы выборов. Скорейшее введение городского и земского самоуправления на основах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, с повсеместным их распространением, является первейшей задачей правительства в области внутренней политики. Придавая вместе с тем особенное значение созданию на местах органов власти, облеченных доверием всего населения, Временное правительство теперь же привлечет к организации местной власти представителей общественных организаций для образования коллегиальных органов областного управления, объединяющих ряд губерний.

В стремлении к последовательному проведению в жизнь страны начал гражданского равенства, Временное правительство издаст в ближайшем будущем постановления об уничтожении сословий, а равно и об окончательном упразднении гражданских чинов и орденов, за исключением жалуемых за боевые отличия.

Для решительной борьбы с хозяйственной разрухой и дальнейших мероприятий по защите труда, немедленно приступают к работам, учрежденные при Временном правительстве Экономический совет и Главный экономический комитет, в задачи которых входят выработка общего плана организации народного хозяйства и труда, разработка законопроектов и общих мер по регулированию хозяйственной жизни

и контролю в промышленности, а также согласованное и планомерное проведение их в жизнь. В области рабочей политики разработаны и в ближайшие дни будут проведены законопроекты о свободе коалиции на биржах труда и примирительных камерах. Разрабатываются законопроекты о восьмичасовом рабочем дне, о всесторонней охране труда, о введении всех видов социального страхования с распространением их на все категории наемного труда.

Мероприятия Временного правительства в области земельного вопроса по-прежнему определяются убеждением, что в соответствии с основными потребностями нашего народного хозяйства, с неоднократно выражавшимися пожеланиями крестьянства и с провозглашенными всеми демократическими партиями страны программами, в основу будущей земельной реформы должна быть положена мысль о переходе земли в руки трудящихся. На этой основе и разрабатывается тот проект земельной реформы, который будет предложен на рассмотрение Учредительного собрания.

Очередными мероприятиями Временного правительства будут:

1) полная ликвидация разрушительной и дезорганизующей деревню прежней землеустроительной политики;

2) меры, обеспечивающие полную свободу Учредительного собрания в деле распоряжения земельным фондом страны;

3) упорядочение земельных отношений в интересах государственной обороны и продовольствия страны, путем расширения и укрепления сети организуемых государством земельных комитетов с точно определенными законом правомочиями в области решения текущих вопросов сельскохозяйственной политики, не предрешающих основного вопроса о праве собственности на землю как входящего лишь в компетенцию Учредительного собрания, и

4) устранение путем такого закономерного регулирования поземельных отношений той серьезной опасности, которую представляют для государства и для будущей аграрной реформы земельные захваты и тому подобные самочинные местные способы разрешения земельных нужд, противоречащие принципу общегосударственного плана будущей земельной реформы.

Объявляя о поставленных задачах, Временное правитель-

ство полагает, что оно вправе рассчитывать в своей тяжкой и ответственной работе на беззаветную, одушевленную помощь всех живых сил страны. Оно требует от всех их жертвенной готовности отдать все – свои силы, достояние, саму жизнь для великого дела спасения страны, которая перестала быть для населяющих ее народов суровой мачехой, которая стремится всех их объединить на началах полной свободы и равноправия».

Слушали: 2. Представления Военного министерства: а) С проектом обращения Временного правительства к действующей армии.

Постановили: Обнародовать нижеследующее обращение Временного правительства к действующей армии: «Три недели тому назад, согласно приказу военного министра, армии Юго-Западного фронта под водительством Верховного главнокомандующего, могучим революционным порывом перешли в наступление. До 36 000 пленных, свыше 90 орудий, более 400 пулеметов стали их достоянием. Славные имена «полков 18 июня» отныне занесены на скрижали революции. Для этих героев-борцов выше личной жизни была их честь, жизнь свободной Родины и спасение русской революции, угрожаемой преданными Вильгельму штыками на фронте и предательским мятежом в тылу. Мятеж внутри подавлен народной властью, но революция еще в большой опасности. Собравшись с силами, внешний враг, со своей стороны, перешел в наступление. Пусть коварный его замысел одновременного прорыва фронта и предательского удара по тылу сплотит еще больше всех, для кого Россия и ее свобода – не пустые слова.

Войска революционных армий! Ваши братья, вступившие с красными знаменами в бой, зовут вас вместе с ними к дружному натиску на защиту свободы во имя справедливых условий прочного мира.

Волею революционного народа, по первому приказу вашего боевого начальства – вперед, сомкнутыми рядами, не оглядываясь на трусов и предателей Родины.

Спасайте свободы, спасайте Родину».

Слушали: 4. Доклад помощника морского министра о произведенном по приказанию Временного правительства аресте делегаций Балтийского флота, прибывших в Петроград на судах «Орфей» и «Грозящий».

Постановили: Передать дело об арестованных делегатах на рассмотрение судебной власти для формулирования обвинения.

Слушали: 5. Устное предложение министра иностранных дел о принятии мер к предотвращению проникновения на фронт органов печати, разлагающе действующих на армию.

Постановили: Предоставить военному министру распорядиться запрещением проникновения в войска действующей армии газет «Правда», «Солдатская правда» и «Окопная правда».

ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1. Ч. III. л. 57 об. – 60 об.

Телеграмма Ляшкевича о ситуации в области в связи июльскими событиями в Петрограде

15 июля 1917 г..

Население оповещаю события в Петрограде печатанием [в] газетах а так же особыми телеграммами уездным комитетам тчк. В области спокойно. Случающиеся недоразумения вызваны причинами местного характера с текущими событиями не связаны зпт главные между русскими [и] киргизами на почве конокрадства тчк [В] Семипалатинские напряженное состояние из-за отказа эвакуированных отправиться на фронт[под] предлогом требования предварительной отправки кадровых так же имеющих отсрочку....-После объявления Советом депутатов всех неповинующихся приказу Керенского дезертирами так же ареста действительных дезертиров неизвестных агитировавших неповиновение тчк охрану усиливаю тчк для гарантии спокойствия прошу срочного распоряжения всем ведомствам особенно судебному беспрекословно моему требованию отстранят переводить вредных спокойствию населения чиновников служащих иначе придется удалять власть властью комиссариата что крайне нежелательно в интересах престижа центральной власти.

Исполняющий обязанности областного комиссара председатель комиссариата Ляшкевич.

ГАРФ , ф. 1788. оп. 2. д. 70, л. 103-105

Съезд уездных комитетов Тургайской Области.

Съездом уездных комитетов Тургайской Области избран областной продовольственный комитет согласно опубликованному Временным Правительством положению. Избран исполнительный орган – областная управа сообразно принятому порядку организаций местных гражданских комитетов. Утверждены положения об организации в области гражданских комитетов, аульных, поселковых, волостных, уездных, областных примирительных камер для разрешения земельных споров, судебно-следственных комиссий, расследования неправомерных арестов, милиции, временных судов, порядок ликвидации упраздняемых учреждений. Выражены положения пересмотра закона хлебной монополии применительно к области. Съезд проходил под знаменем полного примирения, единения русского и киргиз. Населения и всяческой поддержки временного правительства.

ГАРФ , ф. 1788. оп. 2. д. 178, л.46

Уральская область

В МВД поступило телеграммное ходатайство киргизского областного комитета о назначении для заведования делами киргизской части населения особого помощника областного комиссара. В Уральской области до переворота не было земского самоуправления.

Управление земельной частью области было сосредоточенно в руках областного правления, ведающего хозяйственно-административной жизнью киргиз. Население области для безболезненного и усиленного проведения в жизнь киргизского народа начал свободы, для ее закрепления, поддержания общественного порядка, тишины и спокойствия, для успешного проведения всех мероприятий центральной власти среди киргиз, равно для успешной заготовки продовольствия армии в Уральской области киргизский комитет находит необходимым назначить Уральскому областному комиссару для заведования всеми делами зауральной части областного помощника облеченного доверием народа. Отдел сообщил, это ходатайство областному комиссару, предложив ему высказать свои соображения и представить в МВД кандидата на должность помощника областного комиссара

ГАРФ , ф. 1788, оп2, д.178, л.71

Прекращение деятельности Верненского Временного
Исполнительного Комитета
15/28/мая 1917

Совет рабочих, солдатских депутатов Верного Семиреченской области постановил прекратить действия Верненского Временного комитета в виду того, что последний состоя преимущественно из чиновников в течении двухмесячного своего функционирования заявил себя бездеятельным, неспособным к проведению в жизнь новых начал нежизнеспособным в сложном деле продовольствия. Совет включил в свой состав с решающим голосом деятельных членов комитета.Экстренные меры по отношению к комитету вызваны исключительно недоверием к комитету и опасным обострением хлебного вопроса, грозивших эксцессами...

ГАРФ, ф. 1788, оп 2, д.178, л. 53 и об.

Войсковое хозяйственное правление Уральского
казачьего войска
1 августа 1917 №18913, г. Уральск
В главный земельный комитет

Войсковое правление находит необходимым представить следующие соображения.

Уральская область принадлежит к числу мест со смешанным населением, в состав ее входят три обособленных группы населения с самостоятельным своеобразным укладом землевладения и землепользования, группы эти казахи, киргизы и переселенцы.

Киргизы владеют землями за исключением на общинном праве, но вследствие преобладания в их хозяйств кочевого скотоводства земледелие и землевладение их осложнено громадными по численности населения кочеваниями, распространяющимися далеко за границы области вплоть до хивинских пределов в Закаспийской области. Распределение пределов к мест кочевания в области носит еще следы родовых отношений. Переселенцы – группа населения позднейшего появления в области. Составляют общины, вкрапленные среди киргиз в строго определенных границах.

Казаки – древнейшие русские поселенцы края, ушедшие когда-то за пределы государства и самостоятельно устроив-

шиеся в отдельно поземельную общину.Они представляют население совершенно оседлого. Землевладение казаков отличается тем, что оно де селе сохранено неделимую, целостную общину на пространстве 6,5 млн десятин, населением 175-180 тысяч человек.Хотя община и делится в административном отношении на 30 станиц, но их границы имеют только административное значение передвижения временные для определения частичных пользовании разного рода угодьями, пашнею, сенокосом, рыболовством или переселение на постоянное жительство из одного места в другое совершается явочным порядком. Размеры пользования отдельными членами общины ограничено определенными нормами ежегодной пашни, количества скота. Общие средства войскового капитала пополняются не обложением земельных площадей, а обложением ежегодных посевов хозяина, количества его скота, лова применяемых при рыболовстве, акцизом с рыбы, вывозимой из войска.

Следует прибавить, что управление войском в хозяйственном отношении всегда было обособленно и сосредоточенно в войсковом хозяйственном правлении.

Областное правление никакого отношения к хозяйственным делам войск не имело, поэтому все ведения по хозяйственной жизни казачьей общины сосредотачиваются в войсковом хозяйственном правлении как общинной канцелярии.

Станичные сходы самостоятельно, решающего значения в хозяйственных делах не имеют. А дела эти восходят на разрешение общего войскового съезда, выбранных от станиц войска.

Второй ступенью земельных комитетов области или губернии являются уездные, но деление территории войска на уезды или точнее говоря отношение частей казачьей территории к уездам никакого хозяйственного значения не имеют, как и самостоятельное деление войска на отделы нужны лишь для целей воинской повинности.

Поэтому участие войсковых представителей в уездных комитетах тем же совещание 21 июля отвергнуто и заменено представительством в общем войсковом комитете – представляющие районные комитеты, а в последние являются представителями от станичных комитетов или станиц...

ГАРФ, ф. 1796, оп.1, д.49, л. 54-55 и об.

Протокол Заседания Акмолинской
областной земельной управы
8 июля 1917

Присутствовали председатель П.Дербер, члены Глебов, А.Т. Турлыбаев. Панурин, Перфильев.

по вопросу от отдельных Акмол. обл. земельной управ поставлено создать 4 отдела.

экономическо-статистический общий с 2-мя подотделами (административно-земельный) юридический;

землевладения и землепользования с 4 подотделами (крестьянский, киргизский, казачий государ-х имуществ);

колонизационный с 3 подотделами (водный, милиарационный и переселенческий);

распределены отделы между членами управы экон-статистич. Дербер общим – Турлыбаев, землевладения – Перфилев, колонизационным Панурин, Глебов;

по вопросу о найме помещения: на наем помещения с отоплением и с освещением определить расход в сумме 6000 руб в год;

установить штаты и определить смету расходов на один первый месяц в следующем виде.

Жалование одному члену управы – 450 руб, личному секретарю председателя – 300 (в его обязанности прием и размещение по отделам пост бумаг и ведение прот комитет и управы исполнение по ним и заведование делами личного состава.

Машинисты	– 125 р.
Журналист	– 150
Бухгалтер	– 350
Экономико-статист.отдел.	
Секретарь	– 400
Статиста	– 600
1 экономист	– 600
1 машинистка	– 125
Общий отдел:	
1 секретарь	– 300
3 помощника	– 450
1 машинистка	– 125
Колонизационный отдел:	
1 секретарь	– 300

2 помощника	– 300
4 чертежника-техника	– 400
машинистка	– 125
1 сторож	– 75
2 начальника	– 80
1 прислуга	– 30
На расходы по орган. волост. и уездн.комит.	– 2500
Почтово-телеграфные и публикац. расходы	– 500
Канцелярские расходы – 1000.	
Издание еженедельных известий земельного комитета	– 1000
На приобретение библиотеки	– 3000
5 пишущих машин	– 4500
12 письменных столов	– 1440
20 канцелярских	– 1000
4 дюж. (так в тексте) стульев	– 480
12 кресел – 540	
12 чернильных приборов	– 250
12 канцелярских – 500	
На непредвиденные расходы	– 1000
Телефон	– 250

По выработке сметы, земельная управа постановила об организовавшемся земельном комитете обратиться с воззванием к населению. Послать телеграмму министерству земледелия и копию исполнительному комитету всероссийского совета крестьянских депутатов в которой указать о составе земельного комитета, его личном составе. Об организации уездного и волостного землевладения комитетов, о смете расходов и назначении членами земельного комитета от министерства землевладения П.Ю. Арндта.

Выписать из магазинов и министерства земледелия. Для библ лит-ру журн по с/хоз-ву и вестник Вр прав-ва, просит гл зем ком рекомендовать статистиков созвать членов зем ком на засед 10 июня в 5 часов дня.

ГАРФ, ф. 1796. оп. 1. д . 50, л. 1 и об., 2

О дополнении и изменении постановления и введении земских учреждения в калмыцкую степь и в киргизской внутренней орде Астраханской губернии.

1. В изменении и дополнении ст.2 отдела 3 постановления 1 июля 1917 г. (собр. узак.. ст. 968) о введении земских учреждений в Калмыцкой степи и в киргизской орде Астрах. Губернии постановить.

СУ и распоряж. прав-ва № 79, 13 апреля 1917 г. ст. 462
Об учреждении Туркестанского комитета
постановления Временного Правительства

В целях установления прочного порядка и устранения туркестанского края на основаниях, Всенародно объявленных Временным Правит. 6 марта 1917 г. и для разрешения на месте всех возникших вопросов управления краем назначается Туркестанский комитет в составе члена государственной Думы Николая Николаевича Щепкина, члена государственной Думы первого созыва Букейханова, члена гос. Думы второго созыва Мухамеджана Тынышпаева, члена гос. Думы третьего созыва Сандри Нязамовича Максутова, Владимира Сергеевича Елпатывского, Александра Лавретывеча Миповского, Павла Ивановича Преображенского, Ореста Асенировича Шкапского и генерала Майора Абдем Азиса Азисовича Давлетшина.

Полномочия председателя помянутого комитета возлагаются на члена Гос.Думы Ник. Щепкина

Памятный комитет уполнамачивается действовать от имени Врем. прав-ва в пределах трех коренных областей Туркестанского края (Самаркандская, Сырдарьинская, Ферганская), областей Закаспийской и Семиреченской, а так же Хивы и Бухары.

Подписали:

Мин. предс.	*К.Н. Львов*
МИД П.	*Милюков*
Мин. земледелия	*А. Шингарев*
Мин. торг. и пром-ти	*А. Коновалов*
Мин. пут. сообщ.	*Н. Некрасов*
Мин. финансов	*М. Терещенко*
Мин. Нар. Просвещ.	*А. Мануилов*
Мин. юстиции	*А. Керенский*
Гос. Контрелер	*И.В. Годневъ*
Управл. Делами Врем прав-ва	*Влад. Нобоков*

7 апреля 1917 г.

Постановление Временного правительства от 20 июля 1917 г.

«Об утверждении раздела I положения о выборах в Учредительное собрание.»

Признавая неотложным ныне же ввести в действие те из правил о выборах в Учредительное собрание, кои необходимы для немедленного приступа к выборному производству среди гражданского населения, Временное правительство по докладу Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание постановило:

I. Утвердить раздел первый (главы 1–5) Положения о выборах в Учредительное собрание с тем, чтобы Председателю Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание было предоставлено внести во Временное правительство имеющие быть выработанными проекты остальных разделов сего Положения, равно как правила о выборах в армии и флоте и об отступлениях от постановлений, изложенных в главах III–V означенного Положения, в отношении отдельных местностей Российского государства.

II. Возложить подготовленную работу по составлению избирательных списков на существующие государственные учреждения и общественные организации, указываемые особыми постановлениями Временного правительства.

III. Возложить на Министерство внутренних дел непосредственные исполнительные действия, необходимые для технической подготовки выборов в Учредительное собрание в целях скорейшего их производства и успешного прохождения.

IV. Для разрешения сомнений, возникающих при применении Положения о выборах в Учредительное собрание, образовать в составе Правительствующего сената Особое присутствие из пяти сенаторов по избранию Первого департамента; для законности постановлений сего Присутствия необходимо участие в заседании его по крайней мере трех сенаторов.

При Особом присутствии образуется канцелярия из надлежащего числа лиц.

V. Выборы членов Учредительного собрания от губерний, занятых неприятелем, за исключением территории, имеющей быть включенной в состав будущего Польского госу-

дарства, произвести немедленно по очищении соответствующей губернии от неприятеля с тем, чтобы расписание избирательных округов, с указанием числа членов Учредительного собрания в каждом округе, было установляемо особыми постановлениями Временного правительства.

VI. Установить нижеследующие переходные правила:

1. Впредь до образования на местах учреждений губернского и уездного земского и городского и поселкового самоуправлений на основании постановлений Временного правительства, члены комиссий по делам о выборах в Учредительное собрание и участковых избирательных комиссий, избираемые этими учреждениями (Пол., ст.15, 17, 18, 20 и 21), временно замещаются лицами по избранию указываемых Временным правительством местных общественных учреждений и организаций.

2. Впредь до образования административных отделений окружных судов, обязанности, возлагаемые Положением о выборах в Учредительное собрание на товарищей председателя и членов означенных отделений, исполняются товарищами председателя и членами гражданских отделений окружных судов, находящихся в губернских (областных) городах.

3. Впредь до вступления в должность административных судей, обязанности, возлагаемые на них Положением о выборах в Учредительное собрание, исполняются уездными членами окружного суда, а где их нет – местными мировыми судьями по избранию мирового съезда или заменяющего его учреждения.

VII. Настоящее постановление ввести в действие до обнародования его Правительствующим сенатом.

Положение о выборах в учредительное собрание

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Глава 1. Общие положения

1. Учредительное собрание образуется из членов, избранных населением на основе всеобщего, без различия пола, и равного избирательного права, посредством прямых

выборов и тайного голосования, с применением начала пропорционального представительства.

2. Для производства выборов в Учредительное собрание образуются нижеследующие избирательные округа:

Губернии: Алтайская, Архангельская, Астраханская (со включением населенного калмыками аймака Терской области и за исключением земель, населенных кочующими калмыками Калмыцкой степи и киргизами Внутренней орды), Бессарабская, Витебская, Владимирская, Вологодская, Волынская (за исключением частей ее, занятых неприятелем), Воронежская, Вятская, Екатеринославская, Енисейская (со включением в нее российских граждан, проживающих в Урянхайском крае), Иркутская, Казанская, Калужская, Киевская, Костромская, Курская, Лифляндская (со включением незанятых неприятелем частей Курляндской губернии), Минская (за исключением частей ее, занятых неприятелем, и со включением незанятых неприятелем частей Виленской и Ковенской губерний), Могилевская, Московская (за исключением города Москвы), Новгородская, Нижегородская, Олонецкая, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Пермская, Петроградская (за исключением города Петрограда), Подольская, Полтавская, Псковская, Рязанская, Самарская, Симбирская, Смоленская, Ставропольская (со включением входящего в состав Терской области Караногайского приставства), Таврическая, Тамбовская, Тверская, Тобольская, Томская, Тульская, Уфимская, Харьковская, Херсонская, Черниговская, Эстляндская и Ярославская, и области: Войска Донского, Забайкальская, Закаспийская (за исключением Мангышлакского уезда, но со включением населенных туркменами волостей названного уезда), Камчатская, Самаркандская, Семиреченская, Сыр-Дарьинская (за исключением Аму-Дарьинского отдела), Тургайская, Уральская (со включением Мангышлакского уезда Закаспийской области, кроме населенных туркменами волостей названного уезда). Ферганская и Якутская – образуют каждая один избирательный округ.

Столицы Петроград и Москва образуют каждая особый избирательный округ.

Сверх сего образуются избирательные округа: Аму-Дарьинский – в составе Аму-Дарьинского отдела, Сыр-Дарьинской области. Закавказской – в составе губернии Бакинс-

кой, Елисаветпольской, Кутаисской, Тифлисской и Эриванской, областей Батумской и Карсской и округов Сухумского и Закатальского, Кубанско-Черноморский – в составе Кубанской области и Черноморской губернии, Терско-Дагестанский – в составе областей Терской (за исключением Карапогайского приставства и аймака, населенного калмыками) и Дагестанской, Степной – в составе областей Акмолинской и Семипалатинской, Ордынский – в составе частей Астраханской губернии, населенных кочующими киргизами Внутренней Орды, Приамурский – в составе областей Амурской, Приморской и Сахалинской, Прикаспийский – в составе частей Астраханской губернии, населенных кочующими калмыками, и округ Китайской Восточной железной дороги – в составе полосы отчуждения названной дороги.

Число членов Учредительного собрания, подлежащих избранию от каждого округа, устанавливается особо.

Для подачи голосов избирательные округа делятся на избирательные участки.

Глава II. Об избирательном праве

3. Правом участия в выборах в Учредительное собрание пользуются российские граждане обоего пола, коим ко дню выборов исполнится 20 лет.

Примечание. Военнослужащие пользуются правом участия в выборах, если они достигнут ко дню выборов возраста, установленного для последнего досрочного призыва.

4. В выборах не участвуют призванные в установленном законом порядке безумными или сумасшедшими, а также глухонемые, находящиеся под опекою.

5. Права участия в выборах лишаются:

1) присужденные вступившими в законную силу судебными приговорами, если они не восстановлены ранее в правах состояния:

а) к каторжным работам (к каторге) – до истечения десяти лет по отбытии наказания сими работами;

б) к ссылке на поселение, к отдаче в исправительные арестантские отделения, к заключению в исправительном

доме, тюрьме или крепости, с лишением или ограничением прав состояния,– до истечения пяти лет по отбытии наказания;

2) осужденные за кражу, за исключением предусмотренной в пункте 2 статьи 171 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (Св. Зак., т. XV, изд. 1914 г.), мошенничество, присвоение или растрату вверенного имущества, за исключением растраты, предусмотренной второю частью статьи 177 того же Устава и второю частью статьи 1681 (по Прод. 1912 г.) Уложения о Наказаниях уголовных и исправительных (Св. Зак., т. XV), укрывательство похищенного, покупку или принятие в заклад в виде промысла заведомого похищенного, подлог, ростовщичество, лихоимство и лиходательство, а также за сводничество и потворство непотребству (Св., Зак., т. XV, Угол. Улож., изд. 1909 г., ст.524 – 526, 526, 527 и 529), а равно за деяния, имевшие целью нарушение свободы и правильности выборов в законодательные учреждения и органы самоуправления,– до истечения трех лет по отбытии наказания;

3) несостоятельные должники, признанные на основании вступивших в законную силу судебных определений банкротами злонамеренными, – до истечения трех лет по таковом признании и

4) военнослужащие, самовольно оставившие ряды войск (пост.Вр. прав. 26 мая 1917 г. Собр. узак., ст.683, и прик. армии и флоту 31 мая 1917 г., N 17), за исключением тех из них, которые до истечения срока обжалования избирательных списков (ст.32) представят надлежащее удостоверение или о признании их отлучки уважительною, или об искуплении вины последующею доблестною службою, или о приговоре суда об оправдании либо присуждении к наказанию, не сопряженному с правопоражением.

6. Военнослужащие, независимо от случаев, указанных в предыдущей (5) статье, лишаются права участия в выборах также и в тех случаях, когда, вступившими в законную силу приговорами, они признаны виновными в преступных деяниях, предусмотренных частью третьею статьи 162 и статьею 163 Воинского Устава о наказаниях (Св. Воен. Пост.1869 г., кн. XXII, изд. 4) и частью третьею статьи 162 и статьею 163 Военно-Морского Устава о наказаниях (Св. Морск, Пост., кн. XVI, изд. 1915 г.), а также в соответствующих деяниях,

предусмотренных статьею 1651 Воинского Устава о наказаниях и примечанием к статье 165 Военно-Морского Устава о наказаниях, если только виновным добровольно не пополнено растраченное и промотанное им (Св. Воен. Пост.1869 г., кн. XXII, изд. 4, ст.168 и Св. Морск. Пост., кн. XVI, изд. 1915 г., ст.167), а также если со дня отбытия им наказания не прошло трех лет.

Те из военнослужащих, отбытие коими назначенных им по суду наказаний (ст.5 и 6) отсрочено до окончания войны, не лишаются права участия в выборах.

7. Право участия в выборах в каждом избирательном участке имеют лишь лица, внесенные в избирательный список участка.

8. Право быть избираемым в каждом избирательном округе имеет каждое лицо, пользующееся правом участия в выборах (ст.3 – 6), хотя бы оно было внесено в избирательный список по другому округу или вовсе не было внесено в избирательные списки.

9. Не допускаются к участию в выборах те из внесенных в избирательные списки лица, кои ко времени производства выборов утратят избирательные права (ст.4 – 6), равно как и те, кои к указанному времени окажутся лишенными свободы или на основании вступивших в законную силу судебных приговоров или вследствие привлечения их судебною властью в качестве обвиняемых в каком-либо преступном деянии с избранием в отношении их мерою пресечения содержания под стражею.

10. Члены царствовавшего в России дома не могут ни избирать, ни быть избираемыми в Учредительное собрание.

Глава III. Об учреждениях, заведывающих производством выборов в учредительное собрание

11. Заведование производством выборов возлагается на:

1) Всероссийскую, окружные, столичные, уездные и городские по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии и участковые избирательные комиссии и

2) городские и поселковые управы и волостные земские управы.

12. Всероссийская по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия состоит при Временном правительстве. В

состав ее входят: Председатель, по назначению Временного правительства, и пятнадцать членов, назначаемых Временным правительством по представлению Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание.

Примечание. При рассмотрении вопросов, касающихся отдельных групп и категорий избирателей: от различных национальностей, окраин и т.д., в заседания Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии приглашаются с совещательным голосом представители соответствующих групп и категорий избирателей.

13. На Всероссийскую по делам о выборах в Учредительное собрание комиссию возлагается:

1) общее наблюдение за ходом выборов в Учредительное собрание и обсуждение мер, необходимых для ускорения этих выборов;

2) выработка утверждаемых Временным правительством общих инструкций в дополнение и развитие как настоящего Положения, так и Наказа о применении сего Положения;

3) составление списка лиц, избранных в члены Учредительного собрания, и

4) принятие мер к разработке статистических и иных данных по выборам в Учредительное собрание.

14. Всероссийская по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия передает в Учредительное собрание, по открытии его, поступившее от окружных и столичных по делам о выборах в Учредительное собрание комиссий выборное производство.

15. Окружная по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия образуется в каждом избирательном округе и состоит под председательством председателя губернского (областного) земского собрания или его заместителя, из товарища председателя окружного суда по административному отделению или его заместителя, двух членов по избранию губернской (областной) земской управы.

Сверх сего в состав комиссии, по наступлении указанного в статье 52 срока, входят на правах членов по одному лицу от каждой группы избирателей, заявившей кандидатский список (ст. 45).

16. На окружные по делам о выборах в Учредительное

собрание комиссии возлагается: 1) наблюдение за своевременным образованием и открытием действий уездных и городских по делам о выборах в Учредительное собрание комиссий; 2) утверждение распределения избирательных участков по представлениям уездных и городских по делам о выборах в Учредительное собрание комиссий и рассмотрение всех подаваемых заявлений о неправильностях, допущенных при таком распределении; 3) определение и объявление во всеобщее сведение дня, в который городские и поселковые управы и волостные земские управы приступают к составлению избирательных списков, наблюдение за своевременным составлением сих списков и выставлением их для всеобщего обозрения; 4) принятие и рассмотрение кандидатских списков, нумерация этих списков, выставление их для всеобщего обозрения и сообщение списков уездным и городским по делам о выборах в Учредительное собрание комиссиям, городским и поселковым управам и участковым избирательным комиссиям, а также объявление во всеобщее сведение о последовавших соединениях списков;

5) распоряжение заготовлением избирательных конвертов, избирательных записок и т.п. или возложение сего на уездные и городские по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии; 6) производство подсчета голосов по округу, определение результатов выборов и объявление их во всеобщее сведение; 7) выдача членам Учредительного собрания надлежащих удостоверений о последовавшем избрании; 8) передача всего поступившего к ним выборного производства во Всероссийскую по делам о выборах в Учредительное собрание комиссию и 9) распоряжение кредитами, отпущенными для производства выборов по данному округу.

17. Уездная по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия состоит под председательством административного судьи из двух мировых судей по избранию мирового съезда, или заменяющего его учреждения, Двух членов по избранию уездной земской управы и двух по избранию местной городской управы.

Сверх сего при рассмотрении комиссией дел, означенных в пунктах 1-3, 5 и 6 статьи 19, в состав комиссии, по наступлении указанного в статье 52 срока, входят на правах членов по одному лицу от каждой группы избирателей, заявившей кандидатский список и указавшей своего пред-

ставителя, подлежащего включению в состав данной комиссии (ст. 45).

18. В губернских (областных) городах и городах с населением свыше пятидесяти тысяч жителей образуются особые городские по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии. Означенные комиссии состоят под председательством члена окружного суда, по избранию сего суда, из двух мировых судей, по избранию мирового съезда либо заменяющего его учреждения, и четырех членов по избранию местной городской управы.

Сверх сего, при рассмотрении городскими по делам о выборах в Учредительное собрание комиссиями дел, означенных в пунктах 1-3, 5 и 6 статьи 19, в состав комиссий, по наступлении указанного в статье 52 срока, входят на правах членов по одному лицу от каждой группы избирателей, заявившей кандидатский список и указавшей своего представителя, подлежащего включению в состав данной комиссии (ст. 45).

В состав уездных по делам о выборах в Учредительное собрание комиссий, находящихся в означенных в сей (18) статье городах, взамен членов от городской управы, входят члены по избранию уездной земской управы.

19. На уездные и городские по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии возлагается: 1) наблюдение за своевременным образованием и открытием действий избирательных комиссий, 2) представление в окружную по делам о выборах в Учредительное собрание комиссию о распределении уезда или города на избирательные участки, 3) наблюдение за своевременным составлением избирательных списков и выставлением их для всеобщего обозрения, 4) рассмотрение протестов и жалоб на составление избирательных списков, а также на иные неправильные действия городских поселковых управ и волостных земских управ, 5) принятие мер к осведомлению избирателей о кандидатских списках, 6) определение количества поданных по уезду и городу за кандидатские списки голосов и 7) передача выборного производства в окружную по делам о выборах в Учредительное собрание комиссию.

20. В Петрограде и Москве образуются столичные по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии.

Означенные комиссии состоят под председательством

городского головы или его заместителя из товарища председателя окружного суда по административному отделению, или его заместителя, двух членов названного отделения по его избранию, двух мировых судей по избранию столичного мирового съезда и пяти членов по избранию городской управы.

Сверх сего, при рассмотрении дел, предоставленных ведению столичных по делам о выборах в Учредительное собрание комиссий, за исключением дел, означенных в пункте 4 статьи 19, в состав комиссий по наступлении указанного в статье 52 срока входят на правах членов по одному лицу от каждой группы избирателей, заявившей кандидатский список (ст.45).

Столичным по делам о выборах в Учредительное собрание комиссиям присваиваются права и обязанности, возложенные настоящим Положением как на окружные, так и на городские по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии.

21. Участковая избирательная комиссия состоит из избираемых городскою или поселковою управою или волостною земскою управою четырех членов, в том числе председателя и секретаря.

Сверх сего в состав комиссии входят на правах членов по одному лицу от каждой группы избирателей, заявившей кандидатский список и указавшей своего представителя, подлежащего включению в состав данной комиссии (ст.45).

22. На участковые избирательные комиссии возлагается прием и первоначальный подсчет избирательных записок в данном избирательном участке.

23. Учреждения местного управления и самоуправления обязаны оказывать содействие комиссиям по делам о выборах в Учредительное собрание и участковым избирательным комиссиям в исполнении сими последними возложенных на них настоящим Положением обязанностей.

24. Всякого рода акты и бумаги, составляемые по делам о выборах в Учредительное собрание, как подаваемые правительственным, судебным, административным и общественным установлениям и должностным лицам всех ведомств и учреждений, так и выдаваемые всеми этими установлениями и должностными лицами, освобождаются от гербового и иных сборов.

Глава IV. Об избирательных списках

25. Для производства выборов в учредительное собрание составляются списки избирателей, отдельно по каждому избирательному участку.

Никто не может быть включен в избирательные списки более, чем по одному участку.

26. Составление избирательных списков возлагается на городские и поселковые управы и на волостные земские управы, по принадлежности.

27. День, в который означенные управы (ст.26) приступают к составлению избирательных списков, определяется для всего округа распоряжением окружной по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии и объявляется во всеобщее сведение способом, наиболее обеспечивающим широкое оповещение о сем населения.

28. В избирательный список участка вносятся имеющие право участия в выборах лица, проживающие в участке ко дню начала составления избирательного списка, хотя бы они и находились во временной отлучке из сего участка.

29. Лица, прибывшие в пределы избирательного участка позднее дня, в который было преступлено к составлению избирательных списков (ст.27), могут быть внесены в избирательный список участка лишь по их о том заявлении, подаваемым в городскую или поселковую управу или волостную земскую управу в течение всего времени составления списков и пяти дней, следующих за днем объявления списков во всеобщее сведение. Вместе с подачею означенного заявления они подают также заявления об исключении их из списков по прежнему месту проживания, каковое заявление препровождается управою по назначению.

30. В избирательном списке обозначается фамилия или прозвище каждого избирателя, его имя, отчество, возраст, местожительство и род занятий. Список по каждому участку составляется в алфавитном порядке фамилий.

31. Избирательный список немедленно по его составлении и, во всяком случае, не позднее, чем за сорок дней до дня выборов объявляется во всеобщее сведение способом, наиболее обеспечивающим доступность обозрения этого списка.

32. В течение десяти дней по объявлении избирательного

списка во всеобщее сведение, представитель местной административной власти может заявлять протесты, а лица, пользующиеся правом участия в выборах, могут подавать жалобы на неправильность или неполноту этого списка.

33. Означенные протесты и жалобы подаются в городскую или поселковую управу или волостную земскую управу.

34. Городская или поселковая управа или волостная земская управа своею властью удовлетворяет, по признании их заслуживающими уважения: 1) жалобы на невключение жалобщиков в избирательные списки, если таковые жалобы поданы не позднее, чем за пять дней до истечения указанного в статье 32 срока, и 2) жалобы на помещение неправильных о жалобщиках сведений в избирательных списках. Об удовлетворении таковых жалоб управы оповещают жалобщиков.

35. Все прочие жалобы, а равно протесты препровождаются городскою или поселковою управою или волостною земскою управою в трехдневный срок в уездную по делам о выборах в Учредительное собрание комиссию. При жалобе или протесте управа представляет свое объяснение.

35. Если в протесте или жалобе оспариваются избирательные права каких-либо определенных лиц, то последние уведомляются о том городскою или поселковою управою или волостною земскою управою.

36. Не позднее, чем за три дня до истечения срока, указанного в статье 32, объявляется во всеобщее сведение дополнительный избирательный список.

В этот дополнительный список включаются только – 1) лица, указанные в статье 29, заявления коих признаны заслуживающими уважения, если они своевременно не были включены в избирательный список, и 2) лица, указанные в статье 33, жалобы коих удовлетворены управою.

Дополнительный избирательный список составляется с соблюдением правил статьи 30.

37. Протесты и жалобы на дополнительный список подаются в порядке статей 32, 34 и 35 до истечения указанного в статье 32 срока.

38. Протесты и жалобы рассматриваются в пятидневный срок уездною и городскою по делам о выборах в Учредительное собрание комиссиями в открытом заседании порядком, установленным для рассмотрения дел административными судьями, согласно Положению об административных

судах (Собр. узак. 1917 г. ст. 692) При этом имеют право принять участие в деле, кроме лица, принесшего протест или жалобу, и представителя управы, составлявшей обжалованный список, также и те лица, чьи избирательные права в данном случае оспариваются.

39. Решения уездной и городской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссий могут быть, в десятидневный срок, опротестованы и обжалованы в окружной суд по административному отделению. При этом, однако, подача такого рода протестов и жалоб не приостанавливает выборного производства.

40. Окружной суд по административному отделению рассматривает означенные протесты и жалобы в пятидневный срок.

41. Избирательные списки, по исправлении их, в пятидневный срок, на основании последовавших решений уездной и городской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссий, а в подлежащих случаях и окружного суда по административному отделению, не позднее, чем за десять дней до дня выборов, вновь объявляются во всеобщее сведение способом, наиболее обеспечивающим доступность обозрения этих списков.

Глава V. О кандидатских списках

42. Выборы в Учредительное собрание производятся подачею голосов за один из заявленных кандидатских списков.

43. Кандидатские списки заявляются окружной по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии группами избирателей не позднее, чем за тридцать дней до дня выборов.

44. Каждый из кандидатских списков должен быть собственноручно подписан не менее, чем ста лицами, пользующимися правом участия в выборах по данному округу. В списке должны быть указаны фамилия, имя, отчество и местожительство каждого из предлагаемых кандидатов. К списку должны быть приложены заявления всех кандидатов об их согласии баллотироваться в данном округе по сему списку. Список может быть снабжен названием предложившей его организации.

45. Группа, заявляющая кандидатский список, должна указать своего представителя, избранного ею для сношения с

окружной по делам о выборах в Учредительное собрание комиссией) и для участия в этой комиссии. Если представитель не указан, то таковым признается первый из подписавших заявление. Для того, чтобы получать на дом извещения окружной по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии, представитель группы должен сообщить свой адрес в том городе, где находится комиссия; в противном случае извещения комиссии считаются врученными ему, если выставлены в помещении комиссии. Кроме того, группа избирателей, желающая, чтобы ее представители были включены в состав уездных и городских по делам о выборах в Учредительное собрание комиссий и участковых избирательных комиссий, указывает лиц, которые подлежат включению в каждую из означенных комиссий.

46. Каждый избиратель может подписать только один кандидатский список; в случае подписания одним и тем же избирателем двух или нескольких списков, подпись его считается действительною только на первом по времени подачи в окружную по выборам в Учредительное собрание комиссию в списке.

47. Число предлагаемых в списке кандидатов может быть и менее числа членов Учредительного собрания, подлежащих избранию в данном избирательном округе, но не должно превышать указанное число более, чем на половину.

48. Один и тот же кандидат может быть выставлен в нескольких избирательных кругах, но не более, чем в пяти.

49. Внесение одного и того же кандидата в разные списки по одному тому же избирательному округу не допускается.

50. В принятии кандидатского списка окружная по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия выдает расписку с обозначением месяца, дня и часа принятия списка.

51. В случае, если заявленный кандидатский список не отвечает требованиям, указанным в статьях 44 и 46—49, окружная по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия сообщает о том в трехдневный срок представителю группы. Заявления, устраняющие указанные недостатки, могут быть подаваемы не позднее, чем за двадцать четыре дня до выборов.

52. Заявленные кандидатские списки, удовлетворяющие означенным в статьях 44 и 46 – 49 условиям, нумеруются окружною по делам о выборах в Учредительное собрание ко-

миссией) в порядке их поступления. С этою нумерацией, а также с названиями организаций, если списки снабжены таковыми (ст.44), кандидатские списки выставляются в помещении комиссии не позднее, чем за двадцать три дня до дня выборов, и засим незамедлительно сообщаются окружною по делам о выборах в Учредительное собрание комиссиею, уездным и городским по делам о выборах в Учредительное собрание комиссиям, городским, поселковым и волостным земским управам, а также участковым избирательным комиссиям и публикуется во всеобщее сведение.

53. Группы избирателей, заявляющие кандидатские списки, могут, не позднее, чем за пятнадцать дней до дня выборов, подавать в окружную по делам о выборах в Учредительное собрание комиссию заявления о соединении предлагаемых ими кандидатских списков. Эти заявления должны быть подписаны представителями (ст. 45) всех объединяющихся групп.

О последовавшем соединении списков окружная по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия объявляет во всеобщее сведение не позднее, чем на другой день по получении такого заявления.

54. Один и тот же список не может входить в состав более, чем одного соединения.

СУ Временного правительства. 1917. Ст. 916.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Исследование истории российских революций 1917 г. представляет собой сложную многоаспектную проблему. В исторической литературе неоднократно подчеркивалась необходимость преодоления мифологизации отрицания реальностей Февральской революции 1917 г., сокрытие ее благих деяний и противопоставлений Октябрьской революции. Ее изучение является важнейшей задачей исторической науки в силу познавательных, научных, практических задач.

Общедемократические лозунги, выдвинутые в ходе Февральской революции, определили совпадение интересов национально-освободительного движения в Казахстане с революционным общероссийским процессом. Указанное наиболее четко проявляется в высокой степени всеобщей поддержки смены правительства и масштабности вовлечения компетентных людей в государственную администрацию. Практически все представители различных партий и движений в крае, население приветствовали свержение самодержавия, это указывало, что Временное правительство пользуется всеобщим доверием. Вместе с тем, письма, телеграммы, направленные в центр, вернее их анализ, обнаруживают фундаментальное несовпадение природы недавно единого, казалось бы, недовольства старым режимом со стороны различных слоев общества, его ожиданий. Как нам кажется, подобные письма, телеграммы с мест оказывали свое влияние на выработку, реализацию, возможно, в ряде случаев корректировки действий власти. Временное правительство нуждалось в подобных формах общения с гражданами, организациями, в силу того, что они были достаточно привычными, удобны и приемлемы в рамках общих традиций, вполне соответствовали политической культуре народа и эпохе. Важно также принять во внимание, что письма являлись барометром общественных настроений. Если в телеграммах, письмах общего

собрания Павлодарского Союза женщин, комитета служащих правительственных учреждений, мирян Усть-Каменогорского края, казачьего общества Семипалатинской области и др. выражалось доверие Временному правительству и пожелания доведения войны до победного конца, поддержки «его начинаний на благо Родины, то в телеграммах от всех крупных национальных движений главным было другое. Во-первых, это вера в провозглашенное Временным правительством равноправия всех граждан, во-вторых, в поразительном единстве в осознании своих особых нужд, наконец, в высоком уровне правосознания мусульманского населения и способности их к консолидации. Общим же для ожиданий переселенческого населения и казахов явилась надежда на российскую власть, которую приветствовали представители всех слоев и национальностей. На основе провозглашенных демократических свобод в крае прошли областные, были созваны Всеказахские съезды. В указанном четко проявилось стремление казахской интеллигенции к консолидации, их отношение к власти и будущности государства. В решениях областных съездов проявилась не только идея к консолидации казахского народа, но и впервые разработана программа развития Казахстана. В ней нашли отражение общенациональные интересы демократического преобразования страны. Лидеры национальной интеллигенции стремились к созданию идеального общества, в котором не должно быть никаких конфликтов интересов, должны быть установлены гармоничные социальные отношения. По образному выражению академика М.К. Козыбаева, за короткий исторический срок население Казахстана успело воспользоваться первыми реальными плодами буржуазно-демократической революции.

Исследование внутренней политики Временного правительства в Казахстане показало, что Февральская революция несла в себе огромный демократический потенциал. История внутренней политики Временного правительства показывает, что главным моментом, определившим всю судьбу выполнения программы новой власти, была борьба за власть. В отечественной и зарубежной литературе утвердился тезис о сложившемся, в результате Февральской революции, двоевластии. В действительности все было гораздо сложнее, особенно на местах. Здесь характерным была слабость местной власти. И это определялось рядом факторов. Отречение царя фор-

мально означало конец самодержавия. Однако то, что составляло его существо и дух, не ограничивалось официальными политическими институтами. В условиях революции власть находилась в подвижном, переходном состоянии. За нее боролись самые различные организации и учреждения: общественные исполнительные комитеты, комиссары Временного правительства, Советы, киргизские (казахские) комитеты, городские Думы. В результате в одних областях было полное безвластие, в других – власть, оказывалась в руках какого-либо одного органа, в-третьих, двоевластие, в-четвертых, троевластие, а в-пятых, претендентов на власть было столько же, сколько существовало более или менее активно действующих организаций и учреждений /332/. В Казахстане основная борьба за власть шла между общественными исполнительными комитетами, Советами, казахскими комитетами, в которых был сосредоточен огромный демократический потенциал общества и отражение народного характера Февральской революции. Ни один из общественно-политических институтов, действовавших весной 1917 г., не мог сравниться с комитетами по широте представительства. Последний в своих рядах объединял лучших интеллектуалов своего времени. В их рядах мы видим крупные фигуры А. Букейханова, М. Тынышпаева, О. Шкапского, И. Шендрикова. Все они были сторонниками демократических преобразований, хотя и представления о них у них расходились.

В период с февраля по декабрь 1917 г. национально-освободительное движение Алаш, начавшееся в годы первой русской революции, достигло своей наивысшей точки. Оформиться в единую и завершенную политическую силу с такими непременными ее атрибутами как утвержденные Программа и Устав, единый партбилет, членские взносы, первичные парторганизации и т. д. не удалось. Этому помешали стремительно развивавшиеся бурные политические события. Движение не было однородным не только по своему социальному составу, но и по идейным воззрениям. Не успев сформироваться, оно практически сразу же раскололось на две части: Западное и Восточное отделения.

Важным результатом этого движения явилось создание весной и летом этого года казахских комитетов, а в конце года образование Туркестанской (Кокандской автономии) и формирование правительства Алаш-Орды. Несмотря на то, что

эти национально-политические образования были насильно расформированы впоследствии большевиками, они не покинули сцену политической борьбы. В апреле 1920 г. А Байтурсунов делает непростой для себя шаг,подав заявление о вступлении в большевистскую партию. В нем он напишет: «После долговременного искания путей освобождения киргизского народа, находившегося в многовековом угнетении, я пришел к следующему убеждению: 1. Освобожденный киргизский народ может получить счастье только вместе со всей остальной угнетенной частью человечества, т. е. в мировой революции, в мировой федерации. 2. Никакая другая, кроме интернациональной коммунистической партии большевиков, ставящей своей прямой целью и отчасти осуществившей на деле полное освобождение классов и наций, не может сделать этого.

3. Необходимой переходной ступенью к истинному трудовому демократизму является диктатура трудового слоя человечества в смысле полного политического и экономического господства пролетариата и полупролетариата.

4. Диктатура эта может утвердиться и действовать в интересах всего человечества только при том условии, если громадное большинство организованного трудового слоя человечества сознательно будет поддерживать ее, почему необходимо сплотить и киргизский трудовой народ под знаменем этой программы.

5. Программа РКП в области национальных отношений, а равно взгляд т. Ленина на самоопределение наций, изложенный в итогах дискуссии по самоопределению и тактических соображениях, высказанных Центральным Комитетом РКП по отношению работы среди народов Востока, при правильном применении и проведении в жизнь может вполне обеспечить интересы киргизского народа как нации угнетенной.Ввиду вышесказанного я решил вступить в Российскую коммунистическую партию большевиков, чтобы помочь ей в деле осуществления ее программы вообще и, в частности, по восточному вопросу, почему прошу Комитет принять меня в число членов РКП.(б)

По сведениям ряда источников, в 1920 г. А. Букейханов призывал молодежь, подверженную идеям «Алаш» и не замеченную прежде в открытых выступлениях против советской власти, вступать в партию большевиков, войти в доверие новой власти и посредством этого служить национальным интересам. В условиях советской власти этот призыв лидера казахской интелегенции был своеобразным выходом из сложившейся ситуа-

ции. Десятки алашевцев, в их числе С. Садвакасов, Ы. Мустамбайулы, Ж. Султанбеков, Н. Нурмаков, вступив в ряды партии большевиков, участвуя в осуществлении верховной власти, тем самым приложили все усилия, чтобы советская власть в Казахстане приобрела национальное содержание.

Приступив в конце 20-х гг. XX в. к реализации сложных социально-экономических реформ в Казахстане, советская власть, расценив алашевскую элиту как противостоящую ей силу, с 1926–1927 гг. перешла к репрессиям по отношению к национальной интеллигенции.

4 апреля 1930 г. по решению ОГПУ более сорока деятелей Алаш-Орды, в том числе А. Байтурсынов, М. Дулатов были арестованыи заключены на различные сроки в тюрьмы и концлагеря, высланы. По приказу «тройки» ОГПУ 20 апреля 1932 г. М. Тынышпаев, Х. Досмухамедов и еще более двадцати представителей национальной интеллигенции были высланы сроком на 5 лет в Воронежскую область России. Прошедшие тиски ОГПУ М. Жумабаев, М. Ауэзов и А. Ермеков были вынуждены сделать заявление в официальных изданиях о том, что они отказываются от идеологии партии «Алаш». Ряд других деятелей «Алаш», среди них Ж. Аймауытов, Д. Адилов, А. Байдильдин, А. Юсупов, в результате судебных процессов были приговорены к расстрелу, другие погибли в тюрьмах и лагерях. Национальная элита, прошедшая сначала через судебные процессы 1930–1932 гг., затем подверглась репрессиям в 1937–1938 гг. в так называемые годы «великого террора» и по обвинению «в контрреволюционной деятельности» была уничтожена.

Выдвинутая движением Алаш программа развития казахского народа явилась альтернативой большевистской программе советского пути развития. Именно направления развития казахского народа, предложенные национальной элитой, были в тот исторический период наиболее оптимальными и приемлемыми и привели бы, на наш взгляд, к большим результатам с минимальными лишениями. Этот путь, учитывающий многовековой опыт развития казахского народа, его обычаи и традиции, дал бы казахскому народу право на самоуправление и решения своих внутренних общественных проблем, возможность быть хозяевами на своей исторической родине. К сожалению, по верному замечанию М. Шокая, базовая программа элиты Алаш, оказавшись меж двух течений русской демократии, левых и правых, не смогла им противостоять.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Козыбаев М.К.* Актуальные проблемы изучения отечественной истории // Казахстан на рубеже веков: Размышления и поиски. – В 2-х книгах. – Книга 1-я. – Алматы: Ғылым, 2000. – 420 с. (18).
2. *Козыбаев М.К.* Отечественная история XX века: Мифы и реальность; Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: Размышления и поиски. В 2-х книгах. – Книга первая. – Алматы: Ғылым, 2000. – 420 с.
3. *Волобуев В.П.* Вместо предисловия // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. – М., 1997. – 400 с.
4. *Маликов Ф.* Февральская буржуазно-демократическая революция в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 238 с.
5. *Козыбаев М.К.* Актуальные проблемы изучения отечественной истории; Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: Размышления и поиски. В 2-х книгах. – Книга первая. – Алматы: Ғылым, 2000. – 420 с. (18–32); *он же.* Историография Казахстана (XVIII-XX вв.) // Казахстан на рубеже веков: Размышления и поиски. В 2-х книгах. – Книга первая. – Алматы: Ғылым, 2000. – 420 с. (111-166); он же Тоталитарный социализм: реальность и последствия // Казахстан на рубеже веков: Размышления и поиски. В 2-х книгах. – Книга вторая. – Алматы: Ғылым, 2000. – 388 с. (4-30).
6. *Нурпеисов К.Н.* Советы Казахстана в борьбе за упрочение власти рабочих и крестьян. – Алма-Ата, 1968.
7. *Койгельдиев М.* Алаш козғалысы. – Алматы:Санат, 1995. – 368 с.
8. *Касымбаев Ж.К.* История города Семипалатинска (1718-1918 гг.). – Алматы: Өлке, 1998. – 276 с.
9. *Пахмурный П., Григорьев В.* Октябрь в Казахстане (из опыта партийного руководства борьбой масс за победу Октябрьской революции в Казахстане). – Алма-Ата: Казахстан, 1978. – 221 с.
10. Там же. – С. 41.

11. *Григорьев В.К., Букейханов А.* История Казахстана в лицах (Политические портреты). Вып. I. // Учебное пособие. – Акмола, 1999. – 128 с. (13–16); Григорьев В., Шапорев Ю. Фрагменты времени // О чем не говорили. – Алматы, 1999. – С.3–66.
12. *Кожахметов Г.З.* Государственная дума и народы степного края в 1905-1917 гг. – Караганда: Болашақ-Баспа, 1990. – 130 с.; *Панфилов А.В. Кульбай Тогусов* // История Казахстана в лицах. Вып. I. – С. 30–35; *Сагадиев К.* Ахмет Байтурсынов и экономические взгляды лидеров Алаш-Орды // Отан тарихы. – № 3. – 1998. – С. 29-34.
13. *Жиренчин К.А.* Политическое развитие Казахстана в XIX – начале XX веков. – Алматы: Жетi жарғы, 1996. – 396 с.
14. *Жоламанова А.А.* Институт комиссаров Временного правительства в Казахстане // Вопросы отечественной истории // Сб. науч. тр. молодых ученых и аспирантов. – Алматы, 1999. – 113 с. (76-82).
15. *Сеидзаде Д.Б.* Азербайджанские депутаты в Государственной думе России. – Баку, 1991.
16. *Фахрутдинов Р.Р.* Татарское либерально-демократическое движение в конце XIX – начале XX в.: идеология и политическая программа. – Казань, 1996.
17. *Аманжолова Д.* Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. – М, 1994. – С. 24.
18. *Исхаков Г.М.* Февральская революция и российские мусульмане // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция от новых источников к новому осмыслению. – Алматы, 1996. – С. 189–207.
19. *Хоскинг Д.* История Советского Союза 1917-1991 гг. // Пер. с англ. П. Куценкова. – М.: ВАРГИУС, 1992. – 510 с.; его же: Россия: народ и империя (1552-1917 гг.) // Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. – Смоленск: Русич, 2000. – 512 с.
20. *Хоскинг Д.* Россия: народ и империя (1552-1917 гг.) // Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. – Смоленск: Русич, 2000. – 512 с. (404).
21. *Каппелер А.* Россия – межнациональная империя. Возникновение. История. Распад // Пер. с нем. С. Червонная. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 344 с.
22. Там же. – С. 267 с.
23. *Розенберг У.Г.* Создание нового государства в 1917 г.: представления и действительность // Анатомия революции. – СПб, 1994. – С. 76-97; *его же:* Государственная администрация и

проблема управления в Февральской революции // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. – С. 119–130.
24. *Пайпс Р.* Русская революция. Часть первая. – М.: РОССПЭН, 1994. – 398 с.; *Верт Н.* История Советского государства. 1900-1991. – М.: Прогресс, 1992. – 480 с.; *Карр Э.* История Советской России. Кн. 1. – Том 1,2. Большевистская революция 1917-1923 гг. – М.: Прогресс, 1990. – 768 с.
25. *Абылгазина А.Е.* Демократизация государственной и общественно-политической жизни в Казахстане (февраль – октябрь 1917 г.): дис. канд. – Алматы, 1997; *Нурмамбетова Р.К.* Проблема Алаш и Алаш-Орды в казахстанской историографи 20–90-х годов: Автореф. дис. канд. – Алматы, 1999. – 28 с.
26. *Дулатов М.* Шығармалары: мақалалар мен зерттеулері – Алматы, 1997. – 344 б; *Байтурсынов А.* Шығармалары. – Алматы, 1994. – 384 б.
27. *Герасименко Г. А.* Трансформация власти в России в 1917 году // Отечественная история. – 1997. – № 1. – С. 60.
28. *Пайпс Ричард.* Русская революция. Часть первая. – М.: РОССПЭН, 1994. – 397 с. (327).
29. ГА РФ. -Ф. 1778. – Оп. 1. – Д. 163. – Л. 1, 2, 4, 7, 9; ГА РФ. – Ф. 1778. – Оп. 1. – Д. 177. – Л. 15, 20, 21, 30.
30. *Маликов Ф.* Февральская буржуазно-демократическая революция в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 238 с. (159, 161, 162); *Зиманов С.З.* В. И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане. – Алма-Ата, 1970. – С. 87.
31. ГАРФ. – Ф. 1778. – Оп. 1. – Д. 177. – Л. 3. 32. Там же. – Л. 29. – Д. 167. – Я. 10, 11.
35. ГА РФ. – Ф. 1778. – Оп. 1 . – Д. 177. – Л. 9.
36. *Исхаков С.М.* Февральская революция и российские мусульмане // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция от новых источников к новому осмыслению. – Алматы, 1996. – С. 193.
37. ГА РФ. – Ф. 1791. – Оп. 1. – Д. 723. – Л. 15, 16.
38. ЦГАРК. – Ф. 992. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 31.
39. Там же. – Л. 31–33.
40. Там же. – Л. 41.
41. ГА РФ. – Ф. 1788. – Оп. 2. – Д. 65. – Л. 484.
42. Там же. – Л. 484 об.
43. Там же. – Л. 494.
44. Там же. – Л. 488, 490.

45. ЦГА РК. – Ф. 18. – Оп. 1 . – Д. 23. – Л. 20 и об; ЦГА РК. – Ф. 992. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 1 и об.
46. ЦГАРК. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 1 об.
47. ГАРФ. – Ф. 1791. – Оп. 1. – Д. 723. – Л. 6.
48. ЦГАРК.-Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 4 об.
49. СУ. – 1917. – № 79. – Ст. 462.
50. *Валиди Т.З.* Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. – С. 125.
51. ГА РФ. – Ф. 1788. – Оп. 2. – Д. 178. – Л. 53 об.
52. Новейшая история Казахстана: сборник документов и материалов (1917–1939 гг.). – Т. 1. – Алматы: Санат, 1998. – 304 с. (13).
53. Там же. – С. 14, 15.
54. *Герасименко Г.А.* Трансформация власти в России в 1917 году // Отечественная история. – 1997. – № 1. – С. 63.
55. СУ. – 1917. – №246. – Ст. 1749.
56. ЦГАРК. – Ф. 992. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 10 об, 15,20.
57. Там же. – Л. 36 и об.
58. Там же. – Л. 43.
59. ГА РФ. – Ф. 1791. – Оп. 1. – Д. 723. – Л. 3; ГА РФ. – Ф. 1791. – Оп. 1. – Д. 675. – Л. 8.
60. ЦГА РК. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 4, 6, 11.
61. ЦГАРК. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 217.
62. ЦГА РК. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 4.
63. ЦГАРК. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 1.
64. ЦГА РК. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. И. – Л. 24.
65. ЦГАРК. – Ф. 992. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 7, 8.
66. ГА РФ. – Ф. 1788. – Оп. 2. – Д. 178. – Л. 71.
67. Там же. – Л. 71 об.
68. Там же. – Л. 26.
69. *Баранов Е.П.* Губернские комиссары Временного правительства // Вестник Московского университета. – Серия XII. Право. – № 5. – 1974. – С. 65; ГА РФ. – Ф. 1788. – Оп. 2. – Д. 5. – Л. 33.
70. *Баранов Е.П.* Губернские комиссары Временного правительства // Вестник Московского университета. – Серия XII. Право. – № 5. – 1974. – С. 65.
71. ГА РФ. – Ф. 1788. – Оп. 2. – Д. 19. – Л. 3.
72. Там же. – Л. 8.
73. *Ерошкин Н.П.* Дореволюционная история государственных учреждений России. – М., 1968. – С. 334, 335.

74. ГА РФ. – Ф. 1788. – Он. 2. – Д. 19. – Л. 8 об.
75. ГА РФ. – Ф. 1788. – Оп. 2. – Д. 14. – Л. 1; ГА РФ. – Ф. 1788. – Оп. 2. – Д. 19. – Л. 3 и об; ГА РФ. – Ф. 1788. – Оп. 2. – Д. 20. – Л. 7 и об, 8 и об.
76. ГА РФ. – Ф. 1788. – Оп. 2. – Д. 120. – Л. 26.
77. ЦГАРК. – Ф. 1414. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 190 и об.
78. ЦГА РК. – Ф. 15. – Оп. 2. – Д. 430. – Л. 6 об, 7.
79. ЦГА РК. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 13.
80. Там же. – Л. 13 об.
81. *Байтурсунов А*. Революция и киргизы // Революция в Средней Азии глазами мусульманских большевиков. Общество исследования Средней Азии. Оксфорд. – С.109.
82. Там же. – С. ИЗ.
83. *Байтурсунов А*. Революция и киргизы. – С. 113.
84. *Мартыненко Н.* Алаш Орда: Телеграмма из Минска Кар-Каркаралы Букейханову об организации киргизов и подготовке к учредительному собранию // Сб. документов. – Алма-Ата: Айкап, 1992. – С. 20.
85. Протокол Тургайского областного киргизского съезда в гор. Оренбурге 2–8 апреля 1917г. // Сб. документов. – Алаш-Орда. – С. 21.
86. Протокол Тургайского областного киргизского съезда. – С.21–21.
87. Протокол Тургайского областного киргизского съезда. – С.23.
88. Алаш-Орда. Сб. документов. – С. 25.
89. *Жиренчин К.А*. Политическое развитие Казахстана в XIX – начале XX веков. – С. 292.
90. Алаш-Орда. Сб. документов. – С. 27.
91. Там же. – С. 27, 30, 33.
92. ЦГАРК. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 439.
93. *Тулепбаев М.Б.* История национальных политических партий России // Материалы международной конференции. – М.: РОСПЭН, 1997. – С. 195.
94. ЦГА РК. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 51. – Л. 1.
95. Там же. – Л. 2.
96. Там же. – Л. 4.
97. Там же. – Л. 5,6.
98. Там же. – Л. 3.
99. Там же. – Л. 2.
100. Там же. – Л. 4.

101. Там же. – Л. 1.
102. Протокол заседания Уральского областного съезда киргиз от 21 апреля 1917 г. // Алаш-Орда. Сб. документов. – С. 37–38.
103. Алаш-Орда. – С. 42.
104. Там же. – С. 37.
105. Там же. – С. 39, 40.
106. ЦГА РК. – Ф. 15. – Оп. 2. – Д. 422. – Л. 43.
107. Там же. – Л. 43 об.
108. *Пайпс Р.* Русская революция. – Часть первая. – М., 1994. – С. 356.
109. *Живанов С.* Диалектика реформ и революции в преобразованиях 1917 г. // 1917 г. в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. – М., 1998. – С. 41.
110. ЦГА РК. – Ф. 15. – Оп. 2. – Д. 422. – Л. 44.
111. *Исхаков С.М.* Февральская революция и российские мусульмане. – С. 193.
112. ЦГА РК. – Ф. 15. – Оп. 2. – Д. 422. – Л. 44 об.
113. Там же. – Л. 44 об.
114. Там же. – Л. 44 об.
115. Там же. – Л. 44 об.
116. Там же. – Л. 46.
117. Там же. – Л. 45.
118. *Пайпс Р.* Русская революция. – С. 351.
119. ЦГА РК. – Ф. 15. – Оп. 2. – Д. 422. – Л. 45.
120. Там же. – Л. 45 об.
121. Там же. – Л. 45 об.
122. Там же. – Л. 46.
123. ЦГАРК. – Ф. 15. – Оп. 1. – Д. 422. – Л. 47 об.
124. Ислам и общество // Вопросы философии, 1993, № 12. – С. 14, 15.
125. *Букейханов.* Киргизы // Бөкейхан А. Тандамалы (избранное). – С. 76.
126. ЦГА РК. – Ф. 15. – Оп. 2. – Д. 422. – Л. 46 об, 47.
127. Там же. – Л. 47 об.
128. Алаш-Орда. Сб. документов. – С. 13.
129. *Бейсембиев К.* Идейно-политические течения в Казахстане конца XIX – начала XX века. – Алма-Ата: Наука, 1961. – С. 315.
130. *Тулепбаев М.Б.* Алаш. – С. 196.
131. Алаш-Орда. – С. 46.
132. Там же. – С. 52.
133. Там же. – С. 46, 47, 50.
134. Известия Всероссийского мусульманского Совета, 1917, 24 ноября.
135. Алаш-Орда. – С. 88, 91.
136. Там же. – С. 88.

137. *Тулепбаев М.Б.* Алаш. – С. 197.
138. *Исхаков С.М.* Первые шаги Совнаркома и российские мусульмане. – С. 217.
139. Там же. – С. 212.
140. Алаш-Орда. Сб. документов. – С. 68.
141. Там же. – С. 69.
142. Там же. – С. 70, 71.
143. Там же. – С. 71.
144. *Тулепбаев М.Б.* Алаш. – С. 198.
145. *Герасименко Г.А.* Земское самоуправление в России. – М., 1990. – С. 111.
146. *Кабытова Н.Н.* Февральская революция 1917 года в России и городские думы // История. – Самара: Самарский госуниверситет, 1998. – № 3. – 130с. (3).
147. ГА РФ. – Ф. 1788, – Оп. 6. – Д. 15. – Л. 1,2.
148. ГА РФ. – Ф. 1788. – Оп. 2. – Д. 138. – Л. 2, 5, 6.
149. ЦГА РК. – Ф. 434. – Оп. 1. – Д. 57. – Л. 85.
150. ЦГАРК. – Ф. 434. – Оп. 1. – Д. 57. – Л. 148.
151. Там же. – Л. 148 об.
152. СУ. – 1917. – № 95. – ст. 529.
153. ГА РФ. – Ф. 1788. – Оп. 2. – Д. 26. – Л. 28.
154. ЦГА РК. – Ф. 434. – Оп. 1. – Д. 57. – Л. 388.
155. ГА РФ. – Ф. 1788. – Оп. 2. – Д. 182. – Л. 6 об; ЦГА РК. – Ф. 992. – Оп. 1. – Д.4. – Л. 18, 19.
156. ЦГАРК. – Ф. 434. – Оп. 1. – Д. 57. – Л. 105.
157. ЦГА РК. – Ф. 434. – Оп. 1. – Д. 57. – Л. 229 об, 278.
158. Там же. – Л. 528.
159. ЦГА РК. – Ф. 434. – Оп. 1. – Д. 57. – Л. 528 об.
160. Там же. – Л. 529.
161. ЦГАРК. – Ф. 434. -Оп. 1. – Д. 57. – Л. 584.
162. Там же. – Л. 582.
163. Там же. – Л. 565.
164. Там же. – Л. 582 об.
165. СУ. – 1917. – № 97. – ст. 537.
166. ГА РФ. – Ф. 1788. – Оп. 2. – Д. 65. – Л. 485.
167. ГА РФ. – Ф. 1788. – Оп. 2. – Д. 20. – Л. 74, 75.
168. ЦГАРК. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 151. – Л. 1.
169. Там же. – Л. 1 об.
170. ГА РФ. – Ф. 1796. – Оп. 1. – Д. 50. – Л. 82, 199 и об.
171. *Ерошкин Н.П.* Дореволюционная история государственных учреждений России. – М., 1968. – С. 333.
172. ГА РФ. – Ф. 1788. – Оп. 2. – Д. 182. – Л. 6 об.
173. ЦГАРК. – Ф. 1398. – Оп. 1. – Д. 207. – Л. 1.

174. Там же. – Л. 1 об.
175. Там же. -Л. 2 об.
176. ЦГА РК. – Ф. 1398. – Оп. 1. – Д. 207. – Л. 3 об, 4.
177. ЦГАРК. – Ф. 1414. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 374 и об., 375.
178. *Тоган Заки Валидов.* Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру // Пер. с тур. – М., 1997. – 649 с. (105–106).
179. Там же. – С. 125.
180. ЦГАРК. – Ф. 1414. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 489.
181. ЦГАРК. – Ф. 1414. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 469 и об.
182. Там же. – Л. 481.
183. Там же. – Л. 398.
184. Там же. – Л. 389, 481 об.
185. Там же. -Л.08.
186. От верненского уезда по введению земства комитета // Семиреченские ведомости. – 1917. – 10 октября.
187. Семиреченские ведомости. -1917. – 10 октября.
188. ЦГА РК. – Ф. 992. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 9.
189. Там же. – Л. 11.
190. Там же. – Л. 26.
191. Там же. – Л. 34.
192. Там же. – Л. 36.
193. Там же. – Л. 34 об.
194. Там же. – Л. 37.
195. Там же. – Л. 38, 39.
196. Там же. – Л. 41.
197. Там же. – Л. 44.
198. Там же. – Л. 45.
199. ЦГАРК. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 31.
200. ЦГАРК. – Ф. 1441. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 2.
201. Там же. – Л. 105.
202. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭНБ 1997. – 376 с. (140); *Он же*: Русофобия: происхождение психоза // Феномен народофобии. XX век: Материалы конференции. – Казань: Казанский университет, 1994. – С. 16.
203. *Исхаков С.М.* Российские мусульмане в социальных и межнациональных отношениях 1917 года // Россия в XX веке: проблемы национальных отношений. – М.: Наука, 1999. – 451 с. (253).
204. *Кобузан В.* Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических

границ русского народа. – Санкт-Петербург, 1996. – 347 с. (282, 287).
205. *Асылбеков М.Х., Галиев А.Б.* Социально-демографические процессы в Казахстане. – Алма-Ата, 1989; Бекмаханов Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917г.). – М., 1991.
206. *Элен Каррер Д'Анкосс.* Расколотая империя. Национальный бунт в СССР // Пер. с франц. Н. Ставиская. – Лондон, 1982. – 381 с. (93).
207. ГА РФ. – Ф. 1778. – Оп. 1. – Д. 339. – Л. 95.
208. Первый свободный областной крестьянский и казачий съезд 1-9 июня 1017 г. в г. Семипалатинске. – Семипалатинск: Воля народа. – 20 июня 1917 г. – 11 с. (4).
209. ЦГА РК. – Ф. 992. – Оп. 1. – Д. И. – Л. 31.
210. Там же. – Л. 14.
211. ЦГА РК. – Ф. 15. – Оп. 2. – Д. 422. – Л. 75.
212. Там же. – Л. 75 об.
213. ЦГАРК. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 10 и об. 214.ЦГАРК. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д.23. – Л. И.
215. ГА РФ. – Ф. 1796. – Оп. 1. – Д. 50. – Л. 82.
216. ЦГАРК. – Ф. 1414. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 31 и об.
217. Там же. – С. 34.
218. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭНБ 1997. – 376 с. (135).
219. ЦГАРК. – Ф. 1414. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 85.
220. Там же. – Л. 118.
221. Там же. – Л. 118 об.
222. ЦГА РК. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 9 и об.
223. ЦГАРК. – Ф. 1414. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 85 об.
224. Там же. – Л. 87.
225. ЦГА РК. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 2 и об.
226. *Маликов Ф.* Февральская буржуазно-демократическая революция в Казахстане. – С. 190.
227. ГА РФ. – Ф. 1778. – Оп. 1. – Д. 339. – Л. 4.
228. Там же. – Л. 2, 7, 7 «а».
229. ЦГА РК. – Ф. 1414. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 88.
230. ЦГАРК. – Ф. 1414. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 88 об.
231. ЦГАРК. – Ф. 1414. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 89.
232. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭНБ 1997. – 376 с. (143-144).
233. ЦГА РК. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 2.

234. ЦГА РК. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 2 и об.
235. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭНБ 1997. – 376 с. (154).
236. ЦГА РК. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 368.
237. ЦГА РК. – Ф. 1414. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 12.
238. ЦГАРК. – Ф. 1414. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 1.
239. Там же. – Л. 5.
240. Там же. – Л. 24.
241. ЦГАРК. -- Ф. 1414. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 1.
242. Там же. – Л. 2 об.
243. Там же. – Л. 6 и об.
244. Там же. – Л. 10.
245. Там же. – Л. 115.
246. Там же. – Л. 115 об.
247. Там же. – Л. 33.
248. Там же. – Л. 50-51 и об.
249. История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). В 5-ти томах. – Том III. – Алма-Ата, 1979. – 544 с. (405).
250. *Маликов Ф.* Февральская буржуазно-демократическая революция в Казахстане. – С. 26.
251. История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). В 5-ти томах. – Том III. – Алма-Ата, 1979. – 544 с. (410, 411).
252. *Телицин В.Л.* Февральская революция и аграрный вопрос: теория и практика // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. – М., 1997. – 400 с. (168).
253. Там же. – Вестник Временного правительства. – 1917. – 21 марта.
254. *Кострикин В.И.* Земельные комитеты в 1917 году. – М., 1975. – 336 с. (103).
255. Об учреждении земельных комитетов // СУ. – 1917. – 3 мая. – № 98. – Ст. 543.
256. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭНБ 1997. – 376 с. (104).
257. ГА РФ. – Ф. 1796. – Он. 1. – Д. 138. – Л. 8.
258. ГА РФ. – Ф. 1796. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 1, 12.
259. ГА РФ. – Ф. 1796. – Оп. 1. – Д. 49. – Л. 87.
260. Там же. – Л. 88.
261. *Пешехонов А.В.* Национализация земли // Известия Омского коалиционного комитета. – 1917. – 3 июня.

262. ГА РФ. – Ф. 1796. – Оп. 1. – Д. 50. – Л. 1.
263. ГА РФ. – Ф. 1796. – Оп. 1. – Д. 50. – Л. 1 об.
264. Там же. – Л. 2.
265. ГА РФ. – Ф. 1796. – Оп. 1. – Д. 50. – Л. 3 и об.
266. ГА РФ. – Ф. 1796. – Оп. 1.– Д. 88.– Л. И.
267. *Ильич В.* Аграрные беспорядки // Омский вестник. – 1917. – 10 августа.
268. ГА РФ. – Ф. 1796. – Оп. 1. – Д. 71. – Л. 56, 57.
269. Там же. – Л. 65, 66.
270. Там же. – Л. 188.
271. ГА РФ. – Ф. 1796. – Оп. 1. – Д. 138. – Л. 12, 14, 21.
272. ЦГА РК. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 20 об.
273. Там же. – Л. 20 и об.
274. ЦГА РК. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 2.
275. ЦГАРК. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 5.
276. Там же. – Л. 5, 6.
277. Там же. – Л. 9.
278. ЦГА РК. – Ф. 1442. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 4.
279. ГА РФ. – Ф. 1796. – Оп. 1. – Д. 49. – Л. 49.
280. Там же. – Л. 48 об.
281. Там же. – Л. 50. 125
282. *Кострикин В.И.* Земельные комитеты в 1917 году. – М., 1975. – 336 с. (118).
283. ГА РФ. – Ф. 1796. – Он. 1. – Д. 88. – Л. 26.
284. ГА РФ. – Ф. 1796. – Оп. 1. – Д. 49. – Л. 54.
285. Там же. – Л. 54 об, 55 и об.
286. Там же. – Л. 56.
287. Там же. – Л. 64.
288. Там же. – Л. 64, 65.
289. ГА РФ. – Ф. 1796. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 31.
290. ГА РФ. – Ф. 1796. – Оп. 1. – Д. 49. – Л. 10.
291. Там же. – Л. 10 об, 11.
292. ГА РФ. – Ф. 1796. – Оп. 1. – Д. 138. – Л. 8; ГА РФ. – Ф. 1796. – Оп. 1. – Д. 49. – Л. 13.
293. ГА РФ. – Ф. 1796. – Оп. 1. – Д. 49. – Л. 14.
294. Там же. – Л. 15.
295. ЦГА РК. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 313, 315.
296. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭНБ 1997. – 376 с. (140-145, 150-156); Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. – М.: Наука, 1999. – 451 с. (232–235, 239–243).

297. СУ. – 1917. – 18 апреля. – № 85. – Ст. 487.
298. ГА РФ. – Ф. 1800. – Оп. 1. – Д. 160. – Л. 59.
299. Там же. – Л. 59 об.
300. Там же. – Л. 60.
301. ЦГАРК. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 1 об.
302. ГА РФ. – Ф. 1796. – Оп. 1. – Д. 50. – Л. 200.
303. Там же. – Л. 199 об.
304. ГА РФ. – Ф. 1783. – Оп. 3. – Д. 52. – Л. 15.
305. Там же. – Л. 17.
306. Там же. – Л. 15.
307. Первый свободный областной крестьянский и казачий съезд. – 1-9 июня 1917 г. в г. Семипалатинске. – Семипалатинск: Воля народа. – 20 июня 1917. – С. 10.
308. Там же. – Л. 11.
309. Там же. – Л. 7.
310. СУ. – 1917. – № 233, отдел первый. – Ст. 1617.
311. СУ. – 1917. 23 сентября. – № 233. – Ст. 1616.
312. ЦГАРК. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 11. – Л.5.
313. Там же. – Л. 6.
314. ЦГАРК. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 194.
315. Там же. – Л. 194 об, 195.
316. Там же. – Л. 194 об.
317. Там же. – Л. 195 об.
318. Там же. – Л. 200 об.
319. ЦГАРК. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 21 и об.
320. ЦГА РК. – Ф. 1414. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 101.
321. Там же. – Л. 105-107.
322. ЦГА РК. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 34. – Л. 31.
323. ЦГА РК. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 33. – Л. 96.
324. ЦГА РК. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 49.
325. ЦГА РК. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 76 и об.
326. ЦГА РК. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 41 и об.
327. Там же. – Л. 41 об.
328. ЦГА РК. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 65.
329. Там же. – Л. 65 об.
330. ГА РФ. – Ф. 1783. – Оп. 3. – Д. 9. – Л. 27, 65, 67, 69, 71, 91, 101, 103.
331. *Жиренчин К.А.* Политическое развитие Казахстана в XIX – начале XX веков. – Алматы: Жеті жарғы, 1996. – С. 315.
332. *Пушкарев С.* Самоуправление и свобода в России.Мюнхен, 1985, с. 135.; Еремина И.О. О тактике политических партий и

движений в период выборов в Учредительное собрание. *Поляков Ю.А*. Гражданская война: начало и эскалация //Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994, с .48
333. Қазақтан шыққан арамзалар // «Қазақ» газеті. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1998. – С. 425.
334. *Дулатов М.* Учредительное собрание // Қазақ газеті. – С. 412.
335. *Жиренчин К.А*. Политическое развитие Казахстана в XIX – начале XX веков. – Алматы: Жеті жарғы, 1996. – С.337.
336. *Марсеков Р.* Ответ на измену или недомыслие Юдина //Свободная речь, 1917. – 7 октября.
337. *Аманжолова Д.А*. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. – М., 1994. – С. 30.
338. *Чокаев М.* Национальное движение в Средней Азии // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. – С.429-430.
339. ЦГА РК. – Ф. 434. – Оп. 1. – Д. 57. – Л. 528, 540, 542.
340. ЦГА РК. – Ф. 434. – Оп. 1. – Л. 584, 584 об.
341. ЦГА РК. – Ф. 434. – Оп. 1. – Ф. 25. – Оп. 1. – Д. 431. – Л. 2, 3, 4.
342. ЦГА РК. – Ф. 1414. – Оп.1. – Д. 1. – Л. 546, 547, 548.
343. ЦГА РК. – Ф. 1398. – Оп. 1. – Д. 241. – Л. 18 об, 19.
344. ЦГА РК. – Ф. 1187. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 1, 3, 4, 5. ЦГА РК. – Ф. 1187.– Оп. 1. – Д. 13. – Л. 30 (Пересчет наш).
345. *Аманжолова Д.А*. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. – М., 1994. – С. 30.

СОДЕРЖАНИЕ

М.К. Койгелдиев, Б.О. Жангуттин, Б.А. Есеркемисова

**КАЗАХСТАН
В РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЯХ
1917 ГОДА**

Редактор **Г.Кудайбергенова**
Художник **Ш.Байкенова**
Техн. редактор **К. Мухамедин**

ИБ № 26

Подписано в печать 20.06.11. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «Таймс». Печ.л. 24,0. Усл.печ.л. 20,0.
Тираж 2000 экз. Заказ № 120.

Республика Казахстан. ТОО «Алаш» баспасы»,
050009, г.Алматы, проспект Абая, 143,
телефакс 394-42-92.
E-mail: nurlan.tu@mail.ru.

Верстка фирмы «Тамыр».
050009, г.Алматы, пр. Абая, 143, тел.: 394-42-95.

Отпечатано в ТОО «Типография оперативной печати».
050053. г. Алматы, ул. Красногорская, 71.

ISBN 9965-669-98-8

9 789965 669989